

ТАЙНЫЕ ВОЙНЫ: история и современность
Дмитрий Веденеев

УКРАИНСКИЙ ФРОНТ В ВОЙНАХ СПЕЦСЛУЖБ

Украинский институт военной истории

Дмитрий ВЕДЕНЕЕВ

УКРАИНСКИЙ ФРОНТ В ВОЙНАХ СПЕЦСЛУЖБ

Исторические очерки

Д.В. Веденеев

Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки – К.: «К.И.С.», 2008. – 432 с.

ISBN 978-966-7048-98-3

В сборник вошли написанные на основе документов Государственного архива Службы безопасности Украины и других архивохранилищ, широкого круга опубликованных источников научно-популярные очерки, посвященные роли специальных служб в отечественной и мировой истории, малоизвестным страницам национально-освободительного движения в Украине, повстанческим движениям народов мира. Хронологически очерки охватывают период с 1918 по 2008 год.

Д.В. Веденеев

Український фронт у війнах спецслужб: Історичні нариси. – К.: «К.І.С.», 2008. – 432 с.

До збірника увійшли написані на основі документів Державного архіву Служби безпеки України та інших архівосховищ, широкого кола опублікованих джерел науково-популярні нариси, присвячені ролі спеціальних служб у вітчизняній та світовій історії, маловідомим сторінкам національно-визвольного руху в Україні, повстанським рухам народів світу. Хронологічно нариси охоплюють період з 1918 до 2008 року.

УДК 355.34:94] [477] «1918-2008»

ISBN 978-966-7048-98-3

© Веденеев Д.В.

© Дизайн, макет, «К.И.С.», 2008

Раздел 1. «Кроты» украинской истории	5
Специальные службы его ясновельможности	5
Крепкий «Тютюн» для атамана	34
«Украинский фронт» советской разведки (1920–1940-е годы)	56
Связной от абвера	89
Бомба для полковника	97
Отец Яков – суперагент	105
Несостоявшийся зять Михаила Грушевского	109
Участник «военно-чекистского заговора»	119
Инквизиторы от НКВД	129
Контрразведчик-гуманист	143
Миротворец Лаврентий Берия	154
«Подстава» для украинских диссидентов	179
В борьбе с планетарным бедствием	188
Главный эскулап спецслужбы	198

Раздел 2. На тайных фронтах второй мировой	205
Приближая Великую Победу.	
Роль спецслужб в освобождении Украины	205
Дубина народной войны	225
Командир «Победителей»	234
Посмертная судьба спецагента «Пуха»	244
Роковой выстрел в генерала Ватутина.	
Свидетельствуют документы спецслужб	256
«Покушение века» или мистификация спецслужб?	264
«Бог диверсий»	271
Как потомок запорожцев императора арестовал	281
Дранг Нах Туркестан	291
«Люди-лягушки» III рейха	301
Возмездие без срока давности	320
Раздел 3. Тропами повстанческих войн	342
Процесс над непримиримыми	342
Война зла – «полюбишь» и третий рейх...	347
Националисты против интернационалиста	361
«Приговор привести в исполнение немедленно ...»	370
Пули для благочинного	373
Страшная месть	379
Охотник на Хрущева	390
Дело о пропавших геологах	395
Их называли «лесными братьями»	401
Иракский капкан	406
Приложение	424
Краткая библиография истории специальных служб в Украине	424

РАЗДЕЛ 1. «КРОТЫ» УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ ЕГО ЯСНОВЕЛЬМОЖНОСТИ

Из духовного наследия советской эпохи до нас дошла созданная официальной пропагандой превратная, насквозь мифологизированная картина периода «гражданской войны и иностранной интервенции против первого в мире государства рабочих и крестьян». Изрядно потрудились казенные баснописцы и над формированием уродливого имиджа национально-освободительного движения и суверенной государственности в Украине – тут и кровавые «петлюровские банды», и анархичные батьки на манер «пана-атамана Грициана Таврического» из «Свадьбы в Малиновке», желавшие весь мир порубать, и карикатурный гетман Скоропадский из «Дней Турбиных» (хотя фильмы и роман талантливые, что и говорить). Отметим, что в реальной истории негатива было в избытке, однако за его отображением утаивали правду о стремлении украинского народа к свободе и государственному строительству.

В последние годы отечественными учеными немало сделано для исследования силовых структур периода Украинской революции 1917–1921 годов. Но если о вооруженных силах, повстанческом движении этого периода достаточно известно, то 10–15 лет назад упоминание об украинской разведке и контрразведке даже в разговоре с эрудированным собеседником вызывало недоумение: «А что, и такие существовали?» Существовали, и внесли ощутимую лепту в «визвольні змагання». Воссозданием прошлого национальных спецслужб занялась научная школа историков Национальной академии Службы безопасности Украины под руководством тогдашнего ректора, профессора, доктора исторических наук Владимира Сидака.

В работах самого Владимира Степановича, исследователей Василия Быхова, Тамары Вронской, Анатолия Гуза, Валерия Козенюка, Светланы Лясковской, Владимира Окипнюка, Владимира Пилипчука, Петра Пидгайного, Владимира Тополенко, Александра Штоквиша и других коллег освещаются проблемы прошлого советских спецслужб (Всеукраинской ЧК, ГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ), разведки и контрразведки украинских государственных формирований 1917–1920 годов, Державного центра УНР в эмиграции, Закордонного отдела ЦК КП(б)У, спецподразделений в ОУН и УПА, процесс становления органов безопасности современной Украины, вопросы археографии спецслужб, истории оперативного искусства в целом, методологии ее изучения.

Тесные творческие контакты установились у исследователей с Отраслевым государственным архивом СБ Украины (руководством СБ Украины в 1998 году утверждена концепция исследовательской программы «Научно-практическое использование документального наследия спецслужб Украины»), Институтом истории Украины, Институтом политических и этнонациональных исследований НАН Украины. В Национальной академии Службы работает уникальный музей истории спецслужб Украины, создана научно-просветительская группа по изучению и пропаганде знаний о драматических страницах отечественной истории. Совсем недавно создана и рабочая группа историков по изучению и публикации документов украинского национально-освободительного движения, координатором которой является известный исследователь движения ОУН и УПА, советник Председателя СБ Украины Владимир Вятрович.

И по сей день у историков и публицистов, в среде украинской диаспоры бытуют неоднозначные оценки деятельности гетмана Павла Скоропадского (1873–1945), сущности созданной им авторитарной Украинской Державы. Мнения колеблются от откровенной апологетики гетманата, игнорирующей острые противоречия тогдашнего украинского общества и внутренней политики Его Ясновельможности (официальный титул Скоропадского), до явно нигилистического отношения к очевидным достижениям его администрации, конструктивному потенциалу государственного строительства. Необходимо учитывать, что история отвела гетманскому

режиму ограниченный срок – 29 апреля 1918 года Скоропадский пришел к власти в результате почти бескровного переворота (его поддержало заинтересованное в «сильной руке» австро-немецкое командование в Украине, однако, не забудем, высказался за гетманство и выборный Хлебоборбский конгресс), а 14 декабря того же года он подписал Грамоту об отречении и эмигрировал.

Действительно, гетман обладал большими полномочиями, являлся главнокомандующим армией и флотом, определял внешнеполитический курс. На встрече с представителями украинских партий он заявил: «Украину...может спасти только диктаторская власть, только волей одного человека можно установить у нас порядок...и провести демократические реформы, которые так необходимы для страны» (курсив наш. – Авт.).

Привнутренней нестабильности и в атмосфере подготовки новой агрессии со стороны Советской России, угрозы «неделимцев» Белого движения без действенной центральной власти отстоять независимость и вывести страну из кризиса было невозможно. Кстати, Скоропадский рассматривал свою миссию как временную, после стабилизации обстановки предполагалось созвать всенародный Сейм и определить дальнейшую модель развития Украины. В Украинской Державе свободно действовала многопартийность. Если уж быть справедливым, то пришедшая на смену гетманату митингово-демократическая УНР периода Директории (та, у которой «под вагоном территория») через полтора месяца потеряла Левобережную Украину и сдала Киев «красным», несмотря на то, что

*Гетман П. Скоропадский
и кайзер Вильгельм*

под ее знаменами поначалу воевало до 300 тыс. повстанцев, вынудивших Скоропадского капитулировать.

Как бы ни ломали копыя вокруг персоны Ясновельможного, нельзя отказать ему и соратникам в энергичном, целенаправленном государственном строительстве. Боевой генерал Первой мировой, гетман разворачивает программу усиления армии и флота, по содержанию очень напоминающую концепцию «обороны по всем азимутам» Шарля де Голля (заметим, что немцы, приглашенные от безысходности Центральной Радой и фактически контролировавшие Украину, всячески тормозили военное строительство гетмана). Учреждается институт «казацтва» — украинский средний класс крепких земледельцев, основа мобилизационного контингента. По закону от 24 июля 1918 года вводится всеобщая воинская обязанность. Формируются восемь территориальных армейских корпусов, мобильные кавалерийские соединения, части артиллерии, инженерных войск и авиации центрального подчинения. Мощный состав имел и флот Украинской Державы, способный господствовать на Черном море. Планировалось к осени открыть Военную академию и сеть военных учебных заведений.

Наблюдая за происходящим, В.Ульянов-Ленин с тревогой писал, что реализация устремлений Скоропадского похоронит надежды на советизацию Украины...

Поучительной стороной создания силовых структур была кадровая политика. В воспоминаниях гетман отмечал: «...Разница между мною и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию, у меня этой ненависти нет. Во всем этом гнете, который так резко был проявлен Россией по отношению ко всему украинскому народу, нельзя обвинять русский народ, это была система правления...» Он не был сторонником навязывания украинизации меньшинствам (при всем сделанном для подъема национальной культуры и науки!) и избрал курс на воспитание, по собственному определению, «государственно-территориального» патриотизма. Это позволило привлечь в разведку и контрразведку немало генштабистов, офицеров царской разведки, жандармерии, полиции, высококвалифицированных сотрудников наружного наблюдения — «филеров». Увы, немалая часть старого офицества, спасаясь на берегах Днепра

от «красного террора», объединялась в монархическое подполье, становясь реальной угрозой украинской государственности.

В июне 1918 года реорганизуется Генеральный штаб вооруженных сил. В составе его Первого генерал-квартирмейстерства создается «разведочный отдел» во главе с полковником Колосовским. Исходя из приоритетов внешней политики и безопасности, это подразделение делится на «части»: первая, под началом, штаб-офицера Матвиенко, призванная наладить разведку в Румынии, Болгарии и Турции; вторая, во главе со штаб-офицером Щербицким, — действовать в России, на Кавказе и в других постимперских регионах; третья — поддерживать связи со спецслужбами союзников Украины по Брестскому миру — Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Однако равноправного сотрудничества в области разведки с ними достичь не удалось...

Главными же направлениями разведки считалась Советская Россия (которая, несмотря на предварительный мирный договор, разворачивала ударную «Курскую группу войск», вела активную разведывательно-подрывную деятельность против гетманата) и Румыния (ее территориальные претензии создавали угрозу войны). Штаб отдела был невелик: 10 старших офицеров, 4 переводчика (обер-офицеры), 4 канцеляриста. На июнь-декабрь ему установили бюджет в 84 тыс. рублей «на тайную разведку» и 3 тыс. — на приобретение литературы и периодики «с разведывательной целью».

Документы, дошедшие до нас, свидетельствуют, что добывать информацию за кордоном планировалось через «специальных агентов со специальными поручениями» (кадровых разведчиков), «постоянных специальных агентов за кордоном» (агентура из числа иностранцев, разведчики-нелегалы). Не исключалась тайная покупка важнейших документов, в первую очередь — планов мобилизации. Предусматривалась тщательная конспирация в работе с закордонной агентурой, знать о которой могли лишь избранные сотрудники центрального аппарата разведки.

Как перспективное направление рассматривалась разведка с территории Украины, где, бежав от «военного коммунизма», оказались десятки тысяч представителей административной, промышленно-финансовой, военной, научной элиты империи. Интересно, что Скоропадский в прямом смысле выкупал у Ленина разрешение на их

переезд в Украину, и катились навстречу друг другу эшелоны с людьми и эшелоны с хлебом для диктатуры пролетариата.

Предусматривался сбор конфиденциальной информации с позиций разведотделов штабов приграничных корпусов, дивизий и бригад. Получили определенное развитие технические средства разведки. При Генштабе (улица Банковая, 11 в Киеве) радиопереговоры советских войск отслеживала станция перехвата, кадры радиоразведки готовила школа подготовки персонала станций перехвата в Николаеве. Три четверти нагрузки тогдашней авиации приходилось на разведку с воздуха — армия гетманата планировала иметь три авиаотряда центрального подчинения и по одному в каждом корпусе. Кроме того, ей же досталась от империи эскадра лучших в мире тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков «Илья Муромец», использовавшихся для дальней разведки. Отряд из 20 гидропланов-разведчиков Г-5 и Г-7 имел Черноморский флот.

Неслучайно украинские ВВС были объектом заинтересованности советской стороны. Как докладывало по агентурным данным 23 июля 1918 года руководство контрразведки гетманата, «с целью переманивания специалистов и техников военно-авиационного дела в красную армию и вывоза ценного авиационного имущества» в Украину прибыл Г.Каменев, эмиссар наркомвоенмора РСФСР Льва Троцкого. За Каменевым неотступно следовали филеры, зафиксировавшие его встречи в ресторациях и кафе Киева с офицерами авиачастей. От наметанного глаза «наружки» не укрылось, что угощая собеседников, эмиссар расплачивался из толстых пачек тысячерублевых банкнот. Негласный обыск в отеле выявил у «гостя» поддельное удостоверение служащего Первого авиаотряда и другие документы прикрытия. Визави Каменева также были взяты под наблюдение. При негласном обыске квартиры завербованного Каменевым офицера авиации А. фон Витте обнаружили две расписки в получении 800 рублей. Контрразведчики арестовали изменника, а вскоре за ним отправился в Лукьяновскую тюрьму и посланец Троцкого.

Удачное сочетание агентурной, полевой и технической разведки позволило гетманской военной разведке составлять содержательные сводки о дислокации и передвижении, вооружении, структуре, командном составе частей Красной армии.

Александр Сливинский

Военный аташат также получил развитие в рамках активной внешней политики Украинской Державы, решительно отстаивавшей национальные интересы. Военные атташе («военные агенты» по тогдашней терминологии) подчинялись закордонному отделу Генштаба. На этот участок предлагалось направлять лучших офицеров, предварительно прошедших службу в разведотделе. Уже 31 мая начальник Генштаба Александр Сливинский утвердил совершенно секретную инструкцию военным атташе в части разведработы. Они обязывались, согласно приложенной детальной схеме, добывать сведения об армиях и военно-промышленном потенциале стран пребывания, их готовности к войне, вплоть до состояния военно-научной мысли.

П.Скорпадский и австро-немецкие дипломаты

4 июля принимается закон «О назначении военно-морских агентов и введении должностей военно-морских агентов при посольствах Украинской Державы». Их текущей работой руководил закордонный отдел Морского Генштаба, обрабатывавший информацию о составе и вооружениях зарубежных ВМФ. Морские атташе аккредитуются в Германии (по совместительству в Скандинавских странах и Голландии), Австро-Венгрии, Румынии, Турции. Военно-морские дипломаты работали в составе делегаций на мирных переговорах с Румынией, завершившихся в пользу украинской стороны, на переговорах с правительством В.Ленина.

10 августа гетман подписал закон «О назначении военных агентов» в столицы Германии, Австро-Венгрии, Турции, Румынии, Швейцарии, а 10 ноября должности военных атташе непосредственно вводятся в штаты посольств Украины. Реально же атташе направились в Болгарию (генеральный значковой Борис Бобровский), Румынию (генерал-хорунжий генштаба Середин), Турцию (полковник генштаба Васильев), Швейцарию (генерал-хорунжий Лев Дроздовский), а союзнические Германия и Австрия принять их отказались.

Военные дипломаты принимали участие в переговорах со Всевеликим Войском Донским, завершившихся демаркацией границы, гарантией прав украинцев на Донщине и торговым соглашением. Работа военных дипломатов получила высокую оценку руководства Генштаба. Начальник Первого генерал-квартирмейстерства Дроздовский нацеливал военную разведку и аташат на более тесное взаимодействие. Предлагалось придать каждому атташе помощника для организации резидентур разведки с позиций дипломатических представительств, расширить сеть аташата на страны Западной Европы и Балкан.

Гетманат, конечно, не был ангелочком и вынашивал собственные геополитические планы усиления влияния за рубежом и территориальных приращений.

*Министр иностранных дел
Украинской Державы
Дмитрий Дорошенко*

Главным объектом закордонных спецопераций украинской разведки становится Кубань, где проживало до 2,5 млн. этнических украинцев — потомков запорожских казаков. По словам главы МИД Украинской Державы Дмитрия Дорошенко, гетманат рассматривал Кубань как часть украинской земли, которая рано или поздно войдет в его состав на правах автономии. В этом регионе интересы Скоропадского столкнулись с интересами «белой» Добровольческой армии, рассматривавшей Кубань как плацдарм наступления на самостоятельную Украину. Кубанское правительство, выступавшее за федерацию с Украиной, и гетман обменялись дипломатическими представительствами.

Из киевских арсеналов туда тайно пошли транспорты с тяжелым и стрелковым вооружением (одних винтовок — 21 тысяча, 8 орудий, пулеметы — не приходится сомневаться в тесном участии разведки в подготовке «оружейного моста» на Кубань!), боеприпасами на 6 млн. «старых» рублей. В Приазовье для высадки на Тамани сосредоточилось наиболее мощное соединение — Запорожская дивизия осетина генерал-хорунжего Александра Натиева.

Генерал-хорунжий Александр Натиев (в центре)

Нам посчастливилось отыскать в Центральном государственном историческом архиве во Львове документы о деятельности гетманской разведки на Кубани. Под прикрытием должности первого секретаря посольства в Екатеринодаре действовал резидент разведки К.Поливан, в декабре 1918-го подготовивший секретный отчет. Согласно этому документу резидентура собрала значительный материал об обстановке в крае, расстановке политических сил (представители посольства принимали участие в секретных совещаниях Кубанской краевой рады и правительства). Хорошая ориентация в расстановке местных политических сил позволила осуществлять акции политического и пропагандистского влияния, направленные на агитацию за союз с Украиной и углубление противоречий между кубанцами и Добровольческой армией. Была собрана и информация об экономическом ущербе, приносимом отдельными предпринимателями, по спекулятивным ценам торгующими северокавказской нефтью в Украине.

Активность К.Поливана не прошла незамеченной для деникинской контрразведки — его арестовали, однако, судя по поданному отчету, способному разведчику удалось вернуться на родину. Меньше повезло послу Украины при Кубанской Краевой Раде, полковнику Федору Боржинскому — по пути в Киев он был схвачен «белыми» на станции Волноваха и расстрелян «за измену России» в Юзовке (ныне Донецк). Кстати говоря, в 1910—1914 годах Федор Кондратьевич успешно занимался разведывательной работой в Монголии, Китае и на Дальнем Востоке, за что получил титул барона!

Дошли до современников и разработанные неизвестным украинским разведчиком, действовавшим под видом журналиста, предложения по совершенствованию разведывательно-подрывной деятельности на Кубани (декабрь 1918). Речь шла о создании долговременного разведывательного присутствия под прикрытием представительства украинских средств массовой информации. «Главное информационное бюро на Кубани» заводило бы в местечках и станицах региона свои филиалы, корреспондентскую сеть. Они, наряду с кооперативными организациями и «Просвитой», служили бы прикрытием для агентурной работы. Планировалось, что резидентура не только бы вела сбор информации, но и занималась воздействием на общественное сознание в пользу интеграции с Украиной. Со временем рекомен-

довалось перейти к формированию боевых групп для подготовки восстания против Деникина.

В составе аппарата управления существовал «Личный штаб Гетмана». В него входил и Особый отдел. Согласно «Положению об Особом отделе Штаба Гетмана» в его компетенцию входил сбор сведений об отношении к Его Ясновельможности различных общественно-политических сил, деятельности за границей политических партий и отдельных лиц, стремящихся к подрыву существующего строя и его внешнеполитических акций — то есть ему придавались функции политической разведки, а также выполнение особых поручений главы державы. Отделу предоставлялось право приобретения собственной агентуры.

Проект униформы офицеров Штаба гетмана П.Скоропадского

Униформа Штаба гетмана П.Скоропадского

Подразделение не могло пожаловаться на ограниченность полномочий. Его распоряжения являлись обязательными для органов внутренних дел, дипломатического и таможенного ведомств, и даже таможенной, железнодорожной, лесной и пограничной страж. «Чины дипломатического ведомства обязаны оказывать всяческое содействие Особому Отделу и беспрекословно принимать пакеты для отправки со своими курьерами как за границу, так и из-за границы, не вдаваясь, от кого таковые поступают». Делопроизводство и бюджет ОО являлись важной государственной тайной. В каждую из восьми губерний назначались представители отдела.

В штат информационного отделения входили должности 4 старших офицеров-аналитиков, 4 сотрудников по обработке украинской, российской, польской, немецкой, австрийской, английской, французской, еврейской прессы.

*Телохранитель
П.Скоропадского А. Зихидов*

...В 1948 году органы Министерства госбезопасности УССР получили указания по выявлению бывших сотрудников Департамента Державной варты МВД Украинской Державы гетмана Павла Скоропадского. Сохранились списки на 3000 чинов этой структуры – готовился очередной «фронт работ» по репрессированию врагов советской власти, а в архивных фондах Украины тщательно отбирались «компрометирующие материалы» о деятельности гетманских силовых структур.

Администрации «последнего гетмана» довелось действовать в крайне сложных внутренних условиях. Почти полумиллионный немецко-австрийский армейский контингент стал фактическим хозяином страны, призванным обеспечить поставки продовольствия в Германию, предусмотренные ее соглашением с Центральной Радой УНР от апреля 1918-го (60 млн. пудов хлеба, 3 млн. пудов сахара, другая сельхозпродукция). Оккупационные войсковые части и администрация добивались «кормления» фатерлянда самыми драконовскими способами: карательными экспедициями, расстрелами, виселицами, шомполами, принудительными реквизициями, откровенным грабежом селян.

В результате посевные площади сократились вдвое, а крестьянство ответило восстаниями. Ситуация усугублялась принятием администрацией Украинской Державы непопулярных законов (к примеру, о возобновлении помещичьего землевладения, об обязательном принудительном труде на земле). Силовые структуры гетмана вынуждены были совместно с немецко-австрийскими войсками подавлять недовольство, что окончательно отвратило от режима большую часть населения аграрной страны.

Именно в это время взошли звезды знаменитых повстанческих предводителей – Махно, Зеленого, Григорьева и других легендарных «батек». Назревало мощное антигетманское восстание, которое в ноябре 1918-го возглавила Директория – выборный орган национал-демократических партий социалистической ориентации. 14 декабря гетман отрекся от власти. К этому следует добавить острый социально-экономический кризис в промышленности, широкое стачечное движение, что значительно облегчало подрывную деятельность большевистского подполья. В ноябре формируется Временное рабоче-крестьянское правительство во главе с Г.Пятаковым. Увы, но падение гетманата, заложника произвола «стратегических партнеров», стало поучительным уроком потомкам – любые благие планы конструктивного государственного строительства потерпят крах при наличии катаклизмов в социально-экономической сфере...

Наряду с деструктивным воздействием социально-политических язв против гетманата велась целенаправленная подрывная деятельность, тон которой, на фоне подготовки прямой агрессии, задавала Советская Россия. В настоящий распадник антиукраинской деятельности превратилась ее делегация на *мирных переговорах* с Киевом во главе с будущим председателем Совнаркома советской Украины Христианом Раковским. На далеко не «дипломатические» цели северный сосед ассигновал 40 млн. рублей, а под видом посольских и консульских сотрудников в Украину прибыло до тысячи агитаторов, организаторов подпольной работы. Когда гетманские силовики произвели обыск в советском консульстве в Одессе, то обнаружили, что оно, по сути, было центром создания вооруженного подполья. Индустриальные регионы покрылись сетью подпольных организаций, имевших боевые группы. Руководители подпольных обкомов партии большевиков в августе 1918-го приняли решение о всеобщем вооруженном восстании...

Христиан Раковский

Борис Донской

Немалую опасность представляли левоэкстремистские организации социалистов-революционеров (эсеров) и анархистов, широко практиковавшие индивидуальный террор. II съезд российских левых эсеров (апрель 1918 года) принял решение о возобновлении «революционного интернационального террора» на постимперском пространстве, включая Украину, суверенитет которой эсеры отрицали. Создается «Боевая организация», куда вошел и кронштадский матрос Борис Донской.

30 июля, около 14 часов, когда командующий кайзеровскими войсками в Украине генерал-фельдмаршал Герман фон

Эйхгорн и его адъютант беседовали на углу улицы Екатерининской и Липского переулка в Киеве, Донской метнул в них снаряженный взрывчаткой термос. Оба немца получили смертельные ранения. Приговоренного к смерти Донского повесили на телефонном столбе на Лукьяновской площади при стечении народа. Палачом выступил уголовник-арестант Линник (7 апреля 1919-го советский трибунал приговорил его и надзирателя Боровчука к смертной казни). В 20-30-х годах имя Донского носил Липский переулок.

В Украине активно создавались монархические организации, опиравшиеся на десятки тысяч офицеров бывшей императорской армии. Они поддерживали контакты с командованием «белой» Добровольческой армии, накапливали оружие, создавали боевые организации, стремясь с выводом австро-немецких войск свергнуть гетмана и вернуть Украину в лоно «единой и неделимой», заставить «хохлов», говоря словами известного монархиста Василия

*Фельдмаршал
Герман фон Эйхгорн*

Шульгина, «на коленях просить прощения у монарха».

Страну потрясали диверсии вроде взрыва складов артиллерийских снарядов на Зверинце в Киеве, унесшего жизни 200 человек, 10 тыс. киевлян остались без крова.

Стоит ли говорить, что в сложившейся обстановке остро стояла задача создания правоохранительных органов, в том числе и контрразведывательного назначения.

В рамках масштабного реформирования аппарата государственного управления 18 мая 1918 года выходит постановление Совета Министров «Об изменении существующих законов о милиции и создании Державной варты». В структуре МВД гетманата создается

*Казнь террориста
Бориса Донского*

Монархист Василий Шульгин

Департамент Державной варты (ДДВ) с функциями противодействия криминальным преступлениям, контрразведывательной защиты существующего строя, поддержания безопасности на транспорте, обеспечения паспортного режима, во главе с П.Аккерманом. Создается система его территориальных органов в крупных городах, губерниях, уездах.

Подразделением ДДВ, непосредственно занимавшемся контрразведывательной работой, противодействием политическим преступлениям и

Взрыв артиллерийских складов на Зверинце в Киеве

ты (безопасность на транспорте, расследование крушений поездов).

ОО создавались при городских, губернских и уездных органах власти, подчиняясь в оперативно-служебном отношении лишь по ведомственной вертикали. При разработке штатов руководствовались опытом «прежних органов политического розыска». В спецподразделение в духе традиций царской жандармерии принимали «людей прежде всего преданных делу... с большим опытом, энергией и безукоризненными в нравственном отношении». Целью их служения объявлялось «обеспечение на территории Украинской Державы государственного порядка и общественной безопасности», причем «тяжелая и ответственная работа... нередко сопряжена с опасностью для жизни».

Ведущим инструментом этой работы государственной важности являлась «секретная агентура». О весомости ее свидетельствует, к примеру, то, что из 553 тыс. рублей общего годового бюджета ОО при Киевском губернском старосте на агентуру выделялось 180 тыс. (самая

другим особо опасным деянием, выступал Осведомительный отдел (ОО). Его формирование началось в июне 1918-го по распоряжению директора ДДВ Ю.Шкляревского, непосредственно этим занимался будущий начальник отдела Л.Пономарев (видимо, опытный профессионал — он же разработал и «особый шифр для сношений» по делам службы). Основными подразделениями ОО выступали специализированные делопроизводства, среди них — секретное (борьба с политическими преступлениями и шпионажем, предотвращение терактов, сбор сведений об обстановке в стране) и агентурное («наблюдение, осведомление и освещение слоев населения, укомплектование кадров осведомителей, агентов и наружного наблюдения»), а также железнодорожной вар-

крупная статья расходов), столичный же ОО получал на эти же цели 300 тыс. Считалось, что для «всестороннего политического освещения столицы» потребуется 100 агентов с месячным содержанием в 50 руб., в ведущих губернских центрах — по 60 негласных помощников. Предусматривались и средства на наем конспиративных квартир. Особое внимание уделялось сохранению в тайне личности негласных помощников. «В деле политического розыска, — наставлял оперативных работников П.Аккерман, — весьма важным является сохранение личности секретного сотрудника от возможного разоблачения... Нужно иметь в виду, что подлинная фамилия секретного сотрудника должна быть известна только лицу, которое руководит им...».

Полковник Ф.Ожеде-Ранкур, начальник Киевского района железнодорожной варты

Последствия взрывов на Зверинце

Для аккумуляции информации использовались архивы царской полиции и охранки, органов власти, пресса, применялась перлюстрация почтовых отправлений граждан. ОО тесно взаимодействовал с территориальными органами МВД, пограничными пунктами ДДВ, Отдельным особым корпусом пограничной охраны, немецкой тайной полицией.

Как и при «белом царе», важное место отводилось «наблюдательным агентам» («филерам», сотрудникам наружного наблюдения). На них приходилась вторая по значению статья расходов и дополнительные ассигнования на оперативный гардероб, командировки, «посещение ресторанов, пивных, кофеен», без чего нельзя было

обойтись при несении службы. В Киеве ОО имел по штату 80 филеров, губернские ОО 1-го разряда — по 30, 2-го разряда — по 40, Одесский ОО — 50. «Наружка» выступала неизменным участником всех важных оперативно-розыскных мероприятий, несмотря на постоянный некомплект кадров — до четверти сотрудников. При этом директор ДДВ неизменно отмечал дисциплинированность, выдержку, «служебный такт» сотрудников этого неблагодарного участка.

...17 ноября в Киевский ОО явился гражданин Иларион Иванча, доставивший показавшееся ему подозрительным письмо, принесенное его квартиранту — студенту Виктору Любарскому. В письме от «Шуры» к «Пете» шла речь о подготовке теракта и создании диверсионной группы для уничтожения мостов. Установленная на квартире засада задержала ряд пришедших лиц, включая невесту Любарского Двосю Турианскую, некоего Фридмана и рабочего-металлиста Александра Новикова. Обыск выявил планы Киева с условными обозначениями, разведывательные сводки о частях гетманской, немецкой армий, офицерских дружинах. У Теофила Фридмана на квартире нашли списки агентуры, мандат члена КП(б)У «Семена», командированного для агитации в Харьков и Донбасс. По результатам почерковедческой экспертизы Фридман был идентифицирован как член Киевского большевистского губернского комитета «Семен», Новиков — «Шура», Любарский подозревался как «Петр», один из участников разоблаченной контрразведчиками межрегиональной подпольной разведывательно-террористической группы. Допросы и оперативная разработка задержанных продолжились в Лукьяновской тюрьме, хотя злоумышленники наверняка скоро оказались на свободе с падением гетманата.

Контрразведчикам удалось выявить в Киеве, Житомире и Бердичеве участников организации, готовившей покушение на гетмана. В июне сотрудники столичного ОО задержали хорунжего 20-го Донского казачьего полка. В этом не было бы ничего необычного, не окажись «станичник» переодетой житомирской мещанкой Розой Высоцкой, известной среди товарищей-анархистов как Маруся Никифорова. На счету у этой дамочки были ограбление завода Эльворта и госбанка в Елисаветграде, принесшие в партийную кассу 400 тыс. рублей, органи-

*Ротмистр К. Бригер,
начальник Киевского
осведомительного отдела*

точную информацию о повстанцах.

В 3.30 пополудни 31 августа 1918 года на артиллерийских складах при заводе Яловикова в Одессе раздался колоссальной силы взрыв. Местность засыпало градом снарядов и крупнокалиберных боеприпасов к бомбометам. Масштабы катастрофы представить несложно — на складах находилось 5 тысяч вагонов боеприпасов! Расследованием ЧП занялись подразделения Осведомительного отдела. Рассматривалась версия о взрыве по техническим причинам, допрашивались свидетели из числа персонала складов во главе с их начальником, сутки просидевшие в яме, ожидая прекращения стального ливня. Эксперты пришли к выводу, что характер взрыва исключает действие заранее подложенного фугаса. Скорее всего, причиной стал поджог дымовых шашек, принимавшихся на склад.

Данные, поступившие от информаторов контрразведки, были уже «горячее». Выяснилось, что 27 августа члены

заяция ряда убийств, поджогов, налетов. Марусю передали следователю по особо важным делам.

Судя по документам, оперативным возможностям контрразведки до последних дней существования режима П. Скоропадского получали обширную информацию о настроениях в политических партиях, действиях оппозиционеров по подготовке антигетманского восстания, должностных преступлениях, передвижениях повстанцев. С началом восстания сотрудники столичного ОО создали орган военной разведки и контрразведки, неоднократно получая благодарности армейского командования за

*Участницы большевистского
подполья Киева
Сара Левина и Белла Черняк*

пробольшевистского Центрстачкома совместно с левыми эсерами обсуждали организацию диверсий на артскладах и терактов против представителей гетманской администрации. Прокламации с угрозами террора и диверсий неоднократно передавались австрийскому командованию (Одесса в 1918-м входила в австро-венгерскую зону оккупации). Кроме того, «по агентурным сведениям, среди отрядов австро-венгерских войск, расположенных в Одессе, ведется усиленная пропаганда членами партии левых социалистов-революционеров», направленная на деморализацию «нижних чинов», падение дисциплины, нейтралитет оккупантов в случае рабочего восстания. Отмечалось, что часовые-австрийцы пропустили к складам группу рабочих с криками «не тронь, мы ваши!».

Сопоставление фактов привело сотрудников спецслужбы к выводу: работы на складах производились вопреки инструкции после обеда в субботу, без соответствующего надзора и «с целью воспользоваться возможностью привести в исполнение преступный замысел».

Следует сказать, что контрразведка вовсе не ждала, пока клонет жареный петух. Оперативную информацию о враждебном подполье старались реализовать, но мешала откровенная халатность австрийцев. Когда списки установленных членов Центрстачкома передали генерал-губернатору фон Бельцу, царские чины ограничились проведением у них обыска, после чего переполошившиеся «товарищи» скрылись от арестов, и намеченная на 14 августа операция («общая ликвидация» подрывных элементов) провалилась. Более того, арестованный Держвартой активный подпольщик Стефан Вельбек, подозреваемый в причастности к подготовке диверсий, предъявил удостоверение... сотрудника охраны фон Бельца и был австрийской полицией освобожден.

Украинские контрразведчики осваивали и такое направление деятельности, как борьба с профессиональной уголовной преступностью. В авторитетах уголовного мира «Одессы-мамы» ходил бандит Мишка Япончик (Мойша Винницкий, один из прототипов бабелевского Бени Крика). Осужденный при царе к 10 годам тюрьмы, в 1917-м он оказался на воле благодаря наступлению «эры свободы». Сколотил организованную бандитскую группировку. Награбленные деньги вкладывал в дело, «отмывая» их через фиктивное посредни-

чество отца — малограмотного биндюжника Менделя. Последний числился владельцем шикарного дома, конных фаэтонов для проката, совладельцем «синематографа» с паем в 10 тыс. рублей (при собственном дневном заработке в 8 целковых). В целом «трудовые сбережения» семейного бизнеса превышали годовой бюджет одесского Осведомительного отдела.

Преступная деятельность Мишки достигла такого масштаба, что он стал «клиентом» Одесского контрразведывательного подразделения во главе с ротмистром фон Лангаммером. Начинается разработка Япончика через агентурные возможности, показавшие, что тот является «бандитом, главарем шайки разбойников и налетчиков». При обыске в доме Винницких изъяли 16 тыс. единиц российской и австрийской валют и столько же — в ценных бумагах. Обошлись с бандитом весьма либерально — предложили интернировать из Украины вместе с сожительницей Цирлей Аверман.

Кстати, чины Державной варты носили на погонах шифр «ДВ», переводимый шутниками как «дай взятку». Но, как видим, свой долг сотрудники спецслужбы выполняли принципиально.

Падение гетманата не позволило довести дело до конца. Впрочем, закончил Япончик все равно плохо. С приходом красных предложил им свои услуги в борьбе с «эксплуататорами». Советская власть, испытывавшая и тогда, и во времена ГУЛАГа загадочную симпатию к «социально близким» уголовникам, дала добро,

*Личный адъютант гетмана
Г. Зеленецкий*

и под его командованием оказался двухтысячный отряд из «братвы». Однако в бой Мишка особо не лез, зато грабил исправно. В конце концов «воинство» разбежалось в первом же столкновении с войсками УНР, а самого бандита «вывел в расход» местный чекист.

Наличие осведомленных оперативных источников дало возможность тем же одесским контрразведчикам в сентябре 1918 года арестовать активного фальшивомонетчика В. Шишло, у которого изъяли значительную сумму подделанных купюр национальной валюты.

Энергичные оперативно-розыскные мероприятия велись по бывшему комиссару финансов Кубанского советского правительства Даниилу Дунину. Буквально восприняв лозунг «Грабь награбленное!», он при отступлении красных из Екатеринодара (ныне – Краснодар) в апреле 1918-го вывез из фондов Госбанка золото и серебро в слитках и ювелирных изделиях, переправив их в Царицын (нынешний Волгоград), что «привело к расстройству финансов Края». Кубанская сторона обратилась к Киеву с просьбой принять в Украине оперативную группу для розыска грабителя, что и было сделано. Куратором розыска товарища комиссара выступал сам и.о. начальника ОО Державной варты Тышкевич. На киевской квартире Дунина произвели обыск, однако драгоценностей не обнаружили, хотя и оставили за ней негласное наблюдение. Зато агентура сообщила о возможном пребывании его в Крыму (полуостров тогда был автономен, там правила администрация царского генерала Сулькевича, татарина по национальности, который всячески саботировал политику гетмана). К сожалению, архивные документы не сообщают об исходе мероприятий, хотя вряд ли они увенчались успехом с учетом тогдашнего положения в стране.

Существовал и такой специфический спецорган, как Особый отдел штаба гетмана (далее – ООШГ). По сути, это была «личная спецслужба» главы державы. Помимо внутривнутриполитической разведки, на нее возлагались и достаточно широкие контрразведывательные и контрольные функции. В частности, юридическое отделение специализировалось на дознании и следствии. Особым чиновникам отдела предоставлялись права цензоров. Сотрудники ООШГ по распоряжению его начальника могли осуществлять аресты и обыски, руководствуясь действующим законодательством. Имели они и право на свою агентуру, для чего бюджет подразделения предусматривал статью на

«секретно-агентурные» потребности. Отдел тесно взаимодействовал с другими правоохранительными органами, проводил, чего скрывать, и совместные операции с немецкой тайной полицией против рабочих организаций-стачконов.

Штат отдела предусматривал должности двух офицеров – «заведующих внешним наблюдением». Им подчинялась группа сотрудников наружного наблюдения трех «разрядов»: высшего (15 человек), среднего (20) и младшего (15). Сотрудники «наружки» имели статус унтер-офицеров сверхсрочников и проходили специальную подготовку.

Отдел вел сбор информации о социально-политических процессах в стране, несущих угрозу существующему строю, вооруженных антиправительственных выступлений, крестьянском повстанческом движении. Однако острие работы направлялось на противодействие политическим преступлениям и контроль над деятельностью высоких чиновников. В этом не было ничего удивительного. Достаточно сказать, что лидеры оппозиционных социалистических партий вели переговоры с членом советской делегации Дмитрием Мануильским о совместных действиях против гетмана в доме заместителя министра финансов, социал-демократа В.Мазуренко, а в состав Главного оперативного штаба антигетманского восстания вошли начальник Охраны путей генерал А.Осецкий, ряд командиров частей и соединений.

Не брезговали контрразведчики Его Ясновельможности и сбором сведений о поведении членов правительственного кабинета, сообщив, к примеру, о заключении пятью министрами сговора о проведении совместной линии на заседаниях Совета Министров. В поле зрения агентуры попал даже митрополит Антоний, по-мирски «систематически ведущий тайную переписку» с министром торговли и промышленности Мерингом.

В «послужном списке» подразделения – раскрытие ряда попыток покушения на гетмана. Так, агентура отдела сообщила о состоявшемся ночью 15 сентября в «Кавказском погребке» на ул. Прорезной собрании 28 лиц, «на котором постановлено убить Ясновельможного Пана Гетмана». Назывались фамилии боевиков, убывавших в Германию для организации покушения на главу державы во время его официального визита к кайзеру.

Начальник охранных структур гетмана полковник Богданович

Среди мероприятий ООШГ можно назвать пресечение служебных злоупотреблений украинского эсера Тоцкого, ведавшего кадровой работой в МВД. Этот чиновник «старался всюду проводить людей одних с ним политических убеждений», препятствовал задержанию лиц, ведущих подрывную пропаганду, стремился поставить под свой контроль контрразведывательную работу пограничных пунктов на кордоне с Советской Россией.

О грамотности работы «карманной спецслужбы» свидетельствуют рекомендации ее начальника по обеспечению безопасности столицы (июль 1918-го). В них, исходя из оперативных данных, говорилось о прибытии в Киев советских агентов, «упакованных» крупными суммами на подрывную деятельность, неблагонадежных сограждан, для «свиданий с главарями антиправительственного движения», контактах политической оппозиции с советскими представителями. Как серьезная угроза рассматривались «представители преступного мира», «разного рода темные личности, аферисты... стремящиеся в столицу Украины для возможных грязных операций коммерческого характера...».

Предлагался комплекс мер – укрепление кадрового состава правоохранительных органов за счет «старых» специалистов («при самой строгой фильтрации»), ибо часть из них успела неплохо устроиться в частные структуры), перенесение переговоров с Москвой подальше от столицы, усиление пограничного контроля в поездах, режимности на телефонных узлах государственных учреждений, введение обязательной прописки в течение суток. Автора документа, оперативного работника еще царской закалки, искренне возмущала «полная рас-

пушенность дворников и швейцаров, которые полностью вышли из повиновения... и не считают своей обязанностью оказывать содействие... по надзору за жильцами дома». «Распустившихся» он требовал подчинить Державной варте.

ООШГ проводил оперативно-следственные мероприятия по розыску лиц, принимавших активное участие в расстрелах и грабежах периода советской оккупации Киева (9 февраля – 2 марта). Тогда, как известно, главным инициатором вакханалии террора выступал сам командующий красноармейцами, патологически жестокий эсер Муравьев (бывший царский подполковник), издававший приказы об истреблении «контры». В те дни, по разным оценкам, погибло от 3 до 10 тыс. граждан, а немецкие данные свидетельствовали о 2,5 тыс. одних только убитых офицеров. Лишь в Никольско-Слободском районе Киева контрразведчикам удалось выявить 38 активных участников «красного террора» (под прикрытием которого зачастую действовали и обычные уголовники).

Выдающийся английский историк Арнольд Тойнби как-то написал захватывающее эссе «Если бы Александр не умер тогда...» – размышления о вероятном развитии мировой истории в случае, проживи Александр Македонский вдвое дольше – 67 лет. Позволим себе и мы высказать предположение: если бы гетману удалось довести до конца проект реформирования вооруженных сил и создания сильных спецслужб, то история Восточной Европы могла пойти иным путем.

Эффективные спецслужбы позволили бы пресечь подрывную деятельность просоветского подполья и других левозэкстремистских организаций. Под воздействием профилактических бесед опытных оперработников ООГШ лидеры оппозиционных партий украинских социалистов-революционеров и социал-демократов (репрессий к ним в реальной истории предпринято не было) вынуждены были бы свернуть деятельность по созданию ор-

Владимир Винниченко

*Симон Петлюра
в эмиграции*

ганов подготовки антигетманского восстания — Украинского Национального Союза (УНС), а затем и Директории. Владимир Винниченко, скорее всего, воспользовался бы возможностью привычно эмигрировать в Швейцарию. Более воинственный Симон Петлюра уходит в глубокую конспирацию. Арестован ряд генералов и офицеров, прикнувших к заговорщикам. Гвардейская Сердюкская дивизия, укомплектованная сыновьями зажиточных «вольных казаков», участников Первой мировой, блокирует и разоружает мятежные части.

Рассуждали даже распад Австро-Венгрии в октябре и ноябрьская революция в Германии

избавляют гетманат от кабальных обязательств Брестского «хлебного мира» (как его величали в Германии) и позорной необходимости воевать с собственным крестьянством плечом к плечу с «зольдатами» кайзера ради ограбления украинского села. Спадает волна мощных крестьянских восстаний, оставляя лишь очаги маргинальных групп типа братвы «раннего» Нестора Махно, нередко ходившего в налеты на усадьбы в женской одежде.

Удалось преодолеть противодействие национал-демократов оказанию военной помощи Западноукраинской Народной Республике в боях с поляками за Львов (сечевые стрельцы Евгения Коновальца требовались УНС как ударная сила антигетманского восстания). Гетман перебросил в Галичину из-под Киева Корпус сечевых стрельцов, опытных фронтовиков. Легионеры Пилсудского отражены, украинская власть утверждается во Львове и провинции.

Видя решительную позицию Киева, Румыния не решается на оккупацию Северной Буковины. 22 января 1919 года на Софиевском майдане парад победителей предваряет подписание гетманом и главой ЗУНР Евгением Петрушевичем Акта Соборности украинских земель. Со временем, по совету дальновидного министра Д.Дорошенко, Скоропадский принимает меры к нормализации отношений с Варшавой, указывая на наличие общего традиционного противника — Германии. В апреле 1920-го

подписывается Варшавский договор (но не тот реальный, подписанный С.Петлюрой, с отказом от 162 тыс. кв.км украинских земель) о границе и союзе против экспансии Советской России.

Стремясь обеспечить плацдарм для экспорта революции в Европу и захватить ресурсы Украины (тезисы из публичных выступлений Л.Троцкого), добить гетманскую «контру», в начале 1919-го почти 80-тысячная Курская группа нарушает «нейтральную зону» и начинает агрессию. Обновленная армия Украинской Державы, снабженная достоверной информацией об основном противнике и усиленная освобожденными соединениями с румынской границы, отбрасывает противника. Грамота гетмана о федерации с будущей некоммунистической Россией (была подписана 14 ноября 1918-го) дает возможность маневрировать в отношениях с белогвардейцами, рвущимися «вновь увидеть коронованье, спеть у Кремля Алла-верды». Это помогает «белой» кавалерии ринуться через брешь на Юге на Москву, которую защищают отборные части «интернационалистов».

Провозглашение Акта Злуки УНР и ЗУНР 22 января 1919 года

Евгений Петрушевич

Руководство Кубани, не без деликатной помощи гетманской разведки, принимает радикальное решение о стратегическом союзе с Украиной. Информация украинских спецслужб помогает предотвратить убийство украинофила Леонида Быча – председателя Краевой Рады (увы, он стал жертвой белогвардейской контрразведки). Попытка Деникина подавить «сепаратистов» вызывает мощное восстание – такое впечатление, что кубанцы действуют по заранее подготовленной схеме... Дивизия Натиева совершает бросок на Екатеринодар, черноморское

побережье блокировано линкорами и 22 субмаринами гетманской «Флоты». Союзные Кубанская Народная Республика и Всевеликое Войско Донское становятся буфером от агрессивных устремлений с востока и выгодными экономическими партнерами.

Превращение Украины в реальную силу в борьбе с большевизмом вынуждает хозяина послевоенной Европы Антанту пересмотреть негативное отношение к «прогерманской» Украине и увидеть в ней, наряду с Польшей, опору «санитарного кордона» против большевизма. Версальская конференция соглашается с вхождением Западной Украины в состав единой национальной державы, Клемансо и Вильсон дают указание зависимым финансово и от поставок оружия «белым» оставить гетманат в покое. Нефтяные ресурсы Галичины становятся статьей валютных поступлений, укрепления мощи армии и секретных фондов разведки... Правда, приходится мириться с оккупацией Закарпатья Чехословакией, однако разведывательный отдел Львовского армейского корпуса получает задачу создания оперативных позиций в русинском движении «Червонной Руси»...

Определенная стабилизация позволяет создать представительский Сейм. Законодательно закрепляется демократическое устройство, многопартийность, плюрализм форм собственности. Принимается либеральное рабочее законодательство, приведшее, наряду с оперативными ударами по большевистскому подполью, к спаду стачечного движения. Учитывая продолжающуюся на постимперском про-

странстве войну, непростую экономическую ситуацию и экстремистские проявления анархистов и эсеров, Сейм принимает решение об учреждении института президентства со значительными полномочиями, избрании на этот пост гражданина Павла Скоропадского (укрепившего свою администрацию способными сотрудниками, аналитиками, прошедшую школу спецслужб)...

Конечно же, это лишь рассуждения о возможной альтернативе. Хотя в те же годы, когда Украина потеряла независимость, свою свободу отстаивали Финляндия и крошечные государства Балтии, было и «чудо на Висле», рожденное общенациональным подъемом поляков. Но драматическая судьба Украинской государственности лишней раз подтвердила необходимость иметь мощные вооруженные силы и квалифицированные спецслужбы.

КРЕПКИЙ «ТЮТЮН» ДЛЯ АТАМАНА

В историю советских спецслужб вошли классические оперативные игры 1920-х годов «Трест» и «Синдикат», ведшиеся ВЧК-ОГПУ с закордонными центрами политической эмиграции и спецслужбами ряда зарубежных государств. Их замысел состоял в мастерской имитации существования в СССР «подпольных антисоветских организаций», желавших установить связь с зарубежными единомышленниками. На удочку чекистов попались опытейший конспиратор и боевик Борис Савинков, хитроумный английский разведчик, уроженец Одессы Сидней Рейли... Однако мало кому известно, что эти операции имели и своего «украинского собрата» — игру «Тютюн» по выводу из-за границы генерал-хорунжего Армии Украинской Народной Республики (УНР), организатора антибольшевистского повстанческого движения в Украине и шефа Партизанско-повстанческого штаба Юрия Тютюнника...

... В 1923 году Юрий Тютюнник наконец-то смог «отдохнуть» от ратных дел и предаться воспоминаниям о своем насыщенном событиями жизненном пути. Правда, делать это пришлось не в самых приятных условиях — в камере республиканского Государственного политического управления (ГПУ) в Харькове. Находясь под следствием, атаман получил возможность написать «на досуге» автобиографию, в основу которой легли вопросы, поставленные высокому пленнику самим председателем ГПУ УССР Всеволодом Балицким (переведенная на русский язык, она сохранилась в Государственном архиве Службы безопасности Украины).

Атаман Юрий Тютюнник

...Будущий лидер повстанцев родился 20 апреля (ст.ст.) 1891 года в селе Будищах Звенигородского уезда на Киевщине в семье детей крепостных крестьян Марии и Иосифа Тютюнников. Многолетняя семья едва сводила концы с концами, «наука» ограничилась для Юрка одноклассным сельским училищем. Правда, жадно читал, благо старший брат Иван, выбившийся в управители имения графа

Шувалова, привез две огромные корзины книг, выписал младшеньким популярные журналы.

Автобиография дает исчерпывающее представление о становлении личности и убеждений борца за независимость Украины. Первый опыт «классовых битв» Юрий получил в мае 1902 года. Юг империи сотрясали крестьянские волнения, и в дом Тютюнников нагрянули с обыском жандармы, избили отца, брата Макария, бросив их в Уманскую тюрьму. Впоследствии выяснилось, что братья Иван и Макарий распространяли листовки эсеров. Отец болел, и Юрий стал основным работником в семье. События революции 1905 года, пример Макария, примкнувшего в армии к революционному движению, сформировали его политические убеждения и национальное самосознание. Как писал сам Ю.Тютюнник, ненавистная власть была для него «русской», львиная доля земель в Украине принадлежала «людям чужой национальности», «рос я в местности, где из рода в род передавались традиции казацкой борьбы против панов за Украину».

В 1913 году он попадает в 6-й Сибирский полк, стоявший вдали от «неньки-Украины» во Владивостоке. Казарменная муштра «увеличила мою ненависть к угнетателям и любовь к своему родному, украинскому». Тогда же примкнул к революционному движению.

Во «Второй Отечественной войне», как поначалу называли в России Первую мировую, Тютюнник получил тяжелое ранение в голову под Лодзью (октябрь 1914-го). После излечения закончил школу прапорщиков в грузинском Гори, опять воевал в родном полку, однако новое ранение и болезнь легких привели в конце концов в 32-й запасной полк в Симферополе. Тут и услышал от солдат ротный командир: «Господин поручик! Царя уже нет, сквозь революция...» Офицер-патриот сразу же включился в процесс украинизации воинских частей, был избран в Украинскую Центральную Раду (парламент) и занимался организацией движения «вольных казаков» — своего рода народной гвардии, подконтрольной Раде.

Во время Второй украинско-советской войны 1919-1920 годов Тютюнник стал начальником штаба атамана Николая Григорьева, поднявшего восстание против советской власти в мае 1919-го и захватившего огромную территорию южной и центральной Украины, включая индустриальные центры региона. Позднее Григорьев разочаровался в

Симон Петлюра (в центре)

оттолкнувшей крестьянство социально-экономической политике Директории УНР и повернул оружие против нее. Юрий Тютюнник же избавился от настроений повстанческой вольницы, выступив совместно со знаменитым атаманом Зеленым (Терпило) с заявлением: «Мы отказываемся от наших первых повстанческих лозунгов и будем впредь бороться со всеми врагами нашей государственности и нашей социальной и экономической независимости». Тютюнник перешел в регулярную Армию УНР, бился с Красной армией и как командир группировки из трех дивизий отличился при взятии важного железнодорожного узла Жмеринки. Деникинцы отступали при одном упоминании о подходе его отрядов.

Премьер-министр Украинской Народной Республики Исаак Мазепа так описывал в мемуарах военачальника: «Невысокого роста, крепко скроенный, хоть в целом и неприметный, с голубыми глазами, красный лицом и с энергичным подбородком, он привлекал своей непосредственностью и искренним увлечением нашим освободительным делом. Это был молодой человек (лет около 30), но с

Юзеф Пилсудский

сильной волей и немалым организационным талантом. Припоминаю, что когда он прибыл летом 1919 года, ... то в короткий срок сформировал Киевскую группу, установив в ней образцовую дисциплину.. Быстро вылечился от большевистских иллюзий и стал целиком реально смотреть на тогдашние революционные события в Украине».

В советско-польской войне 1920 года, в которой УНР выступила на стороне Юзефа Пилсудского, Ю.Тютюнник командовал наиболее боеспособной 4-й Киевской стрелковой дивизией, получил звание генерал-хорунжего. После поражения в боях с красными в ноябре 1920-го госаппарат и части Армии УНР были интернированы в Польшу. В Тарнове создается Державный центр УНР в эмиграции (ДЦ УНР) во главе с Симоном Петлюрой, старавшийся поддерживать боеспособность своих войск и с помощью Польши поднять всеобщее антикоммунистическое восстание в Украине.

Политика «военного коммунизма» времен Гражданской войны насаждалась драконовскими методами. «Красный террор», шокирующе описанный в одноименной книге Сергея Мельгунова, проводился, как и требовал сын учителя Владимир Ульянов-Ленин, «энергично и массовидно». «Буржуев» не просто уничтожали, а проявляли поистине сатанинскую изощренность в пытках, секретами которых щедро делились китайские «товарищи» (к 1917 году в России в силу различных причин сосредоточилось до 5 млн. иностранцев).

Село стонало от продрозверстки, для подавления крестьянского протеста коммунистическая власть практиковала инициированные Яковом Свердловым и народным комиссаром военных и морских дел Львом Троцким «раскрестьянивание» и «расказачивание». Свиристествовали отряды «интернационалистов», слетевшиеся на «огонек» Великой смуты — их насчитывалось до 350 тысяч, уничтожались заложники, села равняли с землей артиллерией.

Чрезвычайные меры продолжались и при переходе к «новой экономической политике». Так, по постановлению Совнаркома УССР

*Атаман Орлик
(Федор Артеменко)*

от 19 апреля 1921-года при вооруженных отрядах, боровшихся с повстанчеством, вводились «революционные тройки» с правами революционных трибуналов, их деятельность не регламентировалась никакими нормами права, а решения выполнялись безоговорочно. Тогда же глава украинского советского правительства Христиан Раковский подписал инструкцию о репрессиях против населения, поддерживающего повстанцев, предусматривавшей и расстрелы заложников.

О наболевшем ярко высказался повстанческий сотник Гальчевский («Орел»):

«У каждого из нас расстрелян кто-нибудь из родных, близких. Семья без пристанища, хозяйство разрушено... У меня есть казак... за его повстанческую деятельность большевики в августе 21 года застрелили его брата Давида. В этом же году поймали сестру Оляну, пытали ее, насиловали. Живой засыпали в яму, которую она сама себе выкопала... В прошлом году Гриця Антонюка, спрашивая за сыновей, мучили: отрезали уши, нос, выкололи глаза, по суставам разобрали руки, отрезали губы, язык вырезали и саблей в горло закололи, вывезли за село и затоптали в болото... Таких случаев миллионы. У каждого из нас накипело на душе...»

Лихолетье 1917–1922 годов сократило население бывшей Российской империи на 13–15 миллионов душ, из которых лишь два миллиона жертв пришлось на собственно боевые потери, примерно столько же человек эмигрировало. Стоит ли удивляться, что российское и украинское крестьянство ответило мощными восстаниями и свирепым террором против обидчиков, не прекратившимися и после окончания основных военных событий.

«Дикая ярость, невиданные изуверство и жестокость, — пишет современный российский исследователь К.Лагунов, — вот что отличало 1921 крестьянские восстания 1921 года... Коммунистов не расстреливали, а распиливали пополам пилами или обливали холодной водой и замораживали. А еще разбивали дубинами черепа; заживо сжигали; вспарывали животы, запихивая в брюшную полость зерно и мякину;

тащили за лошадьми; пронзали кольями, вилами, раскаленными пиками; разбивали молотками половые органы; топили в прорубях и колодцах. Трудно представить и описать все те нечеловеческие муки и пытки, через которые на пути к смерти прошли коммунисты и все те, кто хоть как-то проявил благожелательное отношение к Советской власти». В данном случае описаны эксцессы Тобольского восстания 1921 года, на несколько месяцев отрезавшего Западную Сибирь от европейской части России. С содроганием вспоминали очевидцы и восстание Антонова на Тамбовщине, не церемонились с противниками и украинские повстанцы, и повстанцы Средней Азии, огульно именовавшиеся басмачами — то есть налетчиками, грабителями.

К началу 1921-го только на Киевщине действовало до 100 повстанческих отрядов, ориентированных на восстановление Украинской Народной Республики. Продолжала борьбу и 30-тысячная армия анархиста Нестора Махно. Антикоммунистическим движением сопротивления были охвачены Подолье, восточная Волынь, Полтавщина, южные районы Украины и Донбасс. Отдельные формирования насчитывали до 3–6 тысяч штыков и сабель, при орудиях и десятках пулеметов, а общая численность организованных повстанцев достигала к весне 1921 года 40 тыс. бойцов. По официальным данным, только в 1921 году ликвидировали до 30 тыс. повстанцев, а общая их численность к ноябрю сократилась до 4–5 тысяч.

В ряде районов советская власть фактически отсутствовала, десятки местечек время от времени переходили под контроль восставших, нарушавших линии связи, железнодорожное сообщение, захватывавших десятки пароходов на Днепре. Печальной реальностью стали и погромы еврейских местечек.

Кстати, хотя советская пропаганда и живописала повстанчество как «кулацкий бандитизм», чекисты-современники высказывались реалистичнее: «Часто наблюдаем, — докладывал Черкасский отдел ГПУ, — что среди задержанных нет ни одной материально обеспеченной особы (ни одного сына кулака)».

*Атаман Холодного Яра
Василий Чучупака*

Возникали и руководящие органы повстанчества. В марте 1921-го создается Всеукраинский центральный повстанческий комитет (Центрповстанком), развернувший свои губернские, уездные, городские и сельские комитеты. Однако уже в июле главные структуры Центрповстанкома, его Киевский и Екатеринославский комитеты были разгромлены Всеукраинской ЧК (ВУЧК), арестовавшей несколько сотен подпольщиков. На смену пришла созданная в августе «Казацкая рада», стремившаяся руководить сопротивлением в Киевской, Волынской, Подольской, Николаевской и Одесской губерниях. Рада установила контакты с рядом повстанческих формирований и подпольной «УНРовской контрразведкой» в Киеве. Последнюю организовали полковник царского Генштаба Виктор Алексеев и посланец закордонного центра УНР Николай Афанасьев (разведчики даже добыли и переправили за границу мобилизационный план УСРР!). Обе организации ликвидировала ВУЧК 3 марта 1922 года, к суду привлекли 245 человек, расстреляв активных участников подполья.

Особое внимание подпольщики уделили насаждению агентурной сети в органах советской власти и частях РККА. Так, подпольная «Военная организация сечевых стрельцов» появилась в Киевской Школе червонных старшин (командиров), нелегальная группа – в 402-м стрелковом полку. Ядро заговорщиков составляли командиры, перешедшие на свою беду (практически все они позднее были репрессированы) в РККА из Червонной украинской галицкой армии (осколок бывшей Украинской Галицкой армии).

Силы противоборствующих сторон были явно неравными. Летом 1921 года в Украине дислоцировалось 14 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии РККА, отдельная пограничная дивизия Особого отдела Киевского военного округа, части органов внутренних дел и ВУЧК, 23 бронепоезда. Численность аппарата ВУЧК достигла 22 тыс. сотрудников. Всего же в распоряжении «Постоянного совещания по борьбе с бандитизмом», куда вошел и коман-

*Атаман
Юлиан Мордалевич*

дующий вооруженными силами Украины и Крыма, разработчик эффективной антипартизанской стратегии Михаил Фрунзе, находилось до миллиона штыков и сабель! Однако, несмотря на огромный военно-чекистский контингент, сосредоточенный в мятежной республике, властям не удавалось подавить то, что официально именовалось «политическим бандитизмом». Из полесских пущ и труднодоступных яров лесостепи лихие атаманы совершали налеты на госучреждения, громили небольшие гарнизоны, железнодорожные станции, сахарные заводы.

В этих условиях повстанцы нуждались в квалифицированном военном руководстве и поддержке извне. Таким координирующим центром стал Партизанско-повстанческий штаб (ППШ), созданный в январе 1921 года при Главном командовании войск УНР в эмиграции. Во главе штаба стал генерал-хорунжий Юрий Тютюнник.

Документальное наследие ППШ автору удалось изучить в архиве Библиотеки Народовой в Варшаве, куда его вывезли немцы при отступлении в 1944 году. Повстанческий штаб размещался сначала в Тарнове, а затем во Львове и ставил своей задачей управление деятельностью повстанцев в советской Украине, переброску на помощь им отрядов Армии УНР с целью свержения власти большевиков путем всеукраинского вооруженного восстания. Структура ППШ создавалась при квалифицированном участии царского еще генштабиста полковника Юрия Отмарштайна. Однако 3 апреля 1922 года его застрелили неизвестные при странных обстоятельствах в одном из лагерей для интернированных – убийцу историки «ищут» до сих пор, называя возможной причиной

*Боец Частей
особого назначения ВЧК*

его гибели стремление полковника искоренить коррупцию среди чиновников ДЦ УНР.

Штаб включал отделы: оперативный Ю.Отмарштайна, организационный полковника Л.Ступницкого, административно-политический полковника Добротворского и разведывательный во главе с опытным спецслужбистом полковником Александром Кузминским. ППШ развернул на советско-польской границе свои разведывательные пункты (названные «пляцувками» на польский манер) и стремился наладить разведывательную и организационную работу среди повстанцев в Украине, развернуть диверсию и саботаж. В разведке ППШ действительно преуспел, собрав достаточно обширные сведения о военном потенциале красных и положении в УСРР.

Для удобства в управлении территорию республики разделили на 5 повстанческих групп, разбитых на 22 повстанческих района. Если верить чекистам, только в 1921 году ППШ забросил в Украину до 900 разведчиков, диверсантов, организаторов партизанско-подпольной борьбы и десятки вооруженных групп.

Условия работы ППШ были весьма специфические. Штаб пребывал под плотной опекой польской разведки, а сама Польша оказалась в деликатном положении. При всей неприязни к Советской России, чьи войска еще недавно стояли под стенами Варшавы, поляки вынуждены были формально придерживаться условий Рижского мира от 18 марта 1921 года, запрещавшего пребывание на территории сторон вооруженных формирований, враждебных обеим странам. Официально главу ДЦ УНР Симона Петлюру объявили высланным из страны, и тот перешел на нелегальное положение.

Оказывая содействие разведывательно-подрывной деятельности ППШ, польский Генштаб все же считал, что к осени 1921-го пик повстанческой активности в Украине миновал, и вторжение большими силами обречено на поражение. Иной точки зрения придерживались С.Петлюра и Ю.Тютюнник. 17 октября шеф ППШ получает от Симона Васильевича приказ начать поход в Украину. Удар планировалось нанести силами трех групп: Бессарабской из Румынии в направлении на Тирасполь (300 бойцов), Подольской (530 человек) и Волынской во главе с самим Тютюнником (до 1,5 тыс. штыков) на Киев.

При этом лишь половина бойцов сил вторжения имела оружие и зимнюю одежду, ставка делалась на поддержку местными повстанцами и населением. Однако реальной ситуации Тютюнник, мягко говоря, не знал, иначе бы не отдавал повстанцам Украины фантастические приказы на овладение Полтавой и Екатеринославом, осаду Киева и Харькова. «Помогла» в раздувании полководческих амбиций атамана и советская спецслужба, но об этом позже.

Не прибавляли боеспособности ППШ и раздоры между его шефом и лидером ДЦ УНР. Как писал с горечью Тютюнник, С.Петлюра «старался все время в состав ППШ включить своих клеветников... А они правдой служили только тому, кто сегодня больше платит. Эти штабисты, не говоря уже о самом Петлюре, пребывали в найме у поляков». Без согласования с начальником ППШ Петлюра отправлял в Украину лично преданных себе людей с сомнительным прошлым, «и эти людишки», попав на Украину, воевали друг с другом, они устраивали провокации и своим поведением оправдывали данное им название «бандиты». Впрочем, сам Тютюнник не брезговал «запрещенными приемами» и вторжение предлагал сопроводить вооруженными провокациями – нападениями на польские заставы переодетыми в советскую униформу боевиками ППШ.

Но самые, пожалуй, фатальные последствия для судьбы повстанчества и лично Тютюнника имела активная работа советской спецслужбы. Даже в ближайшем окружении С.Петлюры работали ее лазутчики – провокатор Петр Жидковский, Снигирев (личный секретарь Петлюры!), бывший полковник Емельянов. Был среди «гостей из Украины» и молодой чекист Сергей Карин-Даниленко.

Сергей Карин родился в 1898 г. в селе Высокие Байраки на территории современной Кировоградской области. В гражданской войне выпускник Елисаветградского реального училища примкнул к красным, на бронепоезде «Смерть белым!» принимал участие в боях с денikinцами и махновцами, пока молодого человека не свалил тиф. Выздоровев, основал в родном селе, совместно с актрисой Алисой Вербицкой, любительский театр. Тут-то и познакомился с «людьми в кожанках» – по ложному доносу Сергея арестовала ЧК как «скрытую контру». К счастью, его не поторопились «вывести в расход», юноша чем-то приглянулся чекистам и даже получил предложение попол-

*Сергей Карин-Даниленко
(1930-е годы)*

нить ряды «карающего меча революции». С тех пор судьба С.Карина, прибавившего к собственной фамилии, для удобства работы в Украине, приставку «Даниленко», до 1947 года стала неотделимой от органов госбезопасности.

Артистизм будущего полковника госбезопасности особенно пригодился ему в сложных «ролевых» служебных мероприятиях – оперативные игры 1920-1930-х годов с закордонными центрами украинской политической эмиграции, попытка создать легендированный, подконтрольный НКВД «Провод ОУН» на Западной Украине в 1944-м,

посредничество в переговорах советской власти с лидерами ОУН и УПА в 1940-х годах. Не жизнь, а череда сюжетов для захватывающих шпионских боевиков.

Но первым серьезным испытанием для сотрудника спецслужбы стало участие в разработке руководящих органов украинского повстанчества. Служа в Киевской губернской ЧК, Карин случайно встретил одноклассника по реальному училищу Турянского, студента института народного образования (так переименовали университеты, дабы искоренить старорежимный дух). Тот доверительно сообщил, что состоит в подпольной «Украинской войсковой организации» и предложил Сергею присоединиться к врагам большевизма. Начальники дали добро, и молодой чекист стал своим парнем среди борцов за «вильну Украину».

Вскоре пришлось овладеть амплуа «связного атамана Новицкого», действовавшего на Елисаветградщине, направленного с донесениями в ППШ (войти в доверие к Новицкому помог ранее внедренный в его формирование агент ВУЧК «Петренко»). Карина обучали линии поведения на допросах в польской контрразведке-«дефензиве», посвящали в нюансы ситуации в эмиграционной среде. В сентябре 1921-го переправили в Польшу, и три недели он провел в беседах с самим Тютюнником. Миссия была не из легких, учитывая, что ППШ имел контрразведывательный отдел, а сотрудники Штаба были ин-

фильтрованы агентами польской «двуйки» – 2-го отдела (разведка и контрразведка) Генштаба «Второй Речи Посполитой».

Риск оправдал себя – чекист не только продвинул заготовленную дезинформацию, но и собрал сведения о готовящемся рейде генерал-хорунжего Василия Нельговского. Тютюнник, амбициям которого льстила информация об успехах повстанцев в Украине, сообщил Карину такие подробности своих боевых планов, что в штабквартире ВУЧК долго не могли поверить в истинность добытых сведений. Однако упреждающие меры приняли. 23 сентября отряды генерала встретили подготовленный отпор и потерпели поражение под Новоград-Волынском на Житомирщине. Добытые Кариним сведения дорого обошлись повстанцам: в октябре конница Примакова и Котовского разбила отряды полковника Паля (800 сабель) на Хмельниччине и генерал-хорунжего Янченко на Волыни (900 бойцов, из которых 250 погибло и 500 попало в плен). Кроме того, дезинформация «сбила с пантелыку» штабистов Тютюнника, рассчитывавших при проведении рейда на мифические подпольные организации и неисчислимую повстанческую рать.

Наградой разведчику стали золотые часы и перевод в центральный аппарат ВУЧК. А с Юрком Тютюнником ему довелось встретиться еще раз – в кабинете В.Балицкого. Пленный атаман долго всматривался в лицо «посланца атамана Новицкого», и наконец сказал: «Перед кем можно склонить голову, так это перед ЧК. Хорошо работает...». Дезинформация Карина стала одной из решающих причин поражения отчаянного и заранее обреченного «Второго Зимнего похода» воинов Армии УНР.

Как уже говорилось, для инициирования всеукраинского восстания ППШ сформировал три экспедиционные группы. В ночь на 4 ноября 1921-го Волынская группа перешла границу и за первый же день продвинулась на 34 км вглубь советской территории. С нею двигались и чиновники ДЦ УНР как костяк госаппарата возрожденной УНР. Повстанцы разбила небольшие отряды красноармейцев, расстреляв несколько десятков пленных. Рейдовики взрывали мосты, уничтожали телеграфные линии. 7 ноября начался штурм железнодорожного узла Коростень. Отряд полковника Рембаловича захватил местную ЧК, штаб 133-й стрелковой бригады, вокзал и эшелон с боеприпасами и орудиями.

Однако удержать город не удалось. В 20-градусный мороз группа маневрировала по Житомирщине, пока 12 ноября не была окружена 9-й кавалерийской дивизией Григория Котовского. Дезинформация

Михаил Билинский

советской спецслужбы сыграла свою роль – втянувшись в бои, воины УНР оказались в ловушке, под ударом основных сил противника. 17 ноября у села Малые Миньки группа приняла последний бой, дело дошло до штыковой схватки и рубки. Пало до 400 повстанцев, часть окруженных покончила с собой – среди них и министр внутренних дел УНР Михаил Билинский. Примерно 450 пленников отправили в местечко Базар. Тютюнник и уцелевшие командиры бежали с поля боя, бросив раненых, больных и обмороженных бойцов; лишь 120 участников Второго Зимнего похода вернулись в Польшу. Из попавших в плен 360 предстало перед скорым судом победителей.

В Отраслевом государственном архиве СБ Украины чудом сохранилось «Дело по обвинению банды Тютюнника, расстрелянной под г.Базар». В списке расстрелянных – 360 человек, собственноручно заполненные «Анкеты для перебежчиков или пленных закордонных государств». На всех анкетах – резолюция синим карандашом начальника штаба красных войск Украины и Крыма

Ильи Гаркавого: «Расстрелять. г. Базар» и заверительная подпись начальника оперативного отдела Особого отдела ВУЧК Михаила Фриновского (И.Гаркавый получит «свою» пулю в 1937-м, первый заместитель главы НКВД СССР М. Фриновский расстрелян 8 марта 1940-го). Среди казненных – украинцы, русские, поляки, белорусы, немцы, евреи и даже китаец Мон За Лит, самому младшему из расстрелянных было 17 лет.

Уцелевший очевидец расстрела хорунжий Спартак (в 1922-м он сумел бежать в Польшу)

*Михаил Фриновский
(1920-е годы)*

описал подробности судилища под Базаром – судьбу пленников решали Гаркавый и Котовский (бывшего бессарабского бандита, комкора Г.Котовского 6 июня 1925-го застрелит экс-владелец одесского публичного дома Меер Зайдер). Если подсудимый отвечал по-украински, Гаркавый тут же отправлял его в «расход», приговаривая: «Там тебя поймут...» Расстреливали из пулеметов партиями, согнав для «воспитательного эффекта» крестьян, добивали раненых и больных. Казненные под Базаром в 1998 году реабилитированы как жертвы незаконных политических репрессий.

Подольская группа с боями дошла до окрестных с Киевом сел, но не получив поддержки населения и узнав о трагической участи Волынской группы, 6 декабря вернулась в Польшу. Бессарабский отряд отчаянно бросился на штурм Тирасполя, однако потерпел поражение от двукратно превосходящих силами красноармейцев и отступил.

В 1922 году крестьянская война в Украине постепенно затухала. Руководство ДЦ УНР было изолировано в Польше, махновцы ютились в военных лагерях Польши и Румынии, разведка ППС переориентировалась, в основном, на подготовку разведчиков и диверсантов для Генштаба Польши, готовившихся в Ровенской спецшколе. Энергию повстанчества подрывали либерализация аграрной политики при НЭПе, усиливавшиеся среди политэмиграции настроения в пользу признания советской власти («сменовеховство»), всеобщая амнистия апреля 1922 года участникам Гражданской войны в Украине (исключение сделали лишь для С.Петлюры, Н.Махно и Ю.Тютюнника). Распались крупные вооруженные формирования, десятки атаманов пали в боях, сдались или были схвачены при помощи агентуры из числа бывших соратников.

Однако «непримиримые» продолжали борьбу с Советами, их «банды отличаются высокой боеспособностью, хорошо организованы» – отмечали чекисты. Весной 1922-го отряд Тютюнника вновь появился на Волыни. Подольская повстанческая группа Якова Гальчевского на несколько дней захватила городки Летичев, Бар, Балту, зарубив сотню со-

Яков Гальчевский

*Атаман Андрей
Гулий-Гуленко*

ветских чиновников. Готовилось новое вторжение петлюровцев и махновцев с территории Польши и Румынии.

В ответ власти провели сокрушительную оперативно-войсковую «зачистку» лета 1922 года. При содействии провокаторов арестовали известных атаманов Гуляя-Гуленко, Лихо, Орлика, Здобудь-Волю, Голика и других. В боях ликвидировали до 40 повстанческих формирований, уничтожив 800 и пленив 3 тыс. их участников. В колыбели повстанчества – лесистом Холодном Яру на Черкасшине захватили 63 командира восставших. К сентябрю

разгромили повстанческую сеть Подолья, и с осени силы движения сопротивления сократились до 2 тыс. бойцов в разрозненных группах и отрядах, хотя отдельные боевые столкновения с ними продолжались до середины 1920-х.

Чекисты рассматривали Тютюнника как ключевую фигуру инспирации и поддержки повстанчества извне. Даже разгром Зимнего похода 1921 года, сообщила закордонная агентура ВУЧК, не заставил ППШ отказаться от дальнейших планов поднятия вооруженного восстания в Украине. Поэтому упор был сделан на оперативную комбинацию по выводу из-за границы и захвату самого генерал-хорунжего, получившую название «Дело № 39», или «Тютюн». Операцию «Тютюн», не уступавшую по сложности оперативного замысла знаменитым оперативным играм «Трест» и «Синдикат», держал на личном контроле член Президиума ВЧК Вячеслав Менжинский.

Предполагалось подослать к Тютюннику агента с сообщением о том, что в Киеве успешными подпольщиками создан повстанческий центр – «Высшая войсковая рада» (ВВР), или «Рада трех», которая якобы ведет активную работу по мобилизации антисоветских сил и нуждается в директивах и поддержке из-за кордона. Центральной фигурой опера-

Вячеслав Менжинский

тивной игры стал секретный сотрудник «№ 103». Чекисты помнили наставление одной из ведомственных инструкций начала 20-х годов: «Следует постоянно помнить приемы иезуитов, которые не кричали на всю площадь и не выставляли напоказ свою работу, а были скрытными людьми, которые обо всем знали и умели только действовать».

...2 июля 1921 года при переходе советско-польской границы задержали некоего Георгия Заярного. На допросе в 5-м пограничном особом отделении ВУЧК он показал, что направлен ППШ в Украину с поручением к атаману Юлиану Мордалевичу. Допросы продолжились в Киеве. Заярный не стал заператься и подробно рассказал о структуре политической эмиграции, ППШ, нарисовал схему организации повстанческих сил в Украине и дал сведения о национал-патриотическом подполье в Киеве. Учитывая готовность Заярного к диалогу и доверительные отношения с руководителем ППШ, приняли решение о привлечении его к негласному сотрудничеству с органами госбезопасности. Помимо усиленной идеологической обработки, Заярному отрезали путь на попятную – по его наводкам провели аресты в Киеве и других городах. Вскоре негласный аппарат ВУЧК пополнился оперативным источником «№ 103».

Необходимо было соответствующим образом легендировать «счастливое возвращение» эмиссара. «103-й» получил инструкции: пробравшись к Тютюннику, сообщить о переходе атамана Мордалевича на сторону советской власти (что последний и совершил добровольно в мае 1921-го). Первая ходка Заярного (уже в новом качестве) в Польшу длилась с 18 сентября по 5 октября 1921 года. Ему удалось собрать дополнительные сведения о боевом потенциале формирований ППШ, связях его руководителей с польской и французской разведками.

Кроме того, «103-го» удачно подставили резиденту французской разведки в Черновцах майору де Гонору, от которого Заярный получил задание создать в Украине разведывательную сеть, работающую в интересах Парижа. 16 ноября Г.Заярный отправился в Кишинев, где разыскал старого знакомого, сотника Петра Стахова, «воодушевив» его перспективами развертывания партизанства в УСРР. Будучи приближенным Тютюнника, Петр Стахов отправил в Украину своего

брата Александра, дабы выяснить серьезность возможностей новоявленной «организации ВВР».

В Киеве, куда 24 ноября 1922-го прибыли Заярный и А.Стахов, «эмиссаров» поселили в гостиницу «Волга», а затем на «конспиративной квартире». Для укрепления уверенности гостя в существовании «ВВР» и желании видеть именно Тютюнника во главе «народных мстителей» чекисты решили провести «конспиративное совещание подполья». «Антисоветское сборище» обставлялось по всем законам жанра: до места заседания добирались со всеми «мерами предосторожности», условный стук в дверь, обмен паролями, и взору эмиссара представляли «полномочные представители борющейся Украины».

«Совещание» сыграли как по нотам. Секретный сотрудник «143-й» доложил о бурной деятельности «войсковых ячеек ВВР», его коллега «Петренко» — об активности студенческих организаций, негласный помощник чекистов «Вишневский» живописал подготовку восстания на селе, а кадровый чекист Антонов изображал руководителя повстанцев Полтавщины. А.Стахов клюнул на приманку, более того, сам выразил желание включиться в «благородное дело» и доложить Тютюннику о солидности позиций «ВВР». Участники совещания предупреждали гостя — если лидеры эмиграции и дальше будут сидеть сложа руки, ограничиваться декларациями о намерениях, с Советами управятся и без них, но в таком случае рассчитывать на политические позиции в Украинской державе им вряд ли придется...

А.Стахова еще не раз приглашали на «совещания», знакомя со все новыми «активистами ВВР». Тютюннику и де Гонору поступили письменные материалы о повстанческом движении (продуманная дезинформация), а Заярный тем временем дал себя «завербовать» разведотделу румынского корпуса в Черновцах, оставшегося премного довольным новым «агентом» (румынам передавали копии «разведдонесений» Заярного французскому резиденту). Разведчик неоднократно переходил польскую границу (хотя лично с Тютюнником встретиться не удалось), а 2 февраля 1923 года вернулся в Киев уже с Петром Стаховым. Последнему привычно разыграли совещания членов «ВВР», на которых сотник поделился планами С.Петлюры по расширению повстанческого движения и контактах ДЦ УНР с зарубежными спецслужбами. Убежденного в существовании подпольного центра

А.Стахова вновь переправили за кордон для доклада Ю.Тютюннику, а 18 февраля он вернулся в УССР с новым посланцем генерал-хорунжего — опытным конспиратором сотником Кузменко, направленным для дополнительной проверки «ВВР». Курсировал между границей и ВУЧК и «103-й». От Тютюнника и де Гонора «подполью» поступали благодарности за активную борьбу с большевиками, что убеждало чекистов в искренности сотрудничества Г.Заярного. Операция «Тютюн» выходила на финишную прямую.

6 февраля в Киеве был негласно «снят» Петр Стахов, требовавший от «подполья» немедленно организовать резонансные теракты против партийных и советских «шишек». Во внутренней тюрьме ГПУ сотник подтвердил, что Ю.Тютюнник поверил в существование «ВВР» и даже написал брату письмо о своем временном отсутствии («командировка в Харьков»), а также заявил о разочаровании в идеалах борьбы за самостоятельность Украины. Однако контрразведчики, зная, что Петр Стахов является убежденным противником большевизма, не торопились ему верить и вводить в оперативную разработку.

11 марта 1923 года «распропагандированный» лжеподпольем Кузменко и «103-й» наконец встретились с Ю.Тютюнником. Заярный, пристыдив атамана за уклонения от встреч с «патриотами Украины», передал ему приглашение лично возглавить «ВВР», что весьма польстило генералу. Договорились, что Кузменко привезет ему мандат на руководство «Радой трех», деньги и документы для прибытия в УССР.

Между тем контрразведка ППШ была обеспокоена длительным отсутствием Петра Стахова. ВУЧК пошла на риск, устроив для отвода подозрений от «ВВР» встречу Кузменко и П.Стахова, благо последний заверял чекистов в своей лояльности и готовности выполнить любое их поручение. На киевской квартире секретного сотрудника «102-го» прошло теплое randevu двух сотников. Стахов поведал, что он трудится в харьковском «подполье», убеждал гостя в успехах работы «ВВР» по подготовке восстания и необходимости поставить во главе движения Ю.Тютюнника. Затем на квартиру доставили «пакет для харьковских подпольщиков», и П.Стахов убыл на вокзал в сопровождении чекиста Антонова. Вскоре Кузменко тайно арестовали в Киеве, поскольку оперативная необходимость в нем отпала.

15 мая 1923 года в Москву для доклада по операции «Тютюн» руководству ГПУ выехал начальник Контрразведывательного отдела (КРО) Полномочного представительства ГПУ на Правобережной Украине Николай Николаев-Журид. Ознакомившись с ходом разработки, В.Менжинский и начальник КРО союзного ГПУ Артур Артузов одобрили план вывода Тютюнника в УСРР. Правда, сам генерал настаивал на встрече с представителями «ВВР» в Румынии. Тогда 2 июня от имени Г.Заярного ему передали письмо с категорическим требованием Рады провести встречу именно в «борющейся Украине».

Тютюнник просил, чтобы его охрану в Украине нес Петр Стахов со своим отрядом, и пришлось опять идти на риск, хотя к тому времени сотник, говоря пенитенциарным языком, «твердо стал на путь исправления». В приграничный с оккупированной Румынией Молдовой город Каменец-Подольский прибыла группа захвата, приступившая к отработке различных вариантов задержания генерала на советской территории. Для изучения обстановки на румынском берегу отрядили секретного сотрудника «№ 100», сообщившего, что Ю.Тютюнник должен прибыть 15 июня.

16 июня 1923-го в местечке Нагоряны Ю.Тютюнника и его помощника Дудкевича встретил «103-й» и передал, что на советском берегу, у села Выхватневцы, его ждет отряд сотника П.Стахова. В 11 вечера они уже были на месте переправы через Днестр. Для проверки на тот берег отправился Дудкевич, встретившийся со Стаховым, «командиром повстанческого отряда», его «адъютантом» (сотрудником ГПУ Петровским) и «казаками» из ГПУ Малышевым и Кучинским. Дудкевич потребовал, чтобы к Тютюннику прибыл лично Стахов, начались препирательства, однако контролировавший операцию Н.Николаев-Журид дал «добро» и сотник отплыл на румынскую сторону.

Там Ю.Тютюнник отвел сотника в сторону и доверительно спросил: «Петро, мы давно знаем друг друга, не фикция ли эта “ВВР”»? «Этого не может быть, пан генерал, — заверил Стахов, — прекрасно знаю этих людей, настоящие казаки, можете на них положиться!». Как только Тютюнник и Дудкевич ступили на противоположный берег, их бесшумно захватили и связали. Потрясение было так велико, что боевой генерал без чувств рухнул на песок, и несколько часов на-

ходился словно в коме. Пленников в тот же день доставили в Киев, а затем в тогдашнюю столицу советской Украины Харьков.

Находясь под следствием, Тютюнник не скрывал своих национал-патриотических убеждений, практически никого не выдал. Ф.Дзержинский настаивал на ликвидации атамана, однако партийное руководство Украины убеждало несостоявшегося ксендза в целесообразности политического использования пленника. Политические соображения взяли вверх над желанием расправиться с «заклятым врагом рабоче-крестьянской власти». Лояльность Тютюнника к советскому режиму, снисхождение к такой знаковой для украинской политэмиграции фигуре, как атаман, должны были стать пропагандистской бомбой в деле склонения на сторону Москвы «неразоружившихся» повстанцев и функционеров украинских политических партий за рубежом. Непосредственно идеологическую обработку морально надломленного атамана вел сотрудник контрразведки Владимир Иванов. Из-за границы вывезли семью Тютюнника. В качестве гарантии сотрудничества В.Балицкий потребовал от него выдачи личного архива. Документы доставили в ГПУ УССР — «это был богатейший материал о моральном состоянии руководителей украинской эмиграции и об их плотных связях с иностранными государствами» (оценка самого Балицкого).

Дело представили так, что атаман добровольно перешел на сторону «рабоче-крестьянской власти», в эмиграцию понеслись его письма

Юрий Тютюнник. Фото из уголовного дела.

с агитацией за примирение с большевиками. Психологический эффект и вправду был взрывоподобный.

Юрию Иосифовичу по амнистии подарили свободу, более того, предоставили возможность читать «лекции по бандитизму» (выражение Тютюнника) в Харьковской школе червонных старшин. Не случайно М.Фрунзе призывал военспецов тщательно изучать опыт повстанческой борьбы в Украине, а с середины 1920-х по их с Ф. Дзержинским инициативе начинается подготовка к партизанской войне на случай агрессии «империалистических держав». Трудовой стаж экс-генерал зарабатывал секретарем-инспектором ревизионной комиссии Всеукраинского государственного акционерного общества торговли.

Раскрылись и творческие стороны его натуры. Он написал и издал в УСРР три книги, наиболее известной из которых стала «С поляками против Украины» (1924 год). В соавторстве с М.Йогансенем и восходящей звездой кинорежиссуры Александром Довженко подготовил сценарий фильма «Звенигора» о событиях Гражданской войны в Украине, снятый в его родных местах. Проявил и актерские способности, сыграв в фильме «П.К.П.» («Пилсудский купил Петлюру») ... самого себя.

Повторно арестовали атамана 12 февраля 1929-го в Харькове. Вскоре этапировали в Москву, в распоряжение КРО ОГПУ СССР. Он и на сей раз упрямо твердил чекистам — независимое украинское государство может быть только буржуазным, а угнетенная нация обязана установить «национальную диктатуру». С обвинениями в «национал-фашизме» не спорил, показания писал собственноручно, без видимого нажима.

3 декабря того же года Коллегия ОГПУ приговорила Юрия Тютюнника к высшей мере наказания с указанием не приводить приговор в исполнение до особого распоряжения (не исключено, что «для колорита» планировалось его использовать на громком процессе над «украинскими буржуазными националистами»). «Особое распоряжение» поступило 20 октября 1930 года... Неизвестна судьба его жены Веры Андреевны и дочерей Ольги и Галины — их следы теряются в 1932 году в Северо-Кавказском крае.

Почему за атамана взялись спустя столько лет после захвата? Официальная версия такова. В ходе следствия тот не выдал засланных

им в УСРР эмиссаров ППШ, и польская «двуйка» использовала их вплоть до 1928 года. Он якобы стал «восстанавливать связи с бывшими контрреволюционными элементами» (при тотальном режиме слежки за согражданами, установленном ОГПУ, представить такое сложно). Видимо, пропагандистски его использовали сполна. Начался «Великий перелом», разворачивались насильственная коллективизация и «раскулачивание», вызвавшие всплеск вооруженного сопротивления, особенно в Украине и на Дону. К февралю 1930-го за сопротивление коллективизации арестовали до 12 тыс. украинских селян, а для подавления протестов пришлось даже перебрасывать элитную Московскую Пролетарскую стрелковую дивизию. Еще были полны сил десятки тысяч бывших повстанцев, и «идейно неразружившийся» «батька Тютюнник» мог стать знаменем новой крестьянской Вандеи на юге СССР. Как знать, может именно это послужило истинной причиной скорой внесудебной расправы?

Прошли десятилетия. Главного актера действия «Тютюн» Г.Заярного расстреляли в 1937-м как бывшего сотника «петлюровской армии». Экс-шефа ГПУ-НКВД УССР, начальника УНКВД по Дальневосточному краю В.Балицкого арестуют в служебном вагоне 7 июля 1937-го, а допрашивать его будет начальник 5-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР Н.Николаев-Журид. Расстреляют комиссара госбезопасности 1-го ранга В.Балицкого 27 ноября того же года, а 4 февраля 1940-го приговорят к высшей мере наказания и комиссара госбезопасности 3-го ранга Н.Николаева-Журида. С.Карин-Даниленко, прошедший 26-месячный ад «ежовских рукавиц» в Лефортово, умер в 1985-м в Киеве в ранге живой легенды ВЧК-КГБ. Ныне Юрий Тютюнник реабилитирован.

*Глава НКВД УССР
Всеволод Балицкий*

«УКРАИНСКИЙ ФРОНТ» СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ (1920–1940-е годы)

«Внешняя разведка была парадной комнатой московского центра». Такое утверждение нередко можно услышать от интересующихся прошлым отечественных спецслужб. Не будем столь категоричны в оценках: «украинский фронт» советской разведки также изобиловал тайными батальонами и изощренными операциями...

Ветры демократизации приоткрыли для общественности немало страниц тайной истории Отечества и его сынов – безвестных до того или известных широко, но без всякой связи с деятельностью спецслужб. Классический пример последней категории наших предков – выдающийся украинский художник-импрессионист Николай Глушенко (1900–1977). Он же – результативный советский разведчик «Ярема».

Уроженца Екатеринославской губернии Н. Глушенко в 1919-м принудительно призвали в «белую» армию А. Деникина, откуда интернировали в Польшу. Затем Николай пробрался в Германию. Местные власти поддерживали бывшего союзника – гетмана Павла Скоропадского, и при содействии «Его Ясновельможности» Николаю предоставилась возможность получить образование в Берлинской высшей школе изобразительных искусств, причем спонсорами выступали государственный деятель ЗУНР профессор Роман Смаль-Стоцкий, бывший глава Директории УНР писатель Владимир Винниченко. Вскоре Глушенко оказался, как и положено творческой личности, на Монмартре, завел собственное ателье на улице Волонтеров, где удивлял посетителей виртуозной работой на трех-четыре мольбертах одновременно.

Недостатка в заказах не было, да и клиентура подобралась весьма презентабельная – чиновники, дипломаты, генштабисты, лидеры эмигрантских организаций, среди них – один из отцов-основателей и ведущих идеологов украинского националистического движения Дмитрий Андриевский, а также племянник императора Австро-Венгрии эрцгерцог Вильгельм фон Габсбург (известный как украинофил, полковник Украинских сечевых стрельцов Василь Вышиваний). Запросто заходили Иван Бунин, Владимир Маяковский, сотрудник советского генерального консульства Александр Довженко. Здесь же Глушенко встретил и будущую жену Марию Давыдовну, происходившую из богатой бессарабской семьи.

И хотя живописец не бедствовал, душа тянулась на Родину, и не у него одного. Желая вернуться в Украину, художник оббивал пороги советского представительства.

Кстати, патриотизм его был неподдельным, и до конца своих дней художник хранил искреннюю верность советскому строю, чего не скажешь о его супруге. Оказалось, что обращался Глушенко за советским гражданством к ...сотрудникам парижской резидентуры Иностранного отдела (внешняя разведка) Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) товарищам Полоцкому и Львову. В 1926 году художника привлекли к разведывательной работе под псевдонимом «Ярема», сотрудничал на патриотической основе, во имя обещанного возвращения в Украину. Разведка, гласят документы отраслевого Государственного архива Службы безопасности Украины, сочла целесообразным «на первом этапе нацелить Глушенко на сбор информации о враждебной деятельности и намерениях антисоветских и националистических организаций, а затем расширение контактов с их руководством», благо контактов таких было достаточно.

Украинские политэмигранты в Чехословакии (1930-е годы)

С задачей «Ярема» справился, сумел добыть информацию о связях Организации украинских националистов с немецкими спецслужбами, содействовал приобретению оперативных источников для Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД «среди влиятельных чиновников из закордонных антисоветских националистических организаций, что позволило в значительной мере локализовать их враждебную деятельность против СССР».

Кроме того, высокие связи среди истеблишмента Франции и Германии позволили разведчику добыть и передать в Союз совершенно секретные чертежи на 205 видов (!) боевой техники, включая моторы для истребителей. В эмигрантской среде он уже имел репутацию советофила. И тот же В. Винниченко, до революции капризно просивший денег у украинских меценатов на житье в Швейцарии, а затем ранее униженно добивавшийся индульгенции от советского режима, в последнем письме художнику от 19 июля 1935-го отказывал ему в праве называться украинцем, упрекал в меркантильности и отсутствии убеждений. Но как раз собственных принципов и убеждений у Глушенко хватало...

Резидентура сообщала в Центр, что «Ярема» нервничает, добивается возвращения на родину, несмотря на просьбы остаться во Франции еще на год для завершения важной разведывательной акции. В июле 1936-го художник с семьей вернулся в СССР, довольствуясь в коммуналке комнатой на 9 квадратных метров. Как раз грянул «Большой террор», и жертвами репрессий стали операторы «Яремы», сотрудники 5-го отдела (разведка) ГУГБ НКВД.

Репрессии изрядно выкосили советскую разведслужбу. В ее центральном аппарате из более 100 сотрудников уцелело едва 20, в берлинской резидентуре — два сотрудника, в Токио — один без знания языка. Разведку по Северной Америке одно время курировал 25-летний младший лейтенант, инженер, закончивший 3-месячные курсы подготовки оперативного состава (всего жертвами репрессий в 1934—1939 годах стали 21880 сотрудников органов госбезопасности). В спешном порядке перед войной пришлось направлять за границу 240 разведчиков-новичков.

В органы НКВД от секретного сотрудника «Агафона» поступил донос о том, что Глушенко-де — агент лидера ОУН Евгения Коновальца, и через него осуществляется связь с фашистским подпо-

льем в Украине. Правда, вскоре «Агафона» «расстреляли как провокатора». Но разведывательная миссия «Яремы» на этом не кончилась. Несмотря на «стратегическое партнерство» с Берлином, Глушенко поручили установить контакт с Клейстом, главным референтом по культуре министра иностранных дел Риббентропа. Для сближения двух стран художник предложил немецким коллегам обменяться выставками в столицах. И 17 апреля 1940-го выехал в Берлин на сенсационную выставку «Народное творчество в СССР». В знак восхищения талантом Глушенко фюрер, считавший его лучшим пейзажистом Европы, передал в подарок альбом с литографиями собственных акварелей. По возвращении в СССР альбом затребовал Сталин и вернул через полковника НКВД лишь в разгар битвы под Москвой...

Пожалуй, главным достижением разведчика стала информация о готовящемся нападении III рейха на СССР, причем доклад «Яремы» поступил к Сталину на пять месяцев раньше информации знаменитого «Рамзая» — Рихарда Зорге. В 1972 году Н. Глушенко стал лауреатом Государственной премии УССР, в 1976-м — народным художником СССР. Был выездным, но и не думал остаться за границей, где жили состоятельные родственники жены и где имел бы баснословные гонорары. Контакт с органами госбезопасности он не прерывал до самой смерти в октябре 1977 года, позволяя себе иметь собственную позицию, предупреждая КГБ о недопустимости государственной политики русификации и административного нажима на украинский язык и культуру.

«Шпионская история» Николая Глушенко была ярким, но не единственным эпизодом деятельности советской разведки на «украинском фронте». Но прежде рассмотрим, что представляли собой советские разведывательные органы после Гражданской войны 1917—1922 годов.

Выполняя постановление Политбюро ЦК РКП (б) о совершенствовании разведывательной работы, Феликс Дзержинский издал приказ № 169 от 20 декабря 1920 года, учредивший разведывательную службу Советской России — Иностраный отдел (ИНО) ВЧК. Первым его руководителем стал большевик-подпольщик, впоследствии дипломат Яков Давтян (Давыдов). С организацией ИНО руководство внешней разведкой по линии органов госбезопасности сосредоточилось в единых руках. Начинается создание закордонных резидентур,

Феликс Дзержинский с руководящими сотрудниками ВЧК

а к середине 1920-х в центральном аппарате ИНО (Европейском и Восточном отделах) работало уже до ста сотрудников. С 1921 года при дипломатических миссиях РСФСР открываются, вопреки протестам главы Народного комиссариата иностранных дел Георгия Чичерина, «легальные» резидентуры в Германии, Финляндии, Польше, странах Балтии, Персии (Иране) и Афганистане. Их возглавляли второстепенные сотрудники полномочных представительств (полпредств), но горе было полпреду, не нашедшему с ними общий язык — резиденты имели независимые каналы шифрованной и курьерской связи с Центром.

Помимо сбора информации о деятельности разведывательных органов зарубежных стран против «первого в мире государства рабочих и крестьян», планах политических кругов капиталистических государств, обеспечения работы советской дипломатии, добывания научно-технических секретов, одной из приоритетных задач внешней разведки считалась «нейтрализация подрывной

Яков Давтян

деятельности белоэмигрантских центров» путем создания в них собственных оперативных позиций, а также агентурного проникновения в те зарубежные спецслужбы, которые активно поддерживали политическую эмиграцию из бывшей Российской империи.

Хотя постановление Коллегии ВЧК от 18 марта 1918 года подчеркивало, «пользование провокацией безусловно отклонить», сии «жандармские» методы используются под новым названием — «метод фикции», а затем — «легендарный метод», «метод легенд». Под ним понималось создание вымышленных подставных «антисоветских» групп или организаций и действия от их имени для создания оперативных позиций или разложения реального противника за рубежом либо внутри страны. Естественно, это требовало от сотрудников и агентов ВЧК немалой выдержки, артистизма и знания врага.

В 1924 году был инспирирован нелегальный переход в СССР и арест лидера «Всероссийского комитета защиты родины и свободы» Бориса Савинкова и его сообщников. В 1925-м выманили через «окно» на финской границе опытного английского разведчика, уроженца Одессы Сиднея Рейли (дал широкие показания и за ненадобностью застрелен чекистами на прогулке в лесу под Питером), скомпрометировали бывшего начальника врангелевской контрразведки генерала Орлова...

Характерно, что даже опытнейший конспиратор и террорист Б.Савинков не сумел «раскусить» засланного к нему от имени якобы существующего в СССР антикоммунистического подполья Алексея Мухина. На предупреждения соратников о том, что Мухин «шпик, провокатор и прохвост», Савинков самоуверенно утверждал: «Я, старая революционная крыса, прошупал Андрея Павловича со всех сторон. Это просто новый тип, народившийся при большевиках и нам еще не известный». За что и поплатился жизнью, выбросившись из лестничного пролета внутренней тюрьмы ОГПУ (хотя и говорил на свидании сыну, что самоубийства не планирует). К услугам «сценаристов» ВЧК-ГПУ были целые легендарные воинские соединения типа «Кубанско-

Борис Савинков

Донской бригады Фролова», которую имитировали красные кавалеристы Григория Котовского. По схеме оперативных игр «Трест» и «Синдикат» велись и «острые чекистские мероприятия» против украинской политической эмиграции.

Оформляется, после организационных поисков времен Гражданской войны, и аппарат разведки военного ведомства. Приказом Реввоенсовета Республики № 785/141 от 4 апреля 1921 года вводится Положение и штат Разведывательного управления (РУ) Штаба РККА, перед которым ставились задачи организации стратегической разведки и «активной разведки», подразумевавшей подрывные акции на территории зарубежных держав. В интересах «активных мероприятий» работало и созданное в августе 1921 года Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения (среди его продукции – специальная техника и вооружение для партизанства, диверсионных и иных спецопераций).

Кроме того, для сбора разведывательных данных и подрывной работы с целью распространения «мировой революции» Советская Россия и СССР располагали уникальной всемирной инфраструктурой – Коммунистическим Интернационалом (Коминтерном (КИ), существовавшим в 1919–1943 годах). Уже с лета 1919-го воюющая, голодающая страна по воле большевистского руководства «отстегивала» миллионы рублей и многие килограммы созданных столетиями труда народа драгоценностей на секретное финансирование компартий стран Западной и Центральной Европы, Балкан, Кавказа и Америки. В августе 1920-го создается Секретный отдел (затем – Конспиративный, с января 1921-го – Отдел международной связи) КИ, рассылавший своих эмиссаров для подготовки «революционного взрыва» в страны Европы и Азии. К весне 1921 года вырабатывается механизм координации разведывательно-подрывной деятельности между Реввоенсоветом Республики, Разведуправлением РККА, ИНО ВЧК и Исполкомом Коминтерна.

В первой половине 1920-х эмиссарами КИ совместно с местными компартиями осуществляются попытки вооруженных государственных переворотов в Германии, Болгарии, Эстонии, разворачивается партизанство в приграничных районах Польши и Финляндии. Создается целая сеть спецшкол, спецкурсов, институтов и лаборато-

рий, радиоцентров для услуг архитекторов насильственной коммунизации человечества.

На «красную паутину» КИ работало и немало идейных, бескорыстных «борцов за светлое будущее», СССР им виделся отечеством всех рабочих и крестьян, а о голодоморах и репрессиях либо не знали, либо считали их неизбежными издержками построения земного рая. В совокупности с антифашизмом (до 1939 года) СССР это обеспечило советской разведке феноменальные успехи именно в межвоенный период, ибо с ней сотрудничали по убеждению не только «классово близкие» личности, но и аристократы вроде знаменитой «кэмбриджской пятерки».

Резиденты советской разведки по достоинству оценили удобство фанатизма коминтерновцев. По словам бежавшего на Запад сотрудника ИНО ОГПУ Георгия Агабекова (позднее ликвидированного «коллегами»), резиденты «вместо того, чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации». Только в Англии в 1934–1936 годах было приобретено свыше 10 ценных источников, дававших информацию из королевских спецслужб, окружения премьера Чемберлена и главы МИДа Энтони Идена.

Исключительно на агентуру КИ опиралась созданная в 1926 году Особая группа ОГПУ во главе с Яковом Серебрянским, предназначенная для развертывания сети нелегалов с целью проведения диверсий в военное время на особо важных объектах промышленности и коммуникациях на территории стран Европы, Америки и Азии. Усилиями группы и ИНО ОГПУ удалось через похищения в 1930-х годах в Париже генералов А. Кутепова и Е. Миллера обезглавить белоэмигрантский Российский общевойсковой союз (РОВС, имевший тысячи подготовленных военных и диверсантов на случай войны Запада с СССР). Несмотря на ослабление позиций антисоветской эмиграции народов СССР, сталинское руководство продолжало рассматривать работу против нее как приоритетное направление деятельности советской разведки, что дезориентировало спецслужбы и отвлекало силы с перспективных участков «невидимого фронта».

Наконец, увенчивала пирамиду разведсообщества СССР личная стратегическая разведка и контрразведка И. Сталина. По мнению историка В. Жухрая, в 1925 году уверенно идущий к единоличной власти генсек создает собственную, тщательно засекреченную спецслужбу для информирования об особо важных событиях за рубежом, иностранных политиках и главах разведок, о процессах в советском обществе и ближайшем окружении вождя. Карманные спецслужбы якобы возглавляли помощники вождя А. Лавров (разведку) и А. Джуга (контрразведку), ставшие после войны генерал-лейтенантами.

Объектом особой заинтересованности разведслужб СССР выступала территория Польши, старого противника, «чудом на Висле» 1920 года остановившая рвавшиеся в Европу армии М. Тухачевского. Тут «политическую линию» определял не Наркомат иностранных дел, а представитель КИ Уншлихт. К 1923 году при полпредстве СССР в Варшаве руководство работой резидентур ИНО ОГПУ и РУ РККА объединил в своих руках любимец «железного Феликса», орденоносец Мечислав Логановский. Судя по отзывам ставшего «невозвращенцем» дипломата Григория Беседовского, резидент являлся личностью демонической: «Логановский был человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости. Человеческая жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Он готов был принести в жертву тысячи жизней, чтобы добиться выполнения какой-либо ... директивы» (самого Логановского «вывели в расход» в 1938-м).

Прежде всего, стояла задача нейтрализации антисоветских вооруженных формирований, нашедших убежище на территории этой страны: Русского политического комитета Бориса Савинкова, Народно-добровольческой армии С. Булак-Балаховича, 3-й Российской армии Б. Пермикина и, конечно же, Партизанско-повстанческого штаба Державного центра Украинской Народной Республики (УНР) во главе с генерал-хорунжим Юрием Тютюнником (подробнее мы писали о нем в предыдущем очерке).

Одновременно в западных районах Белоруссии, аннексированных Юзефом Пилсудским, советские спецслужбы развернули подготовку к «полевой революции»: здесь партизанили и совершали диверсионно-террористические акции группы «активной разведки» РУ Штаба РККА под командованием сорвиголов Станислава Ваупшасова

и Кирилла Орловского, будущих полковников госбезопасности. Правда, к 1925 году польские спецслужбы и уланские полки вынудили засланных Робин Гудов мировой революции свернуть активность в белорусских пушах.

В январе 1926-го ГПУ Украины обнародовало факт ареста в республике большой группы «агентов французской, польской и румынской разведок», заброшенных для организации диверсионно-террористической деятельности, разведки и «контрреволюционных выступлений». Среди задержанных оказались лидеры «Российского общевоинского союза» (РОВС) атаманы Крук (Уренюк), Кара (Камыш), Голуб (Усатый), их соратники Сахно, Устимович, Попов. Оперативные мероприятия по делу «Николаевцы» проводил Одесский губернский отдел ГПУ под кураторством Контрразведывательного отдела ОГПУ СССР во главе с Артуром Артузовым. Решающую роль в их выводе на территорию УСРР также сыграла квалифицированная агентура, сумевшая убедить руководителя филиала РОВС в Бухаресте генерала Герца о существовании «контрреволюционного подполья». Правда, дело едва не сорвалось по любовным мотивам. Как оказалось, используемая ГПУ для разработки РОВС Нина Юковская (ранее она «работала» информатором по теософским кружкам Одессы) страстно любила атамана Кару и старалась предупредить его о грозящей опасности. Но ее перемешанные с рыданиями предостережения выслушал агент «Ловкий», и до жениха они, естественно, не дошли.

В начале августа 1926 года группа атаманов переправилась через Днестр у города Сороки и под негласным контролем агентуры и «наружки» прибыла в «жемчужину у моря», на квартиру моряка торгового флота Чумаченко, а затем переместилась на явочную квартиру «Ловкого». Планировалось турне по городам Украины, где якобы существовали подпольные ячейки «движения сопротивления» Советам. Но коррективы в планы внес арест.

Среди успехов украинской разведки в межвоенный период — оперативные игры «Академия», «Прут», «Заморские», однако наиболее

Артур Артузов
(Фраучи)

масштабной и результативной стала игра «Представительство», ведшаяся в 1926–1935 годах. Вначале английской разведке и эмиграционным организациям, ориентировавшимся на УНР, был подставлен агент ГПУ УСРР «Днестровский» (псевдоним изменен. — Авт.). Именно через него резидент британской спецслужбы Богомолец стал подбирать из антисоветской среды кандидатов на вербовку для последующей заброски с разведывательными заданиями через советско-румынскую границу. «Днестровский» сумел войти в доверие и к руководителям «Комитета помощи эмигрантам» при ДЦ УНР Ивашине-Геродоту и Порохивскому.

В помощь «Днестровскому» требовался преданный человек с репутацией отъявленного врага «комуняк». Выбор остановили на жителе Одессы Прокофии Федоровиче Капелюшном (имя изменено. — Авт.), «широм украинце», с высшим образованием, бывшем члене Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) и участнике антисоветского повстанческого движения атамана Григорьева. Капелюшного привлекли к негласному сотрудничеству под псевдонимом «Цензор» (псевдоним изменен. — Авт.) и проверили на выполнении ряда «деликатных» поручений чекистов. Личность «матерого врага большевиков» так заинтересовала резидента Богомольца, что он стал требовать от «Днестровского» быстрее привезти находку из СССР в Румынию.

В начале сентября 1928-го через «окно» на Днестре агенты ОГПУ прибыли в бессарабское местечко Резину, где «Цензор» умело донес до резидента информацию о руководимой им в СССР «повстанческой организации». Впоследствии П.Капелюшный неоднократно встречался с английским разведчиком: противнику поставлялась дезинформация о положении в Украине, Красной Армии и отчеты липового подполья. Авторитет «Цензора» вырос после создания им фиктивного пункта переправки антисоветской литературы в селе Сараце под опекой агента ОГПУ «Антоненко» (псевдоним изменен. — Авт.).

Возник и своеобразный «семейный подряд» — в разведработе Капелюшному помогала в качестве курьера его замужняя сестра Ольга и жена Анна, получившая от ГПУ псевдоним «Леся Украинка» (псевдоним изменен. — Авт.). Советская спецслужба приняла решение о переходе к очередному этапу операции — выводу Капелюшного за кордон. Во время внеочередной ходки в Румынию тот предупредил

о грозящей ему опасности со стороны контрразведки ОГПУ в связи с арестами по делу «Союза освобождения Украины» (СВУ, сфабрикованное чекистами дело, по процессу над СВУ прошло 45 видных представителей национальной государственности, науки и культуры).

За границей поверили в легенду о «провалах и арестах» соратников «Цензора» и согласились на то, чтобы тот руководил подпольем из Румынии. Разведчик передал Богомольцу «сведения» о 6-м армейском корпусе РККА и маску от «нового» противогаза серии «БН» (уже снятого с вооружения и оставленного лишь в частях Одесского округа на случай проверки англичанами). В феврале 1931 года Капелюшный передал в ОГПУ информацию о заброске в СССР двух английских агентов, задержанных на территории УСРР. Вскоре на ПМЖ в Румынию перебралась жена «Цензора».

Постепенно, в результате продуманного психологически поведения и руководители «Комитета помощи эмигрантам» прониклись доверием к советскому разведчику и делились с ним соображениями относительно планов политической деятельности. Правда, контрразведка ДЦ УНР предупредила их о возможном советском агенте в среде «Комитета». Тогда «Цензор» разыграл недоверие к эмигрантам, которые действуют пассивно, обрекают «его людей на аресты» в СССР, и заявил, что переключает подконтрольное ему «подполье» на разведработу в пользу англичан. Последние остались премного довольны «разведывательными материалами» о гарнизонах РККА Одессы, Кировограда, Житомира и Бердичева.

В мае 1931 года куратором «Цензора», вместо убывшего в Варшаву Богомольца, становится активный участник РОВС Миллер-Ростовский, с которым агент также неплохо ладил, и передает ему «разведсводки» о планах боевой подготовки 9-й кавалерийской дивизии. Между тем в Москве по наводке разведчика задержали эмиссара Платонова-Петина, опытного боевика-террориста, заместителя резидента английской разведки в Румынии. Его задержание зашифровали, разыграв, с выстрелами и взрывами гранат, гибель Платонова при переходе границы. В Союзе были также обезврежены, благодаря Капелюшному, еще несколько резидентур английской спецслужбы.

Однако у «Цензора» появился опасный недруг — бывший царский офицер, функционер РОВС Аксаков (ранее разведчику через него уда-

лось добыть сведения о шпионской активности резидента французской разведки в Румынии капитана Кюри). Желая устранить удачливого конкурента, Аксаков настраивал против Капелюшного Миллера. Тогда по решению ОГПУ «Цензор» подал рапорт главному английскому резиденту в Румынии, где обвинил злопыхателя в многочисленных провалах агентуры в СССР. Между тем по указанию Центра из игры вывели сестру Капелюшного, убедительно имитировав буквально на глазах Аксакова ее задержание пограничным нарядом.

На Аксакова, по воле ОГПУ, сыпалась одна неудача за другой: рушились установленные им курьерские линии, «провалился» выведенный им в СССР опытный агент. Англичанам потери «компенсировали» открытием «Цензором» новых разведывательных линий в Полтаве и столице УСРР Харькове, а также передачей Миллеру технической «новинки» — противогАЗа для лошадей. Сам же разведчик в 1933-м узнал установочные данные на готовящихся к заброске 13 английских шпионов, большая часть которых была обезврежена в СССР, о трех группах террористов из числа участников «Братства русской правды» белого офицера Строева, сообщил о завербованных румынами шести перебежчиках.

Планировалось нацелить «Цензора» на разработку лидеров украинской политэмиграции в Чехословакии — эсеров Григорьева и Никиты Шаповала. Под видом лечения он выезжал в Прагу, дав сведения на полсотни «активных эсеров» в УСРР, и приступил к вербовочным подходам к функционерам ДЦ УНР в Румынии. Однако 16 ноября 1935 года по доносу предателя Прокофий Капелюшный был арестован румынской контрразведкой — Сигуранцей. В 1936-м разведчика убили, а его тело выбросили в Днестр. Там его подобрали и с почестями похоронили советские пограничники. Тогда же арестовали и жену «Цензора», до прихода советских войск в 1944-м томившуюся в тюрьме. Общий итог закордонной работы П.Капелюшного: 76 нейтрализованных агентов и эмиссаров эмиграционных организаций, английской и румынской разведок, внедрение оперативных источников в разведслужбу Великобритании, ценная информация о деятельности разведок западных держав против СССР с территории Румынии, Польши, Чехословакии и других стран.

Захватом Тютюнника работа по украинской политической эмиграции не прекратилась. В Украинской советской энциклопедии можно прочесть о Павле Ладане — деятеле международного и украинского коммунистического движения, видном функционере социал-демократии и компартий Канады и США, Компартии Западной Украины (КПЗУ). Но, понятное дело, ни слова о том, что он же был кадровым сотрудником советской разведки «Игорем».

Ладан Павел Степанович, уроженец Тернопольской области, был секретарем бюро Украинской федерации Социалистической партии Америки, с 1924 года — членом Центрального комитета Компартии Западной Украины (КПЗУ) и кандидатом в члены Исполкома Коммунистического Интернационала, представителем КПЗУ в польской секции Коминтерна.

ИНО ОГПУ заинтересовали обширные связи П.Ладана среди членов Украинской войсковой организации (УВО, предтеча ОУН), ветеранов Сечевых стрельцов. За границей Ладан по заданию Лубянки добывал интересующую ее разведывательную информацию. Например, сообщал о контактах с бывшими сечевыми стрельцами в Праге и Берлине, а также с представителями Украинской войсковой организации (УВО). В 1926—1928 годах работал в Америке, организовывал финансовую поддержку КПЗУ. В конце 1928-го в Берлине, говорится в архивном деле, П.Ладан получил предложение от шефа нелегальной резидентуры ОГПУ в Германии «товарища Бэра» перейти на работу в разведку.

Участком работы «Игоря» (официально — сотрудника секретариата КПЗУ) стала вербовка агентуры среди функционеров УВО и других национал-патриотических организаций за рубежом. Он сумел привлечь к негласному сотрудничеству четырех членов УВО.

Следует отметить, что КПЗУ первой в мировом коммунистическом движении выступила против Сталина (за свертывание украинизации и насильственную коллективизацию). Расплата последовала в 1938 году — КПЗУ исключили из Коминтерна и распустили, последних ее лидеров расстреляли 16 октября 1941 года в лесу под Орлом.

В начале же 1930-х арестовали «замаскированных агентов ОУН», лидеров КПЗУ Заячківського, Иваненко, Максимовича, Турянского, которые находились в то время в СССР по линии работы Коминтерна.

В фабриковавшемся репрессивными органами политическом обвинении против КПЗУ важную роль должны были сыграть показания Ладана. Лубянские фальсификаторы энергично взялись за обработку жертвы, пытаясь использовать любые методы: от убеждения до принуждения. Подследственному настойчиво подсказывали, что он должен «засвидетельствовать предательство» функционерами КПЗУ интересов Коммунистического Интернационала и дела пролетарской революции, а также подтвердить принадлежность арестованных к «левому крылу УВО».

Арест «Игоря» согласовали с шефом советской разведки Артуром Артузовым (Фраучи). Через несколько лет этот «тихий скромный человек, никогда не носивший наград и скорее производивший впечатление сельского учителя» (характеристика историка А.Антонова-Овсеенко), наживет врага в лице самого Иосифа Виссарионовича и тоже сгинет в кровавых жерновах.

Отозванный и арестованный на Лубянке 18 августа 1931 года, Ладан, по иронии судьбы, обвинялся в членстве в УВО теми ее членами, которых сам же и завербовал. Разведчика отправили в следственный изолятор «посидеть с годик», как успокаивал своего подчиненного Артузов. Оказалось, что этот арест стал увертюрой к основательной чистке резидентуры в Германии. Ладану предложили вызвать в СССР под предлогом «организационных совещаний» нескольких негласных помощников, чтобы здесь их, понятное дело, тоже привлечь к реализации плана подавления антисоветской оппозиции. Павел Ладан оказался в камере-одиночке следственного изолятора, можно сказать, в самый разгар фальсификаторской деятельности подчиненных Вячеслава Менжинского и его заместителя Генриха Ягоды — будущего Генерального комиссара госбезопасности. Вначале разведчика вызывал на допросы оперативный уполномоченный 2-го отделения следственного отдела ОГПУ Финкельберг.

Шокированный неподобающим и жестоким обращением, Ладан 1 октября 1931 года написал письмо в ЦК, ЦКК ВКП(б) и коллегии ОГПУ. Он заявлял о лояльности к советской власти, упоминал о заслугах перед международным коммунистическим движением, пытался доказать, что даже не помышлял о подрывной, контрреволюционной деятельности. Очень подробно, едва ли не по дням, изложил ав-

тобиографию вплоть до ареста в Москве. Но не признаний в верности идеалам коммунизма добивались от подследственного его «товарищи по оружию».

Павлу Ладану предъявили свидетельства Коссака, Днистренко и некоторых других лиц, проходивших по делам, связанным с КПЗУ. Все они обвиняли Ладана в контрреволюционной деятельности: речь шла о контактах последнего с польской дефензивой, попытках перенести влияние УВО—ОУН на рабочее движение Канады и США.

Разведчик оказался в эпицентре подготовке громкого политического процесса над участниками мифического «Украинского национального центра» (УНЦ, туда же собирались приплести и Михаила Грушевского, но процесса не состоялось и свыше 50 фигурантов осудили по другим «делам»). Фабрикация пресловутого «дела УНЦ» началась в 1929 году. Под следствием оказались люди известные, входившие в интеллектуальную элиту республики. Бывший председатель Центральной Рады М.Грушевский, по замыслу ОГПУ, возглавлял «центр», а помогали ему активисты-сподвижники — В.Голубович, В.Мазуренко, Н.Шраг, П.Христюк, Г.Коссак и другие видные участники Украинской революции 1917–1920 годов. УНЦ представлялся как некий штаб борцов-антисоветчиков Надднепрянской Украины и «филиал» Организации украинских националистов на территории СССР.

Стараниями Финкельберга из следственного отдела ОГПУ П.Ладан 11 октября 1931 года написал покаянное письмо о своем «участии в украинской националистической контрреволюции». В нем сообщалось, что работа в КПЗУ велась под знаком борьбы против ЦК КП(б)У и партийной политики в советской Украине, а возглавляла эту борьбу группа ренегатов-контрреволюционеров шумкистской формации, лидером которой был Васильков-Турянский. «Шаг за шагом, — “чистосердечно” признавался Ладан, — я шёл дальше в болото национал-шовинизма, подменяя революционный интернационализм буржуазным национализмом, рабочую солидарность — гнилой интеллигентской болтовней, чем платил дань украинской националистической контрреволюции».

Но и это не помогло. В начале 1932 года обвинения по пунктам 4 и 14 статьи 58 УК РСФСР были готовы. Павла Ладана призна-

ли виновным в том, что он был членом УВО, вел раскольническую деятельность в рядах КПЗУ, а также, будучи сотрудником разведки ОГПУ, скрывал свою «контрреволюционную деятельность» и «срывал порученную ему работу». Коллегия ОГПУ на заседании 20 января 1932 года постановила: Ладана Павла Степановича расстрелять, дело сдать в архив. Приговор чекистской Фемиды привели в исполнение 27 апреля того же года. Реабилитировали разведчика постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР 11 июня 1959 года.

В том же году редакция истории и философии Украинской советской энциклопедии обратилась в органы государственной безопасности с запросом, касающемся судьбы и реабилитации Ладана.

Михаил Грушевский. Фото из уголовного дела

Официальный ответ не заставил себя долго ждать: реабилитирован. О причине смерти сообщалось без нежелательных подробностей: «умер в местах заключения 27 апреля 1933 года».

Продвижение оперативных источников в зарубежные центры УВО-ОУН часто осуществлялось и под предлогом направления «националистическим подпольем в УССР своих участников по каналам связи» за пределы СССР. Оперативным позициям советской разведки была присуща близость к руководящим кругам украинских националистов. Так, секретный сотрудник «Лоцман» (псевдоним изменен. — Авт.), происходивший из семьи одного из лидеров Украинской партии социалистов-революционеров и лично контактировавший с Е. Коновальцем, в 1936-м был награжден орденом Красной звезды за выполнение важных заданий ведомства Генриха Ягоды, а его сестра стала женой одного из руководителей разведки ОУН.

Есть утверждения о том, что на советскую разведку работал Петр Кожевников, один из основателей ОУН, член ее Провода. После войны Кожевников был арестован, сидел на Лубянке в одной камере с руководителем разведывательной сети ГРУ в Западной Европе «Красная Капелла» Леопольдом Треппером и после освобождения в 1955-м эмигрировал в ФРГ.

От лица одной такой «глубоко законспирированной организации в СССР» удалось внедрить в националистическую среду подающего надежды разведчика Павла Судоплатова. Им же осуществлен и достаточно подробно описан в мемуарах теракт, подготовленный по приказу И. Сталина против Е. Коновальца — фрагменты тела полковника, разорванного «адской машинкой» собирали в радиусе 20 метров. Будущий начальник отдела оперативной техники 4-го Управления (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа) НКВД СССР Александр Тимашков изготовил для ликвидации лидера ОУН мину с механизмом-замедлителем, закамуфлированную под коробку конфет. Кстати говоря, в годы войны он же конструировал мины для уничтожения гитлеровских высоких чинов, включая взрывное устройство из 8 кг английского пластита для ликвидации посла Германии в Турции фон Папена. «Что будем взрывать?» — любил приговаривать умелец.

В свою очередь, успех Судоплатова был предопределен тем, что в начале 1930-х в Провод ОУН ввели в результате оперативной комби-

*Разведчик-нелегал
Павел Судоплатов*

нации «руководителя националистического подполья в Украине» В. Лебеда, известного в закордонной ОУН как Хомяк. Именно его «племянника» и изображал Судоплатов и в случае «наездов» резко обрывал собеседников: «Вуйко не велел!», и всегда срабатывало. В 1937-м Судоплатов вернулся в Союз, получив орден Красного Знамени из рук Вождя, и едва не скончался от рюмки водки «по случаю» — организм не переносил.

Отметим, что и до того советская спецслужба стремилась «убрать» лидера ОУН. Так, в 1936-м полиция Швейцарии разоблачила в Женеве группу советских агентов Нормана, готовившую покушение на Е. Коновальца.

Как сообщал уже в 1970-е годы П. Судоплатов в личном письме заместителю Председателя КГБ СССР Филиппу Бобкову, в 1933-м ОГПУ СССР получило от агента «82» в окружении Е. Коновальца информацию о командировке им в США пятерых боевиков во главе с Мишугой для теракта против наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова. Террористов арестовали.

«82-м» был упомянутый Василий Лебедь-Хомяк (родился в 1899 году), бывший офицер Сечевых стрелцов, вместе с Коновальцем деливший тяготы русского плена под Царицыном в 1915–1917 годах. Сотрудничая с ВЧК-ГПУ с 1920-х, В. Лебедь попал за границу по легенде: спасаясь от арестов, по фальшивым документам устроился на корабль и в начале 1933-го остался в Бельгии, восстановил связь с Коновальцем. В июне 1935-го с ним в Финляндию вывезли и племянника Павлуся (Судоплатова). Попутно Хомяк убеждал лидеров ОУН не стремиться устраивать теракты в СССР как бесперспективное занятие. В годы войны работал в 4-м Управлении НКВД, командовал спецотрядом знаменитой Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), затем трудился на дипломатическом поприще, на высоких хозяйственных постах, умер в 1980-х в Киеве. Похоронен на Байковом кладбище.

Кроме того, по ОУН за рубежом плодотворно работал и бывший член Украинской партии социалистов-революционеров Кондрат

Полуведько, ставший главой Украинской громады в Хельсинки. В 1942-м чекист Полуведько был замучен гестаповцами в Харькове, где его оставили для подпольной работы.

Работа против ОУН открывала перед советской разведкой заманчивые перспективы создания оперативных позиций в спецслужбах зарубежных государств, с которыми сотрудничала разведка национал-радикалов.

Дело в том, что в начале 1920-х устанавливаются деловые отношения между германской спецслужбой и движением украинских националистов. Возникновение последнего стало реакцией радикально настроенной части населения Западной Украины на гибель национальной государственности 1917–1920 годов, поражение национально-освободительной борьбы и территориальное расчленение украинских земель между СССР, Польшей, Чехословакией и Румынией.

Вокруг бывшего командира Корпуса сечевых стрелцов Армии УНР полковника Евгения Коновальца сплотились отчаянные боевые офицеры, участники Сечевого стрелчества и Украинской галицкой армии (УГА).

На заседании «Стрелецкой рады» в июле 1920 года, на съезде представителей нелегальных военно-патриотических организаций 31 августа этого же года в Праге принимается решение создать «Войсковую организацию». После 1924 г. утвердилось название «Украинская вой-

Евгений Коновалец с членами Начальной команды УВО

Осип Думин

сковая организация» (УВО). С июля 1921 года ее возглавил Е.Коновалец. Активисты УВО вели учет бывших военнослужащих УГА, собирали оружие, разрабатывали планы вооруженного восстания против Варшавы. Помимо боевой и пропагандистской работы, они намеревались развернуть подрывную деятельность и индивидуальный террор против польской власти.

Националисты создали широкую сеть подпольных групп и резидентур в Галичине, в крупнейших городах Польши и некоторых других европейских стран. В составе «Начальной команды» УВО созда-

ется референтура разведки, которую возглавляли Ярослав Чиж (бывший сотрудник разведки Австро-Венгрии, а затем и Корпуса сечевых стрельцов), сотники Николай Колтуняк и Осип Думин. Создаются разведподразделения окружных и уездных команд УВО, конспиративные линии связи, по которым информация поступала в «почтовые ящики», находившиеся в ведении руководителей разведки УВО.

В учебнике «Разведка», подготовленном Генштабом Польши, отмечалось, что «разведывательная сеть УВО была наибольшей и наилучше организованной в своем роде в Европе». Собирается разноплановая информация о вооруженных силах, государственных учреждениях, промышленности, коммуникациях Польши. Источниками информации служили украинцы-военнослужащие или гражданские лица, корыстолюбивые чиновники всех национальностей. Так, сотрудники-украинцы штаба армейского корпуса в Перемышле по заданию разведчика УВО Заблоцкого добыли данные о дислокации и командном составе частей, мобилизационные схемы, секретные приказы и документацию местного арсенала.

Уже в марте 1925 г. состоялся громкий судебный процесс над членами УВО по обвинению в разведывательно-подрывной деятельности («дело басарабовцев» – по имени связной О.Думина Ольги Басараб, погибшей в тюрьме во время следствия). По нему проходило 10 участников во главе с руководителем УВО в Галичине Андреем Мельником, получившим 4 года тюрьмы. Всего к 1928 году около 100 украинских националистов отбывало наказания по

обвинению в шпионаже. По данным «дефензивы» (контрразведки, подчиненной II отделу Генштаба Польши), в 1929–1935 гг. около 630 украинцев собирали разведданные (26% от общего числа подозреваемых в шпионаже).

Мировая история полна примеров, когда патриотические силы, добивавшиеся национального освобождения, действовали по принципу «враг моего врага – мой друг». Руководство националистического движения не могло, естественно, надеяться на возрождение Украинской самостийной соборной державы только своими силами. По свидетельству одного из основателей УВО Михаила Кураха, после санкционированной державами Антанты аннексии Западной Украины Польшей (14 марта 1923 г.) Коновалец сообщил ближайшим соратникам о крахе надежд на компромисс с режимом Пилсудского и о переориентации на союз с традиционным врагом Польши – Германией. Лидер УВО откровенно указал на мотивы сотрудничества с немцами в письме митрополиту Андрею Шептицкому: «Пусть сегодня мы находимся в услужении немецким чиновникам. Но завтра с их помощью мы добудем свою державу».

С немецкой стороны сотрудничеством с УВО занимался шеф военной разведки – абвера полковник Вальтер Николаи, бывший начальник Киевского гарнизона кайзеровских войск генерал Гренер, полковник контрразведки Гемп и сотрудники разведцентра, действовавшего во Львове под прикрытием гданьской фирмы «Хартвиг», офицеры разведотдела штаба 1-й немецкой пехотной дивизии в Восточной Пруссии. В 1923 году Гемп подписал с руководителем УВО соглашение о ведении нею разведки в пользу Германии, осуществлении, в случае войны, диверсий в Польше. За это УВО получала военно-техническую помощь и 9 тыс. марок ежемесячно.

Характерно, что общественность Западной Украины с пониманием относилась к необходимости сотрудничества с внешними силами для противоборства с польским шовинистическим режимом. Как заявил на допросе 15 февраля 1948 г. в МГБ УССР сотрудник

Полковник
Евгений
Коновалец

референтуры пропаганды Центрального провода ОУН Владимир Порендовский, о контактах Коновальца с немцами было широко известно в Галичине, однако они воспринимались как целиком естественный способ борьбы с Польшей.

Уже в 1921 г. Е. Коновалец принял решение о вступлении в тайные отношения с абвером и договорился о поставках разведывательной информации, касавшейся Польши. По данным советской разведки, в роли «честного маклера» в контактах между полковником Николаи и «Степановичем» (так в Абвере зашифровывали Коновальца) выступал известный авантюрист Рихард (Рико) Яри (Ярый). Последний развил бурную деятельность, став руководителем разведывательных курсов для УВО, организованных в том же году майором Фоссом в Мюнхене (Бавария).

К концу 1920-х уже действовали шпионско-диверсионные курсы «шефов украинских разведывательных бригад» в Берлине, Данциге (Гданьске), Кенигсберге, на территории Голландии. Как показал на допросах в МГБ уже после войны один из основателей ОУН Петр Кожевников, только в 1923–1928 годах боевики Коновальца получили до двух миллионов немецких марок. Лишь через данцигский переправочный пункт им поступили две сотни револьверов, полтонны взрывчатки, тысячи детонаторов. В июле 1926 г. руководство УВО решает распространить разведывательные устремления и на других потенциальных противников Германии – СССР, Англию, Францию, США, Канаду.

Широкое сотрудничество налаживается между УВО и спецслужбами Литвы (разведывательным отделом Генштаба, полицией государственной охраны, пограничной полицией, разведкой организации «Союз стрелцов»). Часть территории этой страны (Виленский край) Польша оккупировала в 1920 г. Коновалец и премьер-министр Вальдемарас в 1923 г. договорились о сотрудничестве в области обмена сведениями о Польше и СССР. В 1925 г. гданьский филиал УВО – один из наиболее результативных ее разведцентров – посодействовал литовской разведке в организации транспортировки в порт Клайпеда двух закупленных в Германии подводных лодок.

В следующем году разведка УВО добыла план польского вторжения в Литву. О деталях операции Коновалец предупредил литовское

правительство, а через гданьский филиал информацию довели правительствам Англии и Германии, что ставило Польшу перед угрозой интернационализации конфликта.

В тогдашней столице Литвы Каунасе разместились резидентура УВО во главе с сотником Иосифом Ревьюком («Йонасом Братвичусом»). В нее входило 15 сотрудников, владевших польским, литовским и белорусским языками. Они собирали информацию в регионе Вильнюс – Гродно – Лида – Пинск, содействовали закупке и переправке в Галичину оружия, поддерживали связь с резидентурами УВО в Берлине, Вене, Париже. В последние годы жизни Е. Коновалец использовал для прикрытия именно литовский паспорт.

По сведениям, сообщенным польской разведке ее информатором (на самом деле – двойным агентом) пресвитером Яковом Кравчуком, близким к высшим руководителям ОУН, в бюджете ОУН («Освободительном фонде») на 1936–1937 гг. из общей суммы, эквивалентной 126 тыс. 282 долларам США, 50 тыс. поступило от Германии, 30 тыс. от Литвы. Непосредственно на разведку потратили 20 тысяч.

В 1931 г. эмиссары ОУН установили контакты с британской спецслужбой СИС через ее кадрового сотрудника в посольстве Англии в Варшаве Д.Росса. В 1934 г. японский военный атташе в Стамбуле обсудил с представителями ОУН возможности сбора информации о СССР. По данным разведки НКВД, в августе 1937 г. Ярый свел в венском отеле «Бристоль» Коновальца и шефа Войскового штаба ОУН генерала Николая Капустянского с японским военным атташе в Берлине, генштабистом и кадровым разведчиком Ито – советником посольства Японии в Париже. Стороны договорились о сотрудничестве в сборе разведывательной информации по Советскому Союзу с позиций ОУН в Маньчжурии.

Кстати, сотрудничество между украинскими националистами и японскими спецслужбами еще ждет своего глубокого исследователя. Оно активизировалось после выхода в 1927 г. меморандума премьера Танаки с рекомендациями относительно войны против СССР. В начале 30-х годов разрабатывается план боевых действий Квантунской армии («Оцу»), предусматривавший широкое применение разведывательно-диверсионных средств.

*Николай
Капустянский*

После создания Японией марионеточной державы Маньчжоу-Го (1931 г.) Р.Ярый направил туда своих представителей Федорова и Мытника. Те создали в 1933 г. в Харбине «Дальневосточную сечь» и установили взаимодействие с японской разведкой. Третий отдел японского «Бюро по делам российских эмигрантов» подбирал кандидатуры для обучения шпионско-диверсионному ремеслу. «Украинская националистическая громада» Харбина работала под контролем японского разведоргана («военной миссии»), направляла своих членов на разведывательно-диверсионные курсы с перспективую работы на советской территории.

Наконец, направили представителей Провода ОУН в европейские страны: Н.Капустянского (Франция), И.Габрусевича (Италия), Мошинского (Испания), Кентжинского (Финляндия), искавшими контакты со спецслужбами этих держав, а также Турции и Югославии.

Но, безусловно, главным направлением сотрудничества становятся специальные мероприятия в контексте подготовки войны Германии с СССР. С 1932 г. абвер настаивает на получении от разведки ОУН сведений об оборонном потенциале СССР. В декабре 1933 г. на встрече в Берлине генерал Рейхенау и инспектор гестапо Дильс рекомендовали Е.Коновальцу и Ярому развернуть разведку и подрывную пропаганду в советской Украине. Наконец, в 1938 г. полковники Лахузен и Штольце, кураторы ОУН от абвера в 1937–1945 гг., получили от шефа разведки адмирала Канариса указание переключить агентуру на деятельность против СССР. Накануне Второй мировой войны в разведывательно-диверсионных формированиях рейха находилось до 4 тыс. украинцев (из них 300 училось в спецшколах), а весной 1941 года С.Бандера получил от абвера на разведывательно-диверсионные мероприятия против СССР 2,5 млн. марок.

Нельзя обойти и такую проблему: распространили ли УВО и ОУН свою разведывательно-подрывную деятельность непосредственно на территорию сталинского СССР? Историки националистического движения как бандеровской, так и мельниковской ориентации ут-

верждают, что УВО и ОУН оказались в состоянии создать оперативные позиции в советской Украине. По словам Зиновия Кныша, бывшего боевого референта УВО и ведущего диаспорного исследователя этой организации, все связи с УССР «сосредоточивались в руках полковника Евгения Коновальца».

Входившие в его окружение отмечали, что полковник часто принимал курьеров «из-за Збруча» и оставшись с ними в комнате «говорил долго в четыре глаза, без свидетелей». Организационные контакты с людьми УВО–ОУН в СССР шли, якобы, через Румынию, балтийские страны или Финляндию. Известный исследователь истории ОУН Петр Мирчук пишет, что в 1937–1938 годах «существовало на Надднепрянщине по крайней мере пять таких самостоятельных действующих центров революционно-подпольных организаций, с которыми полковник Коновалец при посредничестве отдельных краевых связей поддерживал непосредственную связь».

По нашему убеждению, тут мы имеем дело если не с сознательными «приписками» солидных, но, никуда не денешься, zaangażованных исследователей, то с определенным самообманом. При существовании огромной карательно-репрессивной системы, развитой сети информаторов органов госбезопасности трудно представить себе появление подпольных националистических организаций, тем более в тех регионах Украины, которым «интегральный национализм» как идейно-политическое течение присущ не был. Скорее всего, почвой для таких утверждений стали сообщения советских газет о «разоблачении», «ликвидации» сфабрикованных ОГПУ-НКВД «националистических организаций».

Усиление репрессивного характера правящего режима привело, в частности, к тому, что с декабря 1932-го в УССР начинаются аресты по делу «большой, широко разветвленной контрреволюционной» «Украинской войсковой организации», ставившей, якобы, целью «свергнуть советскую власть и установить фашистскую диктатуру». За «причастность» к этой «резиновой» (меткое определение известного исследователя политической истории Украины XX столетия профессора Юрия Шаповала) организации в 1933–1934 годах осудили

*Адмирал
Канарис*

до 150 человек, в том числе военнотружущих-галичан, служивших в 1920-м в «Червонной Украинской Галицкой Армии» и на свою беду поступивших затем в РККА.

В первые же дни «Большого террора» 13–15 декабря 1934 года в Киеве состоялся политический процесс над 37 участниками «Объединения украинских националистов» с «филиалами» в Москве, Ленинграде и Минске. Так что обвинение в причастности к националистическим организациям в СССР стало стандартным клеймом для сценаристов незаконных репрессий. Что же касается диаспорной историографии, то достаточно вспомнить книгу историка Владимира Плюща (начало 1970-х) об «антисоветском подполье в СССР». В ней к «реально существовавшим» с гордостью отнесены все мифические «антисоветские организации», включая таковые в армии – это удачно укладывалось в авторскую концепцию о мощном движении сопротивления сталинизму. Пафос, конечно, понятен, но факты – упрямая вещь.

Наконец, к выводам о существовании «подполья» в СССР окружение Коновальца подталкивали и оперативные игры чекистов, направленные, по опыту классической игры «Трест», на имитацию перед закордонными лидерами ОУН существования в СССР дееспособного националистического движения.

Следует подчеркнуть, что контингент оперативной заинтересованности по линии борьбы с националистическим движением определен еще в 1920-х годах: ИНО ГПУ УССР на случай перенесения боевых действий на территорию сопредельных европейских государств подготовил военной контрразведке списки «украинской контрреволюционной эмиграции различных политических окрасок в Польше, Румынии и других государствах».

Характерно, что за несколько месяцев до похода советских войск в Западную Украину интенсифицируется противоборство с заграничными центрами ОУН. Как докладывал 10 февраля 1939 г. начальнику 5-го отдела (разведка) ГУГБ НКВД СССР Деканозову заместитель наркома внутренних дел УССР Амаяк Кобулов, украинские чекисты приступили к тщательному подбору оперативных источников для разработки заграничных националистических центров. Утвержденная приказом НКВД СССР № 0064 от 28 марта 1941 г. инструкция по за-

граничной работе наставляла на оперативную разработку националистических организаций, создание агентурных позиций в их среде.

...С начала 1940-го Краковский центр ОУН (Степана Бандеры) развернул масштабную работу по подготовке подпольной сети и вооруженного восстания против советского режима в Западной Украине. Создается Повстанческий штаб во главе с Дмитрием Грицаем. Референтуры разведки и Службы безопасности (СБ) Краковского центра перебрасывают в Галичину организационно-инструкторские группы из специалистов по разведке, диверсиям, мобилизационной работе, пропаганде и конспиративной связи.

18 марта 1940-го границу благополучно пересек мобилизационный референт Повстанческого штаба Ярослав Горбовой («Буй»). При себе эмиссар имел списки конспиративных и явочных квартир подполья, мест хранения оружия и списки аэродромов ВВС Красной Армии, нуждающихся в доразведке для немецких партнеров. Однако 29 марта на подходе к конспиративной квартире во Львове «Буя» задержали сотрудники НКВД – он так и не сумел воспользоваться двумя револьверами (видимо, посланца из Кракова уже контролировали по наводке ранее арестованных подпольщиков).

Две недели Я.Горбового допрашивал младший политрук Пименов. Изъятые «вещественные доказательства» говорили сами за себя, и задержанный дал «развернутые показания о своей враждеб-

Ярослав Горбовой

Павел Судоплатов

ной деятельности», планах Краковского центра и задачах подполья Галичины. Начались новые аресты, вскрывались тайники с оружием, только в марте-апреле НКВД задержал 165 подпольщиков. Внезапно допросы прекратились, и несколько дней Ярослав гадал в камере о своей участи.

Новым собеседником «Буя» стал молодецкого вида brunet с генеральскими звездами и орденом Красного Знамени на гимнастерке. Своей настоящей фамилии чекист не называл. Позднее, когда в СБ ОУН «Бую» покажут фотографию неожиданного визави, он узнает в нем «Павлуся Валюха» — под

таким псевдонимом в закордонной ОУН работал убийца Коновальца Павел Судоплатов...

Опытный разведчик, прекрасно знавший украинский язык и идеологию ОУН, Судоплатов вел себя с разрабатываемым деликатно, не оскорбляя его убеждений. Он предлагал Горбовому вспомнить угнетенное положение украинцев под поляками, румынами, венграми и сравнить его с «коренными преимуществами социалистического строя» (хотя следует заметить, что за два предвоенных года население советской Западной Украины сократилось почти на 400 тыс. человек, а жертвами репрессий стало в несколько раз больше людей, чем в немецком Генерал-губернаторстве в Польше).

Да, вел психологическую обработку Судоплатов, оуновцы — патриоты, романтики, но они судят о советском строе лишь по враждебной пропаганде, занимаются донкихотством. Настоящий патриот Украины — активный строитель социализма. У нас построены промышленные гиганты, проведена электрификация, ликвидирована неграмотность. Агитация «за советскую власть» продолжилась в Киеве, генерал и воспитуемый посещали передовые колхозы, предприятия, любовались панорамой Днепрогэса. Затем была Москва, уютные дачи НКВД, театры.

Видимо, воспитательная миссия возымела действие, и 17 июня Горбового распоряжением главы НКВД УССР Ивана Серова передали 5-му отделу УГБ НКВД УССР, где его куратором стал лейтенант госбезопасности Иван Кудря — будущий киевский подпольщик, став-

ший Героем Советского Союза (посмертно, в 1965-м). Именно он 21 июня 1940-го с санкции заместителя прокурора УССР освободил Горбового из-под стражи. П.Судоплатов поставил ему задачу вернуться в Краков, восстановить связь с ОУН и попытаться внедриться в Берлинский или Римский центры националистов, он лично отвез нового негласного помощника к «окну» на границе, на берег Сяна.

О дальнейшей судьбе «Буя» можно узнать из материалов самой ОУН. «Чудесное» возвращение Горбового вызвало подозрения у СБ ОУН, тем более что период его отсутствия совпал с ощутимыми оперативными ударами по нелегалам ОУН в Галичине. Допрашивали его шеф СБ ОУН(Б) Николай Арсеныч, военный референт ОУН Олекса Гасын-«Лыцар». С ним беседовал и Степан Бандера, о чем сообщила уже в 1944 году, сама того не подозревая, информатору НКВД сестра лидера ОУН Владимира Бандера.

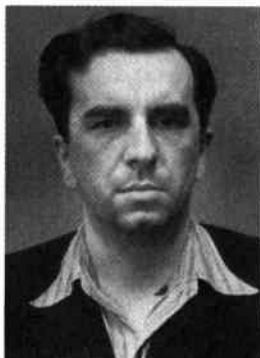
Похоже, «Бую» дали возможность искупить вину, выманив ненавистного «Валюха» за кордон. Однако в польском Ряшеве Н.Арсеныча и «Буя» задержало гестапо, и дальнейшая судьба последнего неизвестна. По одной из версий, конкуренты бандеровцев из ОУН Андрея Мельника сообщили немцам о сотрудничестве Горбового с НКВД и осенью 1941-го того ликвидировали в Освенциме.

Неизвестно, пытался ли Судоплатов восстановить контакт со своим человеком. Руководитель разведки ОУН(Б) в Генерал-губернаторстве Федор Яцура как-то показал своему информатору доктору Ивану Л. фото «Валюха», и тот заявил, что видел этого человека в Кракове именно в 1940-м году! Так что, как знать, все ли сообщил о работе по ОУН «главный террорист СССР» в своих нашумевших некогда мемуарах... Советская разведка надеялась на восстановление связи с Горбовым до 1948 года, когда узнала о печальной судьбе несостоявшегося «крота».

В предвоенные годы советской разведке удалось создать определенные позиции в среде закордонных звеньев ОУН, что давало

*Сотрудник разведки
НКВД УССР
Иван Кудря*

Василий Охримович

результаты даже в период «холодной войны». Так, негласный помощник «Иосиф» (псевдоним изменен. — Авт.) сотрудничал с НКВД с 1939 года, а связь с ним КГБ УССР возобновил только в 1954 году. О заброшке на базы подполья в Западной Украине эмиссара-разведчика Закордонного представительства Украинской главной освободительной рады Василия Охримовича (1951 год) стало известно от приобретенного до войны оперативного источника, «расконсервированного» после 1945-го.

Созданное в январе 1942-го 4-е Управление НКВД УССР среди ведущих функциональных задач имело «продвижение» агентуры в формировании ОУН и УПА для последующего ее вывода в Германию и другие европейские державы.

Так, оперативной группе «Унитарцы» майора Василия Хондожко, направленной 4-м Управлением Наркомата госбезопасности (НКГБ) УССР на базу партизанского соединения Сидора Ковпака в августе 1943-го, ставилась задача приобретения агентуры среди украинских повстанцев, вывода ее в заграничные звенья ОУН. Опергруппа «Дружба» Николая Онищука, действовавшая на базах соединений С. Ковпака и Петра Вершигоры, привлекла к негласному сотрудничеству 49 оперативных источников в ОУН и УПА. Опергруппа 4-го Управления НКГБ УССР в партизанском соединении Бориса Шангина обзавелась несколькими ценными информаторами в проходах ОУН Германии и Австрии.

В соответствии с директивой НКГБ УССР от 28 июля 1944 года создается 1-е Управление НКГБ (внешняя разведка). Это подразделение приобрело до конца войны ряд перспективных оперативных источников в Германии, Австрии и других европейских странах. И хотя внешняя разведка всегда была прерогативой Москвы, до 1948 года существовали закордонные оперативные группы НКГБ-МГБ УССР, позднее влившиеся в общесоюзные в статусе «подрезидентур». По свидетельству одного из руководителей разведки КГБ УССР генерал-

Петр Вершигора

майора Василия Мякушко (работавшего после войны во Франции и других государствах), приобретенная тогда украинскими разведчиками агентура использовалась в Европе и за океаном по крайней мере до 1970-х годов.

26 мая 1945 года Лаврентий Берия санкционировал направление в Прагу оперативной группы генерал-майора Горшкова «для изъятия активных украинских националистов» с подчинением ей ряда ответственных работников НКГБ УССР. Активизации работы советских спецслужб против закордонных центров украинских националистов способствовало тесное сотрудничество последних с разведками США и Англии, объявленными в постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 20 августа 1946 года основными противниками по тайному фронту.

Если судить объективно, разведывательная информация способствовала благородному делу восстановления соборности украинских земель, вхождению Украинской ССР в мировое сообщество. В частности, конфиденциальная информация о позициях правительств Великобритании и США использовалась на исторических Ялтинской и Потсдамской международных конференциях 1945 года на переговорах о западных границах послевоенной Украины, ее вступлении в ООН.

Особого упоминания заслуживает патриотизм украинцев — представителей «трудовой эмиграции» в странах Латинской Америки. Их представители вошли в состав резидентур, созданных в Аргентине, Уругвае и Чили видным советским разведчиком Иосифом Григулевичем («Максом»).

Эта талантливая личность больше известна как член-корреспондент АН СССР, автор ряда солидных монографий по истории католицизма и Латинской Америки, написанных под псевдонимом Лаврецкий. Рискуя жизнью, наши земляки помогали освобождению «неньки Украины», закладывая мины в угольные бункеры судов, везших из Буэнос-Айреса в Германию стратегическое сырье (селитру) и продовольствие. Всего в 1942–1944 годах заложили 150 мин — они срабатывали в море, и Гитлер лично распорядился подобрать другой порт для транспортировки грузов.

Одним из оперативных прикрытий спецагента «Макса» служила должность посла Коста-Рики в Италии, где он одно время даже был дуаиеном дипломатического корпуса. Посол резко выступал с трибу-

ны ООН с критикой внешней политики СССР, за что получил кличку «американского подпевалы» от министра иностранных дел страны Советов Андрея Громыко. В 1953 году посол просто исчез...

Дело в том, что разведчика «Макса» отозвали в связи с арестом Берия и чистками старых кадров спецслужбы, особенно причастных к репрессиям и «мокрым» акциям. Сам Григулевич, начавший сотрудничать с НКВД, вероятно, в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 годов, вскоре после убийства в 1940-м Рамоном Меркадером Льва Троцкого (проходившего у чекистов под псевдонимом «Козел») получил орден Красной Звезды «за успешное выполнение правительственного задания».

Из мраморного особняка в Риме Иосиф Ромуальдович попал с женой-мексиканкой Лаурой и грудной дочерью в скромную двухкомнатную квартиру в районе станции метро «Сокол» в Москве. Сделал успешную научную карьеру, одних книг выпустив около двадцати. Дочь разведчика Надежда (родившаяся в Риме и нареченная сначала Романеллой) рассказывала, что всегда мечтала о брате или сестре. В 1946-м в Бразилии у Григулевича родился сын Хосе, умерший шестимесячным от порока сердца. «Я думаю, – говорила Надежда Григулевич, – что это была Божья кара за попытку покушения на Льва Троцкого».

«Об Иосифе Григулевиче, обо всем этом прекрасном и ужасном поколении коммунистов-чекистов, – отмечал отставной полковник разведки, писатель Михаил Любимов, – еще много напишут и плохого и хорошего. Они самоотверженно воевали, они убивали и белых, и фашистов, и врагов, и друзей, и друг друга, они жертвовали всем и не гнались за личным благополучием. Им есть, чем гордиться и в чем каяться». Этими словами профессионала и закончим очерк.

СВЯЗНОЙ ОТ АБВЕРА

Шпионаж, деньги и лошади были главными страстями в жизни этого человека. Даже такие мощные спецслужбы, как гестапо и Министерство госбезопасности СССР, не сумели достоверно установить ни точную дату рождения, ни даже национальность этого прирожденного авантюриста. Речь идет о Рихарде (Рико) Яром, личности, волею судьбы и собственных наклонностей оказавшейся в круговороте противоборства спецслужб в период назревания и развязывания кровавой драмы Второй мировой войны. Не последнюю роль сыграл он и в сокрытых от непосвященных коллизиях украинской военно-политической истории 20–40-х годов XX столетия – двадцать лет выступал ведущим посредником между спецслужбами Германии и движением украинских националистов.

Еще не отгремели бои на территории Германии, как И. Сталин дал указание начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны СССР генерал-полковнику Виктору Абакумову сформировать специальные опергруппы для захвата и вывоза архивов вражеских и прочих зарубежных государственных учреждений, партий, «контрреволюционных эмиграционных организаций». Вождь народов понимал – кто знает прошлое, тот заглядывает в будущее, и до 1950 года в Союз катились вагоны ценнейших документов. Были, конечно, и сугубо утилитарные соображения, о некоторых из них скажем позднее. Среди документальных «трофеев» оказались и бумаги «святая святых» гитлеровского рейха – Главной имперской канцелярии, и в том числе – материалы внешнеполитического отдела правящей национал-социалистической партии (НСП). Их переводы хранятся в отраслевом Государственном архиве СБ Украины. Нашлось в документах место и персоне Рико Ярого.

Родился Рихард Яри то ли 14 апреля, то ли 19 июля 1898 года по одним сведениям в Ряшеве на юго-востоке Польши, по другим – во Львове. Более точных сведений не было выявлено ни в гестаповских картотеках, ни в полицейско-президиуме Берлина. Отец его, чех из Остравы, вышел в отставку майором цесарской армии, мать была польской еврейкой. Их сын также избрал военную стезю и после окончания под Веной военно-технического училища в 1917 году попал на фронт.

С развалом империи Габсбургов осенью 1918-го у лейтенанта-сапера вдруг проявился недюжинный украинский патриотизм, приведший его волонтером в Украинскую галицкую армию (УГА), самоотверженно защищавшую Восточную Галичину от легионеров Пилсудского. В боях Рихард, сменивший фамилию на Ярый, дослужился до сотника (капитана) кавалерии и после поражения УГА ушел с бригадой генерала Антина Кравса в Чехословакию, куда были интернированы вооруженные силы Западно-Украинской Республики.

В это время Рико встретил свою суженую и 30 февраля 1922 года еврейский загс зарегистрировал его брак с 26-летней Розой (Рейзель) Шпильфогель, вскоре ставшей Ольгой. Красавицу жену следовало «выводить в свет», да и сам Рико, по отзывам знавших его, был большим сибаритом, любил комфорт, модную одежду и дорогое шампанское. С отцом, со временем отказавшимся от сына, отношения стали натянутые, приданого Ольга, сбежавшая без родительского благословения под венец с «гоем», не получила, и средства на «красивую жизнь» пришлось изыскивать самому. Не обременявший себя соображениями морали сотник стал спекулировать казенными лошадьми. Бригадный суд возбудил расследование, так, впрочем, и не завершившееся из-за роспуска самой бригады.

К началу 1920-х Рихард стал «созревшим клиентом» для любой спецслужбы. И дело не только в том, что четко проявились его беспринципность и корыстолюбие. По свидетельству современника, он владел несколькими иностранными языками, был человеком «с веселым характером, умелым и хитрым дипломатом, представительным, корректным в отношениях с людьми, симпатичным». Тут то Ярый и попал в поле зрения абвера — разведки рейхсвера, вооруженных сил Веймарской республики. Вскоре агентурный аппарат Абвера пополнился новым «штыком» под псевдонимом «Консул-II». В этом качестве Рихард приступил к разработке интернированных украинских военнослужащих, находясь на связи у майора Фосса.

В это же время устанавливаются отношения между германской спецслужбой и движением украинских националистов, о которых мы подробнее писали в предыдущем очерке. Помимо разведывательной работы, национал-радикалы разворачивают подрывную деятельность и террор против польской власти. Первый теракт — выстрелы боевика

Степана Федака 25 сентября 1921 г. в «начальника державы» Юзефа Пилсудского и ранение львовского воеводы Грабовского. Только в 1922 г. УВО проводит в регионе 38 диверсий, в прессе даже появляется понятие «балканизация Галичины».

Справедливости ради следует отметить, что польские правоохранительные органы работали против националистов весьма квалифицированно и продуктивно, сотрудничая при этом со спецслужбами Чехословакии (в 1929 году даже создается координационный орган). Акцент делался на создании агентурных позиций в среде УВО, вводе в нее провокаторов и информаторов. Характерными чертами профессионального «почерка» польских спецслужб были приоритет агентурной разведки, массовость агентуры во враждебной среде в сочетании с ее высокой квалификацией, целеустремленностью и настойчивостью в достижении цели. В 1922–1928 годах суд УВО приговорил к смерти 5 изменников. В 1930–1939 годах в ОУН ликвидировали 11 польских конфиденентов.

Но это, по словам боевого референта УВО Зиновия Кныша, была «лишь мелкая полицейская рыбка». Более того, после государственного переворота 1926 г. спецслужбы Польши используют свою агентуру в УВО, чтобы заполучить добытую разведкой националистов информацию о событиях за рубежом! Агентура продвигалась в близкое окружение лидеров националистов. Так, комиссариат государственной полиции г. Стрыя привлек к негласному сотрудничеству Иосифа Бандеру — дядю лидера подполья ОУН в Галичине (с 1933 г.) Степана Бандеры.

На поляков с 1929 г. «работал» за 200 злотых в месяц и отдельную награду за особо ценные сведения краевой боевой референт Романом Барановский. На связи он состоял у начальника «украинского отдела» политической полиции Львова Чеховского — умелого агентуриста, мастера оперативных игр с националистическим подпольем. Он,

*Рико Ярый с супругой
(послевоенное фото)*

по оценке самих националистов, «прекрасно ориентировался во всех подробностях, был одним из наиболее опасных укротителей украинского подпольного революционного движения». 22 марта 1932 г. Чеховский пал от выстрелов боевика Юрка Березинского из отряда «Дзвона» (Романа Шухевича).

Как уже отмечалось, в 1921 г. Е. Коновалец принял решение о вступлении в тайные отношения с абвером и договорился о поставках разведывательной информации, касавшейся Польши. Оплата составляла 9 тысяч марок в месяц. По данным советской разведки, тогда же Ярый выдвинулся на роль «честного маклера» в контактах между начальником германской разведки полковником Николаи и Е. Коновальцем.

Рихард развил бурную деятельность, став руководителем разведывательных курсов для УВО, организованных в том же году майором Фоссом в Мюнхене (Бавария). К концу 1920-х уже действовали шпионско-диверсионные курсы «шефов украинских разведбригад» в Берлине, Данциге, Кенигсберге, на территории Голландии. Как показал на допросах в МГБ уже после войны один из основателей ОУН Петр Кожевников, только в 1923–1928 годах боевики Коновальца получили

Роман Шухевич (слева) и Юрий Березинский (в центре)

двух миллионов немецких марок. Лишь через данцигский переправочный пункт им поступили две сотни револьверов, полтонны взрывчатки, тысячи детонаторов. В июле 1926 г. руководство УВО решает распространить разведывательные устремления и на других потенциальных противников Германии – СССР, Англию, Францию, США, Канаду.

Себя сребролюбец, как водится, тоже не обделял. Пользуясь монопольным положением «поверенного» немцев в делах УВО, он поставлял, как отмечалось в упомянутых документах из Имперской канцелярии, «на 9/10 вымышленные сведения о деятельности и положении организации, чтобы добиться скорейшего решения о финансировании УВО. Позднее Ярый получал все денежные пособия на руки и передавал их УВО». Переключил на себя денежные пожертвования от заокеанских украинских громад. В 1925 г. приобрел шикарную виллу с садом в Берлин-Фалькензее (источники дохода он пояснял «наследством» то ли матери, то ли жены).

Отметим, что немцы прекрасно знали расстановку сил в УВО и созданной в 1929 году Организации украинских националистов (ОУН). Отдавая должное присущим Коновальцу качествам – решительности, смелости, энергичности, – Берлин вместе с тем считал его недалеким политиком и стратегом, отмечая, что фактическим хозяином в верхах ОУН является Ярый. Правда, в 1930 г. между вожаками националистического движения возник нешуточный конфликт (опять-таки на почве финансовых дел), однако разгоравшуюся ссору удалось уладить. Впрочем, в отношении Ярого у немцев тоже не было особых иллюзий. Они смотрели на него как на «унтерменша», хотя и весьма полезного до поры до времени.

Для понимания степени цинизма Ярого можно привести такой пример. В 1926 г. он ничтоже сумняшеся предложил начальнику разведки УВО Осипу Думину «сдать» за деньги полякам несколько немецких агентов – членов УВО из резидентуры обер-лейтенанта Рауха. Возмущенный Думин пожаловался немцам. Однако рапорт его рейхсвер передал для разбирательства Ярому. Будучи мстительной натурой, тот заманил сотника в лес на чешской границе «на пикник», а когда убийство сорвалось – «настроил» на коллегу донос в кенигсбергский полиция-президиум. Кстати, в 1945-м шеф разведки УВО был арестован СМЕРШ в Восточной Пруссии и дальнейшая его судьба неизвестна.

Нужно сказать, что на ход сотрудничества между Берлином и УВО—ОУН пытались повлиять политические конкуренты националистов. Интриги «гетманцев-державников» — приверженцев П.Скоропадского — привели к временному прекращению финансирования националистов. Однако в конце 1932 г. на специальном совещании Е.Коновальца, Р.Ярого с немецкими разведчиками договорились о возобновлении денежных вливаний в обмен на разведывательно-диверсионную работу ОУН в Польше. Документы Имперской канцелярии свидетельствуют, что тогда же националистам поручили в случае войны сковать активными диверсионными действиями 2-й польский корпус.

Позиции Ярого, «скромно» именовавшего себя в прессе «украинским Гитлером», еще больше укрепились как в абвере, так и в НСДАП. Он даже пытался прибрать к рукам основанный в Берлине приверженцами гетманата Украинский научный институт, который считался мозговым центром в украинских делах для элиты III рейха. Как писала газета гетманцев «Хлеборобский шлях», «следует клеймить господина Ярого, который своей деятельностью лишь компрометирует репутацию украинского народа за границей». Но авантюрист поплевывал на моралистов, получая только по ведомостям до 8 тысяч рейхсмарок в месяц.

Вернемся к Рико Ярому. Когда в 1939-м потерпела поражение Польша, из тюрем вышла вскормленная на террористических актах и лихих «экспроприациях» польских банков и почтовых контор молодая поросль националистов, признанным вожаком которой был Степан Бандера, с молодости готовивший себя к суровым испытаниям «борца-революционера» (он даже больные зубы ходил удалять к сельскому кузнецу). Молодежь рвалась к руководству освободительного движения, настаивая на более энергичных действиях, резко критиковала «стариков» за потерю революционного напора за дискуссиями в уютных европейских кафе. Назревал раскол. Ярый в этой ситуации сориентировался очень быстро, сделав ставку на бандеровцев.

В отеле-люкс словацкого местечка Пештаны Ярый собрал сотню радикалов и проработал детали раскола, который окончательно разделил в начале 1940 года членов националистической организации на сторонников преемника Коновальца — полковника Андрея

*Полковник
Андрей Мельник*

Мельника (мельниковцев) и бандеровцев («революционная ОУН»). Между ними началась кровавая междоусобица. Рихард настойчиво лоббировал перед немцами интересы новых соратников, добившись накануне войны гитлеровской Германии с Советским Союзом ежегодной субсидии от абвера для ОУН (Бандеры) в сумме 2,5 миллиона рейхсмарок в обмен на сотрудничество в разведывательно-диверсионной деятельности. Сам же Ярый надел военную форму специального батальона «Роланд», став его куратором по политической части.

Вступив в июне 1941-го с немцами во Львов, Ярый участвовал в организации встречи адмирала Канариса с митрополитом Шептицким, в молодые годы — блестящим ротмистром австрийской конной гвардии. Окинув взглядом тщедушного грека, владыка с сарказмом молвил: «Я-то думал, что адмиралы на море, а они — у руля разведки». Обиду командира пришлось проглотить, отыгравшись на Яром.

После провозглашения ОУН (Б) 30 июня 1941 года Акта провозглашения Украинской державы, глава Державного правления Ярослав Стецько присвоил Ярому чин полковника с назначением представителем в Японию. Но до страны восходящего солнца он так и не добрался. Независимая Украина не входила в планы нацистов. На бандеровцев обрушились репрессии в Украине и за рубежом (до октября арестовали 1500 человек). 4 июля задержали С.Бандеру. Не можем не отметить — его «пребывание в концлагере», о котором стандартно пишут биографы лидера ОУН, длилось недолго. В 1944-м НКГБ УССР перехватил письмо Бандеры из Германии сестре Владимире. Там описывались условия его жизни — хороший дом, автомобиль, библиотека.

16 сентября арестовали за «украинский сепаратизм» и новоиспеченного полковника, припомнив в духе «расовой политики» и брак с еврейкой. После войны Ярый с супругой жил в Австрии. Органы госбезопасности завели на него дело всесоюзного розыска как на военного преступника. Как рассказывал автору директор киевской библиотеки

Максим Славинский

им. Ольжича, известный исследователь истории украинского националистического движения Александр Кучерук, в зарубежных архивах он нашел сведения о задержании Ярого после войны чекистами. И тут, конечно, кроется очередная загадка этой личности.

26 мая 1945 года Лаврентий Берия отдает распоряжение об отправке в Прагу оперативной группы для «изъятия активных буржуазных националистов». Госбезопасность арестовала и вывезла в Союз немало видных представителей украинской политэмиграции, среди них президент Карпатской Украины Августин Волошин, украинские дипломаты и ученые Максим

Славинский и Николай Галаган, начальник Генштаба Армии УНР Владимир Синклер, основатели УВО Михаил Курах и Михаил Матчак. При этом упомянутые архивы эмиграции служили для оперативников бездонным источником «компрометирующих материалов». «Буржуазные националисты» или умерли в тюрьмах или отбыли длительный срок. Вряд ли бы Рико Ярого постигла более благосклонная участь. Если он действительно побывал в руках СМЕРШа, то почему оказался на свободе, спокойно жил в ФРГ с супругой в собственном поместье, где стал разводить племенных лошадей? В таком случае, какой ценой обеспечил себе свободу?

В любом случае, вряд ли жизнеописание выдающегося авантюриста Рихарда Ярого, умершего в 1969 году, можно считать окончанным...

Николай Галаган

БОМБА ДЛЯ ПОЛКОВНИКА

Движение украинских националистов – это фактор, без учета которого невозможно в полной мере понять политическую историю Украины XX столетия. У истоков организационного оформления, создания программных основ и деятельности ОУН стоял полковник Евгений Коновалец.

Будущий лидер борцов за национальную идею родился в селе Жашкив на Львовщине в семье украинских интеллигентов, преподавателей народной школы. Еще студентом Львовского университета принял «боевое крещение»: был арестован как активист молодежной фракции Украинской национально-демократической партии, которая выступала за украинизацию высшего образования в Галичине.

Изучая юриспруденцию, Евгений слушал лекции профессора Михаила Грушевского – светила украинской науки, возглавлявшего в то время кафедру истории Восточной Европы. В 1913 году, во время II Всеукраинского студенческого съезда во Львове, Коновалец познакомился с духовным отцом украинского национализма Дмитрием Донцовым. Этот факт имел поворотное значение в формировании убеждений молодого патриота. По его словам, общение с Донцовым помогло понять принцип соборности Украины – главного руководства к действию в последующей жизни.

Воспитанный в спартанском духе, волевой, не терпящий пустословия, Евгений рано осознал, что национальное возрождение невозможно без вооруженной борьбы, готовности молодежи сознательно и самоотверженно добиваться освобождения украинских земель. Он стал пропагандистом военно-спортивного (пластунского) молодежного движения – предтечи Украинского сечевого стрелцтва 1914 года.

В Первую мировую Коновалец успел понюхать пороха, сражаясь в чине прапорщика австро-венгерской армии. В боях на карпатской горе Макивка в 1915 году, где особенно отличился легион сечевых стрельцов, попал в плен к россиянам. Под Царицыным в лагере военнопленных

Евгений Коновалец

познакомился с будущими единомышленниками и соратниками по освободительной борьбе Андреем Мельником, Михаилом Матчаком, Василием Кучабским, Иваном Чмолой. После падения самодержавия осенью 1917 г. Коновалец приехал в Киев, где сразу же включился в формирование Галицко-буковинского куреня сечевых стрельцов в составе украинского полка имени Дорошенко. Вскоре под его командованием оказалось около полутысячи опытных, национально сознательных фронтовиков.

Курень отличился в кровопролитных стычках с красногвардейцами и рабочими дружинами на Большой Владимирской, Трехсвятительской улицах и на Подоле. По словам сечевика Осипа Думина, «в киевских боях сечевые стрельцы спасли жизнь не только членов правительства и Центральной Рады, но и саму тогдашнюю государственность». Из 340 бойцов, принявших участие в уличных схватках, уцелели 180, а само подразделение, развернутое в марте 1918 г. в полк, приобрело репутацию едва ли не самой боеспособной части украинского войска.

Стрельцы Коновальца охраняли Центральную Раду и ее председателя М.Грушевского. Сам же командир весьма критично оценивал политику лидеров Украинской Народной Республики, не сумевших конструктивно разрешить наиболее острые проблемы социально-экономической жизни. По его признанию, он обжегся на вере в руководство Рады, которое ввергло страну в анархию и неминуемую «руину». Видимо, уже в то время у него стала складываться предубежденность к демократическо-республиканским формам, ассоциировавшимся с пустой говорильней вместо сильной власти, «державництва». А вскоре – 29 марта 1918 года – в Украине произошел гетманский переворот, сопровождавшийся разгоном немцами Центральной Рады и разоружением сечевиков.

Возродить Сечевое стрелецтво гетман Скоропадский разрешил в сентябре того же года. Под командованием Коновальца в Белой Церкви под Киевом разместился Отдельный отряд сечевиков (46 офицеров, 816 нижних чинов при четырех орудиях). Руководство части пребывало в оппозиции к гетману, считая его сторонником идеи «единой и неделимой России». Сам Коновалец охотно пошел на сотрудничество с лидерами Украинского Национального Союза, готовившими анти-

гетманское восстание. С началом активных действий оппозиционеры развернули на базе отряда Осадный корпус, состоявший из четырех полков и артиллерийской бригады (до 20 тысяч штыков). Три сотни сечевиков Федора Черника 18 ноября разбили под железнодорожной станцией Мотовиловка отборные офицерские дружины князя Святополка-Мирского, потерявшего до 600 человек убитыми. Этот бой стал переломным: гетманские войска массово перешли на сторону повстанцев, открыв им путь на Киев. Четырнадцатого декабря 1918 года стрельцы вступили в город (этот эпизод красочно описан в романе Михаила Булгакова «Белая гвардия»).

В Армии Директории УНР Е.Коновалец командовал одним из лучших соединений – Группой сечевых стрельцов (до 4,5 тысячи штыков и сабель при 40–50 орудиях) и принимал участие в боях с красными. В декабре 1919 г. после военных неудач Группа «самоинтернировалась» по приказу Главного Атамана Армии УНР Симона Петлюры в польском лагере в Луцке. По личному поручению С.Петлюры полковник приступил к формированию украинских частей на территории Польши и Чехословакии. Однако в ноябре 1920 г. Украинская революция потерпела крах, и наступило перемирие между Польшей и Советской Россией.

С потерей национальной государственности западные земли Украины оказались расчлененными между Польшей, Чехословакией и Румынией. В глазах активных участников вооруженной борьбы 1917–1920 годов оказалась во многом скомпрометированная сама идея демократического, республиканского правления. Обостренной реакцией на потерю суверенитета и территориальной целостности Украины стало движение националистов. У его истоков стояли бывшие офицеры-сечевики и старшины Галицкой армии Западно-Украинской Народной Республики.

Основные направления деятельности УВО – индивидуальный террор против представителей польской администрации, саботаж, разведывательно-подрывная работа в интересах будущей национально-освободительной революции, пропаганда национально-государственного возрождения Украины, соборности ее земель (издавался центральный печатный орган УВО – «Сурма»). Следует отметить, что националисты резко противопоставили себя национально-ли-

беральным и социал-демократическим организациям украинцев Галичины (несмотря на шовинистический характер режима Юзефа Пилсудского, таких организаций насчитывалось более 90), а также отмежевались от тактики «малых шагов» и компромисса с властями. «Соглашатели»-украинцы в некоторых случаях становились жертвами терактов решительно настроенных национал-радикалов.

Боевики УВО совершили не один десяток диверсий, организовали свыше 60 терактов, множество нападений на почтовые конторы и банки. Уже к 1928 году в польских тюрьмах томилась около сотни националистов. Только в 1929–1934 годах 4 боевиков повесили, 16 – приговорили к пожизненному заключению, более тысячи участников националистического движения отбывали наказание в тюрьмах или политическом концлагере в Березе Картузской.

В основе деятельности и пропаганды УВО лежали идеи т. н. интегрального национализма Дмитрия Донцова, вобравшего в себя, помимо национальных, элементы теорий элиты, фашизма, ницшеанства, идеалистической философии. Культ вождя и сильной личности, презрение к «гнилой демократии», готовность к самопожертвованию, безоговорочному выполнению приказов – на таких постулатах выросла новая генерация националистов, в большинстве своем сложивших головы в борьбе 1939–1950 годов.

Полковник Коновалец не претендовал на роль теоретика. Вокруг него сплотилась плеяда ведущих пропагандистов и идеологов национализма – Дмитрий Андриевский, Владимир Мартинец, Николай Сциборский, Омелян Сенник. Сам полковник выступал как военно-политический организатор, лично курировал разведдеятельность и международные связи УВО. При всей авторитарности внутренней жизни организации оставался восприимчивым к критике, призывал ограничивать террор «відплатними акціями» полякам, тяготился вынужденным пребыванием с 1930 года в Швейцарии.

К концу 1920-х годов оформился ряд националистических организаций – Легия украинских националистов, Союз украинской националистической молодежи, Группа украинской националистической молодежи, Союз украинских фашистов и другие. Созванная в ноябре 1927 г. в Берлине I Конференция украинских националистов высказалась за слияние их в единую организацию. Был избран коор-

динационный орган – Провод украинских националистов (ПУН) во главе с Е. Коновальцем.

Окончательное слияние националистических сил произошло на I Конгрессе 28 января – 3 февраля 1929 года в Вене. 28 участников с решающим голосом провозгласили создание Организации украинских националистов. ПУН из пяти человек вновь возглавил Коновалец. Конгресс определил структуру ОУН, выдвинул лозунг восстановления Украинской Самостийной Соборной Державы. Принятые программные установки декларировали поддержку права частной собственности, передачу земли крестьянам без выкупа, смешанную экономику частно-государственного типа, свободу торговли, всеобщее социальное обеспечение, регулирование отношений социальных групп, 8-часовой рабочий день, бесплатное обязательное среднее образование. Вместе с тем говорилось о необходимости введения «национальной диктатуры», не оговаривались права нацменьшинств, содержался тезис о «противопоставлении всем партийным и классовым группировкам». Эти постулаты в исторической перспективе возымели фатальные для движения ОУН последствия...

Украинская войсковая организация влилась в ОУН в качестве боевого крыла и являлась таковым, под руководством Коновальца, по крайней мере, до 1934 года. Между тем политические взгляды полковника развивались в либеральном направлении. Украинское освободительное движение, писал он в 1935 г., не является в своей основе террористическим. Задача ОУН состоит, прежде всего, в воспитании нового поколения на традициях борьбы за независимость, подготовке населения к завоеванию (в случае благоприятного стечения международных, военно-политических обстоятельств) национальной государственности.

А тем временем, в среде УВО-ОУН постепенно назревали кризисные явления. Польской полиции и контрразведке удалось создать агентурно-провокационные позиции в движении. Страшным потрясением стало известие о том, что заместитель Краевого коменданта в Галичине

Провокатор польской полиции в рядах ОУН Роман Барановский

Роман Барановский с 1929 года был платным агентом поляков и выдал многих ведущих функционеров УВО-ОУН. В организации ширились настроения взаимной подозрительности, необоснованно пострадали в тот период некоторые участники движения, обвиненные в тайном сотрудничестве со спецслужбами. Радикализация обстановки путем террора превратилась для части членов ОУН в самоцель. В 1931 г. боевики УВО Василий Билас и Дмитрий Данилишин в палате трускавецкого санатория расстреляли и добились кинжалом начальника Восточного отдела МИД Польши престарелого Тадеуша Голувка, хотя тот как раз был сторонником нормализации украинско-польских отношений.

И все же главная опасность таилась во внутреннем расколе. В 1930 г. создается исполнительный орган — Краевая экзекутива ОУН в Западной Украине. Радикально настроенная молодежь, входившая в нее, стала основным орудием экстремистских проявлений. Отчаянная борьба подпольщиков вызывала восхищение у сверстников, обреченных быть людьми второго сорта в условиях полонизации края.

С 1933 г. ОУН в Украине возглавил Степан Бандера. Постепенно экзекутива, практически неподконтрольная ПУН, стала организацией в организации. Ее лидер мог самостоятельно выносить смертные приговоры не членам ОУН. Ветеранов движения все больше воспринимали как тормоз «революционной акции» — беспомощных «краснобаев» из уютных европейских кафе. Организованное радикалами в 1934 году без ведома Коновальца убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого окончательно ознаменовало выход боевиков из-под контроля ПУН. Осуждение Бандеры и группы его соратников к пожизненному заключению на время отодвинуло раскол и в то же время привело к разгрому поляками подполья в Галичине.

Безусловно, влияние Коновальца сдерживало центробежные тенденции в ОУН. Однако дамоклов меч уже висел над ним. В 1934 г., после убийства боевиком ОУН Николаем Лемиком советского консульского работника Майлова во Львове председатель ОГПУ СССР Вячеслав Менжинский приказал разработать мероприятия по нейтрализации лидеров украинских националистов. С помощью видного функционера ОУН Лебеда, завербованного чекистами, за границу вывели и внедрили в националистическую среду сотрудни-

*Вячеслав
Менжинский*

ка Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ Павла Судоплатова. Он сумел войти в доверие к Коновальцу, искренне верившему в наличие в СССР сильного подполья. Именно это «нелегальное формирование» должен был «представлять», придерживаясь разработанной легенды, Судоплатов — «племянник» Лебеда.

Об успешных действиях разведчика органы государственной безопасности информировали Сталина и партийно-советское руководство УССР. По возвращении в Союз с Судоплатовым работали начальник ИНО Слуцкий и руководитель Особой группы при наркомвнутренних дел (активные мероприятия за границей) Яков Серебрянский. Наконец в ноябре 1937 г. разведчика принял лично «вождь народов», поставив задачу разработать план нейтрализации верхушки ОУН. Через неделю в Кремле Судоплатов доложил план Сталину, главе НКВД СССР Н.Ежову и председателю ЦИК УССР М.Петровскому. Последний высокопарно объявил, что в советской Украине Коновалец заочно приговорен к смерти за организацию кровавой расправы над рабочими завода «Арсенал» в 1918 году («расправа» — это миф, опровергнутый современными историками. — Авт.).

«Это не акт мести, — заявил Сталин. — Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожить друг друга в борьбе за власть». Иосиф Виссарионович принял живое участие в обсуждении деталей покушения. Учитывая пристрастие полковника Коновальца к шоколадным конфетам, взрывотехник

*Нарком внутренних дел СССР
Николай Ежов и Иосиф Сталин*

А.Тимашков изготовил «адскую машинку», закамуфлированную под коробку конфет с украинским орнаментом.

Двадцать третьего мая 1938 года около 17 часов Павел Судоплатов (псевдоним Павлусь Валюх) встретился с Евгением Коновальцем в кафе в центре Роттердама и вручил полковнику на прощание презент — те самые «конфеты с начинкой». Через некоторое время, когда Судоплатов уже успел скрыться с места событий и сменить одежду, раздался взрыв...

На посту лидера ПУН Коновальца сменил Андрей Мельник. А на рубеже 1939—1940 годов ОУН окончательно раскололась на мельниковскую и «революционную» бандеровскую фракции, потеряв в междоусобицах немало рядовых членов и функционеров — только до начала войны погибло до 400 мельниковцев и до 200 бандеровцев. Жаль, что их лидеры не слышали зловещих слов «кремлевского горца»...

ОТЕЦ ЯКОВ – СУПЕРАГЕНТ

Архивное уголовное дело, хранящееся в Управлении СБ Украины в Ривненской области, сохранило для потомков сведения о человеке, чьими услугами пользовались несколько сильнейших спецслужб мира.

Яков Кравчук родился в 1905 году в провинциальном городке Дубно на Ровенщине в семье рабочего. В 1932—1937 годах молодому человеку посчастливилось учиться в престижном Греко-католическом богословском институте в Париже. Впереди, казалось, его ждала обеспеченная жизнь священника, осененная уважением набожного населения украинской глубинки. Но не та была натура у богослова, годившегося, скорее, в рать Игнатия Лойолы — основателя ордена иезуитов, монахов-шпионов, нежели на роль скромного настоятеля церковной парафии. Конечно, свою роль сыграла и глубоко оскорблявшая украинскую молодежь шовинистическая политика Польши.

Яков ознаменовал окончание учебы разрывом с униатами и переходом в евангелистскую церковь. За границей он примкнул к Организации украинских националистов, тесно общался с ее теоретиками, отцами-основателями Омельяном Сенником и Николаем Сциборским. Участвуя в подпольной борьбе ОУН, утолял неумемную жажду романтики и ощущения причастности к «делу избранных».

Организация, активистом которой стал подпольщик в рясе, поручила ему ответственное и рискованное дело — внедриться в информаторскую сеть 2-го (разведывательного) отдела Генштаба вооруженных сил Польши. Надо сказать, именно II Речь Посполитую украинские националисты считали тогда опаснейшим противником и немало досаждали Варшаве жестокими террористическими акциями. В свою очередь поляки не скупались на места в политическом концлагере Береза Картузская.

Одновременно службы безопасности тех и других в стремлении подорвать противника изнутри — засылали разведчиков, вербовали агентуру, устраивали провокации. Стоит ли говорить, насколько важной была задача, пос-

Яков Кравчук

тавленнная перед «духовным лицом» – внедриться в агентурную сеть «двуйки». И он с этим справился. Запросив за свои услуги 1500 франков в месяц, отец Яков пришелся ко двору польской спецслужбе. Через некоторое время ее опытный резидент «Леконт» уже принимал донесения новоиспеченного агента «Димитрова».

«Свой человек в ОУН» поставлял полякам сведения о ее верхушке, отношениях между лидерами, планируемых террористических акциях, крупных форумах националистов, разведывательных операциях за рубежом. Зачастую это была сфабрикованная дезинформация. Поляки, конечно, проверяли достоверность сообщений, но, выявив «дезу», не спешили исключать ненадежного «Димитрова» из списка своих платных помощников. Возможно, их контрразведка строила некие встречные планы на оперативную игру с националистами.

Однако вскоре Польшу оккупировали немцы, и агент, оказавшийся не у дел, некоторое время проповедовал в Югославии. В ряды бойцов тайного фронта он вернулся в июле 1941-го, став уже сотрудником абвера – разведки фашистской Германии. Активно участвовал в засылке в тыл Красной Армии агентов и диверсантов. Лично осуществил свыше 20 вербовок. Только в июне – июле 1942 года приложил руку к подготовке и заброске на Белгородщину трех диверсионных групп. В некоторых из них насчитывалось до 20 бойцов. Всего же за линию фронта он вывел не менее полусотни диверсантов, и фамилия Кравчука нередко встречается в ориентировках СМЕРШа.

Находил время и для работы в Восточном краевом проводе ОУН (Мельника). Посещал Житомир, Полтаву, Харьков, с амвона призывал мирян к молитвам «о даровании победы христоробивому немецкому воинству», за что воздалось ему бронзовым крестом и двумя немецкими медалями.

Когда же Красная Армия наконец «оттолкнулась ногой от Урала», гитлеровцы попытались наладить взаимодействие с украинскими повстанцами, понимая, что возврат в республику сталинского режима чреват непримиримым конфликтом большевиков с ОУН и УПА. Немцы передали повстанцам противотанковые орудия и минометы, десятки тысяч стволов, огромное количество боеприпасов. Взамен требовали разведывательную информацию, участие в диверсионных и антипартизанских акциях.

В начале 1944 года по заданию начальника абверкоманды во Львове капитана Лацарека Я.Кравчук искал посредников для переговоров с УПА. В Хелме он вышел на старого приятеля – архиепископа Иллариона (Ивана Огиенко), который согласился направить своих людей для налаживания контактов с «лесной армией». В октябре 1944-го немцы освободили из заключения Степана Бандеру и сотни три его соратников, хотя два брата лидера «революционной» фракции ОУН сгинули в фашистских лагерях смерти. И.Огиенко сообщил также интересные сведения – с УПА уже налаживают связь английские спецслужбы. Повстанцам сбрасывают с самолетов оружие и боеприпасы, а представитель Интеллидженс Сервис при Главной команде УПА пресвитер Лев Бучак пытается склонить полевых командиров УПА к примирению с польской Армией Крайовой для совместной борьбы против СССР.

После капитуляции Германии «святой отец» с замашками рыцаря плаща и кинжала оказался в американской зоне оккупации. Отправлял религиозные обряды в лагерях для перемещенных лиц до тех пор, пока бойцы невидимого фронта вновь не призвали его под свои знамена.

...Разгоралась «холодная война». Политические противники Москвы активно использовали антисоветские эмигрантские организации для разведывательно-подрывной деятельности против СССР. Фракция ОУН (М), к которой принадлежал и отец Яков, создает в начале 1946 года в Мюнхене краевую провол, имевший референтуру для связи с западноукраинскими землями и собственную разведку. Не исключено, что именно последняя рекомендовала «своего человека» разведслужбе США.

Как бы то ни было, в мае 1948 года он получает вербовочное предложение резидента американской разведки – бывшего атамана Украинского вольного казачества генерала Домбровского – и соглашается стать агентом уже третьей иностранной спецслужбы. Я.Кравчуку поручается прибыть в потоке репатриантов в Украину, установить канал связи с Домбровским и получить от него конкретное разведывательное задание.

Возможно, так бы и произошло, но на пути опытного уже шпиона стала контрразведка МГБ СССР в Группе советских оккупационных войск в Германии. Нацистского рекрута, разоблаченного показания-

ми арестованного Лацарека и других «питомцев» абвера, под конвоем отправили в Киев.

Прекрасно понимая, что ожидает кавалера фашистских наград, «крестоносец» решил спастись сотрудничеством с ненавистными ему Советами. Тем более дотошные чекисты откопали в архивах польского генштаба девять донесений «Димитрова» (свыше 200 листов), и почерковедческая экспертиза подтвердила их авторство. С середины 1949 года отец Яков начал карьеру тайного информатора уже в четвертый раз... Или, будучи идейно убежденным украинским националистом, решил внедриться и в советскую разведку?

Чекистам он выдавал себя за «протопресвитера при нелегальном правительстве Украинской головной вызвольной рады». Мнимые послания от «закордонных друзей» фабриковал на печатной машинке Дубненского райисполкома (чтоб никто не догадался) или просил родственников «приложить руку» к переписыванию сочиненного им текста.

Когда кураторы из МГБ убедились, что их негласный «помощник», выражаясь казенным языком, «полученное задание не выполнил и систематически представлял дезинформационные материалы, двурушничал», от его услуг, естественно, отказались. Более того, трибунал Киевского военного округа 10 ноября 1951 года приговорил отца Якова к высшей мере наказания. Таким неизбежным — и печальным — оказался финал слуги четырех господ...

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЗЯТЬ МИХАИЛА ГРУШЕВСКОГО

Единственный в Украине профильный научно-популярный журнал «В мире спецслужб» (увы, не выходящий из-за финансовых затруднений с весны 2006 года) опубликовал интересную статью российского автора Валерия Кочика «Трое из многих: агенты советских спецслужб Александр Севрюк, Александр Хомутов и Кондрат Полуведько» (2004, № 7).

Как утверждает автор со ссылкой на материалы Российского государственного военного архива (РГВА), А.Севрюк долгое время (примерно с середины-конца 1920-х годов) негласно сотрудничал с советской разведкой. Правда, статья В.Кочика выиграла бы от более точного указания на конкретные фонды и дела РГВА, в которых, судя по материалу, оказались документы довоенной польской разведки (одной из лучших, отметим, в тогдашней Европе). В частности, автор приводит сообщение венского агента 2-го отдела Генштаба Польши от 16 сентября 1937 года: «Сведущие тут украинцы полагают, что сейчас Севрюк является крупным законспирированным большевистским агентом».

В статье приводятся и воспоминания жены известного советского разведчика Игнатия Порецкого («Людвига»), награжденного в 1928 году орденом Красного Знамени (в июле 1937-го чекист порвал с НКВД и 4 сентября того же года был убит в Швейцарии). Как утверждает Елизавета Порецкая, «сотрудничество Людвиг с Севрюком стало особенно важным после 1933 года. Севрюк остался в Германии и быстро занял высокий пост в немецком министерстве авиации. Он стал агентом Людвиг. Один раз в месяц они конспиративно встречались в Швейцарии».

Личность Александра Севрюка, о которой идет речь в содержательном материале В.Кочика, действительно таит немало загадок. С ней мне впервые довелось столкнуться при подготовке кандидатской диссертации по истории украинской дипломатии 1917–1920 годов, а также статьи о нем в энциклопедию

Игнатий Порецкий

«Политические партии России» (М., 1996). Скажу прямо, впечатление о Севрюке в целом сложилось далеко не лицеприятное.

Родился он в 1893 году в городе Бердичеве в мещанской семье. Учился в Технологическом институте в Петрограде, где социально активный, чрезвычайно общительный молодой человек занял ведущие позиции в Украинской студенческой громаде и Информационном бюро студенческих организаций. Обратил на себя внимание признанного авторитета национал-патриотического движения профессора Михаила Грушевского. Вихрь революции, распада Империи и возникновения на ее обломках национальных держав вынес вчерашнего питерского студента на гребень государственно-политического возрождения украинской нации, в число лидеров одной из ведущих партий Украины – украинских эсеров (УПСР), членов Украинской Центральной Рады и ее президиума – Малой Рады. В феврале-апреле 1918 года занимал кресло посла молодой УНР в кайзеровской Германии, затем участвовал в дипломатической миссии УНР в Бухаресте.

В историю украинской дипломатии вошел как один из тех, кто подписал от имени УНР в ночь с 8 на 9 февраля 1918 года Брестский мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и

Профессор Михаил Грушевский

Подписание Брестского мира делегацией УНР

Турцией – первый международно-правовой документ на пути к прекращению Первой мировой войны. Взлету неопита от политики (весьма характерному для таких переломных периодов) способствовала и репутация жениха «Кулюни» – Екатерины, единственной, болезненной дочери председателя Центральной Рады, профессора

Александр Севрюк (первый ряд, крайний справа)

Михаила Грушевского (Михаил Сергеевич часто грешил nepoтuзмом, о чем немало написано). Способный ученый-этнограф, Е. Грушевская была репрессирована, умерла в лагере в 1942 году.

Но, как говорится, джентльмены любят брюнеток, но женятся на блондинках (или наоборот). Сочетался браком Александр Александрович с французенкой, благо М. Грушевский вскоре оказался таким же политэмигрантом, как и несостоявшийся зять. Работал в украинской делегации на Версальской международной конференции. «Отличился» Севрюк и на посту руководителя миссии Директории УНР по репатриации в Италии (1919 год). Как показала государственная инспекция Дмитрия Дорошенко, бывшего главы МИД Украинской Державы Павла Скоропадского, Севрюк истратил на нужды соотечественников лишь 29% ассигнованных ему казенных средств!

В то время как пленные ютились в скотских условиях, недоедали, страдали от инфекционных болезней, их «благодетель» жил на широкую ногу, арендовал шикарные апартаменты, бронировал для себя и супруги ложи в театрах... Собранный Дорошенко возмутительный материал о «Севрюкиаде» (выражение самого Дмитрия Ивановича) спустили на тормозах, ибо не у одного Севрюка на дипломатическом поприще рыльце оказалось в пушку, а УПСР оставалась одной из правящих партий в УНР¹.

Думается, что присущие уроженцу «Иерусалима Волыни» (как возвышенно именовали Бердичев) меркантильность, карьеризм, беспринципность стали основой для его последующей эволюции к сменовеховству и сотрудничеству со спецслужбами (видимо, множественное число тут вполне можно допустить).

Достаточно сказать, что до сих пор неясны все обстоятельства гибели А. Севрюка. Произошло это в ночь на 27 декабря 1941 года в железнодорожной катастрофе близ Франкфурта-на-Одере. Севрюк следовал по коммерческим делам из Берлина в Варшаву. Пассажирский поезд столкнулся с товарным составом, включавшим цистерны бензина. Место катастрофы оцепила полиция и гестапо – по одной из версий, причиной катастрофы стала диверсия подпольщиков-поля-

1. Подробнее смотрите: *Веденев Д.В., Бурім Д.В.* Дмитро Дорошенко і справа Севрюка // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів ІУД ім. М. Грушевського. – К., 1997. – Т.2. – С. 434–448.

ков, ведь этим поездом следовало в Генерал-губернаторство немало высокопоставленных военных и чиновников.

В августе 1949 года нью-йоркский журнал «Plain Talk» («Откровенный разговор») поместил статью некоего Гюнтера Райнгардта «Сотрудник Гитлера – сталинский шпион». Речь, как вы поняли, шла о Севрюке. Опус был выдержан в сенсационном духе, однако не содержал ссылок на точные источники информации автора (говорилось лишь о «секретных немецких документах, попавших в руки американских властей»). Кстати, редактором журнала выступал Дон Исаак-Левин, долгое время живший в СССР и ставший едва ли не первым англоязычным биографом В. Ленина. Серия разоблачительных статей в «American affairs» о закулисных обстоятельствах Тегеранской (1943) и Ялтинской (1945) конференций лидеров «Большой тройки» принесла ему репутацию «матерого антисоветчика».

Несомненно, что статья, появившаяся в период эскалации «холодной войны», преследовала цель лишний раз напомнить о вездесущем шпионаже Советов и завершалась размышлениями об опасности советской разведывательной деятельности в США и Канаде. Статью подхватили авторы-украинофобы вроде журналиста французского «Парламентского обозрения» Гулевича (по иронии судьбы – потомка богачки-мецената Гальки Гулевичевны, основавшей в 1615 году в Киеве Богоявленский монастырь и Братскую школу).

Г. Райнгардт утверждал, что с 1933 года «Саша Севрюк» был привлечен к сотрудничеству шефом абвера адмиралом Канарисом (последнего, якобы, заинтересовали яро антисоветские и одновременно информативные статьи эмигранта о положении в Украинской ССР, опубликованные во львовской газете «Діло»). Однако после вступления вермахта в Париж в 1940 г. немецкие разведчики обнаружили среди оставленных французской спецслужбой документов досье на Севрюка. Для проверки открывшихся данных «два сотрудника Канариса выехали в Швейцарию» и вскоре руководитель абвера «имел в своих руках неопровержимые доказательства, что Александр Севрюк на протяжении 20 лет был агентом тайной советской службы».

Если верить Дону Левину, выходило, что 7 лет «Саша» продвигал немцам подготовленную чекистами дезинформацию. «Канарис вынужден был констатировать, что роль Севрюка в немецкой поли-

тике-дипломатии, военных операциях, шпионской деятельности, закордонной пропаганде была такой значительной, что уже поздно что-либо изменить. Безусловно, этот мастер – агент в самом центре немецкой дипломатии – решительно причастен к падению паскудного режима». Суперагент, повлиявший на ход мировой истории, да и только, «гениально-дьявольский человек»! После этого гестапо ничего не оставалось, как расстрелять «двурушника» за два дня до железнодорожной катастрофы, а на место происшествия подбросить его личные вещи...

За бывшего коллегу по дипломатической службе УНР, знавшего с 25 лет А. Севрюка стажем, вступился известный украинский эмиграционный историк Илья Борщак, поместивший в парижском журнале «Україна» (1951, № 6) статью «Невероятное обвинение. Был ли А.Севрюк “двойным агентом”» (название дано в переводе на русский язык. – Авт.). Ради объективности автор пишет о присущем А.Севрюку отталкивающем «реализме, переходящем в цинизм», расчетливости, полном равнодушии к «духовной украинской жизни». Необходимо иметь в виду – сам Борщак в эмигрантской среде имел стойкую репутацию советского агента, что может служить объяснением той энергии, с которой он несколько лет в начале 1950-х, спустя десятилетие после трагедии, опровергал причастность Севрюка к сотрудничеству с ОГПУ-НКВД.

Не верю, не верю, не верю – настойчиво повторяет Борщак, и доверие к «несимпатичному» ему «обвиняемому» мотивирует... личными письмами Севрюка к нему 1931–1941 годов. И другие украинцы не верят, подчеркивал И. Борщак, хотя статью Дон Левина сразу же перепечатали ведущие украинские диаспорные издания в США, Англии, Франции. Настораживает и легкость, с которой Борщак отмахивается от сюжета Дон Левина о советской разведывательной активности в Северной Америке – ерунда, мол, все это, не заслуживающая просвещенного читательского внимания. Но мы-то сейчас располагаем многочисленными свидетельствами обратного – взять, хотя бы, ставший хрестоматийным «атомный шпионаж» в США.

Отметим, что ряд скептических вопросов И.Борщак задает справедливо: например, как Севрюк поддерживал связь с советской разведкой; почему общественности не предъявлены «секретные доку-

менты» рейха, где идет речь о «двойнике». Защите А.Севрюка историк посвятил и материал в № 9 «України» за 1953 год. Кстати, как историк И.Борщак не брезговал мистификаторством, и о подлинности ряда его «открытий» до сих пор ведут дискуссии отечественные и диаспорные исследователи.

Обращая внимание на явные фактические ошибки Левина, Борщак утверждает, что «никто, ни жена, ни дети, не знакомые никогда не видели тела убитого Севрюка» (курсив наш. – Авт.). Отсутствуют и документальные подтверждения его смерти. При этом историк ссылается на письмо к нему от 26 июня 1952 г. одного из руководителей контрразведки УНР в 1919–1920 годах, а затем и Державного центра УНР в эмиграции Николая Чеботарева (Чеботарива, личности весьма противоречивой, не брезговавшей «заплечными делами», настоящее дитя того жестокого времени). Бывший контрразведчик, как водится, подался в бизнес, став компаньоном Севрюка по «конспиративным спекуляциям» (определение самого Чеботарева).

Немецкие власти предложили родственникам погибших похоронить их в общей могиле, что и было сделано. Однако, пишет Н.Чеботарев, гестапо установило факт гибели экс-посла УНР – идентифицировать останки помог дантист, делавший ему протезы. Правда, никаких официальных сообщений о гибели бывшего посла Украины в Берлине опубликовано не было. Контрразведчик уверяет, что Севрюк «не был знаком ни с Канарисом, ни с Кейтелем, Гиммлером, Риббентропом, Розенбергом» и вообще был антифашистом по убеждениям.

В любом случае, стороны, принявшие участие в дискуссии по поводу А.Севрюка, вряд ли можно считать непредубежденными.

В заключение приведем некоторые документальные сведения об А.Севрюке, с которыми довелось столкнуться автору. В Коллекции печатных изданий Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины хранятся переводы ряда документов Имперской канцелярии рейха и внешнеполитического департамента правящей национал-социалистической партии (НСДАП), посвященные украинскому национал-патриотическому движению 1930-х годов. Есть в них и «след» А.Севрюка.

7 мая 1938 года последний обратился с письмом в упомянутый департамент НСДАП, прилагая к нему отчет о своей деятельности в 1928–1929 годах и выдержки из руководимой им газеты «Українські вісті». В своей 25-летней политической деятельности, писал Александр Александрович, я преследовал одну цель – восстановление самостоятельности Украины. После поражения национально-демократической революции 1917–1920 годов пришел к выводу, что эмиграционные организации не добьются возрождения суверенитета и ставку нужно делать на поддержку национал-коммунистов в партийно-правительственной верхушке Украины.

Покинув Тулузу, где А.Севрюк работал в представительстве солидного книгоиздателя А.Квиле, он переезжает в Париж и сотрудничает в основанной в 1926-м И.Борщаком газете «Українські вісті». Этот «сменовеховский» по содержанию орган ратовал за большую самостоятельность УСРР, поддерживал политику украинизации. В конце 1928 года, утверждает А.Севрюк, он по французскому паспорту посетил Советскую Украину, дабы установить связи с «тайными украинскими организациями». Вызывает серьезное сомнение само существование подобных организаций в тогдашней Украине, пребывавшей под всеохватывающим контролем ГПУ. Пройдет немного времени до «Великого перелома», и органы госбезопасности сами начнут фабриковать дела о «контрреволюционных организациях» типа СВУ или «Украинского национального центра» (вместо того, чтобы громить рожденные фантазией Севрюка). Уже в сентябре 1929-го «Вестник союза украинских граждан во Франции» обвинил «эmissара» в просоветской деятельности, инспирированной ОГПУ.

Отметим, что свою «тайную миссию» он афишировал и в статье «Мои связи с Советской Украиной в 1928–1929 годах» в газете «Діло» от 12 августа 1938 года. Интересно, что предварительно рукопись была послана Н.Чеботареву с пояснительным письмом – это все «байки», извини, сам знаешь, чего стоят эти откровения. «Свое “баснописание”, – отмечал Чеботарев, – он пояснил мне тем, что вынужден это сделать, так как хочет установить контакт с немецкими политическими кругами, а некоторые украинские противники вредят ему, доказывая, что он “большевик”». Чеботарев счел, что действия Севрюка

вреда «украинскому делу» не принесут, и успокоил автора, сообщив о своей индифферентности к затее бедового земляка.

Кстати, на рассказы Севрюка клюнули и авторы солидной монографии «Украинские буржуазные националисты» (М., 1963), среди которых и заместитель председателя КГБ при СМ УССР Борис Шульженко, руководитель отдела 2-Н (борьба с национализмом) 2-го Главного управления (контрразведка) МГБ-КГБ СССР Иван Хамазюк (способный оперативник, по отзывам П.Судоплатова). В адресованной профессионалам книге о «секретной миссии» Севрюка говорится как о реальном факте, да и в общий контекст книги она укладывалась как нельзя лучше – как лишнее подтверждение существования антисоветской оппозиции в Украине.

Итак, можно констатировать следующее: незадолго до начала Второй мировой войны А.Севрюк целенаправленно, идя на явную фальсификацию, начинает рьяно убеждать правящую партию рейха в своей лояльности, антисоветизме. Что это: попытки отвести возникшие подозрения в просоветскости или желание расширить агентурные возможности, поднять свой рейтинг? Или все одновременно?

Документы свидетельствуют: отдел «Восток» внешнеполитического департамента НСДАП изучал А.Севрюка, беседовал с ним на предмет бытующих в диаспоре обвинений в просоветской деятельности (что само по себе свидетельствует о заинтересованности в его использовании). Обошлось благополучно: 3 октября 1938-го рейхсминистру Альфреду Розенбергу доложили о необоснованности обвинений в адрес политэмигранта. Нет сомнений – если Севрюк был разведчиком, то разведчиком талантливым.

Наконец, в изученных нами архивных материалах 1930-х годов разведывательных подразделений НКВД УСРР об А. Севрюке говорится как об ... агенте французской контрразведки Сюрте! Что это – одна из ипостасей явно авантюрной личности или «украинских товарищей» просто не посвящали в дела компетенции московского Центра?

В.Кочик в упомянутой статье приводит и факт продажи меркантильным Севрюком за 2тыс. \$ военной разведке Чехословакии подробных планов железнодорожных узлов Венгрии. Готов он был «торговать» чехам секретные документы Польши и Румынии! По мнению источника польской «двуйки» Альберта, «Севрюк принадлежал к од-

ной из международных шпионских организаций, что не мешает ему выполнять задания и для Советов».

В одном можно безоговорочно согласиться с Ильей Боршаком: необходимо тщательное научно-документальное исследование бурной жизни А.Севрюка, ибо «не безразлично для украинской истории знать... был ли один из лидеров Центральной Рады, один из соавторов Брестского договора, первый украинский амбассадор в Берлине действительно позорным предателем, двойным изменником и “сталинским шпионом”!»

УЧАСТНИК «ВОЕННО-ЧЕКИСТСКОГО ЗАГОВОРА»

На стол наркома обороны маршала Ворошилова в 1939 году легло письмо группы ответственных работников Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии: «В результате вражеского руководства в течение длительного времени РККА фактически осталась без разведки. Реальных перспектив на ее развертывание в ближайшее время нет. Итак, накануне крупнейших событий мы не имеем “ни глаз, ни ушей”». Подрыв дееспособности стратегической разведки – таким был один из трагических результатов репрессивной «чистки кадров» военного ведомства.

Среди советских разведчиков, служивших долгие годы в силовых структурах УССР и выдвинутых на свою погибель в Разведупр, были и наши земляки. Один из них – Михаил Александровский – поднялся почти на самую вершину ведомственной пирамиды и занимал пост заместителя начальника 4-го (разведывательного) управления РККА.

Листая страницы архивного уголовного дела, узнаем: родина Михаила Александровского (Юкельсона) – село Волошки на Ривненщине, где он появился на свет в 1898 году. Рос и воспитывался в семье служащих. Большевиком стал в мае 1917-го. В период немецко-австрийской оккупации Украины работал в коммунистическом подполье в Ривном, а с приходом в те края советской власти служил комиссаром юстиции города.

Впоследствии стал военным комиссаром отдельного полка 12-й армии, а затем перешел в информационный (разведывательный) отдел армии. По окончании основных сражений гражданской войны внимание победителей переключилось на внутренний фронт. Для усиления борьбы с «контрой» по партийному призыву в органы ЧК направляли «проверенных товарищей». Среди них был и Михаил Александровский.

Работа в спецслужбе ладилась: сотрудник секретно-оперативной части, заместитель начальника Экономического управления ГПУ

*Михаил
Александровский*

УССР. С 1925 по 1930 гг. — начальник Запорожского окружного отдела ГПУ. Подковавшись на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) и в Особом отделе ОГПУ СССР, Александровский получил назначение на должность начальника Секретно-политического отдела (СПО) республиканского ГПУ. Насколько ответственным был этот пост, говорит тот факт, что именно СПО вел разработку «антисоветского элемента» — потенциальной политической оппозиции, бывших членов украинских партий, деятелей УНР, видных представителей интеллигенции. Именно его оперативники фабриковали нашумевшие дела «Промпартии», «СВУ», «Украинского национального центра».

Тогда же Михаил Александровский сблизился с председателем ГПУ и будущим наркомом внутренних дел УССР Всеволодом Балицким, решительно искоренявшим «контрреволюцию» и «украинский сепаратизм» в республике. Позднее Всеволоду Аполлоновичу кабинет руководителя чекистского ведомства пришлось сменить на камеру следственного изолятора. Один из подчиненных наркома, бывший начальник Управления рабоче-крестьянской милиции даст показания, что коммунист Балицкий любил устраивать оргии на загородных дачах и пароходах на Днепре, а своеобразным хобби ему служило... содержание собственного зоопарка. Судьба комиссара госбезопасности I ранга, бывшего члена Политбюро ЦК КП(б)У незавидна: 27 ноября 1937 г. его расстреляли в Москве.

В 1933-1936 годах Александровский служил начальником особого отдела Украинского военного округа, считавшегося наиболее мощным по числу бронетанковых и кавалерийских соединений в РККА. В 1936 г. и до начала 1937 г. возглавлял контрразведывательный отдел НКВД УССР.

К тому времени Разведывательное управление Генштаба уже понесло ощутимые кадровые потери вследствие репрессий и необдуманных реорганизаций. От должности заместителя начальника военной разведки 11 января 1937 г. отстранили опытного разведчика, одного из разработчиков классических оперативных игр «Трест» и «Синдикат» Артура Артузова (по свидетельству Юлиана Семенова, вскрывшего себе вены в тюремной камере). На его место пришел старший майор госбезопасности (звание, равное генерал-майору) Михаил Александровский. Вскоре сменили и начальника Разведупра

комкора Семена Урицкого, которого бросили на командование Московским военным округом (до скорого ареста).

А тут приспел и февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), обосновавший тезис об «обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму». Жертвой государственного террора стали органы внешней разведки. За время пребывания Н.Ежова во главе НКВД из 450 сотрудников внешней разведки НКВД репрессировали 275. В 1938 году в течение 127 дней Политбюро ЦК ВКП(б) не получило ни одной информации от Иностранного отдела НКВД. Аппарат внешней разведки пришлось спешно восстанавливать уже при Л.Берия — к 1940 году в нем работало 692 сотрудника, из них 242 за границей.

Тут целесообразно коснуться дискуссионной проблемы существования советской разведки перед войной. Стало хорошим тоном винить советскую разведку и лично И.Сталина в том, что они не выявили точных сроков гитлеровского нападения. Стало уже штампом утверждение — самонадеянный диктатор не внял предупреждениям разведчиков и даже материл их в резолюциях. Однако при этом не учитывают, что разведорганы НКВД, РККА, советская дипломатия стали объектами колоссальной по масштабам операции противника по дезинформированию Кремля.

В начале 1941 года немецкое командование ввело в действие систему мер по ложному объяснению военных приготовлений на границах СССР. 15 февраля генерал-фельдмаршал Кейтель подписал «Руководящие указания начальника Штаба Верховного командования» по маскировке агрессии против СССР. На первом этапе кампании по дезинформации (до середины апреля 1941 года) предполагалось внушать советской стороне уверенность в том, что главным объектом удара остается Англия, а военно-инженерные работы вблизи СССР проводятся для отвода глаз.

21 февраля 1941 года с планом нападения на СССР ознакомился начальник отдела пропаганды вермахта полковник Ведель, и опера-

Артур Артузов

*Рихард Зорге –
агент «Рамзай»*

ция по высадке в Англии «Морской лев» фактически превращается в дезинформационную операцию «Ледокол», в ходе которой провели свыше 100 отдельных мероприятий. Создается даже батальон спецпропаганды «К», куда набирают лиц, знающих английский язык, включая жителей приграничных с СССР районов. Массово печатаются листовки для войск на случай высадки на Альбион, «случайно» в прессу просачиваются материалы об учениях по отработке десантной операции, и тиражи газет конфисковывают.

12 мая Кейтель подписал еще одну директиву – «по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза». Демонстративные действия по подготовке «нападения на Британские острова» проводят, кроме вермахта, ряд других ведомств.

Одновременно среди дипломатов, журналистов и иных публичных граждан зарубежных стран запускаются слухи о военных планах Германии, и эти ложные сведения, естественно, собирают источники советской разведки, официальные представители СССР. С конца 1940 года усиливается противоречивость информации, поступающей от различных источников в московский Центр. Называются различные сроки начала войны: февраль, весна, май-июнь, вторая половина 1941 года. Воцарился информационный хаос, тщательно подогреваемый «болтливymi» немецкими дипломатами (от которых и питался информацией тот же Р.Зорге).

20 марта 1941-го начальник Разведывательного управления Генштаба (РУ ГШ) РККА генерал-лейтенант Филипп Голиков представил руководству доклад о возможных вариантах нападения на СССР, по которым агрессии следовало ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

С мая 1941-го информация становится целенаправленно ложной. Хотя решение о нападении на СССР 22 июня 1941 года принимается А.Гитлером еще 30 апреля, за считанные недели до начала боевых

действий от источников поступают сообщения о начале войны в конце мая. Когда эта дата проходит, идет новая волна «точных» сообщений – 15-20 июня, 20-25 июня, окончание сезона сельхозработ. Военное руководство находится в постоянном напряжении, усугубляемом боязнью ответственности после периода массовых репрессий.

К 21 июня 1941 года И.Сталин получил относительно сроков нападения Германии три версии от политической разведки НКВД и четыре от РУ ГШ. До того назывались еще шесть сроков нападения, не подтвердившихся. Недоверие вождя к разведке усиливалось и тем, что она не смогла своевременно добыть сведения о вводе германских войск в Австрию 12 марта 1938 года, о готовящемся Мюнхенском договоре западных держав с рейхом, оккупации Чехословакии, нападении на Польшу в 1939-м и Францию – 10 мая 1940 года.

Фантастические и диаметрально противоположные сведения поступали относительно военного потенциала противника. 8 декабря 1940 года представитель СССР в Германии В.Деканозов получил анонимное письмо. «Доброжелатель» сообщал, что к весне 1941 года рейх выставит армию в 10-12 млн. штыков с резервом в 2 млн., а ее союзники – еще 4 млн. солдат! Как известно, 22 июня 1941 года силы вторжения на самом деле составляли 5,5 млн., из них 4,6 млн. от Германии. Одновременно от японского корреспондента в Москве Маэсиба получили точную цифру немецких дивизий на границе с СССР – 150 (на самом деле 153 соединения). Однако численность дивизии оказалась занижена на треть, что дало преуменьшение сил противника на 1,5 млн. штыков!

В начале июня 1941 года Р.Зорге пересказал в радиограмме сведения (по сути – дезинформацию), полученные от германского военного атташе в Таиланде Шоля – все (!) 170-190 немецких дивизий, развернутые против СССР, будут танковыми или моторизованными. На самом деле, моторизованных дивизий оказалось 14, а чтобы увеличить число танковых дивизий до 19, пришлось оставить в них по

*Генерал-лейтенант
Филипп Голиков*

П.Фитин

одному танковому полку (число танков в дивизии сократилось с 324 до 147-209 в разных дивизиях четырех танковых Групп, обращенных против СССР).

Что же касается хрестоматийных «точных сообщений» Рихарда Зорге, то и тут не все так однозначно. Публикация в последние годы подлинных радиogramм агента РУ ГШ «Рамзая» показала, что никаких «точных предупреждений» просто не было! Во многом легенда о Зорге, писал известный знаток подноготной советских спецслужб Юлиан Семенов, родилась благодаря западному художественному

фильму «Кто Вы, доктор Зорге?». Его на закрытом просмотре увидел Н.Хрущев, и по его инициативе в 1964 году Р.Зорге посмертно стал Героем Советского Союза.

Следует учитывать и трагедию военного разведчика, скомпрометированного чекистами. 33-летний начальник разведки НКВД Павел Фитин, пришедший в обескровленное ведомство по партийному набору в марте 1938-го, сообщил в РУ ГШ: «По нашим данным, немецкий журналист Зорге Рихард является немецким шпионом. Поэтому после пересечения государственной границы СССР он сразу же будет советскими органами арестован». РУ ГШ отказалось принимать Зорге в отпуск после 7-летней работы в Японии. Видимо, клеймо шпиона не позволило удовлетворить неоднократные предложения японцев об обмене Р.Зорге, задержанного 18 декабря 1941 года (ночь перед арестом, по сведениям японской контрразведки, он провел в постели супруги посла Германии — не секрет, что немало информации «Рамзай» выуживал именно в альковных условиях). Разведчика, талантливого журналиста и востоковеда повесили в тюрьме Сугано 7 ноября 1944 года...

Водоворот массовых политических репрессий поглотил и Михаила Александровского.

Ян Берзин

В ночь с 7 на 8 июля 1937 года он был арестован в собственной квартире. На следующий день учинили тщательный обыск в кабинете старшего майора госбезопасности. Присутствовал при этом его начальник, руководитель Разведупра командарм II ранга Ян Берзин (большевик с 1905 года Берзина-Кюзиса арестовали 27 ноября 1937 г. и расстреляли 29 июля 1938 г.). Среди «трофеев» чекистов, проводивших следственные действия, оказались ордена Красного Знамени и Красной Звезды, знаки Почетного чекиста, наградной маузер...

Политическую казнь арестованного назначили на 20 июля. В тот день состоялось закрытое партийное собрание Разведупра с повесткой дня «Об исключении из рядов ВКП (б) бывших работников РУ ГШ, арестованных органами НКВД как враги народа». Кроме Александровского, в числе «отверженных» оказались еще 19 его коллег — начальники отделов и их заместители, бывшие нелегалы разведки, полковники и полковые комиссары.

Не прошло и десяти дней, как арестованный написал заявление «железному наркому» Николаю Ежову: «Признаю себя виновным в том, что участвовал в (неразборчиво) заговоре, руководимом Якиром и Балицким на Украине». Почерк, которым исполнено «покаяние», красноречивее слов свидетельствует о душевном и физическом состоянии автора заявления.

Есть и прямые свидетельства о пытках, которые перенес на «конвейере» бывший чекист-руководитель. В июне 1956 года, когда в рамках хрущевской оттепели проводилась частичная реабилитация жертв политического террора, следователи КГБ УССР допросили в качестве свидетеля отставного полковника госбезопасности Сергея Карина-Даниленко, сотрудника спецслужбы с 1921 по 1947 год. «Меня обвиняли в причастности к контрреволюционному заговору, вначале к заговору Балицкого, а потом — Леплевского (последний сменил Балицкого на посту главы НКВД УССР, расстрелян в 1939 году. — Авт.), подвергали нечеловеческим пыткам и избиениям, требовали признания моего участия в заговорах и выдачи других участников, — свидетельствовал Карин-Даниленко. — Все эти пытки я выдержал, а те, у кого не хватало сил выдержать, вынуждены были лгать на себя и других... Мне приходилось находиться под стражей в Москве, в Лефортовской тюрьме вместе с бывшим начальником

*Израиль
Леплевский*

Особого отдела НКВД УССР, а затем заместителем начальника Разведупра Наркомата обороны СССР Александровским Михаилом Константиновичем. В сентябре 1937 года, когда я попал к нему в камеру, он мне посоветовал не сопротивляться, не подвергать себя пыткам, а давать показания, какие требует следствие, иначе, говорил мне Александровский, вас уничтожат с жесточайшими муками, что он знает, как перенесший эти муки».

Из Александровского выбивали показания о существовании в Украине «военно-чекистского заговора» во главе с Всеволодом Балицким и командующим Киевским военным округом

(КВО) командармом I ранга Ионой Якиром. В число заговорщиков, по сценарию НКВД, должны были входить руководители ряда подразделений центрального аппарата и территориальных органов НКВД, командиры соединений и частей КВО. Якобы на Александровского возлагалось обеспечение прикрытия заговора от разоблачения, насаждение своих людей в особых отделах войск, а затем, пользуясь постом заместителя начальника Разведупра, обеспечение заговорщикам связи с границей.

В фантазиях следователей НКВД нашлось место и для навязчивой идеи украинского сепаратизма: мало того, что военные якобы поддерживали связь с украинской националистической организацией партийных, советских работников, представителей творческой интеллигенции, они, оказывается, планировали двинуть войска на Москву(!). Конечно, «в случае переворота в столице или войны с Польшей и Германией» либо «самостоятельно вне зависимости от выступления в Москве в случае, если от такого выступления на Украине создалась бы внутренняя и внешняя благоприятная обстановка». Цель, естественно, — отторжение Украины от союза братских республик.

Отметим, что репрессии против военных кадров в Украине особо остроумно ударили по оборонному потенциалу страны. Киевский военный округ (КВО, до 1935 года — Украинский) являлся наиболее подготовленным по качеству командного состава. По подсчетам до-

ктора исторических наук Д.Табачника, свыше 50% командных кадров имели боевой опыт, находясь на службе с 1918—1920 годов. В среднем командиры полков имели стаж пребывания в должности 7-8 лет, командиры соединений — не менее 12-13, что обеспечивало и знание театра военных действий, и необходимый уровень военно-теоретической подготовки.

Округ являлся наиболее насыщенным по количеству войск, механизированных, бронетанковых и авиационных соединений. В КВО впервые в мире организовали авиадесантную бригаду, в нем прошли знаменитые маневры 1935 года с высадкой десанта с техникой, применением телеуправляемых экспериментальных танков, на них отработывалась сложная операция по прорыву обороны противника с массированным применением бронетанковых сил.

Массовые репрессии против военной интеллигенции в Украине развернулись после ареста в конце мая 1937 года командующего КВО И.Якира и командующего Харьковским военным округом командарма 2 ранга И.Дубового в августе. В 1937—1938 годах жертвами преследований стали три командующих округами, начальники их штабов, пять начальников политуправлений округов, командующие всеми родами войск, все начальники отделов штабов округов, все начальники укрепрайонов и так далее.

Жертвами репрессий стали все командиры стрелковых корпусов и почти все комдивы (около 50 высших офицеров), почти все командиры и начальники штабов кавалерийских корпусов и дивизий (свыше 25 командиров), 90% командиров бронетанковых соединений, четыре командующие ВВС округов. В совокупности репрессировали или уволили более 150 военачальников высокого ранга, до 15 тыс. представителей военной интеллигенции.

Репрессивные кампании обернулись подрывом квалификационного уровня командных кадров в преддверии войны. К 1941 году, пишет профессор Д.Табачник, до 7% сократилась доля командиров с высшим военным образованием, в войсках КВО и ХВО имелось

Иона Якир

37% офицеров, не закончивших даже среднего военного училища. К 22 июня 1941 года меньше года занимали свои должности свыше 75% командиров и 70% политработников. Когда же началась война, то при перевесе наших войск над вермахтом в 5-6 раз по бронетехнике, артиллерии и авиации на украинском отрезке советско-германского фронта военные катастрофы не в последнюю очередь объясняются гораздо более высокой квалификацией немецких командных кадров и значительно лучшей управляемостью войск противника.

Без учета этих факторов невозможно понять, почему мощные механизированные корпуса (каждый из них, даже не будучи полностью укомплектованным, имел сотни танков и бронемашин и превосходил танковую немецкую группу – высшее бронетанковое соединение тогдашнего вермахта) не смогли выполнить боевую задачу и понесли колоссальные потери в приграничных сражениях, в крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны (по числу участвовавшей бронетехники) в треугольнике Луцк–Ровно–Дубно...

Михаил Александровский недолго дождался вердикта тогдашней скорой на расправу Фемиды. Уже 15 ноября 1937 года на основании постановления Комиссии НКВД, Прокурора СССР и Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Определением военного трибунала Киевского военного округа 24 декабря 1957 года – реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления.

ИНКВИЗИТОРЫ ОТ НКВД

В предыдущем очерке мы писали о специфических научно-исследовательских работах органов государственной безопасности, Спецотделе ВЧК-ОГПУ-НКВД Г.Бокия. И хотя заслуженного чекиста расстреляли, однако наработки Спецотдела вскоре оказались востребованы, и самым неожиданным образом...

В ноябре 1939 года главой НКВД СССР стал Лаврентий Берия. Его приход по каким-то причинам немедленно привел к закреплению в ведомственных совершенно секретных документах изысканий чекистской науки в области расовых теорий и евгеники. Кстати, основателем евгеники как «науки» об «усовершенствовании человека» выступил кузен Чарльза Дарвина Френсис Гальтон, намеревавшийся превратить ее в «новую религию» и считавший дебилами негров и кельтов. Уже 21 декабря 1938-го выходит подписанный новым наркомом приказ № 00310, которым утверждалась инструкция № 00134/13 «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД СССР».

Документ предписывал избегать приема на службу в органы госбезопасности лиц «с явно выраженным комплексом неполноценности по признакам дегенерации». Инструкция содержала разделы об «основных видных признаках дегенерации», «физиологических признаках вырождения и дегенерации», «психических признаках вырождения и дегенерации». Среди «явных признаков дегенерации» приводилось, например, косоглазие: «В средневековье... органы инквизиции только по одному из вышеуказанных признаков сжигали на кострах. А русский царь Петр Великий издал указ, запрещающий рыжим, косым, горбатым давать свидетельства в судах. Эти исторические аксиомы необходимо применять в повседневной деятельности НКВД».

Одной из основных причин дегенерации назывались этнически смешанные браки: «Очень опасными в социальном плане по своей психогенетической сущности являются люди, произошедшие в результате смешанных браков. Для кадрового отбора в НКВД важно отсекаать, в основном, лиц, у которых присутствует еврейская кровь. Вплоть до пятого колена необходимо интересоваться национальной принадлежностью близких родственников. Были ли в роду евреи. Все остальные

межрасовые браки следует считать позитивными». Инструкция наставляла, что определение критериев отбора кадров в НКВД следует считать «научной задачей» и руководствоваться при этом «всею сложностью физиологических, физических и психических данных».

5 марта 1939 года появляется приказ Л.Берия № 0019/13, утверждавший «Инструкцию о проведении негласного медицинского и психофизиологического обследования заключенных под стражу и осужденных граждан». Ее исполнение возлагалось на руководителей и медперсонал системы Главного управления лагерей НКВД. Акцент делался, опять таки, на выявление «дегенеративных» личностей. Эмпирическим материалом, естественно, выступали заключенные, подвергаемые медицинским исследованиям. Отобранные «наиболее интересные случаи» и их дела направлялись в Москву для дальнейших исследований. При этом предписывалось указывать в сопроводительных документах, принималось ли ранее по этому человеку решение под условным знаком «П.У.» — «подлежит уничтожению».

Итак, ознакомление с этими «эзотерическими» документами позволяет как сделать определенные выводы, так и оставляет немало вопросов.

Из очевидных выводов. Ведомственные закрытые исследования дерзко игнорировали официальные идеологические доктрины о «классовом подходе» и «пролетарском интернационализме». Выпячивание биологического фактора людского бытия резко противоречило постулатам коммунистической социологии. С учетом перманентной подконтрольности (прежде всего кадровой) советских органов госбезопасности правящей партии с большой долей вероятности можно предположить, что расово-евгенические изыскания санкционировались или узкой верхушкой ВКП(б), или лично «вождем». Вероятно, инструкции составлялись с учетом постулатов «расовой теории» гитлеровского рейха. Писали их специалисты, а не оперработники, среди которых 73% тогда имели лишь низшее образование. Вряд ли приходится сомневаться, что в ход пошли наработки упомянутого Спецотдела.

На тот момент Германия еще не считалась «стратегическим партнером» (НКВД и гестапо наладили сотрудничество после пакта Молотова-Рибентропа, с осени 1939-го), поэтому «научные изыска-

ния» если и учитывали теории «немецких коллег», ими не ограничивались: наверняка использовались упомянутые закрытые отечественные исследования шаманизма, нетрадиционной психологии и физиологии, оккультных учений. Да и зачем немцам Петр Великий — в «просвещенной Европе» так ополчились на «ведьм», что с 1430 года истребили около 110000 бедных женщин. Последнюю «ведьму» Анну Гельди казнили в Швейцарии 13 июня 1782 года!

Вряд ли случайным стало «обнародование» подобных исследований именно в конце 1930-х. К тому времени нарастивший военно-промышленные мускулы СССР прочно взял курс на великодержавную внешнюю политику, открыто заявил о геополитических притязаниях. При формальном сохранении «марксистско-ленинской идеологии» СССР стал (как и III рейх) ярко выраженной идеократической державой с особой ролью спецслужб, стремлением восстановить границы имперской России.

Попробуем ответить на вопрос, почему потаенные инструкции так заботились о недопущении в «органы» лиц упомянутой национальности. Одним из последствий репрессий 1934–1938 годов (размах которых резко снижается с приходом Л.Берия — в 1939–1940 гг. выносится 4201 смертный приговор против почти 700 тыс. в два предшествующих года) стало уничтожение кровавой когорты профессиональных революционеров, «ленинской гвардии», а также большей части руководящих кадров НКВД, начавших карьеру еще при Ф.Дзержинском.

Как честно сказала приемная дочь репрессированного прокурора Верховного Суда СССР Красикова — Шатуновская, «я не нахожу в своей душе ни жалости, ни сочувствия к ним. Конечно, никаких преступлений против партии и государства они никогда не совершали. Но была за ними другая, более страшная вина — они не только создали это государство, но и безоговорочно поддерживали его чудовишный аппарат бессудных расправ, угнетения, террора, пока этот аппарат не был направлен против них».

К слову отметим, что в литературе за последние 20 лет выдвигались самые фантастические цифры репрессированных, иногда достигавшие десятков миллионов человек. Стремясь к сенсационности, бывшие преподаватели истории КПСС и научного коммунизма без-

нравственно жонглировали статистикой — плюс-минус десять-двадцать миллионов, чего уж мелочиться... Эти «выкладки» занимали не последнее место в технологии формирования у советского человека чувства «исторической пришибленности», комплекса «вины за прошлое», взрывообразного разрушения традиционных представлений и символов как залога управляемости сознанием. Правда, кончилась «борьба с белыми пятнами истории» изъятием у населения СССР в 1991 году личных сбережений на сумму до полумиллиарда долларов по курсу 2001 года, однако это уже другая история.

Эмигрант Курганов лихо называет цифру в 110 млн. погибших (при населении СССР в 1941 году 195 млн.). По Солженицыну, например, выходило 40—60 млн. убиенных, хотя непонятно, откуда взял эти фантастические цифры Александр Исаевич, теперь сокрушающийся об «упадке духовности» в России. В изданной в 1994 году московским научным издательством книге говорится о 60 млн. погибших в ГУЛАГе (!), хотя есть совершенно точная статистика — с 1934 по 1947 год в лагерях умерло (погибло) 938 тыс. человек, средняя годовая смертность составляла 3% от численности узников. Скрупулезные же исследования показывают, что на пике «Большого террора» в 1937—1938 годах в СССР вынесли 681692 смертных приговора и свыше 3,8 млн. граждан осудили к лишению свободы (что, разумеется, никоим образом не может повлиять на принципиально негативную оценку тотального беззакония).

В Украине в 1937—1938 гг. «особыми совещаниями», «тройками» НКВД было рассмотрено 111526 дел, органами НКВД и Прокурора СССР — 60229 и лишь 5130 дел — «нормальными» судебными органами. По новейшим подсчетам сотрудников Службы безопасности Украины, в 1927 — 1990 годах в Украине приговорили к высшей мере наказания свыше 140 тыс. человек, к лишению свободы — 331274, было выслано 51684, понесли другие наказания 23901 человек. Непосредственно в 1937—1938 годах на территории Украины органы НКВД арестовали 279126 человек, из них к расстрелу приговорили 67777 наших земляков.

Репрессии отразились и на национальном составе органов НКВД. До «Большого террора» 1937—1938 годов доля евреев среди сотрудников центрального аппарата НКВД СССР составляла 40%. Еще выше

была она среди «сливок» ведомства — из 20 комиссаров (уровень маршала — генерал-полковника) госбезопасности 1935 года — 11 евреев, 4 русских, 2 латыша, поляк, грузин, немец. При этом в региональных органах ГУГБ НКВД работало 23 тыс. 857 сотрудников, из них евреев — лишь 1776. После кадровых «чисток» нового наркома в центральном аппарате НКВД СССР в 1939 году работало 3573 сотрудника, из них евреев — 187 (5%). Украинцев, кстати, 221 (6% сотрудников).

Значительная доля евреев в аппарате спецслужбы и других органов власти определялась их энергичным участием в революционном движении и революции 1917 года. По словам еврейского писателя Давида Самойлова, после революции в аппарат «хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка, с чуть усвоенными идеями, с путаницей в мозгах, с национальной привычкой к догматизму..., из них вырабатывались многочисленные отряды функционеров, ожесточенных, одуренных властью».

Причины деятельного участия евреев в революциях всех времен и народов заслуживают самостоятельного исследования. Отметим только, что в отделе редких книг Исторической библиотеки в Киеве сохранились жандармские списки разыскиваемых участников антиправительственных партий, террористических и анархических организаций в губерниях юго-западной части Российской империи — 80—100% из них были «иудейского вероисповедания» (официального понятия национальности тогда не существовало).

Таким образом, резкое сокращение доли евреев среди функционеров НКВД объясняется радикальной чисткой руководящего слоя СССР в целом и обновлением кадров ведомства в связи с приходом «новой команды». Образно говоря, если бы в центральном аппарате доминировали якуты, их бы постигла такая же участь.

Кстати, не выдерживают критики «этнические» версии причин репрессий — одни утверждают о ярко выраженном «антисемитском» их характере, другие возлагают на евреев главную ответственность за массовое беззаконие. Безосновательность этих «концепций» красноречиво показывает хотя бы национальный состав жертв и палачей процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» — на скамье подсудимых ряд вождей Октябрьской революции, из них 9 евреев, 3 русских, армянин и поляк. Готовят процесс

руководители НКВД по главе с наркомвнуделом Г.Ягодой – 9 евреев и один русский, все они впоследствии расстреляны или покончили с собой.

Как отмечает публицист Евгения Альбац, сотрудники-евреи «благодаря своему генетическому страху особо усердствовали, боясь, что их уличат в “мягкости” к своим... Расплата наступила скорее, чем они предполагали». Действительно, усердствовали. Сын первого «советского спикера» Якова Свердлова Андрей стал следователем НКВД. Когда к нему привели знакомую с детства дочь революционера Я.Ганецкого-Фюрстенберга – Ханну, та обрадовалась: «Здравствуй, Адик!» «Какой я тебе Адик, сволочь!» – заорал на нее вооруженный нагайкой Свердлов.

Согласно тщательным подсчетам ведущего российского исследователя ГУЛАГа В.Земскова, по состоянию на 1942 год в лагерях «Архипелага» находилось 1,41 млн. человек, из которых около 28% составляли граждане, осужденные за «контрреволюционные преступления». Из общего числа лагерников узников-евреев – 23 тыс. 164 человека. Отметим попутно – распространяемые отдельными авторами утверждения о том, что «70% узников ГУЛАГа составляли украинцы» не выдерживает проверки источниками. Так, по состоянию на 1 марта 1946 года в исправительно-трудовых лагерях находилось 600 тыс. человек, из них украинцев – 108 тыс. (то есть около 18%); всего в ГУЛАГе на то время – 1, 7 млн. душ.

Вероятно, запреты на прием евреев в аппарат НКВД имели целью прагматическую причину – закрепить «изъятие» старых кадров, уходящих корнями в революционную эпоху, отсесть их возможных протезе в силу развитых корпоративных связей традиционной еврейской общины-«кагала». Львиную долю сотрудников центрального аппарата ведомства отныне составляют русские, открыто провозглашенные И.Сталиным титульной нацией лишь во время войны. Кроме понятной «кадровой революции» команды Л.Берия, этнический состав спецслужбы приводился в соответствие с задачами великодержавной политики – не случайно грузин И.Сталин нередко говаривал о себе: «Мы, русские...».

Несомненно, что в этот период происходят незримые для непосвященных сдвиги в идеологических установках. В частности,

Л.Берия И.Сталиным направляется выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года: «Признать нецелесообразным впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих. Указание тов. Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г. “О борьбе с попами и религией”, адресованное председателю ВЧК т. Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся служителей РПЦ и православноверующих – отменить... Секретарь ЦК И.Сталин». В 1943 году, в котором ранее планировалось завершение последней «безбожной пятилетки», в СССР возрождается патриаршество...

А как же быть с «дегенератами»? Инструкции трактовали этот контингент широко – как перманентную потенциальную угрозу государственному строю. И тут, следует признать, неизвестные нам специалисты НКВД были далеко не одиноки, даже не считая труженников закрытых институтов СС (о них и тайных оккультных обществах рейха написано предостаточно). Так что работы велись в русле эзотерических изысканий спецслужб и правоохранительных органов ведущих стран мира.

Утверждать это позволяет знакомство с трудами Григория Петровича Климова. Г.Климов получил инженерное и языковое образование, воевал, закончил кузницу кадров военной разведки – Военную академию Генштаба (иначе – Военно-дипломатическую академию, воспетую В.Суворовым-Резуном в книге «Аквариум»). Служил в Восточной Германии, откуда в 1947-м бежал в Западный Берлин (причины измены объясняет в отдельной книге «Песнь победителя» с эпической обстоятельностью других известных предателей-графоманов).

Григорий Климов

В США Г.Климова подключили к «Гарвардскому проекту» – усилиями психологов, социологов, демографов, историков и всевозможных «узких специалистов» вроде сексопатологов исследовалась коллективная ментальность советских людей как основа для выработки рецептов «психологической войны» (изошренным подрывным мероприятиям против сознания у нас противопоставили «Ежика в тумане»). Возглавил проект «профессор черной социологии» Натан Лейтес (ранее ученый муж выдвинул положение о «латентной гомосексуальности Ленина»).

Перебежчик работал в мюнхенском филиале проекта, занимаясь психологическим обследованием сотен советских беглецов. После пяти стадий проверки наиболее интересные «экземпляры» направлялись для глубокого изучения подсознания. В 1951-м вышла его первая книга «Берлинский Кремль». Со временем Климова повысили до президента Центрального объединения послевоенных эмигрантов – очередного проекта психовойны, работал он и в ЦРУ, и во Вьетнаме (как инженер, утверждает Климов).

Фантазия Климова создала в ряде его книг «13-й отдел КГБ» и засекреченный «НИИ-13 КГБ» – «советскую инквизицию», исследовательские центры по выявлению прирожденных врагов государства и общества, где командуют генералы (один даже в обличье архиепископа), «профессора темных дел», попутно читающие курс «высшей социологии» для элиты КПСС и советского государства.

Заодно высокопоставленные слушатели сдают анализы и тесты для неведомых нужд, у них допытываются о наличии в роду (роду жены) шизофреников, самоубийц, психопатов, людей неадекватного поведения, случаев кровосмешения, нетрадиционной сексуальной ориентации... Интересно совпадение (совпадение ли?) черного юмора Климова и индексов «13» в номерах упомянутых выше инструкций НКВД, что говорит или об их принадлежности к некоему «подразделению № 13», или же о зашифровке определенного направления работы.

Впрочем, книги Г.Климова написаны на основательной источниковой базе. «Протоколы советских мудрецов», например, свыше 120 наименований использованной литературы, прежде всего труды западных психологов, психиатров, сексопатологов, биографов вы-

дающихся людей. Из советских авторов Г.Климов предпочитал труд руководителя ленинградского Сексологического центра, профессора Абрама Свядоша «Женская сексопатология». ЦРУ США, писал Г.Климов в июне 1981 года, заказало книги о «13-м отделе» для своего учебного заведения (известного как «ферма»), а Джон Ле Карре, бывший сотрудник британской СИС и классик «шпионского романа» вообще принял «13-й отдел» за чистую монету.

Отправным моментом концепции Г.Климова выступает учение «отца криминологии», главного психиатра тюрем Италии Чезаре Ломброзо (1835–1909). Начав с классификации преступных типов по строению черепа и чертам лица, Ломброзо пришел к выводам и о зависимости политического преступного поведения от психологических факторов. В результате выходит его книга «Политические преступления и преступники». Кстати, психологическая связь (нередко – и сотрудничество) между преступниками уголовными и криминальными наблюдалась всегда. Один из вождей Октября Григорий Зиновьев писал в книге «Ленин»: когда Ильича арестовали в 1914-м австрийские власти, «он сразу стал душой общества в этой тюрьме», его избрали старостой и посылали за махоркой для сего «общества».

По мнению итальянского психиатра, проследившего жизнь, родственные связи, «чужачества» и сексуальную жизнь сотен выдающихся деятелей, т.н. гениальность – продукт физиологического вырождения: «... И гениальность, и помешательство передаются по наследству, но помешательство проявляется с гораздо большей силой... Дети гениальных людей, если и наследуют гениальность, то в очень малой степени. Зато помешательство передается по наследству целиком и даже больше... У гениальных людей необычайно повышена нервная чувствительность. Большинство гениальных людей остаются бездетными в результате вырождения, так же как и в аристократических семьях... Ярче всего гениальность и помешательство заметны у поэтов» и художников, что вызывает модернизм и всевозможные «черные квадраты». «У громадного большинства даровитых людей дети и родные бывают эпилептиками, идиотами, маньяками – и наоборот».

Ломброзо квалифицированно описывает многих выдающихся людей – взять хотя бы Руссо, французского энциклопедиста, чьи идеи во многом вызвали Великую Французскую революцию 1789 года (рево-

люционные события и наполеоновские войны унесли жизнь каждого шестого француза). Руссо неоднократно объявляли сумасшедшим, с 1766 года он страдал манией преследования и манией величия, ипохондрией. К 40 годам шизофрения перешла в параноидальную форму. Бисексуал с сексуальной фиксацией на мочу, клептоман (мания воровства), мазохист, эксгибиционист, охотно врал, страдал сперматореей (непроизвольным истечением семени). Руссо писал письма Богу и клал их под алтарь, а отсутствие ответов пояснял отсутствием Бога. Стал трижды вероотступником: отрекся от католицизма, от протестантизма, затем и от собственной «религии философов».

В подтверждение Г.Климов приводит выкладки американских ученых (1962): при рассмотрении 78 самых великих имен выяснилось, что 37% из них имели острые душевные заболевания, 83% были явными психопатами и только 7% – полностью нормальными людьми. Внешние проявления, пишет бывший разведчик, были самыми разнообразными – врожденные физические недостатки (тик лица, косоглазие, разный цвет глаз, большие родимые пятна черного или красного цвета, дефекты речи), сексуальные отклонения (нетрадиционная ориентация, бисексуальность, извращения), отсутствие детей и браков, плохая наследственность у детей, эпатажное, асоциальное поведение.

Будучи сам евреем, Ч.Ломброзо не пожалел соплеменников: «Именно среди евреев встречается больше образованных и талантливых людей, но и сумасшедших среди евреев в 4–6 раз больше, чем среди окружающих. В Германии евреев-сумасшедших в 8 раз больше, чем среди немцев... В политике евреи создали нигилизм и социализм», доминировали среди революционеров и всевозможных бунтарей. Причину он усматривает в длительном кровосмешении и вырождении в условиях их жизни замкнутыми общинами в диаспоре.

Переходную степень между гениальными безумцами и нормальными людьми

*Энциклопедист
Жан-Жак Руссо*

ми Ломброзо называет «маттоидами-графоманами» (невротиками, психопатами): «Обычно такие личности становятся во главе тайных обществ, политических клубов, делаются основателями новых сект или апостолами... Политикам следовало бы подумать о проблеме маттоидов, их нужно лечить, иначе они могут наделать много бед для общества».

Г.Климов выдвинул свою версию Большого террора в СССР: «... Комплексы разрушения и саморазрушения очень характерны для нигилистов, анархистов и вообще революционеров, где они в конечном счете уничтожают друг дружку. Наилучшим примером этого является Великая чистка 30-х годов... Соответственно этому темному закону природы вся революционная верхушка, или, пользуясь ленинской терминологией, “профессиональные революционеры”, формировались из душевно неуравновешенных и психически больных людей, которых Достоевский, зная все это, называет “бесами”. ...В процессе революции они гениальные, а после революции просто психопаты, которых нужно ликвидировать».

Конечно, «профессиональные революционеры» сами создали своих палачей, но их-то среди жертв репрессий была горстка. Так, с 1 октября 1936 по 1 июля 1938 года в Украинской ССР арестовали 253051 гражданина. Среди них «бывших кулаков» – 93395; бывших помещиков, дворян, офицеров, торговцев («бывших людей», по тодашней изуверской терминологии) – 109380; священнослужителей – 6556. Чекисты проявляли недюжинную изобретательность в «окраске» сфабрикованных обвинений. Если верить статистике НКВД (заботливо собранной архивистами КГБ УССР в 1964 году и засекреченной в одном экземпляре после смещения Н.Хрущева вплоть до последних лет), в 1936–1938 годах в Украине насчитывалось свыше 115 тыс. антисоветских «повстанцев». В 1937–1938 годах в УССР шпионило в пользу Польши свыше 54 тыс. человек, в интересах Германии – 23 тыс. граждан! Убийственная фантазия исполнителей инициированных Москвой «операций по репрессированию» породила аж 1053 японских и 366 иранских шпионов (были еще и румынские, латвийские и т. п.).

К числу деструктивных личностей, способных, в силу психофизиологического типа, к активности лишь разрушительной направ-

ленности, перманентной оппозиции, «борьбы с устоями», враждебных к любой стабильной государственности, Г.Климов относит и советских диссидентов, обращая внимание на их родственные связи с репрессированными «верными ленинцами». Психологическая война, пишет он в книге «Красная Каббала», «с самого начала была строго засекречена. В этой войне, как в шахматной игре, были свои короли, кони и пешки. Например, пророк Солженицын и нобелевский лауреат Пастернак были явные пешки психологической войны, которых уже убрали с шахматной доски. Та же история будет и с остальными нашими знаменитыми диссидентами».

В сжатом виде взгляды Г.Климова передаются «первым постулатом профессора Калмыкова» (генерала из выдуманного 13-го отдела КГБ): «90% всех преступлений, как уголовных, так и политических, 90% всех зол и бед рода человеческого, начиная с самого простого развода и кончая всемирными войнами и революциями, являются результатом наследственной дегенерации, которая состоит из психических болезней и половых извращений».

Откуда же у перебежчика такая поразительная осведомленность о поисках психофизиологических корней «деструктивных элементов» — ведь в Союзе до войны он, студент индустриального института, никакого отношения к тайным разработкам НКВД иметь не мог в принципе. Возможно, тайные исследования в «цитадели мировой демократии» Климов экстраполировал на сталинский СССР? Но ведь мы уже знаем о существовании «инквизиционных» приказов НКВД (ставших достоянием гласности лишь в 2001 году).

Совпадений действительно немало. Вернемся к шаманам. Сотрудники Спецотдела НКВД изучали шаманизм, древние верования, мистические культы. В книге Г.Климова «Князь мира сего» сотрудник НКВД (молодой историк) пропадает в секретных экспедициях среди народов Крайнего Севера, раскапывает со товарищи могилы аристократов в поисках загадки «голубой крови — белой кости». Братишке он показывает шаманские жезлы, где под слоями жертвенной крови животных анализы выявляют человеческую — шаманы по известным им признакам выявляли «порченных людей» для жертвоприношения. Так же, пишет Г.Климов, выявляли ведьм и ведьмаков средневековья, и приводит комментарий богослова к булле Папы

Иннокентия VIII от 1484 года: «Ведьмы и ведьмаки — это социальная зараза..., они являются постоянной опасностью для всякого упорядоченного общества».

Григорий Климов — сотрудник американского спецпроекта — также уделяет шаманам много места. Исследования шаманов якутов, бурятов, чукчей, лопарей (уже в 1892 году выходит книга В.Михайловского «Шаманство») выявили, что для них характерны гомосексуальность и другие половые извращения (жрецы древних сарматов обязательно были бисексуалами), сильные психические комплексы — оставивший ремесло шаман нередко заболел и умер. Западные ученые свидетельствуют: большинство шаманов Африки и Южных Морей — сексуальные извращенцы и психопаты, по каким-то причинам становящиеся лидерами своих примитивных обществ (правда, психопат без потомства и семьи Гитлер, чьи родители были родственниками, пришел к власти законным путем в демократической стране с богатейшей культурой).

«Здесь мы подходим, — читает у Климова навидавшийся “харизматических” лжецов современник, — к загадке “комплекса власти”, который создает то, что называется “прирожденным” вождем, начиная от сибирских шаманов и негритянских колдунов и кончая Керенским и Троцким, Лениным и Сталиным, Гитлером и даже Рузвельтом... Ключ к пониманию запрятан в темном закоулке, ...в том грязном месте, которое называется садизмом... Психологическим корнем садизма является воля к власти, то есть болезненная, патологическая потребность доминировать, командовать, властвовать. А когда имеешь власть, то для такого садиста уже сами собой открываются широкие перспективы помучить других... Это своего рода плата, которую дьявол дегенерации берет за власть, славу, величие».

Во всяком случае, становится понятным, что официальные идеологические доктрины о жизни общества, будь то исторический материализм или буржуазный либерализм, «свобода, равенство, братство» предназначались для «широкой общественности» и не устраивали спецслужбы, поскольку не давали пояснения определенным явлениям, отнесенным к сфере их компетенции. Стройные обществоведческие теории сосредоточивались на социально-экономических и политических факторах, и не охватывали темные дебри людской психики,

психофизиологии и подсознания, где предпочитали орудовать «рыцари плаща и кинжала», постоянно или борющиеся с деструктивными организациями, или манипулирующие ими в своекорыстных целях. Не случайно Г.Климов называет свой «13-й отдел» «моделью идеальной политической полиции любого государства».

Церковную оценку трудам Г.Климова дал преподаватель Православного Свято-Тихоновского богословского института в Москве о.Василий Секачев: «Климов поднимает вопросы очень важные для России и русских, так называемые проклятые вопросы, но решает их не как православный человек, а как обыкновенный фашист или расист. Позиция Григория Климова очень опасна – она антихристианская, разрушающая Церковь и русское патриотическое движение. Либо он провокатор ЦРУ, либо (что вероятнее всего) – несчастный больной человек».

Остается неясным – считать ли труды Г.Климова целиком плодом его личного творчества, «научного хобби» или же это сопутствующие результаты его основной профессиональной деятельности во имя победы Запада в психологической (III мировой) войне, во многом пред-решившей распад СССР, который повлек неслыханные для мирного времени потери народонаселения и страдания для постсоветских народов. Потаенные «лаборатории» спецслужб, нередко работающие в унисон, умеют хранить тайны.

КОНТРАЗВЕДЧИК-ГУМАНИСТ

«Блаженны миротворцы, ибо их нарекут сынами Божиими», – сказано в Священном Писании. История знает немало примеров, когда органы тайной войны в определенных исторических условиях выступали в нетрадиционной роли инструмента поддержания миротворческого процесса. Вспомним хотя бы конфиденциальные контакты по линии советской и американской разведок времен Карибского кризиса. Гораздо менее известна роль органов НКГБ–МГБ УССР в попытках завязать мирные переговоры между советской стороной и движением сопротивления ОУН и УПА в 40-х годах XX века.

...Подходил к концу 1944 год. Украинские земли окончательно освободились от нацистской оккупации. Но оставался «внутренний фронт»: ожесточенное противоборство советских силовых структур и националистического подполья. Выдвигая лозунги возрождения независимой соборной Украинской державы и освобождения народов СССР из-под ярма сталинского режима, повстанцы к тому времени собрали под сине-желтыми знаменами боеспособные вооруженные силы, опиравшиеся на широкую поддержку местного населения. Как сообщал агент органов госбезопасности, на одном лишь смотре

Оружие украинских повстанцев

частей УПА в День оружия 31 июля 1943 года в Свинарском лесу на Ровенщине перед командующим принимали участие 85 пехотных сотен (по 150–170 штыков) и почти полторы тысячи кавалеристов.

Бои носили общевойсковой характер с применением советской стороной танков, артиллерии, авиации, бронепоездов. Действовали армейские соединения и мощная группировка Внутренних войск НКВД. В рядах повстанцев до 60 процентов составляли необстрелянные сельские хлопцы, зачастую «отбитые» у военкоматов и уведенные в лес. Тем не менее «лесная армия» хотя и несла ощутимые потери, являла собой грозную силу. В партийных документах тех времен нередко указывалось на «неудовлетворительную работу органов государственной безопасности во многих западных областях и районах Украинской ССР», где повстанцы дерзкими акциями срывали процесс советизации.

С другой стороны, невиданные страдания обрушились на мирное население: принудительная коллективизация, насаждение чуждой идеологии наряду с гонениями на церковь, репрессии и депортации. Действовала система круговой поруки, когда всю родню повстанца выселяли в отдаленные районы СССР как «бандпособников», а за убийство секретаря райкома или председателя сельсовета депортировали в отместку десятки семей. Жители края оказались в тисках бескомпромиссного гражданского конфликта. Повстанцы нуждались в «самообеспечении»: только в Стрыйском и Сколевском районах

Ярослава Музыка

Богдана Свитлык

Дрогобычской области подполье наложило на местное население годовую разнарядку в миллион рублей, 240 центнеров мяса, 620 центнеров зерна, 800 центнеров картофеля, сотни метров полотна, белье, обувь.

Сложилась ситуация, когда силы сопротивления не могли не отдавать себе отчета в цене дальнейшей борьбы, а сталинский режим был поставлен перед перспективой затяжной войны с опасным противником, для которого леса и горы были домом родным. Объективно вызревала обоюдная заинтересованность в поиске компромисса.

...В столице Галичины жила и работала сотрудница Художественного музея Ярослава Музыка, чьи картины до «золотого сентября» 1939 года неоднократно экспонировались в салонах ряда европейских стран, США и Канады. С довоенных лет она поддерживала связь с подпольем ОУН, борющимся вначале с польским «нацистом», а затем с «советским оккупантом». Муж ее, доцент и проректор Львовского мединститута, тоже был фигурой авторитетной в кругах местной интеллигенции.

Как повествуют документы Государственного архива СБ Украины, 19 ноября 1944 года Ярослава Львовна навестила давнего знакомого, с коим «колегувала» четверть века, — заместителя заведующего областным здравотделом Юлиана Кордюка (его брат Богдан слыл не последней фигурой в среде украинской политэмиграции). Художница предложила опешившему пану Юлиану роль посредника, точнее, передаточного звена в переговорном процессе между националистами и советской властью, пообещав, что вскоре на него выйдет представитель Провода ОУН. Действительно, спустя два дня к Кордюку пожаловала интеллигентного вида шатенка лет 22 с пожеланием передать предложение «о возможном прекращении борьбы ОУН с соввластью». Миловидная девушка оказалась представительницей руководящего звена Львовского городского провода ОУН Богданой Свитлык (псевдоним — Светлана).

*Полковник
С.Карин-Даниленко*

Мы уже рассказали читателям о неординарной судьбе чекиста Сергея Карина-Даниленко. В свое время он внедрился в петлюровское подполье и зарубежные центры украинской политэмиграции, участвуя в играх по типу «Треста» и «Синдиката» для выведения из-за границы знаменитого повстанческого атамана Юрия Тютюнника. В 1931–1934 годах находился в заграничной командировке «по нейтрализации разведывательно-подрывной деятельности против СССР западных спецслужб, националистических и белогвардейских союзов и центров». Принимал участие в операции «Капкан» по обезвреживанию заброшенных в СССР эмиссаров-террористов Российского общевоинского союза.

В 1944–1945 гг. возглавлял первую оперативную группу НКГБ УССР на западе Украины, разместившуюся во Львове. Тогда же он разработал операцию по созданию легендированного «Провода ОУН в Восточной Украине», от имени которого группа квалифицированных агентов НКГБ УССР направилась на запад с целью внедриться в руководящие звенья националистического подполья в Галичине (операция сорвалась из-за измены 23-летней агентессы «Апрельской»).

Предыдущий опыт тонких, требующих высокого интеллектуального напряжения оперативных игр с центрами антисоветской политэмиграции, сила духа и человечность, не сломленные почти двумя годами истязаний в Бутырке и Лефортово во времена «Большого террора», во многом определили стиль работы полковника. Вот что писал в конце 1950-х сам Сергей Тарасович: «Столкнувшись с реальной обстановкой, прежде всего, с нищетой и голодом, распространенными венерическими болезнями и туберкулезом, сплошной неграмотностью и неуверенностью почти восьмимиллионного населения западных областей Украины, я понял, что обязан сделать все возможное, чтобы помочь этому обездоленному народу.

Я лично посетил сотни сельских дворов и городских квартир и имел с жителями продолжительные разговоры... По мере возможности всегда старался оказать этим людям помощь в решении разно-

образных проблем, волновавших их. Сотрудников опергрупп я постоянно убеждал (похоже, не все разделяли гуманизм шефа. — Авт.), что успех достигим только через доброжелательность, правдивость и открытость...

Вскоре о нас стали распространяться доброжелательные слухи и даже легенды. Люди потянулись к нам, искали с нами встреч, часто обращались с различными просьбами. Именно это и привело нас к заветной цели».

Стоит ли удивляться, что 22 ноября 1944 года на пороге именно его кабинета появился «облеченный доверием» Юлиан Кордюк, входящий в высокие кабинеты партии и НКГБ.

Впрочем, они и раньше виделись: начальник львовских эскулапов принадлежал к сливкам местного общества, и с этой точки зрения выбор ОУН был не случаен. Кордюк передал предложение подпольщиков о встрече и проведении мирных консультаций в одном из сел Галичины на условиях гарантии личной безопасности участников переговоров.

Попутно отметим, что еще 31 августа 1944 года заместитель Председателя Совнаркома УССР Корниец выдал С.Карину удостоверение временно исполняющего обязанности Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при правительстве республи-

Подпольщики ОУН Волыни

Василий Кук

ки. Документ оперативного прикрытия давал чекисту карт-бланш в решении важных служебных вопросов. Кстати, много лет спустя, уже на пенсии, отставной полковник издал две книги по истории униатской церкви, написанные, естественно, «с верных идейных позиций».

Санкцию на проведение операции «Перелом» дали глава республиканской парторганизации Никита Хрущев и шеф Сергея Карина генерал-лейтенант Сергей Савченко. Отдел контрразведки Управления НКГБ по Львовской области по факту инициирования переговоров завел разработку «Звонари» (название изменено. — Авт.).

С.Карин под видом «представителя правительства УССР» 13 февраля 1945 года встретился на квартире Ярославы Музыки с Богданой Свитлык. От имени «Центра ОУН» последняя

вручила письмо с условиями переговоров. Подпольщики предлагали направить к ним с парламентерской миссией представителя официальных структур либо авторитетного деятеля науки или культуры. Сигналом готовности к встрече должен был послужить начерченный мелом круг на фонарном столбе у дома № 5 по улице Коперника во Львове. Затем на шоссе Львов — Тернополь автомашину с советскими представителями должны были остановить круговыми движениями фонаря. Пароль — «девять», отзыв — «девянсто девять». Детали обсудили на очередной встрече 17 февраля.

На первый контакт в ночь на 24 февраля представители ОУН не вышли: проверяли противника на вероломство, а от разведки подполья в те времена укрыться было весьма непросто. Приближалось дополнительное время — ночь на 1 марта. Спутником Даниленко (псевдоним полковника на переговорах) избрали майора Львовского УНКГБ Александра Хорошуна. Тридцатидвухлетний уроженец Сумщины служил в органах с 1938 года, в годы войны участвовал в подготовке и заброске в тыл нацистов партизанских отрядов и опергрупп, награжден орденом Красной Звезды. Службу Александр

Алексеевич закончит генерал-майором, начальником областного управления КГБ, а пока ему предстояло правдоподобно изображать сотрудника облисполкома Головка.

Перед выездом на переговоры Карин-Даниленко позвонил супруге Лидии Алексеевне, попросил поцеловать за него дочь Ирочку и предупредил на всякий случай: задание таково, что не уверен, увидят ли его живым или даже мертвым. Оружие с собой парламентареры не брали, а организация прикрытия вряд ли прошла бы незамеченной.

Рисковали и участники переговоров с противоположной стороны. Официально, публично, если так можно сказать, Центральный провод ОУН в Украине выступал против переговоров с фашистами, советскими партизанами и коммунистическим режимом, опасаясь компрометации перед Западом и населением. Об этом авторитетно заявил захваченный опергруппой НКГБ в начале 1945 года первый командующий Группой УПА—Запад Александр Луцкий. По словам Беркута (один из псевдонимов Луцкого, расстрелянного 13 ноября 1946 года), Служба безопасности (СБ) ОУН уничтожила десятки полевых командиров, которые без санкции сверху пытались вести переговоры с гитлеровцами или партизанами. Самого проводника Подолья Василия Кука (Лемеша) в январе 1944 г. Роман Шухевич едва не «скарал на горло» за самочинные переговоры с немцами о ненападении. Лишь исключительные заслуги будущего командующего УПА спасли его от удавки СБ.

Встречу с повстанцами описал со слов С.Карина незадолго до распада СССР ветеран органов госбезопасности Украины Иван Шорубалка (литературный псевдоним Шовкуненко, подробнее о нем — в следующем очерке).

Автомашину советских посланцев остановили обусловленным сигналом на 96-м (по другим данным — на 130-м) километре шоссе Львов — Тернополь. Вооруженные бойцы УПА усадили в сани парламентареров, завязали им глаза, повезли в неизвестном направлении. Сани часто петляли, и потому 12 километров одолели часа за три.

Полковник
Иван Шорубалка
(1980-е годы)

Яков Бусол

Конечной точкой пути оказалась селянская усадьба в лесу близ хутора Конюхи Козовского района Тернопольской области. Первое, что бросилось в глаза советским представителям, — много хорошо вооруженных людей во дворе дома. Позже выяснилось: повстанцы считали, что посланцев будет прикрывать как минимум полк, и подтянули «отряд особого назначения».

В жарко натопленной хате стоял накрытый к ужину стол: настоящий на травах самогон, бутылки «казенки», аппетитная печеная свинина с чесноком. Вскоре прибыли представи-

тели Провода ОУН в Украине — начальник Главного военного штаба УПА Дмитро Маевский (Тарас) и шеф политического отдела Главного штаба Яков Бусол (Галина). Хозяева предложили выпить по чарке, но Карин отказался, сославшись на больное сердце (здоровье его и правда было подорвано пытками ежовских костоломов). Остальные проявили солидарность.

Переговоры длились около пяти часов. Полковник подчеркнул, что советские войска стоят у стен Берлина, войне скоро конец, и УПА может постичь участь нацистов. Подпольщикам предлагалось сложить оружие. В обмен — гарантии жизни, свободы, трудоустройства, получения образования. Те, кто неуютно почувствует себя в родных краях, после легализации могут переехать в другие области Украины. Предлагалось составить письменный договор сторон, а листовки с его текстом стали бы пропуском тем, кто решит сдать. Представители сил сопротивления заявили, что добиваются восстановления реального суверенитета Украины. Состоявшуюся встречу просили расценивать как предварительные консультации и обещали доложить своему руководству предложения советской стороны.

Мы не располагаем документами об обсуждении советских инициатив в высших кругах подполья. Известно лишь, что Роман Шухевич решил согласовать ответ со Степаном Бандерой. В 1946 г. в одном из хранилищ немецких документов в Чехословакии обнаружили копию письма советских властей с мирными предложениями от 16 марта 1945 года, переданного ОУН также по каналу Я.Музыки.

Если учесть, что Бандера был выпущен нацистами на свободу еще в октябре 1944-го, то передать письмо агонизировавшему III рейху он решил, скорее всего, добровольно. В этом случае его отношение к компромиссу представляется очевидным. Кстати, 4 июля 1945 года советская сторона вновь передала через Сову (псевдоним Я.Музыки) мирные предложения.

Вскоре обострились отношения между лидерами ОУН в эмиграции. Бандера отказался признать решения III Чрезвычайного Великого сбора (съезда) ОУН от августа 1943 года, направленные на демократизацию внутриорганизационной жизни, искоренение тоталитарной идеологии «интегрального национализма» и вождизма. Он не желал смириться с созданием надпартийного органа — Украинской головной вызвольной рады — и избранием без него бюро Провода ОУН (Б) в Украине во главе с Романом Шухевичем. Требовал созыва нового Великого сбора для подтверждения собственной руководящей роли, хотя с июля 1941 года являлся скорее символом освободительной борьбы, нежели реальным ее лидером.

Представителями от западноукраинских земель на Великий сбор направили почему-то именно Д.Маевского, а также члена бюро Провода Грицай (Перебийниса). 19 декабря 1945 года они попали в засаду, устроенную чешскими органами госбезопасности близ границы с Германией. Маевский застрелился, а схваченный Грицай в ту же ночь наложил на себя руки в тюремной камере (по официальной версии).

Яков Бусол погиб при невыясненных обстоятельствах, отмечают историки из диаспоры, «вероятно, в стычке с отрядом НКВД». Посмертно награжден в 1952 г. Золотым крестом заслуги ОУН. Мы же установили точные обстоятельства гибели повстанческого военачальника. 15 сентября 1945 года оперуполномоченный Козовского райотдела НКВД С. обходил село Бышки на Тернопольщине с бойцами истребительного батальона, контролируя ход хлебозаготовок. Хозяйка одного из подворий Галина Кабан вдруг занервничала, настойчиво пыталась угостить незваных гостей самогомом. С. заподозрил неладное. Когда один из «ястребков» полез на чердак с проверкой, оттуда

Дмитрий Грицай

ударил автоматные очереди. Некто, отстреливаясь из автомата, метнулся к лесу и был сражен винтовочным выстрелом оперработника. В убитом бывшие соратники по Проводу и С.Карин-Даниленко опознали Бусола.

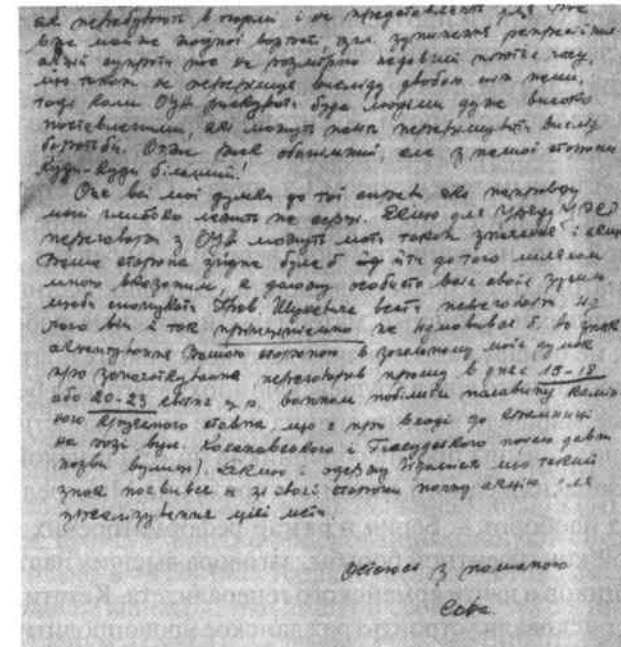
Несколько слов о дальнейшей судьбе других героев очерка. Богдана Свитлык погибла в боевом столкновении с подразделением Внутренних войск летом 1948 года. Сергей Карин-Даниленко в 1947-м вышел в отставку по состоянию здоровья. Умер в Киеве в 1985 году.

Ярослава Музыка продолжала выполнять функции связной до 1948 года, постоянно находясь под плотным надзором органов госбезопасности. Тот факт, что некоторое время ее не трогали, свидетельствует о желании советской стороны сохранить канал выхода на верхушку подполья. Последний раз от ее имени мирные предложения были переданы секретарю Львовского обкома партии Ивану Грушецкому 10 апреля 1948 года. Органы МГБ выступили разработчиками деталей переговорного процесса (операцию «Щось» вел Иван Шорубалка). Характерно, что союзный министр госбезопасности Виктор Абакумов и Никита Хрущев и на этот раз не возражали против переговоров с «бандоуновцами», но причины срыва мирного процесса следует, вероятно, искать в высоких кремлевских кабинетах.

На этих столбах на львовской улице наносился условный знак к началу переговоров советской власти с ОУН (современное фото)

8 ноября 1948 года «Сову» арестовали. Следствие вел печально известный сотрудник МГБ Гузеев, ставший в 1970-х заслуженным работником культуры УССР! Женщину избивали, бросали раздетой в холодный карцер на несколько дней, затем продолжали побои. Пройдя через издевательства следователей, она получила от Особого совещания МГБ УССР 25 лет лагерей. Ее муж настойчиво добивался ее освобождения, обращался с письмами к К.Ворошилову и Л.Берия. После смерти И.Сталина провели служебное расследование. Гузеев, к тому времени старший советник при МВД Румынии, упирал на то, что подследственная не давала «правдивых показаний», и тогда начальник управления дал им «санкцию», которую они и «применили» к немолодой художнице. На свободу вышла в апреле 1955 года. И лишь 8 сентября 1994 года, по представлению Службы безопасности Украины, прокуратура Львовской области Ярославу Музыку реабилитировала.

Лист из письма «Совы» И.Грушецкому с предложениями о переговорах

МИРОТВОРЕЦ ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

1953 год стал одним из поворотных моментов советской истории, и не только в силу смерти «вождя народов». Тогда появилась реальная альтернатива иного развития супердержавы, инициатором которой выступила наиболее влиятельная фигура отечественного политика — член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, глава объединенного МВД-МГБ, Маршал Советского Союза Лаврентий Берия.

Анализ тогдашних бериевских инициатив свидетельствует, что в истории, если бы она повернулась иначе, наверняка возникло бы понятие не хрущевской, а бериевской «оттепели». Никита Хрущев и Михаил Горбачев лишь во многом эксплуатировали предложения Лаврентия Павловича. Смелые новации, предложенные этой сложной и противоречивой фигурой, могли иметь кардинальные последствия для судеб «национальных» республик Союза, и в первую очередь — Украинской ССР.

Благодаря усилиям прозревших в период «перестройки» историков и популярных публицистов личность Лаврентия Берия прочно стала нарицательным символом массовых репрессий и тотального беззакония сталинской эпохи. А. Антонов-Овсеенко (сын известного своей свирепостью душителя крестьянских антисоветских восстаний) назвал его «главным экзекутором Сталина». Однако страсти постепенно улеглись и деятельность расстрелянного в декабре 1953-го (по официальной, но не единственной версии) Лаврентия Павловича стала рассматриваться более взвешенно. Опубликованные российскими историками архивные материалы и научные работы свидетельствуют: не обнаружено никаких документальных подтверждений разрекламированного еще в хрущевскую эпоху «заговора Берии» (подконтрольные маршалу военно-специальные возможности не только не были использованы против соперников по «сталинской гвардии», но и не обезопасили самого одиозного уроженца Мингрелии).

Как раз наоборот — Берия в разгар реформаторских начинаний стал жертвой конкурентной борьбы, заговора высших партийных номенклатурщиков и части армейского генералитета. Кстати говоря, заговорщики рисковали устроить гражданское кровопролитие, готовясь к вооруженной борьбе с силами МВД. Поддержавший заговорщи-

ков командующий Московским округом ПВО Кирилл Москаленко «на всякий случай» вывел полки зенитной артиллерии на позиции для стрельбы прямой наводкой по бронетехнике дивизии Внутренних войск имени Дзержинского (такое случалось разве что в острокритический период обороны Москвы в 1941-м).

В 2001 году в Российской Федерации рассматривался вопрос о реабилитации маршала Берия, одним из инициаторов которого стал его покойный ныне сын, талантливый инженер-ракетчик, киевлянин Серго Гегечкори (фамилию отца на девичью матери заставили сменить после расправы над отцом). Обвинения по части уголовных статей, включая пресловутую «измену родине», сняли, однако подчистую «человек в пенсне» реабилитирован не был.

Что ж, и поделом, ведь его непосредственную причастность к организации и осуществлению массовых незаконных репрессий, насильственных депортаций ряда народов СССР отрицать бессмысленно. Отметим только, что весь партийный аппарат и руководящий состав органов госбезопасности «сталинским гением» был прочно повязан кровью — в состав печально известных органов внесудебного преследования, «троек», обязательно входили местный секретарь партийного комитета (от райкома и выше), руководитель территориального органа НКВД и прокурор, призванный надзирать за соблюдением «социалистической законности».

Необходимо справедливости ради отметить — с именем Берия неправомерно связывать наиболее масштабные репрессии. Пик уничтожения сограждан пришелся на период, когда НКВД возглавляли Генрих Ягода и Николай Ежов (июль 1934 — декабрь 1938-го). Именно этот отрезок времени вполне обоснованно именуют «Большим террором» — только в 1937–1938 годах вынесено 681692 смертных приговора, около 3,8 млн. граждан лишено свободы. Уже в июне 1957 года, когда Пленум ЦК КПСС разоблачал «антипартийную группировку», Андрей Громыко заявил, что приход к власти В.Молотова,

*Народный комиссар
внутренних дел
СССР
Лаврентий Берия*

*Генерал
Иван Серов*

Л.Кагановича и Г.Маленкова имел бы страшные последствия, ибо «этих людей не нужно учить, как расправляться с кадрами».

При Л.Берия во главе НКВД в 1939-м выносятся 2552, в 1940-м — 1649 смертных приговоров, по которым, в частности, прошло немало руководящих и оперативных работников госбезопасности, непосредственно виновных в незаконных расправах. Тезис Н.Хрущева о «выходе органов госбезопасности из-под контроля коммунистической партии» как о главной «причине» репрессий на десятилетия закрепил роль стрелочников за чекистами. Партия же оставалась святой и непорочной, даже выступила инициатором «революции сверху», добившей и саму советскую федерацию. Весьма точно суть манипуляций Никиты Сергеевича оценил известный деятель советской экономики Н.Байбаков: «Кляня и понося Сталина, кликушески разоблачая его культ, Хрущев отводил обвинения прежде всего от самого себя... Это он главный зачинщик массового террора на Украине, а потом в Москве...Нужно было отвлечь внимание людей от себя, от личной причастности к произволу, и Хрущев поспешил стать в позу некоего верховного судьи всего “сталинского времени”».

Кстати говоря, до XX съезда КПСС с его знаменитым закрытым докладом Никиты Хрущева уже освободилось 80% узников ГУЛАГА, так что имидж «Никиты Освободителя» нуждается в серьезной корректировке. В 1954 году первый председатель КГБ при СМ СССР Иван Серов получил задание изъять из архивов документы о репрессиях, где стояла подпись Н.Хрущева. «Чистку» истории проводила секретная группа, под началом начальника Секретариата КГБ Доброхотова и присланного из ЦК КПСС начальника архивно-учетного отдела. По опубликованным свидетельствам архивистов, уничтожили целый эшелон документов, способных дискредитировать Никиту Сергеевича как одного из активных организаторов массовых репрессий в Украине и в бытность главой московской парторганизации. Однако все же сохранились «жалобы» Н.Хрущева И.Сталину: «Украина ежемесячно посылает 17-18 тысяч репрессиро-

ванных, а Москва утверждает не более 2-3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры».

Л.Берия возглавлял НКВД-МВД с декабря 1938 по 29 декабря 1945 года, причем с апреля 1943-го из НКВД выводятся собственно органы госбезопасности (НКГБ-МГБ). По авторитетному мнению Павла Судоплатова, в послевоенные годы Л.Берия был «отстранен от курирования любых дел, связанных с госбезопасностью», сохраняя лишь контакты с внешней разведкой для получения сведений об атомной программе — как руководитель Специального комитета Совета Министров по созданию отечественного ядерного оружия. Когда академика Игоря Курчатова заставляли давать показания о «вражеской деятельности» Л.Берия, ученый заявил Н.Хрущеву и Г.Маленкову: «Если бы не он, Берия, бомбы бы не было».

Отметим, что уже в сентябре 1945 года в США подписали «Меморандум № 329» о нанесении превентивного ядерного удара по 20 городам СССР с населением в 13 млн. душ, а к концу этого же года Америка имела до 200 атомных бомб и соответствующие средства доставки — в отличие от своего недавнего союзника по Антигитлеровской коалиции. Впрочем, память о встрече на Эльбе стирали быстро, и уже в 1960-х годах большинство опрошенных американских студентов высказывали уверенность, что их страна совместно с Германией воевала против России.

Исключительная организаторская роль Л.Берия в этой программе признается многими участниками и современниками (включая 8 лет работавшего под его руководством академика Андрея Дмитриевича Сахарова), а маститые ученые-атомщики именовали его не иначе как «наш Лаврентий Павлович».

Академика Юлия Харитона, некогда работавшего в Англии и зачисленного МГБ в «английские шпионы», Л.Берия лично отстоял перед И.Сталиным. После успешных испытаний советской атомной бомбы в 1949 году ведущие ученые Курчатова, Флерова, Харитона, Хлопина, Шелкина, Доллежал, Бочвар и немецкий физик Н.Риль стали Героями Социалистического Труда, лауреатами Сталинских (Государственных) премий, им подарили дачи под Москвой, машины «Победа», а И.Курчатову — лимузин «ЗИМ». Героями Соцтруда стало и восемь генералов из МВД, Л.Берия же получил орден Ленина.

Разумеется, ядерный проект осуществлялся изолированной, отощенной войной страной традиционными суровыми командно-административными методами, и в «гуманисты» Лаврентия Павловича записывать абсурдно. Слов нет, у многих тысяч рядовых зеков, обслуживавших советский ВПК и ядерную программу в частности, была «своя правда» на сей счет, ведь только перечень научно-промышленных объектов во «владениях» НКВД-МВД не уместился бы в этом очерке (всего в атомном проекте задействовали 700 тыс. человек — в США около 125 тыс.).

Однако это было общей родовой чертой советского народного хозяйства. Ускоренное же создание «РДС» (первой атомной бомбы «Россия делает сама», как некоторые авторы расшифровывают такую аббревиатуру) являлось делом выживания страны в условиях ядерной монополии США и появления, одного за другим, планов атомной атаки на победивший нацизм СССР (8 планов до 1949 года).

Таким образом, к моменту смерти И.Сталина в советской элите по определению не могло быть личностей, не запятнанных беззаконием. Другое дело, что именно Л.Берия оказался способен на далеко идущие инициативы по либерализации внутренней и внешней политики СССР.

Отметим попутно, что послевоенное десятилетие отмечено значительным сокращением общего числа репрессированных. По тщательным подсчетам ведущего российского исследователя истории ГУЛАГа В.Земскова, до 1 января 1953-го в лагерях, колониях, на спецпоселениях томилось 2468524 граждан — цифра в любом случае страшная, но все же не 10 млн., «предъявленных» Н.Хрущевым на XX съезде КПСС.

В совершенно секретном документе МВД СССР от марта 1953 года отмечалось, что число «особо опасных государственных преступников составляет 221435 человек», причем сюда отнесены осужденные еще с конца 1930-х, осужденные за «политический бандитизм» (участников антисоветского движения сопротивления и их сторонников в Прибалтике и на Западной Украине). Наиболее массовым наполнителем лагерей являлось драконовское законодательство 1947 года за мелкие правонарушения, хищения. В 1950—1953 годах вынесено 3894 смертных приговора, включая осужденных за военные преступ-

ления в годы войны. Разумеется, это не меняло в принципе характера отношений «власть — общество». В конце концов, накануне «перестройки», в 1985 году было осуждено 1,27 млн. граждан, что вполне сопоставимо с 1947-м — 1,49 млн. лишенных свободы или жизни (из них лишь 5,2% по политическим статьям). Кстати говоря, число лишенных свободы в современных США превышает 2 млн. человек (в Китае — 1,5 млн., России — свыше 800 тыс.).

Последние годы жизни И.Сталина отмечены противоборством между несколькими группировками потенциальных «наследников вождя». В 1949—1950 годах подвергается разгрому группа молодых, способных администраторов и хозяйственников, выдвинувшихся в период войны, выходцев из Ленинграда, во главе с секретарем ЦК А.Кузнецовым и членом Политбюро Н.Вознесенским («ленинградское дело», фигурантов которого обвиняли, в частности, в «русском национализме»). Затем удар наносится по группировке спецслужбистов (руководителей органов госбезопасности и военной разведки). В 1951-м арестовали бывшего начальника ГУКР СМЕРШ (1943—1946 гг.), министра госбезопасности Виктора Абакумова (некогда — фаворита Сталина, спешно расстрелянного 19 декабря 1954 года, через час после вынесения приговора).

По обвинению в «сионистском заговоре» взяли под стражу людей Берия — генералов госбезопасности Л.Райхмана, Н.Эйтингона (известного организатора «активных мероприятий» за рубежом), полковника А.Свердлова (сына первого советского «спикера» Якова Свердлова, отличавшегося свирепостью на допросах времен «Большого террора») и других функционеров. В результате «на коне» оказываются носители консервативных тенденций, ядро высшей партноменклатуры, заговор которой и стоил жизни Л.Берия и его приближенным (саму «старую гвардию» и «примкнувшего к ним Шепилова» Н.Хрущев со товарищи отстранили от власти в 1957-м как «антипартийную группировку»).

Между тем в начале 1950-х как раз Н.Хрущев укреплял свои позиции в органах госбезопас-

*Виктор Абакумов.
Тюремное фото*

Никита Хрущев

ности. Его ставленники Иван Серов, Василий Рясной, Сергей Савченко становятся заместителями министра госбезопасности СССР, на руководящие посты в МГБ попадают секретари обкомов партии из Украины Н.Миронов, В.Алидин (будущий зампред КГБ СССР), Н.Ермолов, А.Голик, А.Епишев (последний — заместителем министра по кадрам!).

До сих пор загадочным остается вопрос о причинах смерти И.Сталина. Версия о его отравлении по заданию Л.Берия существует давно. Г.Маленкову Берия еще тогда заявил, что «спас

их от Сталина». В апреле 1953-го по приказу Лаврентия Павловича внезапно арестовали и приговорили к расстрелу руководителя секретной лаборатории ведомства госбезопасности по разработке ядов и средств их тайного применения Григория Майрановского — не помогли и письма «ученого» к патрону с просьбой «великодушно простить совершенные мною преступные ошибки». То, что Берия не собирался быть «бараном, идущим на бойню» сообщал со слов отца (от 1952 года!) его сын Серго.

Российский журналист Николай Добруха получил возможность ознакомиться с личным делом Сталина и, главное, журналом наблюдения врачей 2-5 марта 1953 года — клиническая картина опровергает официальную версию о смерти от «кровоизлияния в мозг на почве гипертонической болезни и атеросклероза». В 1947 году у Сталина, тщательно следившего за здоровьем, вопреки расхожему мнению о «паталогическом недоверии врачам», констатировали лишь «гипертонию в начальной стадии», ревматизм и понятное «переутомление», давление — 145/85, пульс 74 в минуту.

Опытные врачи и профессора из 4-го Управления Минздрава констатировали, что 5 марта в начале 9 часа утра у больного открылась «кروавая рвота, закончившаяся тяжелым коллапсом, из которого его с трудом удалось вывести». «Все участники консилиума, — вспоминал профессор А.Мясников, — толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках». У высокого пациента наблюдалась икота, сильное вздутие живота, увеличение печени, повышенная

потливость. В ночь на 5 марта поступили результаты анализа крови и мочи: значительное увеличение белых кровяных телец (17000 вместо 7-8 тыс. по норме), белок в промилле до 6 при норме 0!

Такое содержание белка говорит о том, что жертву отравили ядом органического происхождения — токсины такого характера содержатся в ядах змей, пауков и некоторых растений и бактерий. Действуют они путем поражения органов дыхания, кровообращения, лимфатическиз узлов и головного мозга. Второй «анализ исследования крови № 14966» выявил содержание «палочко-ядерных 18%» (при норме 2-5%, поэтому цифру врач жирно подчеркнул синим карандашом), а главное — 85% нейтрофилов при норме 55-68% (нейтрофилы поглощают токсины и другие инородные тела), причем «в части нейтрофилов имеется токсическая зернистость!» Иначе говоря, организм бешено вырабатывал защиту от токсичных веществ. В 21 час 50 минут 5 марта И.Сталин скончался (хотя Г.Маленкова назначили на его место уже 3 марта).

С 4 часов утра до часа дня проходило вскрытие тела умершего. «Акт паталогоанатомического исследования тела Иосифа Виссарионовича Сталина» показал такое состояние желудочно-кишечного тракта, которое бывает только при сильнейшем отравлении — слизистые поверхности будто посекло мелкою дробью, на них осели многочисленные «мелкие черно-красные точки, легко снимающиеся ножом», «мелкоточечные кровоизлияния», неизвестная «темно-зеленого цвета жидкость, ...местами окрашивающая в черный цвет» оболочку кишечника.

Историю болезни профессор Лукомский переписывал дважды, третий вариант от июля 1953 года вообще никем не был подписан, когда все участники консилиума подписали четвертый вариант, сказать невозможно — отсутствует дата...

Пожалуй, самый загадочный период биографии Л.Берия — между смертью Сталина и арестом. Действия Берии на протяжении тех 114 дней, когда он был едва ли не самым влиятельным человеком на одной шестой части суши, дают возможность посмотреть на него объективнее, отбросив традиционные обвинения вчерашних соратников из «ленинско-сталинского Политбюро». Нет возможности в рамках одного очерка описать все то, что предлагал и делал Берия после смерти Сталина. Коснемся лишь некоторых его инициатив.

Амнистия 28 марта 1953 года, по которой на свободу вышло 1,2 млн. заключенных и было прекращено 400 тыс. следственных дел. Кстати, о «волне бандитизма», связанного с «бериевской амнистией». О ней у нас судят по талантливому, но художественному фильму времен «перестройки» «Холодное лето 53-го года». Судя по нехорошим персонажам фильма, по стране разбрелись вооруженные банды из вышедших на свободу «паханов» при «шестерках», убийц, уголовников-рецидивистов, «бандеровцев», «кулаков» и других колоритных типажей.

Это лишь конъюнктурный вымысел кинематографистов, вместе с остальными «творческими людьми» изрядно приложивших руку к фальсификациям отечественной истории. Дело в том, что амнистия распространялась на совершивших общеуголовные преступления со сроками наказания до 5 лет, женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных, несовершеннолетних, пожилых и больных людей. Амнистия не касалась осужденных за тяжкие преступления, включая бандитизм и умышленные убийства, участников антисоветского вооруженного подполья.

Одновременно разрабатывается проект, адресованный Президиуму ЦК КПСС, относительно широкой политической амнистии. Поднимается вопрос о передаче ГУЛАГа в ведение Министерства юстиции с дальнейшей ликвидацией первого. Выдвигаются предложения относительно смягчения меры ответственности за нетяжкие преступления. Создаются четыре оперативно-следственные группы с целью пересмотра наиболее одиозных политических дел («ленинградского», «врачей», «мингрельского» и других). Выходит приказ по МВД от 4 апреля 1953 года «О запрете применения к арестованным любых мер принуждения и физического воздействия».

В Президиум ЦК КПСС направляются записки об отмене паспортных ограничений и режимных местностей от 13 мая 1953 года, об отмене приговоров многим известным деятелям, об ограничении прав пресловутого Особого совещания при МВД СССР как органа внесудебного преследования (ликвидировано в сентябре 1953 года), после чего СССР быстро развивается в сторону построения правового государства.

Л.Берия подготовил в Президиум ЦК записки о серьезных ошибках в проведении коллективизации в Прибалтике и Западной

Украине, о грубых нарушениях национальной политики, репрессиях в Прибалтике, Белоруссии, Украине, в которых поднимался вопрос о поддержке развития национальных культур, языков. Предлагалось учредить национальные ордена.

В сфере внешней политики призывал отказаться от навязывания социализма тогдашней ГДР, из которой сотнями тысяч бежали жители, предлагал создать единую, но нейтральную «буржуазную» Германию. Однако 27 мая Президиум ЦК категорически отверг эту инициативу, и уже через три недели именно Берия руководил подавлением массовых акций протеста («мармеладного бунта») в Восточной Германии с привлечением танковых дивизий Советской Армии. Бесспорно, упомянутые новации не предполагали кардинальных изменений в жизни тогдашнего общества, не меняли природу коммунистического режима. Тем не менее их реализация во многом способствовала бы его либерализации.

Хорошо понимая, что его предложения не вызовут энтузиазма у партийных бонз, Берия старался опереться на аппарат МВД, куда были переданы в 1953 году органы госбезопасности и где он начал решительно расставлять своих людей-профессионалов. Особая роль отводилась здесь индустриальной Украине, на территории которой дислоцировались части мощнейших военных округов. К тому же ее западный регион оставался ареной жестокого вооруженного противостояния с украинским подпольным движением, возглавляемым ОУН хотя, конечно, намного меньшего масштаба, чем в 1943–1950 годах.

26 мая 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС приняли постановление «Вопрос западных областей Украинской ССР». Кстати, записку на такую же тему Л.Берия 8 мая 1953 года подготовил и по деятельности органов МГБ Литовской ССР – признавалось, что там до 1952 года убито свыше 20 тыс. повстанцев и подпольщиков, арестовано по обвинению в принадлежности к подполью 63 тыс., выслано «кулаков» и «бандпособников» 126 тыс. человек. Всего от репрессий пострадало около 270 тыс. граждан (военные и гражданские потери советской стороны оценивались в 13 тыс.). Записка от 8 июня 1953 года «О положении дел в Латвийской ССР» оценивала количество убитых, арестованных и депортированных жителей республики в 1944 – 1952 годах в 119 тыс. человек.

28 мая 1953 года Бюро ЦК Компартии Украины (КПУ) приняло решение «О постановлении ЦК КПСС от 26 мая 1953 года “Вопрос западных областей Украинской ССР” и докладной записке тов. Л.П.Берии в Президиум ЦК КПСС».

Пленум ЦК КПУ 4 июня 1953 года принял постановление «О постановлении ЦК КПСС от 26 мая 1953 года “Вопрос западных областей Украинской ССР” и докладной записке тов. Л.П.Берии в Президиум ЦК КПСС». Этим решением, если отбросить казенные эвфемизмы, признавались серьезные масштабы и последствия грубых действий режима на западноукраинских землях. Именно Л.Берия едва ли не первым в тогдашнем руководстве считал целесообразным исключить из политического лексикона слово «бандит», которым обычно именовали участников повстанческих движений. По мнению Л.Берия, «нет никаких бандитов, а есть только националистически настроенная часть населения».

Стремление установить миротворческие контакты с националистической оппозицией он подтвердил рядом практических шагов. В частности, по его приказу в Москву доставили из внутренней тюрьмы МГБ УССР Василия Охримовича — заброшенного из ФРГ американским самолетом и захваченного в Западной Украине в октябре 1952-го с помощью агентурно-боевой группы руководителя политико-информационной службы Закордонного представительства Украинской головной вызвольной рады (ЗП УГВР, своеобразного предпарламента украинских национал-демократических сил в эмиграции). В.Охримовича деликатно «обрабатывали» на предмет использования в переговорах с подпольем. Кстати говоря, арест Л.Берия для него имел трагические последствия — партийные органы настаивали на расправе с «бандглаварем», и 18 мая 1954-го «нераскаявшегося» Охримовича расстреляли.

Для возможного использования в миротворческой миссии в Западной Украине в столицу привезли из лагерей сестер лидера Закордонных частей ОУН (ЗЧ ОУН) Степана Бандеры, а также первого президента УГВР, активного участника Украинской национально-демократической революции 1917—1920 годов Кирилла Осьмака, митрополита фактически разогнанной в 1946-м Украинской греко-католической церкви Иосифа Слипого. «Новый курс» на мирное урегу-

лирование вооруженных конфликтов, который решительно проталкивал глава МВД СССР, сулил благоприятные изменения для национальных республик.

Под влиянием новаций Л.Берия Пленум ЦК КПУ 4 июня 1953 года освободил от поста первого секретаря ЦК КПУ яркого шовиниста и антисемита Леонида Мельникова, который в выступлении на Пленуме признал ошибочность собственных действий. Новым лидером КПУ впервые стал этнический украинец Алексей Кириченко, подчеркнувший: «Нам мало признать просчеты и недостатки. Наша задача заключается в том, чтобы глубоко осознать политическое содержание допущенных ошибок, огромное значение той помощи, которую оказывает нам ЦК КПСС своим постановлением от 26 мая, — и с настойчивостью, присущей коммунистам, взяться за ликвидацию просчетов и недостатков в руководстве западными областями».

Принципальную оценку результатам послевоенного десятилетия «социалистического строительства» на Западной Украине дал Пленум ЦК КПУ 2—4 июня 1953 года. Констатировалось, что «среди значительной части населения западных областей существует недовольство хозяйственными, политическими и культурными мероприятиями, которые проводятся на местах». В руководстве сельским хозяйством допущены «серьезные ошибки», оно ведется «без учета местных особенностей», население недовольно действиями местной власти. «...Почти все руководящие должности в партийных и советских органах западных областей Украины заняты работниками, командированными из восточных областей УССР, а также других республик Советского Союза» (даже в 1953-м из 742 секретарей органов компартии только 62 были местными, в низшем властном звене они составляли 44%, в прокуратуре — 12% работников).

Леонид Мельников

Алексей Кириченко

Делался вывод, что «такое положение... создает почву для подрывной работы врагов советской власти, особенно буржуазно-националистического подполья», которое «несмотря на многолетнюю борьбу по его ликвидации, все еще существует, а его банды продолжают терроризировать население». Критиковались односторонние методы противодействия антисоветскому движению сопротивления: «...Борьбу с националистическим подпольем нельзя вести лишь путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, бессмысленное применение репрессий вызывает лишь недовольство населения... На протяжении 1944–1952 годов в западных областях подвергнуто разным репрессиям очень большое количество людей». Особое сопротивление вызывали насильственные методы коллективизации аграрного региона, преследование греко-католической церкви, активная русификация «украинского Пьемонта».

Несмотря на сосредоточение в Западной Украине 4 дивизий оперативных войск НКВД-МГБ, большие потери в рядах вооруженной оппозиции, в регионе к началу 1950-х годов насчитывалось до полусотни «пораженных бандитизмом» административных районов. Например, в 1951 году действовали Львовский и Карпатский краевые, 14 окружных, 37 надрайонных, 120 районных, 156 кустовых проводов (органи-

Офицеры госбезопасности из Западной Украины после награждения в Кремле

зационно-территориальных звеньев) подполья ОУН, до 2,5 тысячи боевиков-одиночек.

Изрядно «портили кровь» Кремлю и зарубежные центры украинских националистов — прежде всего 34 ОУН С.Бандеры и 3П УГВР Николая Лебеда. Они прилагали все усилия для пропаганды государственных прав украинского народа, изобличения репрессивной политики режима, привлекали внимание мира к борьбе подпольщиков. Кроме того, в условиях «холодной войны» их возможности активно использовали для разведывательной деятельности спецслужбы Англии и США. По подсчетам советской стороны, в 1945–1950 гг. каналами репатриации или нелегальным путем заграничные центры ОУН при содействии иностранных разведок направили в СССР до 500 своих участников со специальными заданиями (последнего нелегала, осевшего на жительство близ военного объекта во Львовской области, выявили в 1967 году).

Эмиссары националистических центров получали от сотрудников разведок стран НАТО задания сбора сведений о военно-промышленном потенциале СССР, объектах атомной промышленности, ПВО, портах Украины, подбора площадок для десантов в Карпатах. О разведывательных возможностях подполья свидетельствуют находки в его бункерах отчетов о советских армейских частях Забайкалья, Порт-Артура и Восточной Пруссии.

Противостояние 1944 – середины 1950-х годов имело страшную людскую цену. По данным органов госбезопасности, было убито почти 156 тыс. участников повстанческого движения, осуждено 87 тыс. граждан и депортировано 203 тыс. жителей Западной Украины. В свою очередь, от рук повстанцев погибло несколько тысяч военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, свыше 30 тыс. представителей власти, специалистов и колхозников.

При таких обстоятельствах министром внутренних дел УССР в марте 1953-го стал

Убитый украинский повстанец

ставленник Берия генерал-лейтенант Павел Мешик, уроженец украинского Конотопа.

П.Мешик, заместителем которого Берия назначил Соломона Мильштейна, круто взялся за дело. Министр тщательно изучил социально-экономическую ситуацию, прежде всего в Западной Украине. Обращал внимание на «перегибы» в колхозном строительстве, массовые необоснованные репрессии, преследование греко-католической (униатской) церкви и оперативную обстановку в «мятежных» областях.

30 мая 1953 года П.Мешик подготовил для Москвы записку, в которой руководство Компартии Украины прямо обвинялось в грубых действиях при создании колхозов, насилии, репрессиях. С резкой критикой партийных работников он выступил и на упомянутом Пленуме ЦК КПУ в июне 1953 года. Руководитель украинской спецслужбы был категорическим противником некомпетентного вмешательства номенклатуры в оперативно-розыскную деятельность органов. Узнав, что один из секретарей ЦК пытается взять под контроль ход ответственной оперативной разработки, откровенно заявил: «Он в этом деле ничего не смыслит, и нечего ему там делать».

Стоит ли говорить, что обвинения в «попытке вывести органы из-под партийного руководства» в дальнейшем станут основными против Мешика и его московского патрона. На самом деле Компартия, превратившая правоохранительные структуры в главную «дубинку» собственной антинародной политики, сама же лицемерно устами Никиты Хрущева (у которого, как он сам признавался, пребывая на пенсии, «руки по локти в крови») свалит на «органы» всю ответственность за репрессии. Дескать, вот к чему приводит выход из-под родительского крыла ленинской партии...

Как вспоминал Павел Судоплатов, ставленник Берии мог дерзко посоветовать первому секретарю ЦК КПУ учить украинский язык. Мог потребовать от секретаря Киевского обкома П.Шелеста вернуть «одолженный» для охоты катер пожарного надзора. Первый секретарь Львовского обкома КПУ З.Сердюк намеревался забрать себе дом из ведомственного дачного участка МВД, но его представитель натолкнулся у калитки садика на неприветливого вида ребят, предусмотрительно выставленных Мешиком.

Новый министр сразу зарекомендовал себя большим оригиналом. У членов парткома МВД глаза лезли на лоб, когда Мешик за просто заявлял: «...Слушать “Голос Америки” и Би-Би-Си — отнюдь не криминал, я и сам их слушаю». Или: «...С удовольствием изучаю “Историю Украины” Грушевского». «Как это так, — возмущались идейно закомплексованные, — министр принимает у себя для бесед “скрытых националистов” Владимира Сосюру и Остапа Вишню, отсидевшего 10 лет!»

«Новая метла» смерчем пронеслась по кадрам республиканского МВД. Были сменены начальники ведущих подразделений центрального аппарата, 18 из 25 начальников областных УМВС. Руководителем 4-го (Секретно-политического) Управления МВД УССР, которое, собственно, и занималось борьбой с ОУН, был назначен опытный, но опальный контрразведчик, фронтовик Иван Шорубалка. Одно время Иван Кириллович возглавлял Управление 2-Н (борьба с национализмом) МГБ УССР и понес суровые взыскания за побег из конспиративного особняка во Львове бывшего шефа Службы безопасности ЗЧ ОУН Мирона Матвиейко, захваченного в 1951 году и привлеченного к сотрудничеству с госбезопасностью в рамках радиопрограммы «Звено» с ЗЧ ОУН и английской разведкой.

Были причины для волнений у руководящего и оперативно-го состава УМВД западноукраинских областей. В телеграмме, адресованной им 31 марта 1949 года, глава МГБ УССР генерал-лейтенант С.Савченко отмечал: «Вместо проведения систематических и глубоких чекистских мероприятий по поиску и ликвидации вооруженных оуновских банд и террористов оперработники идут путем наименьшего сопротивления, подменяя ликвидацию этих элементов работой по изъятию пособников и других второстепенных оуновских связей... Добываясь таким образом формальных

Иван Шорубалка

Генерал-лейтенант Сергей Савченко

показателей в работе, они фактически прибегают к очковтирательству, порождают нарушение норм Уголовно-процессуального кодекса и советской законности». Мешик создал комиссию по расследованию деятельности Следственной части МВД УССР.

В 1945 г. Политбюро ЦК КП(б)У дважды принимало постановления о фактах нарушения законности в работе органов. В том же году из рядов НКВД–НКГБ республики увольняется за моральное разложение 240, нарушение законности 539, по результатам спецпроверок – 1640, осуждается военными трибуналами 326 сотрудников. 24 июля 1946-го выходит постановление ЦК КП(б)У «О недостатках в работе суда, прокуратуры и органов МВД–МГБ по борьбе с нарушителями советской законности в западных областях». Констатировалось, что в апреле-ноябре 1946 г. раскрыто 396 нарушений (из них совершено сотрудниками МВД – 123, МГБ – 64), среди них самочинных расстрелов граждан – 18, грабежей и изнасилований – 9, незаконных обысков – 34, нарушений при следствии – 51.

Только на протяжении 1949 – 1950 гг. по МГБ Украины к уголовной ответственности было привлечено 105, к административной – 2000 и уволено 446 кадровых работников. В 1950 году «сели» сразу четыре «опера» Ма-геровского райотдела МГБ на Львовщине. Только в Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области в 1951 году работники МВД по пьянке застрелили пятерых невинных граждан. С 1 января того же года по 1 мая 1952-го Особые инспекции ведомства расследовали дела на 3800 работников.

Случаи незаконного обращения с населением вызвали негодование даже у офицеров закаленной в антиповстанческих операциях и депортациях дивизии войск НКВД им. Дзержинского. Как писал 3 февраля 1947 г. Сталину ее лейтенант П. Кривошеин, командиры требуют «не цыцкаться с панянками и панами, а если нужно, то применять к ним высшую меру». Нельзя, – писал офицер, – «стрелять в женщин или стариков на глазах их соседей».

Новаторство новой «команды» МВД УССР сразу же обнаружилось и в области оперативно-судебной практики. 10 апреля выходит директива о запрете применять войска МВД без личного разрешения начальников областных Управлений МВД, тогда как ранее их применяли по любой просьбе райаппаратов (в 1950-м на одного убито-

го в операциях военнослужащего приходилось 18 ликвидированных подпольщиков). Чуть раньше, 23 марта, поступает указание об аресте членов ОУН только с санкции МВД, за исключением захвата на месте преступления. 4 мая министр распорядился приостановить исполнение смертных приговоров и аресты оуновцев, которые явятся с повинной. Начинается пересмотр дел с целью возвращения осужденных «бандоуновцев», высланных членов их семей и «бандпособников». Кроме того, «непримиримым» давали понять, что в случае отказа от крайних методов борьбы диалог сторон возможен.

Бесспорно, такие новации настроили против Мешика и Мильштейна значительную часть оперативного состава, особенно в Западной Украине. Ведь под сомнение ставилась апробированная годами тактика, основанная на массированных «чекистско-воинских операциях», «активных допросах на месте», жестких методах вербовки («такого-то завербовать, в случае отказа – подготовить документы на высылку в отдаленные районы СССР»). Естественно, мы далеки от мысли объяснять все характером антиподпольных мероприятий и тем более только «патологическими» чертами работников МГБ-МВД. Противоборство сопровождалось крайней жестокостью с обеих сторон. Понятно, что взаимная озлобленность на согласие не вдохновляла.

Мешик и компания отнюдь не были приверженцами отказа от ликвидации подполья ОУН. Подобное и представить себе трудно. Их кредо – в одном из высказываний министра: «Передайте: не выйдут из подполья – уничтожим всех!» Но конкретные шаги и новая стратегия борьбы с ОУН означали намного меньшие жертвы и относительно безболезненность процесса урегулирования.

Узловым моментом плана Мешика по «пацификации» Западной Украины стала идея создания легендированного Центра (Провода) подполья ОУН в регионе. По глубине и размаху этот проект был действительно уникален, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в Государственном архиве Службы безопасности Украины.

...В одном из львовских институтов работал агент органов госбезопасности с начала 1930-х «Бард» (псевдоним изменен. – Авт.). Как авторитетный участник украинского национально-демократического движения 1917–1920 годов, член Центральной Рады, он пользовал-

ся доверием видных представителей местной интеллигенции. Они за чашечкой кофе откровенно делились с ним своими «крамольными» размышлениями. «Бард», в свою очередь, исправно писал сообщения заместителю начальника Львовского УМВД, у которого состоял на связи.

Майской ночью 1953-го куратор неожиданно привез продуктивного агента в Оперативную группу МВД УССР во Львове. В кабинете начальника их принял сам генерал Мешик. Разговор продолжался 15 минут. Министр предложил ошеломленному «Барду» подготовить меморандум по ряду вопросов: какова роль Галичины в истории Украины, как сделать более привлекательной коммунистическую власть в регионе и кого из авторитетных интеллектуалов он мог бы порекомендовать для участия в «примирении» с подпольем ОУН. На западе Украины, заявил собеседнику П.Мешик, сделано немало ошибок в национальной и религиозной политике, положение нужно безотлагательно исправлять. Спустя два дня подробные соображения «Барда» были у министра на столе. «Бард» тогда и не представлял, что именно его планируют сделать важной фигурой в деле ненагельственного умиротворения Галичины.

Через неделю, 27 – 28 мая в столичном отеле с агентом встретились руководители 4-го Управления МВД СССР генерал-лейтенант Сазыкин и генерал-майор Утехин. Откровенно говорилось о замысле создать легендарный Центр ОУН и о роли в нем «Барда», подчеркивалось, что проект «инициировал лично товарищ Берия».

*Николай Зубатенко.
Фото 1960-х годов*

Далеко идущий план разработали под руководством Мешика заместитель министра внутренних дел УССР генерал-майор М.Поперека, ответственный работник 4-го Управления МВД СССР полковник И.Хамазюк, руководитель отдела оперативных игр 4-го Управления МВД УССР майор Николай Зубатенко (будущий генерал-майор и зампред КГБ УССР) и подполковник Богданов из Львовского УМВД.

Четко сформулировались задачи Провода-«фантома»:

- взять на себя руководящие функции подполья в регионе под предлогом коренного изменения тактики и свертывания вооруженных акций;
- вывести из подполья активнейших его лидеров;
- внедрить советскую агентуру в зарубежные националистические центры, обеспечить ей руководящие позиции в них, блокировать акции, планируемые против СССР;
- вывести на территорию УССР эмиссаров и лидеров зарубежных центров ОУН;
- перехватить каналы связи зарубежных подрывных центров с подпольем ОУН в Галичине;
- создать оперативные позиции в спецслужбах Англии и США, а также в Ватикане.

Основная миссия псевдо-Центра заключалась в подчинении подполья и навязывании ему мысли о радикальном изменении тактики – переходе к пропагандистским методам борьбы, работе с молодежью и интеллигенцией, поиске компромисса с властями.

Руководящее ядро Центра планировалось составить из авторитетных для национал-патриотических сил личностей. Иван Крипьякевич – известный историк, ученик М.Грушевского и директор Института общественных наук Львовского филиала АН УССР. Доктор математики, профессор Мирон Зарицкий (отец Екатерины Зарицкой, личной связной и любовницы убитого 5 марта 1950-го командующего УПА Романа Шухевича). Кузен Р.Шухевича, научный сотрудник Львовского этнографического музея Владимир Рожанкивский. Станислав Стефанюк, заместитель председателя Львовского облисполкома и сын известного писателя Василия Стефанюка. Последний, по легенде, выступал руководителем, а реальным шефом, координатором усилий Центра с органами МВД становился «Бард».

Центр создавал филиал в Киеве, опорные пункты в Станиславе, Дрогобыче, Ровно, Львове (в последнем должны были быть «пункты приема курьеров» из-за рубежа). Важная роль отводилась возрождаемой (!) униатской церкви и монастырям (в этой среде органы имели столь сильные позиции, что в успехе использования церковно-

го канала для проникновения агентуры в Ватикан авторы плана не сомневались).

Следует отметить, что к тому времени советская спецслужба накопила значительный опыт использования легендированного «подполья ОУН», в основном состоявшего из перевербованных или добровольно сдавшихся участников националистического движения. В 1951–1953 гг. действовало 7 легендированных проводов (Калушский, Коломыйский и Каменец-Подольский окружные и четыре районные), 6 отдельных групп. При их помощи лишь в Станиславской области до 1954 года уничтожили и захватили свыше 300 участников сопротивления.

Серьезным компонентом плана служили радиоигры «Звено» и «Тропа», которые с 1951–1952 гг. велись с английской (СИС) и американской разведками. Для этого, соответственно, использовались захваченный в июне 1951-го Мирон Матвиейко и уже упомянутый Василий Охримович. С последним министр неоднократно вел продолжительные беседы, стараясь склонить к искреннему сотрудничеству. Однако Охримович оставался непреклонен, и игра велась от его имени.

Предусматривались различные каналы связи со «своими людьми» —связные под легальным прикрытием (к примеру, проводники международных поездов), курьеры-монахи, мнимые «курьерские группы» ОУН, «беглецы» из Восточного Берлина, переписка родственников и тому подобное. Кроме того, министр был намерен непосредственно начать мирные переговоры с руководителем подполья в крае «полковником Ковалем» — Василием Куком (единственным уцелевшим из 18 членов Центрального провода ОУН в регионе).

Составлять письмо к подпольщикам чекисты пригласили уже известного читателю отставного полковника С.Карина-Даниленко, живую легенду органов госбезопасности УССР.

Главное же — полковник имел опыт мирных переговоров с лидерами ОУН и УПА в 1944 — 1946 годах. Старый разведчик сразу оценил вдумчивый подход Мешика к проблеме, знание им малейших деталей, вплоть до болезней «Ковалья» и его жены. Советская сторона призывала подпольщиков сдать оружие, выйти из подполья, гарантируя жизнь, свободу, трудоустройство, получение образования. Говорилось

о возможности возвратить высланных родственников подпольщиков, освободить религиозных авторитетов (митрополита Иосифа Слипого и других). Вместе с тем Куку советовали не обращать внимание на возможную негативную реакцию С.Бандеры.

Тут Карин был совершенно прав. На фоне отчаянной борьбы обреченных на гибель подпольщиков непривлекательный вид имели амбициозные «разборки» лидеров ЗЧ ОУН и ЗП УГВР за право «репрезентовать воюющую Украину». Для руководителей подполья все это не было тайной. Тот же В.Кук еще в 1950 году издал директиву, запрещавшую подпольщикам в нелегальной прессе называть Бандеру «проводником нации», а самих себя — «бандеровцами».

Вместе с тем и ЗП УГВР, и ЗЧ ОУН забрасывали на территорию Украины собственных эмиссаров для получения «мандата» на право быть «единственными выразителями» интересов нации за границей. Упомянутому М.Матвиейко была поставлена задача восстановить контроль Бандеры над подпольем, а в случае несогласия — физически устранить Кука и самому возглавить вооруженное сопротивление.

Письмо, составленное в МВД УССР, соответствующими каналами передали В.Куку (вместе с женой задержан агентурно-боевой

Сотрудники органов госбезопасности Волынской области (1948 год)

группой на Львовщине 23 мая 1954 года), но, к сожалению, отыскать его текст нам не удалось.

Итак, в действиях ставленников Берии в Украине четко просматриваются качественные изменения в политике центра. Симптоматично, что проблема прекращения огня рассматривалась в тесной связи с устранением перегибов и послаблениями в социально-экономической, национальной, религиозной сферах. Таковы были признаки того, что хрущевские пропагандисты потом нарекли «бериевским заговором».

Попытки реформ сверху закончились так же неожиданно, как и начались. 26 июня 1953 года взяли под стражу как «заговорщика» Л.Берия, арестовали и отправили в Москву Мешика и Мильштейна. Недовольные ими вдоволь отыгрались, бомбардируя ЦК и МВД доносами в духе: «Прикрываясь фразами о необходимости исправления допущенных перекосов национальной политики на Украине... делали ставку на украинских националистов и агентов Ватикана... пытались возродить униатскую церковь. Вражеская работа Мешика и Мильштейна была составляющей общего антигосударственного плана врага партии и народа, заговорщика Берии относительно восстановления капитализма в СССР».

П.Мешик «удостоился» пройти по одному с Л.Берией приговору Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года. Вместе с другими осужденными расстрелян в тот же день в 21 час 20 минут, в присутствии заместителя Главного военного прокурора Китаева, группы генералов Московского военного округа и войск ПВО, награжденных в январе 1954-го орденами Красного Знамени. В 22 часа 45 минут казненных кремировали. С.Мильштейна казнили 14 января 1955 года.

После ареста и казни Л.Берия прошла и «большая чистка» органов МВД, из которого в 1954 году выделился Комитет государственной безопасности. Штаты МВД сократили на 12%, 1324 сотрудника уволили и приговорили к различным мерам наказания (до 60 руководителей расстреляли), 2370 человек наказали в административном порядке.

После того как Л.Берию обвинили в целенаправленном содействии национализму и клерикалам, митрополита И.Слипого вернули в ссылку, К.Осьмака вновь водворили во Владимирскую тюрьму, где

он и умер в 1960-м. С падением мощного прежде сталинского при-спешника партия еще больше усилила контроль за деятельностью спецслужбы, а особенно за ее противодействием «украинским буржуазным националистам». Упрямого В.Охримовича, факт пребывания которого под стражей стал достоянием гласности, осудили и расстреляли в Киеве 18 мая 1954 года.

«Бард» вынужден был долго доказывать, что не шел на поводу у «врага народа» Мешика и не собирался в действительности «активизировать бандоуновское подполье». Однако его не бросили за решетку: «суперагент» мирно преподавал и умер во Львове в 1970 году. Полковника И.Шорубалку (1917–1991) запроторили руководить Надворнянским районным отделом МВД-КГБ на Станиславщине, со временем он возглавил «националистический» отдел 5 Управления (борьба с идеологическими диверсиями) КГБ УССР, преподавал на Высших курсах КГБ СССР в Киеве. Таскали по начальству и заслуженного чекиста Карина-Даниленко: как он мог поверить в благородные намерения «мятежников»?!

А в западной Украине продолжалось противостояние. Пленум ЦК КПУ 30 июля 1953 года обсудил вопрос «О постановлении Пленума ЦК КПРС от 7 июля 1953 г. “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии”». Там было записано: «Обкомам, горкомам, райкомам и окружкомам партии всемерно повышать революционную бдительность коммунистов и всех трудящихся. Нужно всегда помнить о капиталистическом окружении, которое засылает и будет засылать в нашу страну своих агентов для подрывной деятельности, о том, что враги, ловко маскируясь, старались и будут стараться проникнуть в ряды партии с целью подрывной работы. Пленум считает важнейшей задачей партийной организации Украины уничтожение всех остатков украинских буржуазных национа-

*Мария Пальчак.
Фото из
уголовного дела*

листов – этой агентуры империалистических поджигателей войны, злейших врагов украинского народа...».

В западной Украине еще несколько лет лилась кровь. Последнее боевое столкновение здесь состоялось 14 апреля 1960 года на Тернопольщине, когда в результате оперативно-войсковой операции ликвидировали нелегалов ОУН Петра Пасичного и Олега Цетнарского, захватили раненую подпольщицу Марию Пальчак.

Еще раз подчеркнем: мы не намерены идеализировать ни Берию, ни его представителей в Украине. Однако реформаторы не прилетают с других планет. Они – продукт эпохи, которая предшествует изменениям. Только кому-то хватает решимости преодолеть инерцию и осознать, что «так дальше жить нельзя», а кому-то – нет. Осмелимся утверждать, что бериевские «сто дней», в случае их продления, потенциально несли нечто новое и для Украины...

«ПОДСТАВА» ДЛЯ УКРАИНСКИХ ДИССИДЕНТОВ

Группа сотрудников КГБ и представитель Посольства Бельгии в Москве де Грубен 3 июня 1972 года препроводили к трапу самолета в аэропорту «Шереметьево» некоего Ярослава Добоша, выдворенного из страны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР. Ил-62 с иностранцем на борту вскоре благополучно зашел на посадочную полосу в Брюсселе. А в Киеве, Львове и вообще в Украине в жизни многих диссидентов наступила поистине черная полоса.

Визит студента факультета социологии Лювенского католического университета, лидера Союза украинской молодежи (СУМ) в Бельгии Ярослава Добоша имел далеко идущие, а для некоторых правозащитников, можно сказать, фатальные последствия.

Эта история, ныне изрядно подзабытая, наглядно продемонстрировала, в какой сложный узел сплелись международные и внутриполитические реалии времен «холодной войны». Ее заложниками и жертвами стали те, кто мужественно отстаивал право украинской нации на свой язык, культуру, правдивую историю, защищал законные права человека, хотя и гарантированные советской Конституцией, но не подкрепленные на практике.

4 января 1972 года во время таможенного досмотра у подданного Бельгии Я. Добоша сотрудники контрольно-пропускного пункта «Чоп» (Закарпатье) обнаружили схему, начертанную от руки, с номером телефона 4–23–23 и надписью «Игорь Калинец», а также фото неизвестных лиц.

Поскольку гражданин Добош заметно нервничал (так официально объясняли повышенный интерес таможенников к иностранцу), иностранца сняли с поезда и в помещении КПП подвергли тщательному досмотру. Казалось бы, что за дело мытарям до какой-то писульки? Ведь не оружие с наркотиками, не антиквариат с валютными ценностями вез иностранец из социалистического Отечества. Однако Добоша, как оказалось, на грани-

*Поэт-диссидент
Василий Стус*

це ждали: компетентные органы были прекрасно осведомлены о его программе в Украине и встречах с теми, кто пребывал под плотным надзором чекистов.

При обыске у студента изъяли две катушки фотопленки (44 кадра), снимок Василия Стуса и диссидента Валентина Мороза. Военный прокурор Прикарпатского военного округа января санкционировал взятие Добоша под стражу. Основание выглядело так: «Пребывая как турист на территории Украинской ССР с 29 декабря 1971 года по 4 января 1972 в городах Киеве и Львове, выполняя задания руководителя зарубежного антисоветского центра, собирал сведения культурного и политического характера для использования их в ущерб интересам СССР, то есть совершил действия, предусмотренные ст. 57 УК УССР». Как и полагается, о задержании проинформировали Посольство Бельгии в Москве.

Временно Ярославу пришлось сменить университетскую аудиторию на камеру следственного изолятора Управления КГБ во Львове. Начались допросы. О себе арестованный сообщил, что родился в 1947 году в селе Вольдингсфельден (ФРГ). Отец — шахтер, работал в так называемом Украинском допomoгoвом комитете по Бельгии, мать домохозяйка.

С 12 лет молодой человек обучался в Риме. Занятия совмещал с членством в СУМе, активно работал в редколлегии его центрального органа «Авангард», выезжал на лагерные сборы, принимал участие в акциях протеста против преследований советских правозащитников. «С юношеских лет, — старательно выводил следователь, — воспитывался в духе ненависти к Советскому Союзу».

Генерал В. Шевченко возглавлял тогда УКГБ по Львовской области

Самое время сделать небольшое отступление, чтобы понять, в какой период пожаловал пан Добош в Советскую Украину. Уже не первый год в СССР преследовали инакомыслящих. Хотя так называемые диссиденты во многих случаях не призывали к насильственному свержению конституционного строя, совершенно искренне стояли на «платформе марксизма-ленинизма» и усматривали корень всех бед в «извращениях принципов ленинской национальной политики», режим возвел свободное слово в ранг уголовного преступления. По печально известным статьям 70-й УК СССР и 62-й УК УССР «за антисоветскую агитацию и пропаганду» можно было заработать семь лет лагерей и пять лет ссылки.

С июля 1967 года против диссидентского движения активно работало 5-е Управление КГБ УССР — борьба с «идеологической диверсией противника» (под ней имелись в виду «острые методы политической и идеологической борьбы, которые предусматривают использование сил и средств специальных служб империалистических держав с целью подрыва изнутри общественного и государственного строя стран социализма»). При этом, согласно приказу председателя КГБ СССР № 0051-1967 года «О задачах органов государственной безопасности по борьбе с идеологической диверсией противника» работа по «пятой линии» направлялась, не в последнюю очередь, «на противодействие зарубежным антисоветским националистическим группировкам и их эмиссарам» (по согласованию с Первым (разведывательным) управлением КГБ СССР). В свою очередь, первый отдел Первого

Члены Союза украинской националистической молодежи Бельгии (1952 год)

*Ярослав Добош на
пресс-конференции*

управления КГБ УССР занимался оперативной разработкой зарубежных центров украинских националистов, проводил операции по компрометации их функционеров — впрочем, без видимого успеха.

На диссидентов заводятся многолетние оперативные разработки «88», «Блок» (название подразумевало тревожившее органы КГБ «блокирование» украинских инакомыслящих с активистами крымскотатарского движения, диссидентами России и Прибалтики). Только с 1967 по июнь 1971-го, писал председатель КГБ УССР, ярый консер-

ватор Виталий Федорчук, к уголовной ответственности по ст. 62-й УК УССР привлекли в Украине 87 лиц, выявлено 12 «националистических групп» с 42 участниками (все осуждены). Свыше 6 тысяч граждан «профилактировали», то есть официально предупредили, органы госбезопасности. Увольнения с работы, запрет публиковаться, незащищенные диссертации, ненаписанные романы, стихи, картины, бессонные ночи — не в счет.

Нельзя не сказать и о международной обстановке. Две системы вели масштабную психологическую войну. На Западе широко освещали преследования диссидентов, и тот же Добош мог свободно купить в Брюсселе эссе Вячеслава Чорновила «Лихо з розуму». В интересах украинских правозащитников пытались использовать и закордонные центры украинских националистов, тесно связанные со спецслужбами стран Запада еще с первых послевоенных лет.

В 1968 году IV Большой сбор Закордонных частей ОУН поднял на щит идею национальной революции, призванную разрушить «Союз нерушимый» изнутри. Выдвигался лозунг «Киев против Москвы», звучали призывы к возрождению антисоветского подполья.

Вячеслав Чорновил

В 1970-м VII съезд ОУН-солидаристов (мельниковцев) высказался за создание в УССР «информационной сети» и налаживание каналов нелегальной связи. «Эмиссары ОУН, — констатировали чекисты, — владеют тайнописью, методами выявления оперативных мероприятий, используют подставные адреса и пароли в общении с диссидентами. Только в 1967 — 1970 годах из стран Запада было направлено (диссидентам. — Авт.) свыше 100 вещевых посылок на 300 — 1200 рублей каждая».

«Враждебная деятельность националистических элементов в республике, — подчеркивал В.Федорчук, — по сути смыкается с подрывной деятельностью зарубежных центров ОУН... по созданию предпосылок для борьбы “за освобождение Украины”». Фактически, преследуя собственные цели, закордонные ОУН превратили патриотически настроенных (и не нарушавших законодательства СССР) украинских диссидентов в заложников специальных мероприятий «психологической войны».

На потребительское отношение определенных структур Запада к украинским диссидентам обращала внимание дочь известного писателя-фантаста, одного из основателей Украинской Гельсинкской Группы (9 ноября 1976 года), политзаключенного Олеся Бердника — Мирослава Бердник. «...Становится понятным, как Запад и определенные силы в СССР играли в пинг-понг судьбами людей, наиболее талантливых, пассионарных, небезразличных, загоняя их на тропу диссидентства. Люди, вместо того чтобы заниматься творчеством, наукой, начинали писать письма протеста, всякие “хроники текущего времени”. Запад широкими мазками рисовал образ “империи зла”, пятое управление КГБ показывало свою необходимость и вело бурную деятельность, постепенно готовя фундамент для перестройки».

Уже в годы независимости Украины сам О.Бердник отмечал: «Осознал: нас просто используют. Мы лишь инструмент, благодаря которому западные спецслужбы делают

Олеся Бердник

свои дела. Они и тогда не особо воспринимали наше стремление к независимости... И сейчас мы оказались на гигантской куче мирового мусора».

Кстати, именно в тот период спецслужбы Советского Союза и Польши подставили закордонным центрам двух квалифицированных агентов. Завязалась многолетняя оперативная игра «Бумеранг», длившаяся до 1988 года. Один из «подпольщиков» к тому времени был удостоен Золотого креста заслуги ОУН. Конфуз идеологических оппонентов был, конечно, велик: ведь столько лет исправно слали инструкции и деньги на подставные позиции чекистов!

Как поведал на допросах эмиссар Ярослав Добош, перед поездкой в Советскую Украину с ним встретился член Провода Закордонных частей ОУН и глава Центральной управы СУМ Омелян Коваль. Последний предложил студенту выполнить ряд деликатных поручений; при этом все, что предстояло сделать, следовало знать по пунктам наизусть, равно как и адреса, телефоны, пароли к диссидентам (вести записи запрещалось).

Добош должен был встретиться с Иваном Светличным, Зиновией Франко (внучкой Каменяра), рассказать им об активной деятельности украинских зарубежных организаций в поддержку диссидентов. Надлежало получить от них рукописи, фотографии узников, справиться о судьбе и здоровье осужденных Святослава Караванского, его супруги Нины Строкато, Валентина Мороза, передать материальную помощь — по 30-50 рублей. Коваль инструктировал: в Украине звонить только из таксофонов, не пользоваться такси и вообще вести себя конспиративно. Напоследок вручил посланцу с поручением 150 долларов США и 2,5 тысячи бельгийских франков.

Иван Светличный

В Киеве Добош встретил Новый год в обществе диссидентов. Побывал у Ганны Коцуровой, получил от нее фотопленку с работой украинского ученого, переводчика и правозащитника С.Караванского «Словник рим» (в годы войны С.Караванский был за-

Нина Строкато

вербован румынской разведкой Сервичул Сервис, брошен в советский тыл с разведывательно-диверсионным заданием, однако обезврежен и раскаялся). Беседовал с И. Светличным. Впоследствии при обыске у Ярослава изымут и злополучную пленку, и снимки, и неотправленное письмо в Канаду некоему Т. Ткаченко. Для «специально подготовленного эмиссара закордонного центра», прямо скажем, негусто. Однако важны были не столько вещественные доказательства, сколько повод.

25 мая 1972 года Я.Добош, с детства наслышанный о суровых условиях Сибири, написал письмо в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании. «Учитывая молодость и чистосердечные признания», обещал «в своей жизни не проводить антисоветской деятельности». Через несколько дней дал согласие на публичное выступление «перед советскими людьми».

Флагман партийной печати УССР газета «Радянська Україна» 3 июня поместила статью под броским заголовком «Украинские буржуазные националисты — наемники империалистических разведок». В ней шла речь об организованной накануне Радиотелеграфным агентством Украины пресс-конференции Добоша в Киеве.

Нет надобности пересказывать покаянное выступление бельгийского гостя, согласившегося сыграть отведенную ему роль. Тут же подоспел и Указ Президиума Верховного Совета: освободить Добоша «в целях дальнейшего укрепления отношений между Советским Союзом и Бельгией».

К «своим» советская Фемида была не столь благосклонна. Прокатившаяся волна обысков и арестов сопровождалась изъятием

Святослав Караванский

вещественных доказательств. Чего там только не было! 107 рукописных и 356 машинописных документов, 118 магнитофонных бобин, 974 экземпляра «идеологических документов», восемь пишущих машинок и столько же номеров самиздатовского «Українського вісника», издание «Хроника текущих событий», проекты «Программы украинской национальной коммунистической партии», «Тактических основ демократического движения Советского Союза», другие материалы.

Задержание Добоша стало толчком к репрессивной кампании против украинских инакомыслящих. В 1972 – 1973 годах в результате частичной реализации Комитетом госбезопасности УССР дела «Блок» за решеткой оказалось около 70 диссидентов. Среди них писатели Василий Рубан, Василий Захарченко, научные работники Евгений Пронюк, Василий Лисовый, журналист Валерий Марченко, врач-психиатр Семен Глузман, рабочий Дмитрий Гринько, сын командующего УПА Юрий Шухевич.

Украинские правозащитники – народные депутаты – в день провозглашения независимости Украины

В том же 1972-м «ушли» главу республиканской партийной организации Петра Шелеста, усмотрев признаки «национализма» в его книге «Україно наша радянська».

Думал ли бельгийский студент Ярослав Добош, покупая билет в Киев, что его визит так омрачит судьбы многих людей, известных в политической истории Украины? Впрочем, если бы Добоша не было, по логике тех времен его следовало бы придумать...

В БОРЬБЕ С ПЛАНЕТАРНЫМ БЕДСТВИЕМ

Авария на Чернобыльской АЭС стала катастрофой планетарного масштаба. О ее причинах и губительных последствиях написаны горы литературы. Однако незаслуженно мало соотечественники знают об усилиях органов государственной безопасности Украины «достучаться» в высокие партийно-правительственные инстанции с тревожной информацией об угрозах техногенных катастроф на ЧАЭС, об их вкладе во всенародное дело ликвидации последствий ядерного бедствия. Тогда сотрудники различных подразделений КГБ УССР проявили личное мужество и высокий профессионализм, по праву вписав достойную страницу в историю отечественных спецслужб.

Строительство Чернобыльской атомной электростанции имени В.И. Ленина началось в 1970 году. Поскольку объект имел статус стратегического, новостройка с самого начала была отнесена к сфере контрразведывательной защиты органов государственной безопасности. Непосредственно в городе Припяти создается городской отдел Управления КГБ при СМ УССР по Киеву и Киевской области. Возведение станции курировало 2-е Управление (контрразведывательное) КГБ УССР. 10 декабря 1982 года создается 6-е Управление КГБ СССР, ведавшее контрразведывательной защитой промышленного и научно-технического комплекса, 6-й отдел столичного УКГБ. К 1986 году 6-е Управление КГБ УССР обслуживало 424 оборонных, 1974 важных экономических и 130 научно-технических объектов, которые в год посещало до 3,5 тыс. иностранцев. Непосредственно энергетическим комплексом Украины занимался 3-й отдел этого Управления. Разумеется, при этом применялись и специфические методы негласного сбора информации, присущие всем спецслужбам.

Кстати говоря, контрразведчики Украины имели опыт расследования серьезных катастроф, повлекших человеческие жертвы. Среди них – взрыв 60-тонного конвертора «Криворожстали» в 1957-м (12 жертв), печально известный сель на Куреневке в Киеве (13 марта 1961-го, по официальным данным, погибло 145 и травмировано 143 человека), взрыв на Павлоградском химическом заводе, производившем взрывчатку (53 погибших), ряд железнодорожных катастроф.

Одним из первых документов КГБ стала справка от 19 сентября 1971 года, излагавшая основные инженерно-технические характеристики проекта ЧАЭС, проектная мощность которой должна была достигнуть 4 млн. квт (второе место по мощности в Союзе). Уже тогда звучали тревожные нотки. Отмечалось, что Министерство энергетики УССР опыта эксплуатации атомных станций не имеет. Высказывалось пожелание – подбор, расстановка и обучение строительного и эксплуатационного персонала станции должны проводиться более тщательно, так как последствия халатного отношения к исполнению им служебных обязанностей способны привести к тяжким последствиям.

Строительство продолжалось, продолжались и «чекистские мероприятия». Так, в августе 1976-го столичное УКГБ направило руководству КГБ при СМ УССР спецсообщение о «систематических нарушениях технологии проведения строительного-монтажных работ на отдельных участках строительства» станции. Отмечалось, что, по оперативным данным, трест «Южатомэнергострой» не выполняет планы возведения сотен (!) производственных помещений, чем ставит под угрозу срыва введение в строй 1-го энергоблока-«миллионника». Несвоевременно поставляется техническая документация из московских, ленинградских, новосибирских проектных учреждений. Сварные трубы для водоводов Кураховского котельно-механического завода (Донецкая область) полностью непригодны. Однако директор АЭС Виктор Брюханов и главный инженер Управления строительства Н. Луков «товар» бракоделам не вернули и передали монтажникам.

Строительных рабочих катастрофически не хватало, и некомплект сварщиков, каменщиков, бетонщиков составлял 1500 единиц. Машинные залы отделялись так, что сразу же требовали ремонта. Нарушения в бетонировании бака для жидких радиоактивных отходов (!) грозили утечкой, а его обшивка по вине прораба оказалась деформированной.

Настоящее раздолье создавалось для потенциальных диверсантов. 40 сотрудников вооруженной охраны оказались поголовно «пенсионерами или лицами преклонного возраста» и не несли ответственности за сохранность особо важного оборудования. Группа охранников из 12 человек (при штате в 84 единицы) не способна была обеспечить

безопасность особо уязвимых агрегатов и даже «склада свежего ядерного топлива». КГБ информировал о вопиющих фактах «серую хату», как в народе именовали здание ЦК КПУ.

Головоотяпство набирало силу, и спецсообщения чекистов адресовались все выше и выше. Уже Председатель КГБ УССР генерал-полковник Виталий Федорчук информировал лично Первого секретаря ЦК КПУ Владимира Щербицкого, реагировавшего распоряжениями о создании комиссий «для проверки и разработки предложений». Первый гром грянул 18 февраля 1979-го в 23 часа 40 минут. Тогда, докладывая КГБ УССР, автоматическая защита аварийно отключила 1-й энергоблок. Причина – отключение главных циркуляционных насосов, подававших воду для охлаждения реактора. Виновниками назывались сотрудники Ленинградского проектного института, изначально заложившие в техническую документацию несовершенство дренажного устройства.

Своеобразной была и «забота о трудящихся» города энергетиков. От Киевского УКГБ не укрылись такие факты. Из 139 жалоб рассмотрено и удовлетворено 92, остальные «подшиты в соответствующие дела». Особенно много жалоб сыпалось на жилищные условия, а 195 работниц добивались от обкома профсоюзов строительства нового детского сада в Припяти. Директор завода «Юпитер» выдал 400 гарантийных писем о предоставлении жилья в течение года, однако удовлетворены были жилищные условия лишь 35 человек. Скудность жилищ в общежитиях (дополнительную «рабсилу» набрали, дабы сдать 3-й блок АЭС к XXVI съезду КПСС) порождала антисанитарные условия. На место направили бригаду оперработников во главе с замначальника Киевского УКГБ для «проведения предупредительно-профилактических мероприятий».

Подкачали и «братья по социалистическому лагерю». Югославские фирмы-поставщики «Энергоинвест» и «Джура Джурович» делали сварное оборудование куда хуже, чем их соотечественники дефицитную в СССР обувь. В результате возникла угроза аварий при работе оборудования при высоких температурах; остается только гадать, почему специалисты Киевского филиала института «Энергомонтажпроект» дали добро на технологию сварочных работ «югославских товарищей».

Грубые нарушения технологии строительства отмечались в докладах («в порядке информации») контрразведчиков и в дальнейшем. Так, 26 февраля трагического 1986 года сообщалось, что при сооружении 5-го энергоблока площадь перекрытий, непригодная для эксплуатации, составила 300 квадратных метров, что могло привести «к серьезным аварийным ситуациям, в том числе с человеческими жертвами».

Как отмечал в воспоминаниях тогдашний заместитель председателя КГБ УССР генерал-майор Юрий Петров, только в 1983–1985 годах вследствие нарушений технологической дисциплины, некачественного выполнения строительно-монтажных работ, нарушения правил пожарной и радиационной безопасности на ЧАЭС произошло 5 аварий и 63 отказа основного оборудования.

А что же «высокие инстанции», куда потоком шла тревожная предупреждающая информация контрразведки? Результат шокирующий: сведения об утечке радиоактивных материалов со станции квалифицировали как «паникерство и дезинформацию», а группа сотрудников КГБ получила взыскания по службе и партийной линии...

«26 апреля с.г. в 1 час 25 минут в помещении 4-го энергоблока при выводе его в плановый средний ремонт и проведении испытаний турбогенераторов НР 7 и 8 произошел взрыв и возник пожар, который перекинулся на крышу 3-го энергоблока. В результате взрыва разрушен шатер кровли реактора НР4 и машинного зала. Во время аварии в помещении находилось 17 работников смены, 9 из них госпитализировано, 4 работника находятся в тяжелом состоянии, один из которых в реанимации. Пожар локализован». Таким было первое сообщение Киевского УКГБ в КГБ Украины и Союза ССР. Говорилось также, что территория станции оцеплена, обстановка в Припяти и прилегающих населенных пунктах контролируется, а на место происшествия выехала оперативно-следственная группа во главе с замначальника УКГБ полковником Глебом Сивцом. В тот же день дополнительно сообщили, что скончался работник станции В.Шашенок, не установлено место нахождения старшего операто-

*Генерал-майор
Юрий Петров*

ра реакторного отделения Валентина Ходемчука (4-й энергоблок стал последним земным пристанищем 35-летнего энергетика).

Проведенное по свежим следам оперативное расследование и «доверительные беседы со специалистами» позволили контрразведчикам прийти к предварительному выводу: «Взрыв произошел вследствие ряда грубых нарушений правил работы, технологии и несоблюдения режима безопасности при работе реактора 4-го блока АЭС». Позднее экспертиза специалистов Оперативно-технического управления (ОТУ) КГБ УССР показала, что мощность взрыва (точнее, двух последовательных взрывов, о которых утверждали очевидцы), оказалась эквивалентна 50–60 тоннам тротила!

... В 1 час 30 минут 26 апреля телефонный звонок разбудил начальника Припятского горотдела КГБ подполковника Виктора Клочко: пожар на 4-м блоке (здание было разрушено с уровня в 73 метра до 45).

Через 18 минут после взрыва В.Клочко и его подчиненные В.Богдан и В.Суховилин (инженер-физик, в будущем – ответственный работник ФСБ России) были на месте аварии, начав опрос персонала смены, проверку сохранности периметра и сигнализации – отработывалась версия возможной диверсии. Вскоре к оперативным мероприятиям подключился весь поднятый по тревоге личный состав горотдела КГБ. Офицеры Шульгин и Кокоруза опрашивали сотрудников Управления строительства. Оперработники Ю.Матковский и А.Рыбак в медсанчасти беседовали с потерпевшими, которые в ручном режиме останавливали 3-й блок и получили большую дозу облучения, превратившись в источник радиации для собеседников. Остальные сотрудники обеспечивали связь и бесперебойное информирование КГБ УССР.

Виктор Клочко

Когда на ЧАЭС прибыла оперативная группа во главе с начальником 6-го Управления КГБ СССР генерал-лейтенантом Федором Щербаком, то информация, собранная офицерами горотдела из оперативных источников и опросов персонала, была признана наиболее правдивой и достоверной. Именно к операм КГБ за сведениями о положении после катастрофы сразу прибыл председатель Правительственной комиссии Борис Щербина.

Сотрудники горотдела работали в чрезвычайном режиме, рабочий день длился с 5 утра до 2 ночи, радиоактивную пыль смывали в речке. За 10 дней самоотверженной работы в зоне катастрофы сотрудники горотдела получили, при годовой (!) допустимой дозе в 5 бэр, «порцию» радиации: Суховилин и Богдан – 45 бэр, Клочко – 40, остальные офицеры – по 20–27 бэр. Получивших наибольшую дозу отправили в московскую радиологическую клинику, а затем в Центральный госпиталь КГБ СССР, остальных на месяц госпитализировали в госпитале Военно-медицинского управления КГБ Украины.

В 2 час 30 минут 26 апреля 1986-го на место аварии выехали оперативно-следственные группы КГБ УССР во главе с заместителем Председателя генерал-майором Ю. Петровым (куратором контрразведывательной защиты научно-экономического комплекса) и замначальника 6-го Управления подполковником В. Слободенюком, Киевского УКГБ под началом полковников Г. Сивца и М. Турко.

Естественно, главным вопросом, волновавшим контрразведчиков, были причины катастрофы. Красноречивая информация на сей счет содержалась в спецсообщении от 7 мая: «... Мнение большинства людей сводится к тому, что общей причиной аварии явилась низкая культура работников АЭС. Речь идет не о квалификации, а о культуре работы, внутренней дисциплине и чувстве ответственности. Вполне вероятно, что управление реактором доверено людям квалифицированным и ответственным. Однако в штате АЭС большой обслуживающий персонал, уровень которого оставляет желать лучшего. Они выполняют вспомогательные функции, однако наложение отдельных мелких погрешностей могло в сумме привести к непредсказуемым последствиям. Среди возможных причин аварии называют спешку со сдачей в эксплуатацию 4-го энергоблока. Говорят о том, что сдавали его досрочно к съезду, а теперь должны были остановить реактор для доработки...»

Лишь в 1986–1987 годах через оперативно-следственные группы прошло 355 сотрудников КГБ Украины, десятки офицеров КГБ других союзных республик. Тщательное изучение различных источников позволило отбросить версию о диверсионном акте. Впоследствии, размышляя об истоках трагедии, Ю. Петров писал, что, стала «закономерным результатом сложной и длительной причинно-след-

Николай Цихов

твенной цепочки событий. Главное место в этой цепочке занимает практика управления ядерно-энергетической отраслью, что сложилась в бывшем СССР. Ядерная энергетика выросла из недр военно-промышленного комплекса, унаследовала его секретность. В Советском Союзе отсутствовало ядерное законодательство. Жесткая военно-политическая ориентация ядерного комплекса имела одну цель – создание новых видов вооружений. При этом вопросы безопасности рассматривались как второстепенные и их решение каждый раз откладывалось на будущее. А финансирование

соответствующих научно-исследовательских институтов велось по остаточному принципу. Среди реальных причин аварии, прежде всего, – несовершенство конструкции реактора, неадекватная система защиты. Именно эти обстоятельства, наряду с некачественной регламентной документацией, стали главными причинами аварии...»

Напряженно работали следователи КГБ О.Береза, Н.Гезун, А.Лукияненко, В.Вялец, В.Дашко и другие, а старший следователь по особо важным делам Следственного отдела КГБ УССР подполковник Николай Цихов за мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации аварии, был награжден орденом «Знак Почета».

Стоит отметить, что украинские контрразведчики вели оперативную работу и на других действующих АЭС в УССР. Так, 9 января 1987 года на Запорожской АЭС произошла «местная радиационная авария» с утечкой радиоактивной воды в машинный зал. 29 апреля 1987 года при проведении ремонтных работ на Южно-Украинской АЭС рухнула 12-тонная деталь крана, деформировав корпус реактора. На Хмельницкой станции старшим оператором реакторного отделения вообще поставили бывшего начальника ЖЭКа без всякого специального образования!

Пример самопожертвования и верности воинскому долгу продемонстрировал офицер Киевского УКГБ Юрий Решетников. В начале мая ситуация на разрушенном энергоблоке крайне обострилась. Температура в реакторе достигла 2440 градусов при критической в 2770. Повторный взрыв, по мнению специалистов, грозил превра-

тить в зону высокого радиационного заражения территорию с радиусом в 500 км! Шахтеры и метростроевцы пробили к основанию реактора тоннель, установив систему охлаждения жидким кислородом, предотвратив новую беду.

Среди них находился и оперработник Ю.Решетников. 5 мая 1988 года капитан Решетников умер от острого лейкоза, ему был 31 год. Его фамилия нанесена на стелу памяти сотрудников столичного Управления, погибших на боевом посту, учрежден ежегодный турнир по волейболу его памяти – Юрий был мастером этого вида спорта.

Всего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС приняло участие 600 тыс. граждан СССР. Из зараженной зоны эвакуировано 115 тыс. человек. 25 апреля 1990 года Верховный Совет СССР официально признал, что предыдущая информация о масштабах катастрофы есть результатом лжи и неправильной оценки масштабов аварии. Сообщалось, что в период аварии погиб 31 человек, в 1990 году от последствий катастрофы – 70 человек, к 1991 году Чернобыль стоил жизни 12 тысячам граждан СССР, в основном – военнослужащим. Советские органы власти предоставили в МАГАТЭ ложные сведения о выбросе в атмосферу 3% радиоактивных веществ, в то время как реальный выброс составил 60–80%.

К июню 1986 года для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС приказами министра обороны СССР были отоброшены в район катастрофы 94 воинские части (химической защиты, инженерных, сухопутных, военно-строительных войск, авиации), подразделения Гражданской обороны общей численностью свыше 32 тыс. человек. Руководство контрразведывательным обеспечением группировки возложили на Управление особых отделов КГБ СССР по Юго-Западному направлению (ЮЗН). Создается оперативный штаб, куда вошел руководящий и оперативный состав особых отделов КГБ по войскам ЮЗН и Киевского военного округа (всего – около 70 генералов и офицеров). На штаб возлагались задачи «слежения за обстановкой в районе работ, своевременного получения информации о передислокации войск, их использования в ликвидации последствий аварии».

К июлю в районе ЧАЭС находилось уже 40 тыс. «лиц 3-го приписного разряда», то есть резервистов достаточно солидного возраста,

именуемых в народе «партизанами». На их плечи, вместе с солдатами-срочниками, ложилась основная черновая работа ликвидаторов.

Нужно сказать, что военные контрразведчики докладывали крайне нелицеприятную для обладателей больших звезд информацию: «В ходе бесед военнослужащие высказывали недовольство тем, что при проведении мобилизации некоторые работники военных комиссариатов... допускали прямой обман приписного состава, общалось о направлении не в г.Чернобыль, а в целинные районы, говорилось об оплате в пятикратном размере, обещалось содействие по возвращении в получении бесплатных путевок, предоставлении льгот их семьям».

Немало «партизан» призвали прямо с рабочих мест, без подготовки и медицинского обследования, в результате чего среди призванных оказались люди с хроническими заболеваниями и физическими дефектами. Получившие предельные дозы облучения продолжали оставаться в строю. Так, в 554-м отдельном инженерном батальоне таковых насчитывалось 170, в то время как командир батальона и ротные командиры «покинули часть после получения предельных доз облучения». Неудивительно, что в батальоне 2 июля 1986-го началась, фактически, голодовка протеста – личный состав отказался от приема пищи.

Несладко пришлось бойцам шести военно-строительных отрядов (3231 человек к августу), куда призвали даже лиц старше 45 лет, отцов трех и более детей, больных, из-за чего пришлось откомандировать 563 человека! Приближалась зима, а военные строители жили в неотапливаемых палатках без крытых столовых, сушилок, бани, страдали от простудных заболеваний, не хватало лекарств. Врачи не успевали проводить плановые медосмотры.

...Еще в 1979 году специалисты Военно-медицинского управления (ВМУ) КГБ УССР развернули работу по медобслуживанию лиц, работавших в зоне вероятного радиационного воздействия. Когда же деятельность сотрудников органов госбезопасности в радиационной среде стала повседневной реальностью, необходимо было разработать соответствующие правила поведения людей, организовать их обследование, профилактику и лечение. «Основное задание медицинского персонала, – писал впоследствии начальник ВМУ КГБ –

СБ Украины, доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медслужбы Михаил Захараш, – было предельно ясным – сберечь жизнь и здоровье сотрудников, которые с первых дней после аварии находились в центре событий».

Для детоксикации организма и выведения радионуклидов в клинике ВМУ, совместно со специалистами Института проблем онкологии и Института общей и неорганической химии АН УССР, впервые в мировой клинической практике применили энтеро- и гемосорбенты в совокупности со внутривенным лазерным облучением крови. Профилактический прием энтеросорбентов позволял снизить активность изотопов в крови в 6–8,5 раз, усилить сопротивляемость организма. На фоне сорбентной терапии ни один из сотрудников КГБ не пострадал от лучевой болезни, значительно реже случались осложнения после работы в зоне.

Впервые в практике предупреждения развития лучевой болезни научно-медицинским коллективом под руководством М.Захараша предложен способ лечения при помощи сорбентов и квантовой терапии. Передовые методы лечения внедрялись, преодолевая косность и 4-летнее сопротивление союзного Минздрава и Академии наук СССР. Лишь в 1990-м Институт биофизики АН СССР принес официальные извинения за «невнимание» к разработкам специалистов ВМУ КГБ УССР.

В память о героизме и профессионализме сотрудников органов госбезопасности на мемориальной доске в Центре профессионального, патриотического и культурного воспитания сотрудников СБ Украины выбиты слова: «С первых часов Чернобыльской катастрофы непосредственное участие в исследовании причин аварии и мероприятиях по контрразведывательному обеспечению ликвидации ее последствий приняли свыше 1500 сотрудников органов госбезопасности Украины, чем совершили подвиг, равный фронтовому».

*Генерал-майор
медслужбы
Михаил Захараш*

ГЛАВНЫЙ ЭСКУЛАП СПЕЦСЛУЖБЫ

...Маститый американский хирург Д. Кутц ни на шаг не отходил от операционного стола. Глазком видеокамеры он неотрывно фиксировал все манипуляции врача, с новой методикой которого уже ознакомились в пяти университетах США. Нет ли подвоха, сверлила мысль мозг иностранца – ведь ни традиционных скальпеля, ни игл для сшивания краев раны не было в руках заезжего умельца. Да и за что получены им патенты на родине, в Америке, Австралии, России? Что так заинтересовало бизнесменов, специалистов из Японии и рвущегося в технологические лидеры мира Китая?

Оперировал страждущего отнюдь не пресловутый филиппинский «хилер», а выходец из подольских «гречкосеев». Заслуженный врач Украины, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук Украины Михаил Петрович Захараш. Он же – генерал-майор медслужбы, начальник Военно-медицинского управления (ВМУ) Службы безопасности Украины. Отечество лишний раз доказало, что его неправомерно отождествлять

*Генералы СБУ Михаил и Дмитрий Захараш
с матерью Диной Ефимовной*

с сонмищем «челноков» и «заробитчан» – Украина была и остается мощным генератором передовых ноу-хау, достойных заимствования другими народами.

Профессор применил не имеющую аналогов в мире методику внутрисполостных операций. Идеологом новаторской практики «сварки человека» выступил президент Национальной академии наук Украины, Герой Украины, академик Борис Патон. Используя его технические наработки, профессор Захараш впервые в мире провел «сваривание» раны желудка в июне 2000 года. Затем последовала разработка методик выполнения операций с использованием электросваривающих технологий на желчном пузыре, печени, желчных путях, кишечнике, при онкологических, проктологических, ЛОР, гинекологических и других заболеваниях. И если края раны обработать в особом режиме – они «склеиваются», нет нужды в нитках, рубцы не остаются, а ткань остается живой. Подобные операции выполняются в Центральном клиническом госпитале СБУ, столичных больницах №1 и 17, Донецком онкоцентре, и осложнений после них не отмечено.

Операции проводятся и иным передовым методом – лапароскопическим: вместо иссечения больного органа скальпелем применяется устройство, захватывающее через три «ювелирных» отверстия тот орган, который подлежит удалению. И что важно – в отличие от изнурительной реабилитации «изрезанного», подвергшийся лапароскопии через несколько дней отправляется до дому-до хаты.

Наградой Михаилу Петровичу и его коллегам за разработку и внедрение метода электросварки тканей человека стала Государственная премия Украины в области науки и техники за 2004 год.

...Два генерала из крестьянской семьи – редкий случай. Два сына офицера-фронтовика Петра Антоновича Захараша сейчас при лампах. Дмитрий Захараш стал генералом на оперативной работе, возглавлял региональные органы СБ Украины. Будущий же генерал от медицины увидел свет 2 апреля 1944 года в селе Озеро Немировского района на Виннитчине. Кроме мудрых отца и матери Дины Ефимовны, наставником любознательного хлопца стал «наш Доктор» – так почтительно именовали селяне местного фельдшера, прошедшего подвижническую школу земской медицины. Его пример стал путеводным – Михаил поступает в Гайсинское медучилище. С красным

дипломом идет по нелегкой стезе провинциального медика, заведую фельдшерско-акушерским пунктом, исполняя обязанности главврача сельской участковой больницы на Хмельнитчине. Среди людских страданий креп не только профессионализм – воспитывался неподдельный гуманизм и прочный жизненный ориентир – Исцелять.

Поступив в 1962-м в Винницкий мединститут, оставшийся без отца Михаил, преодолевая материальные трудности, грызет науку Гиппократу. Отслужив в армии, Михаил Петрович работает врачом-ординатором в Житомирской областной больнице. И тут судьба послала выпускнику-отличнику Наставника – основателя местной клиники Красного Креста, Героя Социалистического Труда Александра Гарбачевского. Под его влиянием растет мастерство врачевания, и в 29 лет Михаил стал заместителем главврача по медицинской части.

В 1974 году тяга к симбиозу практики и научного поиска привела в аспирантуру. Кафедрой факультетской хирургии Киевского мединститута заведовал в ту пору профессор Игнатий Матяшин, славившийся не только врачебным искусством, но и принципиальной неприязнью к «позвоночным». Житомирского хирурга он и в глаза не видел, однако ознакомившись с рефератом М. Захараша «Болезнь Крона», анкетными данными, профессор прозорливо определил – это человек науки, и «пробил» в Минздраве дополнительное место в заочную аспирантуру без собеседования с кандидатом.

Без отрыва от операционной за три года родилась диссертация из области лечения язвенной болезни. Приветствуя новоиспеченного кандидата наук, И. Матяшин особо отметил «научную добропорядочность» ученика. Не забыл Учителей и М. Захараш, посвятив им работу «Берегти пам'ять про своїх Вчителів!».

В 1979 году – новый поворот судьбы, погоны капитана медслужбы и должность заместителя начальника Военно-медицинской службы КГБ УССР.

Краткий экскурс в историю медицины органов госбезопасности Украины. Ее

*Профессор Михаил
Захараш*

создание было продиктовано необходимостью решения специфических задач: подбора пригодных по состоянию здоровья и психики для воинской службы и оперативной работы, решение экспертных вопросов, оказания медицинской помощи, профилактики здоровья сотрудников и членов их семей. В двухэтажном особняке сахарозаводчика Терещенко по улице розы Люксембург, 11 в августе 1946 года открыли поликлинику санитарного отдела (САНО) МГБ УССР, а по улице Святошинской – терапевтический стационар на 50 коек. Первыми руководителями САНО стали военврач 1-го ранга Иван Головенко (1946–1957) и майор медслужбы Иван Струев (1957–1960). В послевоенные годы, случалось, чекисты-медики выезжали в Западную Украину для спасения тяжело раненных и важных для проведения оперативных мероприятий подпольщиков ОУН. Последнего лидера подполья Василия Кук, захваченного 23 мая 1954 года, осматривал начальник поликлиники КГБ, заслуженный врач УССР, подполковник медслужбы Гуменюк, выявил у «заключенного 300-го» миокардиодистрофию, гипопластический гастрит, астению нервной системы, а 27 ноября 1954-го важному пленнику там же провели рентген.

Через четыре года капитан М. Захараш сменил на посту ее руководителя (в 1960–1983 годах) патриарха ведомственной медицины генерала медслужбы Л. К. Караванова.

Чернобыль... Начиная с 28 апреля 1986 года коллектив медицинской службы КГБ УССР, возглавляемый полковником М. Захарашом, изучал влияния радионуклидов на организм, создается проблемная лаборатория. Их заслугой (совместно со специалистами Института проблем онкологии и Института общей и неорганической химии АН Украины) стала первая в мировой практике разработка энтеро- и гемосорбентов для выведения из организма радионуклидов в сочетании с внутривенным облучением крови. Прием сорбентов позволил в десятки раз снизить содержание изотопов в крови. Однако Минздрав и АН СССР отвергали передовые методы и лишь в 1990-м Институт биофизики АН СССР принес официальные извинения за «невнимание» к достижениям украинских ученых. В мае 1989-го на «чернобыльских» наработках М. Захараш защитил докторскую диссертацию. Оценивая вклад ВМУ СБ Украины в преодоление последствий аварии

на ЧАЭС, директор Всеукраинского центра радиационной медицины профессор Бебешко назвал их труды «Библией для врачей нынешнего и будущего поколений».

В 1992 году Михаил Петрович стал начальником новообразованного Военно-медицинского управления СБ Украины. Тогда оно включало центральную консультативную поликлинику, центральный клинический госпиталь, экспертно-психологическую службу, центральную военно-врачебную комиссию, 24 лечебно-профилактических учреждений в регионах, 10 санаторно-оздоровительных и 7 детских дошкольных учреждений (детсад СБУ «Чебурашка» «заканчивал» сын М. Захарка и сын автора этого очерка).

Что собой представляет «хозяйство Захараша» сегодня? ВМУ является организационно-методическим центром, контролирующим работу всех военно-медицинских подразделений СБУ. Здесь ведется разработка современной доктрины развития военной медицины, подготовка нормативной и методической документации, действует система повышения квалификации медработников. Поликлиника и госпиталь (в нем впервые в украинской военной медицине проведено операцию на открытом сердце с использованием искусственного кровообращения), военно-медицинские службы региональных управлений, санатории «Одесса», «Черноморье», «Трускавец», «Ворзель». Забота о чернобыльцах и ветеранах, сотрудниках и членах их семей, отбор на воинскую службу, опека над теми, кто работает в экстремальных условиях. Научный потенциал – 7 докторов и 35 кандидатов наук. Кстати, при средней продолжительности жизни в Украине, увы, в 64–67 лет, ведомственный показатель достиг 78 лет. Приходится быть и тыловиком, искать спонсоров, оказывать услуги гражданскому населению – да и как иначе при финансировании едва на треть от необходимого обеспечивать больных трехразовым питанием и на 80% – «казенными» лекарствами.

Кавалер ордена «За заслуги» III и II-й степеней, М. Захараш по-прежнему действующий хирург, выверяющий научные положения клинической практикой. На личном счету профессора – свыше 10 тысяч операций; получается, что полноценную дивизию спас или вернул в строй его скальпель. А еще свыше 350 научных трудов, председательство в Киевском обществе хирургов, в основанной им Ассоциации

проктологов Украины, работа главным проктологом Минздрава, заведывание кафедрой Национального медуниверситета.

В отличие от традиционной для генералитета охоты Михаил Петрович предпочитает рыбалку на родной Немировщине. Видели бы вы, как светились глаза именитого ученого, когда хвалился трофеем этого года – собственноручно пойманным карпом, потянувшим на 2,7 килограмма! А вот столь любимый всю жизнь сбор грибов после Чернобыля – как отрезало.

Зимой – обязательно лыжные пробеги, заснеженный лес как нельзя лучше снимает груз служебной круговерти. Да и первый разряд по легкой атлетике обязывает поддерживать форму. Счастье, когда удастся «оттянуться» с бильярдным кием. Прочно связанным с образом хирурга коньячку и сигарете – в жизни места не находится. И уж если выпадает время – может примоститься на диване с историческим романом или фантастикой.

Когда-то в детстве играл на баяне, а сейчас отдает предпочтение классической музыке и театру. Но это, как говорится, по большим

Диплома «Посла мира» М. Захараша

праздникам. А что действительно вне всякой очереди, так это погугарить об успехах в спорте с младшим внуком Сережкой. Причем, по-английски.

Любит семейство совместные выезды на отнюдь не помпезную дачу. Тогда в семейном кругу собираются супруга Раиса Викторовна, заведующая отделением реабилитации в Ворзеле, сыновья Юрий — кандидат медицинских наук и Александр — полковник Службы правительственной связи — с семьями. Многая лета генералу, спасшему дивизию!

РАЗДЕЛ 2. НА ТАЙНЫХ ФРОНТАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ПРИБЛИЖАЯ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ. РОЛЬ СПЕЦСЛУЖБ В ОСВОБОЖДЕНИИ УКРАИНЫ

С 18 декабря 1942 по 28 октября 1944 года длилось изгнание нацистских агрессоров с украинской земли. К осени 1943-го тут сражалась почти половина советских Вооруженных сил. В историю Второй мировой вошли такие масштабные операции, как освобождение Донбасса, Битва за Днепр, стратегические наступательные Корсунь-Шевченковская, Крымская, Львовско-Сандомирская, Яссо-Кишиневская операции, освобождение Закарпатья. Но был и «невидимый фронт» Освобождения — деятельность советских спецслужб по разведывательному и контрразведывательному обеспечению действующей армии, партизанского движения и тыла. Вместе с армией органы и войска НКВД—НКГБ активно включились и в освободительную миссию в Восточной Европе.

Тяжелой ценой, в жестоком противоборстве с мощными спецслужбами гитлеровского рейха приобретали сотрудники советских органов госбезопасности оперативный опыт военного времени. Об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что из почти 600 заброшенных за линию фронта в первые полтора года Великой Отечественной оперативных групп НКВД УССР на Большую землю вернулось три десятка. Сколько жизней принесено на алтарь тайного фронта можно судить по такой статистике: только за январь—март 1942-го чекисты подготовили и вывели за линию фронта 1045 разведчиков, из них 800 — в составе разведгрупп.

В апреле 1942 года создается Четвертое управление НКВД УССР. На эту структуру возложили задачи организации и руководства деятельностью истребительных батальонов (предназначенных для борьбы с десантами и диверсантами противника), партизанско-подпольных формирований, диверсионных групп, добывание разведывательной информации во вражеском тылу.

После создания Украинского штаба партизанского движения (далее – УШПД) 4-е подразделения НКВД–НКГБ переключаются исключительно на агентурно-оперативную работу, в том числе контрразведывательную защиту партизанских формирований, помощь партизанам в организации добывания информации, создание оперативных позиций на территории стран-противников. Соответственно, первый отдел управления вел разведывательно-диверсионную работу на территории европейских сателлитов рейха, второй – руководил специальной деятельностью на оккупированной территории, третий ведал оперативным обеспечением партизанского движения. Большую помощь наступавшей РККА оказали созданные в августе 1943-го отделения «Д» (диверсии) Четвертого управления и его отде-

*Бойцы полка НКВД УССР
с захваченной немецкой бронемашинной (1941 год)*

лов в составе областных управлений НКВД. В разгар Битвы за Днепр диверсанты вывели из строя немало военных объектов противника, активно действовали на коммуникациях.

Чтобы рельефнее представить реальную отдачу зафронтовой работы, приведем такие данные. С начала 1944 года и до конца войны бойцами специальных зафронтовых подразделений республиканского НКГБ уничтожено или выведено из строя 22,5 тысячи гитлеровцев, взято в плен до 10 тысяч, взорвано 20 военных предприятий, 18 складов, 9 бронепоездов, 207 войсковых эшелонов, 110 мостов, уничтожено свыше 100 танков.

В соответствии с приказом народного комиссара обороны СССР от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения» вводятся должности заместителей командиров партизанских отрядов по разведке, для их замещения направляют за линию фронта 367 специалистов, преимущественно из числа сотрудников НКВД. Упомянутый приказ (цитируем с сохранением стиля оригинала) ставил перед ними задачу «отбирать людей, способных вести скрытую разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления, учреждения, созданные немцами, депо, аэродромы, в гестапо и его школы».

Необходимость усилить партизанские разведаппараты офицерами спецслужб подчеркивалась и в приказе Ставки Верховного главнокомандующего от 19 апреля 1943 года. Практически во все партизанские формирования назначаются заместители командиров по разведке, которые одновременно отвечали и за противодействие вражеской агентуре. К началу 1944 года в партизанских отрядах Украины контрразведывательная сеть насчитывала 2 тыс. негласных сотрудников. Это была отнюдь не лишняя мера. Как докладывал руководителю НКГБ УССР генералу Сергею Савченко командир опергруппы «За Родину» В.Храпко («Орел»), по прибытию на базу соединения Сабурова он застал запущенную разведку, «грубо организованную» контрразведку и отсутствие элементарных специальных знаний у заместителей командиров отрядов по разведке.

В крупных партизанских соединениях создаются оперативные части. Так, в соединении С. Маликова оперативная часть охватывала источниками информации не только населенные пункты района дислокации, но и имела «сектор дальней разведки», добывавший све-

дения в оккупированных Киеве, городах Ровенской и Житомирской областей. К осени 1943-го только при соединениях С.Ковпака, М.Наумова и А.Сабурова работало 9 резидентур органов госбезопасности, с которыми сотрудничало 572 источника.

Кроме того, с партизанских баз действовали специальные опергруппы, отряды и отдельные резидентуры НКВД–НКГБ. Всего в период оккупации Украины их было создано около 95. Среди них результативностью отличились зафронтовые формирования советских спецслужб «Победители» Д.Медведева, «Унитарцы» В.Хондожко, «Дружба» Н. Онищука, «Разгром» Г.Бурлаченко, «Волынцы» П.Форманчука и многие другие.

С июля 1944-го НКГБ УССР и УШПД направляют свои формирования на территорию оккупированных стран Восточной Европы. Всего было переброшено 53 оперативные группы (780 участников) и 759 отдельных разведчиков и диверсантов. К победному году только в Чехословакии действовали 21 партизанская бригада и 13 отдельных отрядов. В Пражском восстании в мае 1945-го приняло участие 10 украинских опергрупп – «Шквал», «Ураган», «Вперед» и другие. Благодаря им Генштаб Красной Армии имел правдивые сведения о восстаниях в различных городах Чехословакии. Даже 9 мая опергруппы («Зарево» и другие) продолжали бои с не сложившими оружие гитлеровцами.

Сразу же после вступления советских войск на Правобережье начинается ожесточенное, бескомпромиссное противостояние силовых структур и партизан с повстанческими формированиями под политическим руководством Организации украинских националистов (ОУН, выступавшей под лозунгом создания Украинской самостийной собор-

Бойцы опергруппы НКВД перед вылетом в тыл противника

*Командир опергруппы «Унитарцы»
Василий Хондожко*

ной державы), их разведкой и структурами безопасности.

Уже 11 января 1943 г. начальник оперативного отдела Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) полковник Соколов подготовил, а руководитель ЦШПР П.Пономаренко утвердил план усиления партизанского движения в Украине. Предусматривалась передислокация ряда партизанских соединений, в том числе «для проведения мероприятий по разложению полиции и националистических формирований противника».

3 ноября этого же года заместитель начальника УШПД С. Бельченко и начальник разведывательного отдела М.Анисимов направили партизанам директиву № 3762, которая предписывала выявлять и брать на учет националистические формирования, через служебные возможности устанавливать численность, структуру, состав повстанческих формирований, данные об их командном составе, контактах с немцами.

С октября 1942 по апрель 1943-го украинские партизаны добыли 800 ценных разведанных, из них 42 – по ОУН и УПА, а с лета 1943-го за партизанскими отрядами закрепили «оперативно-чекистские группы». Всего в 1942 – 1944 годах разведывательный отдел УШПД получил 94 информационных сообщения о «бандоуновцах» (архивы упомянутого подразделения – кладезь правдивых сведений о положении на оккупированной территории, лучшее средство от «лакировки» истории партизанского движения).

В крупных партизанских соединениях имелась оперативная часть, руководившая разведывательной и контрразведывательной агентурой (к началу 1944-го – свыше 2 тыс. участников), полевой разведкой. Работа по националистам считалась их второй по важности задачей и деликатно именовалась «особым заданием». При его выполнении особо отличились:

- группа НКГБ УССР «Унитарцы» (руководитель В.Хондожко, соединение С.Ковпака). Приобрела 19 оперативных источников в ОУН, часть из них продвинула за кордон; создала во Львове резидентуру «Лес», получив информацию на агентуру СБ ОУН, направленную в восточные области УССР;
- опергруппа «Дружба» Н.Онищука (соединения С.Ковпака и П. Вершигоры), приобрела 49 агентов среди националистов, добыла материалы об их контактах с абвером, документы съездов и конференций ОУН;
- опергруппа 4-го Управления НКГБ УССР (соединение Б. Шангина) захватила до 30 функционеров ОУН, получила информацию о 50 проводах и референтурах СБ ОУН, важные документы и коды подполья, приобрела оперативные источники в организациях ОУН Германии и Австрии. Информатор группы «Анна» работала секретарем одного из руководителей оккупационной администрации, получая информацию о связях немцев с лидерами ОУН и УПА. По наводкам другого информатора группы, имевшего «широкие связи среди руководящих кадров ОУН-УПА», уничтожили ряд функционеров подполья, а 87 из них взяли на учет;
- опергруппа Д.Медведева через оперативные источники добыла информацию о противоречиях между различными национал-патриотическими милитарными формированиями Волыни. Действовавший с ее позиций спецагент «Пух» (Николай Кузнецов) через теракты компрометировал ОУН, наводя на нее и мирных жителей репрессии немцев;
- опергруппа Г.Бурлаченко (соединение В.Бегмы) приобрела 20 негласных источников в среде ОУН и УПА, выявила 932 участника антисоветского сопротивления, захватила

*Г. Бурлаченко,
командир опергруппы
«Разгром»*

56 функционеров ОУН, по наводке группы партизаны уничтожили 300 повстанцев;

- опергруппа 4-го Управления НКГБ УССР В.Храпко (соединение А.Сабурова) создала агентурный аппарат из 107 участников. Обезвредила 8 разведчиков УПА;
- опергруппа НКГБ УССР «Волыньцы» П.Форманчука (соединение В.Бегмы) создала две резидентуры (42 источника) по разработке националистического подполья, добыла сведения о структуре и формах работы СБ УПА, ликвидировала одну из ее резидентур, уничтожила 25 функционеров ОУН;
- резидентура НКГБ УССР «Тайга» (ее деятельность держал на контроле начальник 4-го (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа) Управления НКГБ СССР Павел Судоплатов) имела ценную агентуру, через которую оперативно добыла сведения об обстоятельствах нападения повстанцев на командующего 1-м Украинским фронтом Н.Ватутину 29 февраля 1944 года.

Сотрудники опергруппы НКГБ «Волыньцы»

С развертыванием активных наступательных действий на Правобережной Украине партизанская разведка дополнительно ориентируется на сбор данных о военном потенциале Украинской повстанческой армии (УПА), ее отношениях с населением и сотрудничестве в подрывной сфере с немецкими спецслужбами. Учитывая большой опыт противоборства партизан с повстанцами, в августе 1944 г. Политбюро ЦК КП (б)У приняло решение передать партизанскую дивизию им. С. Ковпака в распоряжение НКВД «для наискорейшей ликвидации националистических банд». На мероприятиях против ОУН и УПА специализировались 7-й и 12-й батальоны соединения А. Сабурова. Правда, глава НКВД СССР Л. Берия, исходя из сообщений контрразведчиков, вынужден был неоднократно информировать ЦК КП(б)У о бесчинствах, творимых сабуровцами по отношению к мирному населению.

Следует отметить, что разведка и Служба безопасности УПА тоже были не промах и энергично создавали свои позиции в партизанских рядах для сбора информации и их разложения. Только соединение А. Федорова рапортовало о выявлении 170 «националистов-шпионов».

Увидевшие свет в последнее десятилетие документы свидетельствуют, что в противоборстве между ОУН, УПА и советскими силовыми структурами обе стороны «действовали по законам войны», при этом не гнушались brutальными средствами (чего стоит та же маскировка под противника для прикрытия насилия над мирным населением с целью компрометации супостата!). Как сообщала разведка опергруппы «За Родину», уже в ноябре 1943 года через линию фронта немцы для ударов по советским тылам пропустили 1300 бойцов УПА, закамуфлированных под партизан. Тогда же командировали 46 врачей — членов ОУН для внедрения к партизанам и организации отравлений личного состава.

В 1944 году «лесная армия» осуществила 134 диверсии на железных дорогах, подорвала 13 и сожгла 15 железнодорожных и 12 шоссейных мостов. Размах диверсий нарастал, и за

Партизанский командир А. Федоров

первое полугодие 1945-го УПА провела 212 диверсий на железных дорогах, шоссе, линиях связи. Среди заметных диверсий на коммуникациях: подрыв 11 августа 1944-го санитарного поезда № 454 (погибло 15 человек, в лес уведено 40 женщин из медперсонала); подрыв эшелона с 40 вагонами с боеприпасами 13 августа у станции Зеленая Угневского района Станиславской области (расстреляно 50 и уведено столько же военнослужащих); подрыв саперами сотни «Летуны» 22 марта 1945-го возле с. Голынь (Станиславская область) эшелона Внутренних войск (ВВ) НКВД (по утверждению повстанцев, он перевозил 1500 солдат).

Документы свидетельствуют, что только с июля по октябрь 1944-го в Волынской области УПА нанесла 800 ударов по армейским тыловым объектам. В сентябре—октябре на Станиславщине отмечено 33 нападения на военнослужащих РККА. Как докладывал в НКВД УССР командующий 1-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский (23 августа 1944-го), отряды УПА силой по 150 бойцов на Волыни дерзко атакуют подразделения и тылы войск, рассеивают маршевые колонны, уничтожают командный состав. Только для охраны коммуникаций в Западной Украине пришлось держать 32-ю дивизию ВВ.

Необходимо подчеркнуть, что диверсии и нападения повстанцев объективно усложняли освобождение Украины от нацистских захватчиков. Не выдерживает критики документами и распространенный сейчас тезис о том, что УПА воевала исключительно с «энкаведистами». К операциям против повстанцев широко привлекались части 2-й гвардейской, 13, 38, 52-й Армий, задействовались оперативные возможности военной разведки и ГУКР СМЕРШ. Практика привлечения армии продолжалась и в первые послевоенные годы. Так, к 10 февраля 1946-го, в рамках операции «Большая блокада», 13-я Армия выставила против ОУН и УПА 25 тыс. штыков (800 гарнизонов, 110 мобильных групп), 28-я — 1448 гарнизонов, 52-я — 101 гарнизон (27822 бойца). В разведывательно-ударных операциях в Карпатах участвовали и горно-стрелковые части, разведывательная и штурмовая авиация, танковые роты.

Как правило, армейские соединения выделяли мобильные отряды по 50—150 штыков с минометами и тяжелыми пулеметами и действовали методом засад и прочесывания местности. Вместе с тем, от-

мечалось в донесениях, личный состав не обучен таким специфическим операциям, плохо налажено взаимодействие с органами НКВД-НКГБ, в то время как «материальная поддержка бандитов местным населением не прекращается...в большинстве населенных пунктов совсем не помогают нашим отрядам».

Обращает на себя внимание и тот факт, что количество «ликвидированных бандитов» в несколько раз меньше трофейного оружия, видимо, в «боевые» успехи зачисляли и мирных жителей — всегда можно было списать на «бандпособников». Впрочем, щепетильной правдивостью в подсчете убитых партизан отличались до поры до времени разве что немецкие карательные команды, указывая только достоверно обнаруженные трупы (потом стали дописывать и уничтоженных мирных селян). Армии США и СССР поступали проще — объем израсходованных боеприпасов делился на известный штабным коэффициент, получали убитых ветконговцев или моджахедов. А «покойнички» ничтоже сумняшеся наносили удар в другом месте.

Партизанские подразделения также рядились под уповцев, а директива НКГБ УССР от 3 августа 1944 года поставила на организованную основу создание «конспиративно-разведывательных групп» из бывших партизан, оперработников и перевербованных оуновцев, действовавших под видом подразделений ОУН и УПА. Последствия той «тактики борьбы» и сейчас не зарубцевались в общественном сознании.

Попутно отметим, что в немалой степени инициатором изощренных методов борьбы с «бандоуновцами» выступали партийные органы, выпускавшие одно за одним постановления «об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами в западных областях Украины». Изучение документов особого сектора ЦК КП(б) У показывает, что глава республиканской парторганизации Н.Хрушев со знанием дела выдавал рекомендации по организации агентурной работы, ЦК рекомендовал различные «тонкие чекистские методы» вроде устройства «приманок», компрометации и разложения подпольщиков, наведения подозрения в сотрудничестве с чекистами на обеспеченных крестьян (то, что их ждала удавка «эсбистов» ОУН, никого не смущало — «социально чуждый элемент», дескать туда ему и дорога).

Отдельно следует сказать о псевдоповстанческих формированиях, создаваемых органами госбезопасности. Инициатором созда-

Виктор Кашеев

ния «конспиративно-разведывательных групп» выступил капитан госбезопасности Виктор Кашеев. Директива НКГБ УССР № 1697 от 3 августа 1944 г. нормативно оформила использование спецгрупп, выступавших под личиной повстанцев. В них включали бывших партизан, перевербованных «лесовиков» и оперработников-кураторов.

Энергично действовала спецгруппа «Хмара» (60 партизан и 40 бывших воинов УПА) под командованием самого В.Кашеева, изображавшего начальника охраны командира сотни УПА «Тимоша». В роли последнего выступал агент-боевик «Хмара», бывший командир диверсионной группы УПА. Спецгруппу направили в кавалерийский рейд в январе 1945-го для ликвидации подразделений УПА «Чумака» и «Недоли», совершившую нападение на райцентр Городницю на Житомирщине. История рейда достойна захватывающего боевика. В Людвипольском районе Ровенской области спецгруппа установила контакт с повстанцами, разведала их силы, установила доверительные отношения, а также под благовидным предлогом отговорила командиров УПА от нападения на райцентр Березно.

7 февраля 1945-го псевдоповстанцы подвели «побратимов» под войсковой удар, организовали преследование и уничтожили остатки повстанцев вместе с их командирами. На Витковических хуторах Ровенщины «Хмара» содействовала разгрому подразделений УПА «Крылатого» и «Пашенка», в марте перебралась в Тернопольскую и Львовскую области, где участвовала в ликвидации отрядов «Герасима» и «Наливайко». При этом спецгруппа действовала настолько артистично, что прослыла грозой «сталинских салоедов», а восхищенные «коллеги» преподнесли «другу Тимошу»... советскую медаль «За отвагу». Да что уж медаль. Командира спецгруппы «Быстрого» майора Соколова УНКВД по Тернопольской области представило к Золотой Звезде Героя!

До 1 мая 1945-го на счету спецгрупп числилось 1163 ликвидированных повстанца; действовало 246 таких формирований с 1011 участниками и 212 боевиков-одиночек.

Серьезным противником НКВД-НКГБ выступали и польские вооруженные националистические формирования, подконтрольные лондонскому эмиграционному правительству. После прихода советских войск на Западную Украину ведущей силой польского резистанса становится Союз Вооруженной Борьбы (СВБ), созданный 13 ноября 1939 года на территории Франции генералом В.Сикорским.

14 февраля 1942-го его переименовали в Армию Крайову (АК, внешнюю, кстати, немалый вклад в антифашистское движение сопротивления). В соответствии с инструкцией от 27 июня 1941 года в основные задания СВБ — АК входили подготовка антинемецкого восстания, патриотическая пропаганда, разведывательно-диверсионная, террористическая и саботажная деятельность, борьба с украинским националистическим подпольем. Польскому подполью были присущи тщательная конспирация, опытность кадров — бывших офицеров армии, разведотдела Генштаба, контрразведки-дефензивы, солидная материально-финансовая база, основательная поддержка польского населения Правобережной Украины. В структуру штабов территориальных формирований АК вводились отделы разведки и контрразведки, а в начале 1943-го дополнительно создается «8-й отдел» — орган руководства диверсионной работой («Кедив»).

Апофеозом активности АК на Западной Украине стала операция «Бужа» («Буря»), начатая по приказу главкома АК 20 ноября 1943-го с целью установления силовым способом контроля над регионом накануне прихода Красной Армии. В одном Львове АК имела 4 тыс. боевиков и 12 тыс. резервистов и попыталась установить контроль над городом

Антон Мильчевский (Майер), начальник вербовочного пункта разведоргана вермахта «Орион» в Киеве

Генерал Виктор Абакумов

при отступлении из него немцев в июле 1944-го. Только за 1945 год советские спецслужбы и войска ликвидировали 152 польские националистические организации (свыше 1000 участников), захватили 19 складов оружия, 12 радиостанций, 6 типографий. Однако к лету этого года лишь на Украине еще действовало 10 рупных формирований АК — 3300 бойцов.

На оккупированной территории агрессоры развернули широкую сеть специальных органов — разведывательные, контрразведывательные и диверсионные подразделения военной разведки (абверкоманды), органы тайной полиции (гестапо), службы безопасности (СД), жандармерии, подразделения румынской контрразведки («сигуранцы»), военной разведки Сервичул Секрет, венгерской контрразведки и военной разведки. Имелся ряд спецшкол, в том числе известная «Орион», «выпекавших» шпионов и диверсантов.

Противник при отступлении оставил на оседание в Украине до 200 резидентур, нацеленных на проведение разведывательно-диверсионной и террористической деятельности (разоблачено было свыше 2500 их участников). Нетрудно понять, какая масштабная работа легла на плечи сотрудников Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР, подчиненного непосредственно Верховному главнокомандующему (создано 19 апреля 1943-го на базе Управления особых отделов НКВД СССР во главе с энергичным молодым генерал-полковником Виктором Абакумовым).

Кто из нас не читал захватывающей, реалистичной книги бывшего сотрудника СМЕРША, полковника в отставке Владимира Богомолова «В августе 44-го. (Момент истины)»? Совместно с контрразведчиками территориальных органов НКВД—НКГБ они вели выявление агентуры спецслужб противника, захватывали их документы, ликвидировали склады оружия и диверсионной техники для оставленной на оседание «пятой колонны». За период освобождения Украинской

ССР контрразведчики разоблачили 4822 агента немецких, румынских и венгерских разведок (всего в 1941–1944 годах в Украине – без малого семь тысяч). Именно борьба с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб агрессоров и составляла основное содержание работы военных контрразведчиков. Кроме того, за годы войны органы СМЕРШа приняли участие в 70 оперативных радиоиграх с противником.

В то же время усилиями «перестроечного» и российского кинематографа (в лентах, вышедших до усиления курса на формирование великодержавной идеологии времен второй президентской каденции В. Путина, с возвратом к соответствующим канонам историописания и массовой культуры) создан крайне негативный образ сотрудника СМЕРШа. Уже в новом фильме-сериале вышедшем в 2007 году, о деятельности СМЕРШа в 1946 году в Белоруссии, сотрудники СМЕРШа предстают бесстрашными суперменами с «человеческим лицом», сражающимися с «историческим врагом» – польским националистическим подпольем, ударившимся к тому же в откровенную уголовщину (лента «1612 год» даже углубила ретроспективу противостояния «проклятым ляхам», ныне членам НАТО).

Однако до того имела место иная крайность: сотрудник СМЕРШа – это вечно выискивающий антисоветчину пьяница, садист и рукосуй, подлая душонка, в тыловых блиндажах измывающаяся над штрафниками с одухотворенными антисталинскими физиономиями. Псевдонаучная литература и беллетристика распространяли мифы о чуть ли не поголовном репрессировании советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных в Германию.

Изученные российскими историками рассекреченные документы спецслужб дают совершенно иную картину. С октября 1941 по март 1944-го в органах военной контрразведки прошло проверку 317,5 тыс. бывших военнослужащих. Из них 70,3% отправлены в Красную Армию, около 1,5% – в конвойные войска НКВД, 1,8% в оборонную промышленность, 0,5% – на лечение. При этом в штрафные подразделения попало 8255 человек (2,6%), арестовано – 11283 (3,5%).

Статистическую картину судьбы военнопленных и угнанных в Германию граждан подает И. Пыхалов в исследовании «Правда и ложь о советских военнопленных», основанном на документах

Государственного архива Российской Федерации. Выясняется, что до 1 марта 1946 года репатриировали почти 4,2 млн. советских граждан (из них 1,5 млн. военнопленных). Из гражданских лиц почти 81% направили в места проживания, около 10% зачислили в рабочие батальоны (что не было уголовным наказанием), 5,34% призвали в армию, около 2,5% использовались на работах при советских частях и учреждениях за границей. Передали «в распоряжение НКВД» – 46740 граждан (1,76%)!

Из числа военнопленных в армию вернулось почти 43%, в рабочие батальоны попало 22,37%, свыше 18% отправили по месту жительства. В органы НКВД попало 226127 человек (14,69%), что не означало их автоматического репрессирования. Следует учитывать, что среди задержанных находились участники карательных и полицейских формирований, боевых добровольческих частей Германии, созданных из военнопленных, чиновники гражданской оккупационной администрации, лица, завербованные гитлеровскими спецслужбами.

Весьма серьезной задачей стала защита тыловых объектов от диверсантов. В августе 1943-го, к примеру, контрразведчики 69-й Армии обезвредили в Харькове группу диверсантов, оставленную с задачей поджога зданий, где размещался офицерский состав. Даже при удалении линии фронта антидиверсионные мероприятия не утратили значения – в Германии разрабатывается стратегия «кляйнкрига» («малой войны»), и для ее реализации 12 февраля 1944-го создается 8-е управление РСХА (диверсионная работа в тылу противника).

Коснемся и боевого применения специальных войск. Было бы несправедливо сводить роль Внутренних войск (ВВ) НКВД СССР, как это принято в отдельных публикациях, только к операциям против повстанцев или к работе заградительных отрядов.

Подчеркнем, что заградотряды, вопреки расхожему мнению, к НКВД вообще никакого отношения не имели – по знаменитому Приказу № 227 1942 года формировались из обычных армейских солдат и офицеров, из расчета батальон на дивизию. Заградотряды некомпетентные авторы «сенсационных» публикаций путают с оперативными заслонами особых отделов НКВД, созданными в экстремальный период катастрофических поражений Красной Армии. До 10 октября 1941 года эти формирования задержали в тылу 657 364 военнослужа-

ших. Однако и тут о «поголовных расстрелах» говорить абсурдно. Подавляющее большинство задержанных отправили в действующую армию, арестовано – менее 26 тыс., в числе которых выявлено 1505 агентов вражеских спецслужб, 308 диверсантов, 8772 дезертира, 1617 «самострельщиков». Расстреляно – 10201 человек. Разумеется, об обстоятельном, квалифицированном следствии, отсутствии произвола в тех условиях говорить не приходится, однако статистика напроць опровергает апокалиптические данные тружеников пера, призывавших быть «вечно актуальными».

Соединения ВВ, численность которых к 1 января 1945-го достигла 833 тыс. штыков, вели бои как обычные фронтовые части. За годы войны войска НКВД передали фронту 29 дивизий, которыми укомплектовали 29, 30, 31, 34 и 70-ю общевойсковые армии. Всего же в различные периоды в боевых действиях против агрессоров принимало участие 58 дивизий и 20 бригад войск НКВД, чьи безвозвратные потери превысили 100 тыс. человек. Свыше 100 тыс. их солдат и офицеров получили боевые награды, более 200 стали Героями Советского Союза. 70-я Армия, к примеру, сформированная из шести дивизий НКВД, отразила наступление ударной группы 9-й Армии вермахта, пытавшейся прорваться к Курску в 1943 году. Большинство снайперов вышло из системы НКВД – они вывели из строя до 200 тыс. солдат и офицеров врага.

В феврале 1943 создается Управление Внутренних войск НКВД Украинского округа. Его части по охране тыла действующей армии и оперативные группы провели огромную работу по обеспечению безопасности наступающих войск.

ВВ выступали основной ударной силой противоборства с повстанческим движением (всего через боевой состав УПА прошло за несколько лет, по разным подсчетам, 100–300 тыс. человек, не считая массовой базы поддержки, без которой ни одни повстанцы еще не существовали). По крайней мере, советская сторона официально заявила о «ликвидации» лишь в 1944 – 1946 годах свыше 100 тыс. повстанцев.

Для усиления армии на Волынь до апреля 1944-го перебросили Сухумскую и Орджоникидзевскую дивизии, пять бригад, 18-й кавалерийский полк ВВ НКВД, несколько бронепоездов, танковый баталь-

он Особой дивизии ВВ им. Дзержинского из Москвы; им содействовали семь отрядов и 42-й мотострелковый полк Пограничных войск НКВД. Наиболее значительным стал Гурбенский бой в Кременецких лесах (21–27 апреля 1944-го). Несколько куреней Группы УПА-«Юг» Василия Кука сражались с 14 стрелковыми батальонами, кавалерийским полком ВВ, 16 танками, с воздуха наносили удары штурмовики ИЛ-2. По советским данным, повстанцы потеряли 2018 убитыми (ВВ – 11 убитыми, 86 ранеными), 7 орудий и 15 минометов. Повстанцы признали 200 человек погибшими (что соответствует рекомендации делить на 10 реляции о потерях противника), зато в пропагандистских документах не забыли «уложить» 800 «краснопогонников».

Не теряли времени органы СМЕРШа. Так, за апрель 1944-го СМЕРШ 1-го Украинского фронта провел против ОУН и УПА 444 операции в 270 населенных пунктах, доложив о ликвидации 260 участников националистического сопротивления, 530 складов и задержании 9 тыс. человек.

На органы же госбезопасности возлагалось руководство местной самообороной – истребительными батальонами. За первое полугодие 1944-го «ястребки» своими силами уничтожили 1330 солдат и офицеров противника, захватили несколько десятков парашютистов (разведчиков и диверсантов), задержали полторы тысячи уголовников.

Как и в практике всех мировых спецслужб, основным инструментом оперативных мероприятий выступал аппарат негласных помощников, задачи которого на оккупированной территории определяла директива НКГБ Украины от 12 июля 1943 года. На оккупированной территории в 1941–1942 годах НКВД оставил свыше 12,5 тыс. своих негласных добровольных помощников. Однако после освобождения лишь пятая их часть восстановила связь с оперработниками. В ходе освобождения Украины около 90 тысяч граждан конфиденциально сотрудничали со спецслужбой, добывая развединформацию, сражаясь в рядах партизанских формирований и зафронтовых групп спецназначения, ведя диверсионную работу. Приведем лишь один пример, характеризующий этих патриотов, немало из которых были удостоены боевых наград.

Широко известно о спасении уникальной архитектуры Кракова разведчиками группы ГРУ Генштаба Красной Армии «Голос» под ко-

мандованием Героя Украины Евгения Березняка («майора Вихря», – ныне генерал-майора в отставке). И книги написаны, и фильм снят. А вот о спасителе старинного украинского города Винницы, обреченного гитлеровцами на уничтожение, мало кто знает.

20 января 1944-го в тыл противника для проведения спецмероприятий НКГБ УССР вывел разведчика «Мельника» – Николая Порай-Кошица. Боевой офицер Первой мировой, кавалер двух «Георгиев», он добровольно взялся выполнять рискованные задания чекистов. Отлично владея немецким, представился немцам бывшим офицером и, само собой, непримиримым противником большевиков. «Мельнику» удалось устроиться «спекулянтom», поставщиком водки при автоколонне, шедшей в Винницу с грузом мин и боеприпасов, установить место нахождения склада с 10 тоннами взрывчатки и 7 тоннами мин, предназначенных для уничтожения города. Более того, раздобыл у напившихся оккупантов взрыватели.

31 января после полудня Винницу потряс страшный взрыв – ширина воронки на месте склада с взрывчатыми веществами равнялась полусотни, глубина – до семи метров. В результате диверсии «Мельника», отмечалось в спецсообщении наркома С.Савченко в ЦК КП(б)У, враг не просто лишился подрывных средств – погибло до 100 немецких военнослужащих, включая всю команду саперов, прибывшую разрушить город и в нем нашедшую могилу. Немецкая комиссия, проводившая расследование, пришла к выводу – взрыв произошел из-за небрежного обращения с боеприпасами... Увы, спаситель города со временем получил лишь орден Отечественной войны II степени, хотя выполнил задачу, посильную армейской операции.

В последние годы немало написано о классических оперативных играх «Монастырь», «Березино», «Курьеры», которые успешно вели с нацистскими спецслужбами советские контрразведчики. Их суть состояла в использовании захваченных вражеских агентов для дезинформации противника, вывода в наш тыл и захвата новых разведгрупп. Немцам так и не удалось уличить противника в обмане. Менее известно о том, что подобные оперативные мероприятия велись и на территории Украины. Так, в ходе подготовки наступления в районе Корсунь-Шевченково (январь – февраль 1944-го) через захваченные немецкие радиостанции распространили ложную информацию о со-

средоточении и планах 1-го и 2-го Украинского фронтов, что помогло окружить и уничтожить 10 вражеских дивизий.

Ощутимую роль подобные мероприятия сыграли и в период Львовско-Сандомирской наступательной операции. В декабре 1944 года контрразведчики Львовского военного округа захватили четырех германских шпионов-парашютистов. Снабженные рацией, они должны были разведывать дислокацию армейских частей и аэродромов. Умело поведя игру от имени этой разведгруппы, советская сторона до апреля 1945-го включительно продвигала немцам военную дезинформацию. Умело вводили в заблуждение опытнейший абвер подставные радиостанции «Трезуб» (Житомир) и «Антенна» (Львов), львовская легендированная группа «Шапка-невидимка» (ее «работой» очень гордился разведорган противника). Враг так ничего и не заподозрил.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года создается Народный Комиссариат государственной безопасности (НКГБ) и его республиканские наркоматы. Основными подразделениями НКГБ УССР выступали Второе (контрразведывательное), Четвертое (зафронтовое) управления, следственный и шифровальный отделы, отдел «В» (перлюстрация), подразделение по охране высших партийно-правительственных функционеров. Кстати говоря, обеспечение и быт сотрудников госбезопасности в тылу были такими же скудными, как и у остальных граждан воюющей страны. Как вспоминал сотрудник органов госбезопасности с 1942-го, участник освобождения Украины, бывший зампред КГБ УССР, генерал-майор в отставке Владимир Лодяной, оперработники получали хлеб по норме рабочего (800 грамм), питались пшеничными концентратами, спали в кабинетах на чем придется. Расслабиться после служебной круговерти и то было проблематично – помощник оперуполномоченного получал 750 рублей, а бутылка водки на толкучке шла по тысяче.

Согласно директиве НКГБ УССР от 28 июля 1944 года создается 1-е Управление наркомата (внешняя разведка). В 1943 – 1944 годах это подразделение сумело приобрести ряд ценных оперативных источников в Германии, Австрии и других европейских государствах.

В начале 1944 г., на период до создания региональных органов НКВД–НКГБ, создаются семь оперативно-войсковых групп в Ровно, Луцке, Сарнах и других городах Волыни. В том же году во Львове начинает работу Оперативный штаб (впоследствии – Оперативная группа) НКВД и НКГБ УССР.

Вполне объяснимо, что новосозданные структуры активно включались в противоборство с УПА и подпольем ОУН. К 1945-му ими оперативно разрабатывалось 379 повстанческо-подпольных формирований, органы НКВД–НКГБ внедрились в ОУН и УПА 1000 агентов, из них 125 попали в руководящие звенья, 30 использовались по линии разработки Центрального провода ОУН (Б).

Сказывались и идеологические постулаты тоталитаризма – силы госбезопасности, брошенные на подавление так называемых сектантов, ликвидировали 67 церковных общин различных конфессий, арестовав 875 их активистов.

В итоговом докладе о боевой и агентурно-оперативной деятельности 4-го Управления НКГБ УССР в 1941 – 1945 годах говорится, что в этот период погибло и пропало без вести 760 оперработников, участников зафронтовых групп и негласных помощников органов госбезопасности (без учета потерь спецвойск). Вряд ли эту статистику можно считать окончательной.

Война стала суровым испытанием для народов СССР. Победа спасла их от уничтожения или рабства. Советские органы госбезопасности, использованные в предвоенный период как основной инструмент репрессивной политики, в трудную пору сосредоточились, опираясь на поддержку народа, на выполнении классических функций спецслужб как таковых, обогатились разносторонним опытом оперативного искусства.

ДУБИНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

Действенным фактором освобождения Украины от гитлеровских оккупантов стало партизанское движение. Только в Киевской наступательной операции 1943 года войска ощутили поддержку 17 тысяч народных мстителей, захвативших 25 переправ. Писать о партизанах непросто – и дело не только в масштабах движения или его вкладе в Победу. В послевоенные десятилетия эти страницы Великой Отечественной изрядно отлакировали. Численность партизан в Украине «разрослась» раза в три! В угоду казенной патетике замалчивались многие драматические эпизоды борьбы за линией фронта – то, что не укладывалось в рамки официальной советской пропаганды...

В 1925 году по инициативе главы военного ведомства СССР Михаила Фрунзе, призывавшего генштабистов внимательно изучать опыт повстанчества в Украине, началась подготовка к партизанским действиям на случай войны с «буржуазным миром». В стране развернули сеть спецшкол, готовивших командиров партизанских отрядов, радистов, подрывников (среди выпускников – десять будущих командиров прославленных партизанских отрядов). Пять школ Украинского округа обучили 80 диверсионно-организаторских групп (600 профессионалов), способных действовать в тылу противника. В западных регионах осели на жительство организаторы подпольных групп, овладевшие для прикрытия гражданскими ремеслами. Были созданы образцы минно-взрывной техники, отлично зарекомендовавшие себя во время гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Там же, на Пиренеях, прошли «обкатку» профи партизанства – созданный ими 14-й партизанский корпус (до 5 тыс. диверсантов) задал немало хлопот франкистам.

В густых украинских лесах закладывались базы и схроны для пятой колонны на особый период (в УССР – 73). В Белоруссии, к примеру, на их основе можно было развернуть 50-тысячную партизанскую армию. На учениях кадровые диверсанты успешно противостояли войскам НКВД. Однако с 1934 года в СССР возобладала доктрина наступательной войны на чужой территории, и как следствие – программу подготовки к войне в тылу поспешно свернули, базы ликвидировали. К 1938-му уничтожили даже учебные пособия...

В годы «Большого террора» немало подготовленных специалистов тайной войны репрессировали (попробуй докажи, что ты не диверсант, если в этом деле – мастер). Уцелел лишь один процент от их числа! Прекратили обучение армейских командиров азам «партизанщины». Вдумайтесь: в «котлах» 1941-го под Киевом оказалось полмиллиона окруженцев, на Кировоградщине – свыше 100 тысяч, под Харьковом в 1942-м – 240 тысяч. Всего в 1941-м в окружение попало 16 армий. Если бы эти войска приступили к масштабной партизанской войне, бои наверняка не шли бы в десятках метров от Волги. Увы, к началу фашистской агрессии в советской стране даже не было должного количества раций для партизанско-подпольных формирований.

Стремительное продвижение гитлеровцев заставило вспомнить о зафронтовой работе. Однако отсутствовал единый орган руководства – партизанско-подпольные формирования одновременно, нескординированно создавали НКВД и армейская разведка, партийные и комсомольские органы. В первые месяцы войны в западных областях СССР наспех сформировали 4700 партизанских отрядов и подпольных групп (более 100 тысяч человек). Почти все они были ликвидированы к концу 1941-го, в то время как на Украине не погиб ни один отряд, руководимый «кадровыми» партизанами. Из мученической смерти комсомолки Зои Космодемьянской пропаганда сделала миф, умалчивая, сколько партизан, заброшенных без навыков во вражеский тыл, пали безвестно.

Немцы же с присущей им педантичностью проштудировали опыт повстанчества на Украине периода гражданской войны (тогда лихие атаманы положили почти 20 тысяч кайзеровских солдат). Перед нападением на СССР разработали комплекс контрпартизанских мероприятий. На захваченной территории ликвидировали или брали под контроль членов партии и комсомола, сотрудников НКВД, устанавливали лиц, прибывших на жительство в административные центры после 1 сентября 1939-го. Территорию наводнили сотрудниками органов абвер-3 (военная контрразведка), тайной полиции (гестапо), полиции безопасности (СД), фельджандармерии, «полиции порядка», охранной полиции. Действовали румынская тайная полиция «Сигуранца», венгерская контрразведка. Раскинулась сеть спецшкол. Практиковалось создание лжепартизанских отрядов и подпольных

Тимофей Строчаев

групп «приманок», на которые попало немало кустарно подготовленных «покупателей славянских шкафов».

В июле 1942 года создаются органы центрального управления: 1017 партизанских отрядов (25 тысяч бойцов) передаются Украинскому штабу партизанского движения (УШПД) во главе с генералом Тимофеем Строчаевым, а 4-е Управление НКВД специализируется на их разведывательном и контрразведывательном обеспечении.

Приказ Ставки от 19 апреля 1943 года обязал направить опытных оперработников в партизанские соединения. Квалифицированными разведчиками усилили разведотдел УШПД. Достаточно сказать, что разведчица «Аня» из соединения Шангина устроилась секретарем генерал-губернатора дистрикта «Галичина» Вехтера. Важность добытой ею информации трудно переоценить. Менее чем за год Центр получил от партизан 800 разведывательных сводок – можно лишь предполагать, сколько солдатских жизней они спасли.

Качественную и всестороннюю подготовку (3–4 месяца вместо 3–4 недель) командиров партизанских отрядов и спецгрупп удалось наладить лишь в 1943 году. В партизанские школы стали зачислять боевых офицеров, командиров с высшим инженерным образованием. В Украине «лесные академии» выпустили 5 тыс. диверсантов, способных, пройдясь по аптекам и фотомагазинам, устроить губительный «фейерверк» захватчикам. Это не замедлило сказаться на результативности подрывных акций, а при осуществлении диверсий потери составили не более 5% от общих партизанских потерь. При этом урон врагу наносила каждая четвертая мина, тогда как у армейских саперов на один подбитый танк приходилось четыре тысячи. За 10 месяцев 1943–1944 годов только Черниговско-Волыньское соединение пустило под откос 500 эшелонов, потеряв лишь 15 человек.

Были и среди партизан настоящие супермены. Группа партизан Тищенко (семь человек) была переброшена в Венгрию. Переводчики-мадьяры сразу же «пропали без вести». Оказавшись на незнакомой

территории, без связи и знания языка, партизаны не растерялись и двинулись в Югославию через Румынию. Там захватили машину и, не теряя времени, пустили под откос эшелон. Румыны забили тревогу – высадился крупный десант! Целый месяц храбрецы изображали целое соединение, производя диверсии на коммуникациях, и только израсходовав минно-взрывные средства благополучно вышли к своим.

Во все учебники истории вошли операции «Концерт» и «Рельсовая война», суть которых состояла в массовом подрыве рельсов во время битвы на Курской дуге и наступления 1944-го в Белоруссии (операция «Багратион»). 120 тысяч партизан от Карелии до Днепра произвели несть числа подрывов. И только спустя десятилетия заместитель начальника УШПД по диверсиям полковник, профессор Илья Старинов аргументированно доказал – реального ущерба противнику эти кампании почти не нанесли.

Грузопотоки вермахта уменьшились незначительно, подрывы на второстепенных магистралях привели к распылению сил и пустой трате взрывчатки. В то время как приказ Верховного требовал уничто-

Мост, подорванный партизанами

жать мосты, виадуки, подвижной состав, стрелки, станционные сооружения, партизаны бросились рвать легко восстанавливаемые рельсы. Зато реляции были то что надо. Резонно рассудив, что наступающим коммуникации куда нужнее, немцы не мешали партизанам и даже сами пустили путеразрушители, вывозя металл в печи Круппа. Действительно грамотно сработали только партизаны Украины, временно выведя из строя железнодорожные узлы Сарн, Здолбунова, Ковеля – немцы недополучили 129 эшелонов.

Сложная военно-политическая ситуация сложилась на Волыни и в Полесье. В относительно небольшом регионе одновременно действовали советские партизаны и польская Армия Крайова, польские прокоммунистические силы, подконтрольные ОУН Степана Бандеры отряды УПА и отряды «Полесской Сечи»-УНРА Тараса Боровца-Бульбы, подразделения ОУН-мельниковцев и «вольные казаки», отряды Фронта украинской революции и верные Павлу Скоропадскому гетманцы, а также персонажи, названные даже далекими от сантиментов бандеровцами «дикими боёвками». Все они, естественно, снабжались за счет местного населения.

Железнодорожная диверсия

Бесспорно, поддержка населения стала одним из важнейших факторов выживания и размаха партизанского движения. Однако в отношениях с кормильцами случалось всякое. Как сообщал в январе 1943-го в УШПД нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия, партизаны 7 и 12-го батальонов соединения генерал-майора Александра Сабурова на Волыни бесчинствуют, мародерствуют, притесняют и расстреливают местных жителей. Школа «хозяина тайги» не прошла бесследно и для самого командира знаменитого партизанского соединения. В послевоенные годы на него, начальника Управления госбезопасности по Дрогобычской области, систематически жаловался «за нарушения социалистической законности» областной прокурор. Генерал платил той же монетой, направляя компромат-«аморалку» на ретивого законника — того, в конце концов, отправили от греха подальше в Белоруссию... с повышением.

Образуются обширные «партизанские края» — на Ровенщине в 10 тыс. кв.км с населением 300 тысяч, в квадрате Олевск-Овруч-Мозырь-Туров — 14 административных районов с 200 тысячами жителей. Тут создаются органы управления, налаживается хозяйство (вплоть до местной промышленности), открываются школы, выходят газеты. Доставалось и сотрудничавшим с немцами (хоть далеко не все они брали оружие) — за время оккупации партизаны ликвидировали 60% сельских старост и почти четверть районных функционеров.

Постепенно действия переносятся на запад Украины, куда в январе 1944-го перебросили 15 партизанских соединений, их численность вместе с подпольщиками достигла в регионе 60 тысяч.

Сколько активных бойцов насчитывали соединения красных партизан в Украине? После войны глава республиканской парторганизации Никита Хрущев назвал цифру в 220 тысяч, и ее канонизировала официальная историография (иные историки брали и «повышенные обязательства»). Вместе с тем в марте 1943 года Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) докладывал И.Сталину, что в Украине партизанят 12631 человек, плюс до 50 тыс. в отрядах, с которыми утеряна связь (официальная цифра, как видим, в 3—4 раза завышена). Более того, в 1976-м Институт истории партии при ЦК КПУ обнаружил, что в УССР, в отличие от других союзных республик, от-

сутствуют учетные карточки на партизан, и установить их достоверную численность уже вряд ли удастся.

Общеизвестно, что острыми были отношения партизан с Украинской повстанческой армией (УПА). Хотя в 1943-м лидеры ОУН (С.Бандеры) и выдвинули стратегию «двухфронтовой борьбы» против Берлина и Москвы, противником № 1 по понятным причинам оставалась советская сторона. Только в октябре—ноябре 1943-го произошли 54 боя УПА с партизанами. Даже летом 1944-го повстанцы оказались способны заблокировать вывод в Галичину 17-тысячного соединения красных партизан. Как докладывал командир партизанского соединения им. Хрущева, участники десятков боев говорят, что впервые сталкиваются с «такими нахалами, которые идут на “ура” на станковые пулеметы», хотя сами отчасти вооружены макетами винтовок и трещотками вместо пулеметов.

Вооруженные столкновения между повстанцами и партизанами начались в 1943 году в связи с передислокацией ряда партизанских соединений из смежных областей Белоруссии и России на Украинское Полесье. 21 января состоялся первый крупный бой между отрядом

Партизаны готовятся к операции

УПА им. Богуна и ковпаковцами близ с. Владинополь Любомльского района Волынской области При подходе партизан, сообщал их командир М. Наумов (личным распоряжением Сталина его произвели из капитанов в генералы за беспримерный 2400-километровый рейд по тылам немцев), УПА не раздумывая вступает в бой. Известный трагический Карпатский рейд Сидора Ковпака привел к созданию в регионе Украинской народной самообороны под командованием Александра Луцкого. Хотя опытные партизаны и нанесли ей поражение, враждебное отношение местного населения и наскоки повстанцев послужили не последней причиной больших потерь. Не зря комиссар ковпаковцев Семен Руднев (прошедший довоенную специальную подготовку к партизанской войне), настаивал на поиске компромисса с повстанцами в интересах борьбы с немцами.

И здравый смысл брал свое. Зафиксировано немало случаев переговоров партизан с украинскими повстанцами, что признается даже советской историографией. Известны переговоры 1943 года о совместных действиях против нацистов между украинскими повстанцами и партизанским военачальником Сабуровым, командиром партизанской бригады Бринским. Интерес представляет сохранившееся в архивах УШПД сообщение командира Чехословацкого партизанского от-

Минирование железной дороги

ряда Репкина (будущий Герой Советского Союза, словак Ян Налепка, погибший под Овручем в ноябре 1943-го), толковавший «за жизнь» с командирами УПА. Мы вовсе не против социализма, резали «сермяжную правду» повстанцы, и с радостью бы прекратили войну с партизанами. За оружие нас заставили взяться насильственная коллективизация и закрытие церквей большевиками. «Главный идеал у них, — сообщал Я.Налепка, — чтобы немцы разбили большевиков, а немцев разбили англичане. Тогда они учредили бы Самостийну Украину». В этих словах — трагедия тысяч полешуков и галичан, оказавшихся в пекле братоубийства по причине предвоенных эксцессов тоталитаризма.

Но тут возмутилась «руководящая и направляющая сила». По словам секретаря Ровенского подпольного обкома Василия Бегмы, «отдельные командиры партизанских отрядов стали на путь переговоров» с полевыми командирами УПА и «даже заключали с ними договоры о нейтралитете».

Высшим достижением военного искусства партизан стали продолжительные рейды по занятой врагом территории, в ходе которых происходили сотни боев с армейскими и карательными частями, уничтожались штабы, склады, коммуникации, нефтепромыслы. Вспомним Карпатский рейд Сидора Ковпака 1943 года (2 тыс. км за 4 месяца), Львовско-Варшавский Петра Вершигоры в январе-июле 1944-го, три кавалерийских рейда 1943—1944 годов по Правобережной и Западной Украине Михаила Наумова (10 тыс. км с 300 боями).

С июля 1944-го УШПД начинает оказывать помощь антифашистам стран Восточной Европы. К победному году в Чехословакии действовали пришедшие с Украины 21 партизанская бригада и 13 отрядов, 4 бригады в Польше, бригада и 8 отрядов в Венгрии.

Всего же на боевом счету 200-тысячной армии партизан Украины 465 тыс. выведенных из строя врагов, 1,5 тыс. единиц бронетехники и 211 самолетов, почти 5 тыс. эшелонов противника. В годы войны они оттянули на себя в совокупности 786 тыс. штыков агрессора.

КОМАНДИР «ПОБЕДИТЕЛЕЙ»

Думал ли полковник Медведев о том, что в послевоенной Литве он отнимал у других людей право на свободу? Вряд ли стоит теперь осуждать легендарного партизанского вожака и бойца невидимого фронта хотя бы потому, что офицер руководствовался чувством воинского долга и выполнял специальные задания с глубоким убеждением в правоте дела, которому служил. Большим оригиналом, мягко говоря, нужно было быть в то время, чтобы думать иначе...

Будущий Герой Советского Союза родился 22 августа 1898 года в предместье Брянска Бежице, где сталеваром трудился его отец. В семье, познавшей лишения и нужду, было 13 детей (четверо умерли в младенчестве). Митя рос в строгой атмосфере родительского дома. В Бежице окончил два класса начальной школы, а в 1917-м — мужскую гимназию. Юноша добровольцем ушел в Красную Армию, участвовал в боях на Восточном фронте против Деникина и под Питером — против Юденича.

После демобилизации в 1920 году сознательного красного бойца зачислили уполномоченным особого отдела в Брянскую ЧК. Там же он получил партбилет и быстро продвинулся по службе: стал членом коллегии, заместителем начальника отдела, затем некоторое время занимал должность заместителя руководителя Старобельской уездной ЧК на Луганщине. В этой местности, как отмечалось в одном из военных донесений, «советская власть существовала лишь вдоль железной дороги на расстоянии орудийного выстрела из бронепоезда». В степном крае орудовали повстанческие формирования, жестоко расправлявшиеся с представителями власти и актива. К примеру, отряд некоего батьки Каменюки махновской ориентации (300 сабель, восемь пулеметов), захватив всего на пару часов Старобельск, изрядно отвел душу на «краснопузых».

В то беспокойное время закладывались основы оперативного мастерства будущего гения тайной войны. Он не просто сформировал боевой истребительный кулак, но и уделял должное внимание разведке, внедрению информаторов в «бандгруппы», распространению дезинформационных материалов. Его добровольному помощнику Басне удалось склонить к явке с повинной 350 хорошо вооруженных повс-

танцев. Тех же, кто не желал идти на мировую с Советами, убеждали шашками. За несколько месяцев усилиями чекистов почти полтора десятка повстанческих групп и отрядов прекратили существование.

В 1922-м Дмитрий получил первую боевую награду — золотые часы. В начале сентября его отправили в распоряжение Одесского губернского отдела ЧК, который он со временем и возглавил. К этому периоду, кстати, относится и малоизвестный факт биографии нашего героя, описанный с некоторой долей художественного домысла в книге Александра Скрипника (ныне — начальника пресс-центра Службы внешней разведки Украины) о Несторе Махно.

«Еще вчера молодой чекист Дмитрий Медведев сидел в кабинете начальника Одесской губчека. Вместе с начальником секретного отдела они обсуждали план физического уничтожения Махно. От закордонной агентуры стало известно, что в Бендерах (в то время на территории Румынии. — Авт.) должна состояться встреча с Нестором Махно, к организации которой причастна сигуранца. Предоставлялся удобный случай покончить с ним и при этом бросить подозрение за совершенное на румынскую спецслужбу». Дмитрий Медведев нелегально выезжал за границу с заданием ликвидировать «злейшего врага советской власти», но тайная операция не имела фатальных последствий для вожака махновцев. Нестор Иванович, как известно, впоследствии эмигрировал во Францию и скончался в Париже в 1934 году.

Около 10 лет Медведев проработал в органах госбезопасности Днепропетровской, Херсонской, Харьковской, Полтавской, Киевской областей. Заслужил два именных маузера и в 1932 году — знак «Почетного чекиста». В роковом для страны 1937 году по приказу НКВД СССР Медведева уволили в запас. Более полугода он пребывал не у дел. 14 марта 1938-го опальный большевик, не отличавшийся покладистым нравом, обратился с письмом к главе НКВД Николаю Ежову. Автор послания сообщил, что его дважды пытались исключить из партии по обвинению в троцкизме старшего брата. Поскольку предыдущие обращения Медведева остались без последствий, он заявил, что начнет голодовку в центральном зале Курского вокзала у бюста Сталина.

На следующий день порученец наркома прибыл за строптивым капитаном госбезопасности (звание, приравненное тогда к армейско-

му полковнику). После аудиенции с одним из руководителей НКВД заслуженного чекиста решили отправить на службу в одну из строительных организаций необъятного ГУЛАГа.

Дмитрий Николаевич работал в Медвежьегорске (Карелия) заместителем начальника 3-го отдела (оперативная работа в лагерях) при Беломоро-Балтийском комбинате НКВД СССР, затем — в заполярном Норильске. На Севере и в Сибири его возмущало бездушное обращение лагерного руководства с бесправными заключенными: по усмотрению «граждан начальников» узникам, подлежавшим освобождению, «пришивали» новые длительные сроки заключения. Медведев настоял на освобождении группы повторно арестованных. Однако Архипелаг не мог быть безлюдным. С поборником социалистической законности быстро разобрались, и в ноябре 1939 г. Лаврентий Берия подписал приказ об увольнении Медведева из органов.

С началом Великой Отечественной войны к наркому госбезопасности обратился начальник топливной базы Медведев с просьбой о восстановлении его в кадрах и отправке на фронт. 5 июля при НКВД создана Группа особых заданий для координации разведывательно-подрывной деятельности в тылу врага. Ее и впоследствии сформиро-

Дмитрий Медведев (второй слева)

ванное на базе Группы 4-е Управление НКВД СССР (зафронтовая работа) возглавил старший майор госбезопасности Павел Судоплатов, лично знавший Медведева по «горячим» 1920-м годам в Украине.

Кадровой основой Управления стала знаменитая Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Со временем она разрослась до 10,5 тысячи отборных бойцов. Первый полк ОМСБОНа комплектовали гражданами иностранных государств (благо, «интернационалистов» тогда в Союзе было в избытке). В нее влилось более 800 спортсменов — стрелков, борцов, боксеров, лыжников. Адьютантом Медведева стал десятикратный чемпион СССР по боксу Николай Королев. 21 сентября 1941 года именно он вынес с поля боя своего командира, которому вражеская пуля пробила колено.

Партизанско-подпольное движение приходилось налаживать в тяжелейших условиях гитлеровского наступления. В предвоенные годы, как уже отмечалось, сталинское руководство свернуло стройную систему подготовки кадров партизан. Были фактически уничтожены заблаговременно созданные базы снабжения и вооружения народных мстителей. За этот просчет пришлось дорого заплатить в первый год войны. И даже в 1942 г. на территории Украины уцелело, по данным профессора Ильи Старина, не более четверти партизанских отрядов.

Были и другие обстоятельства, о которых официальная советская историография предпочитала молчать. Пережившее голодомор и репрессии население нередко видело в немцах, не успевших еще развернуть чудовищную карательную систему, освободителей от «комиссаров». Кстати, по расчетам известного теоретика партизанской войны полковника А. Боярского, с началом боевых действий до 10 процентов населения вполне могут стать коллаборационистами, причем 3 процента — активными. Примерно две трети населения займет пассивно-выжидательную позицию по отношению к оккупантам.

7 сентября 1941 года опергруппа «Митя» из 33 бойцов во главе с Медведевым перешла линию фронта на Брянщине. Подпольщики успешно действовали и в Белоруссии, после чего Дмитрия Николаевича на некоторое время отозвали в центральный аппарат госбезопасности и наградили орденом Ленина. В это время происходили кардинальные изменения в схеме руководства партизанским движением.

С июля 1942 г. его формирования передали под начало Центрального, Украинского и Белорусского штабов партизанского движения, а 4-е Управление сосредоточило усилия на агентурно-оперативной и подрывной работе. Для ведения разведки и контрразведывательной защиты отрядов на их базе были развернуты оперативные группы. В Украине их насчитывалось около двух десятков.

Помимо фашистских спецслужб, в партизанские отряды активно пытались внедрять свою агентуру Служба безопасности УПА, борьба с которой стала одной из главных задач опергрупп. Уже к осени 1943 г. только в соединениях Ковпака, Сабурова и Наумова действовали девять резидентур госбезопасности, насчитывавших более 570 информаторов. Постановлением ЦК Компартии Украины от 15 июля 1943 года разведывательные отделы отрядов и чекистские группы при них были укреплены.

20 июня 1942 года Медведев повторно отправился в тыл врага, на этот раз во главе им же созданного отряда «Победители», имевшего приоритетную цель – Ровно. Там размещались Рейхскомиссариат оккупированной Украины, резиденция рейхскомиссара Эриха Коха и 246 различных военно-административных учреждений. Одним из наиболее ответственных для медведевцев заданий стало проникновение в Винницу, вблизи которой соорудили подземную ставку Гитлера «Вервольф». К осени 1943 г. в том районе партизаны располагали некоторыми оперативными позициями. Однако резкое изменение планов Кремля внесло коррективы: Сталин вызвал наркома госбезопасности Всеволода Меркулова и приказал свернуть подготовку покушения на Гитлера как в Германии, так и при появлении его на Восточном фронте. Вождь народов опасался, что в случае ликвидации «бесноватого фюрера» его преемники вроде Геринга или группы генералитета начнут сепаратные переговоры и достигнут соглашения с Западом.

В ходе боевых операций на Ровенщине и Львовщине отряд «Победители», насчитывавший к марту 1944 года 1400 штыков, уничтожил до 2000 фашистских оккупантов, свыше 6000 бойцов УПА и

*А.Лукин,
заместитель
командира отряда
«Победители»
по разведке*

вспомогательных полицейских формирований, взорвал 81 эшелон с живой силой и техникой врага. Отряд выдержал 92 боя с отборными частями противника, среди которых – Берлинские полицейские полки, головорезы бригады Дирливангера, воины дивизии «Галичина».

Но особо отличились подчиненные «Медведя» в разведывательно-террористических акциях, добыв сведения о переброске свежих дивизий из Франции и Северной Америки на Восток, подготовке деблокады группировки фельдмаршала Фридриха Паулюса под Сталинградом, некоторые данные о наступательной операции «Цитадель» под Курском. Разведчики смогли заполучить карту линий связи противника, образец секретного химического снаряда, данные о самолете-снаряде «Фау» и многое другое. К слову, одна из соратниц Медведева Симона Гринченко (Кримкер) впоследствии отличилась как агент-нелегал КГБ в Латинской Америке.

5 ноября 1944 года Дмитрий Медведев получил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Авторы публикаций, посвященных полковнику, часто обходят вниманием то обстоятельство, что Дмитрий Медведев некоторое время возглавлял Управление по борьбе с бандитизмом (УББ) НКВД УССР, созданное в 1944 году. Разумеется, его деятельность прежде всего была связана с подавлением движения сопротивления ОУН и УПА. Однако не стоит забывать, какого размаха достиг в переполненной оружием послевоенной стране и уголовный бандитизм, скольких агентов, оставленных отступавшими гитлеровцами, обезвредили, сколько разоблачено военных преступников, запятнавших себя кровью соотечественников! Всем этим также занимались сотрудники подразделений УББ.

Понятно, что хлопцы из ОУН и УПА имели свои счета с полковником еще со времен войны и неоднократно пытались его ликвидировать. В конце 1940-х Медведев проводил одну из многочисленных встреч со студенческой молодежью во Львове – рассказывал о партизанских делах. Из переполненного зала он вышел вместе с писателем

*С.Стехов,
комиссар отряда
«Победители»*

Владимиром Беляевым (автором популярной «Старой крепости»). Внезапно из темного переулка прогремел выстрел. Полковник, прекрасно владевший приемами самбо (ростом он был за 190 см), ринулся с голыми руками на ствол и мигом заломил руку незадачливому «атентатнику».

Опыт антиповстанческих мероприятий Медведева вскоре пригодился на другом «остром участке». После Парада Победы Герой отправился отдохнуть в военный санаторий в Цхалтубо. Израненному сердечнику требовалось основательное оздоровление, но выдержал непоседливый чекист всего две недели. По его словам, «очередные задания» стали своеобразным допингом в жизни: получая их, он испытывал «непередаваемое состояние внутренней мобилизованности». Вернувшись в Москву, приступил к выполнению одного из таких заданий, которое растянулось на полгода – спецкомандировка в Литву. Предстояло поделиться с местными чекистами навыками организации агентурно-оперативной работы и координировать действия правоохранительных органов на территории союзной республики.

Литовское движение сопротивления по размаху и упорству не уступало галицкому. Опираясь на кадры армии буржуазной Литвы, а также существовавшего до 1940 года «Союза стрелков» и контрразведку правящей партии Таутининкай «Железный волк», силы антисоветского движения сопротивления поставили под контроль лесные массивы и сельскую местность, безжалостно расправлялись с представителями администрации и актива.

В Литве под руководством Президиума Союза борьбы за освобождение сражалась Армия освобождения (ЛЛА), которой командовал «литовский Шухевич» А.Раманаускас (псевдоним Ванас), арестованный с супругой в Каунасе в октябре 1956 года. Действовал и Союз литовских партизан. Были созданы три области, поделенные на 7 округов и 20 бригад, широко велась «бункерная война», хорошо знакомая полковнику по Западной Украине. Борьбу с литовскими повстанцами начал 3-й Белорусский фронт, а затем ее вели две дивизии Внутренних войск.

Однако неповоротливые в лесах армейские соединения не могли подорвать основы сопротивления, хотя и наносили противнику ощутимые потери. Требовались, говоря штампом тех времен, «тонкие

чекистские мероприятия». Медведев помогал укреплять агентурную сеть и налаживать радиоперехват. Лично участвовал в разработке крупного «бандглаваря» Минюнаса по кличке Зеленый черт. Последний командовал несколькими подразделениями ЛЛА, поддерживал связь с американской и шведской разведками. В борьбе с лидером повстанцев упор сделали на создании агентурных позиций в среде его единомышленников. Несколько ближайших сподвижников Минюнаса, включая редактора подпольной газеты, стали информаторами органов госбезопасности. В результате оперативных мероприятий формирования «лесных братьев» удалось рассеять. Самого «Зеленого черта» переметнувшиеся к Советам соратники связанным привезли на телеге прямо к Д.Медведеву.

Еще один пример изощренности действий учеников «школы Медведева». На территории Польши захватили окружного командира ЛЛА Савейкиса. Дав согласие негласно сотрудничать с органами государственной безопасности, он с шестью другими агентами-боевиками был заброшен в Литву. Эта группа сумела «очистить от бандитизма» 10 административных районов республики, проделав работу, которая ранее поручалась полусотне оперработников и полку Внутренних войск.

Принципиальные изменения в тактике антиповстанческих акций (один из их организаторов – Д.Медведев) привели к тому, что в 1945–1947 годах ликвидировали два состава Верховного штаба ЛЛА, 10 окружных и 26 уездных штабов. Трофеи советской стороны составили 2,4 тысячи пулеметов, 15 тысяч автоматов, 20 тысяч винтовок. Правда, приказ сложить оружие Раманаускас отдал лишь в 1952 году, а отдельные боевые столкновения происходили и в 1956–1957 годах.

Борьба с националистическим подпольем принесла полковнику четвертый орден Ленина и орден Красного Знамени.

В конце 1946-го полковника Медведева уволили со службы по состоянию здоровья. Уже в январе следующего – вскоре после рождения сына Виктора – он решил поделиться воспоминаниями о тайной войне. Первые же публичные лекции, выступления на Всесоюзном радио, очерки в журналах «Огонек» и «Смена», газетах «Правда Украины», «Молодь України» и ряде московских изданий сделали его имя популярным.

Во Львовском драмтеатре 24 февраля 1948 года состоялась премьера пьесы Дмитрия Медведева и молодого драматурга Анатолия Гребенева «История одного подвига». По дороге в гостиницу в отставного полковника опять стреляли...

Под названием «Сильные духом» пьеса шла в 120 театрах СССР. Одновременно он работал над документальной повестью «Это было под Ровно», в мае 1948 г. получившей поощрительную премию в конкурсе Минпроса РСФСР на лучшую книгу для детей. В 1952 г. журнал «Жовтень» опубликовал одно из самых популярных произведений Медведева – документальную повесть «На берегах Южного Буга». Но вершиной творчества ветерана оставалась вышедшая в 1951 г. в «Воениздате» книга «Сильные духом».

Трудно представить, какой мобилизации душевных и физических сил требовал труд литератора. Сказывались последствия нескольких тяжелых ранений, серьезная травма позвоночника, полученная после прыжка с парашютом. Не давали покоя постоянные боли в спине и голове. Как следствие былых контузий развивалась глухота. Приходилось ежегодно лечиться в Мацесте; он отказался от публичных выступлений.

Как вспоминает на страницах «Журнала российских спецслужб» бывший начальник санчасти «Победителей», заслуженный врач России Альберт Цессарский, Медведев творчески работал в крайне сложных условиях. Автора трех популярных книг даже не приняли в Союз писателей СССР. В ответ на публикацию повести «На берегах Южного Буга» в «Винницкой правде» появилась статья «О фальшивой повести Д. Медведева». Пасквиль подхватила «всесоюзная сплетница» – «Литературная газета», обвинившая прозаика в недооценке роли партии в организации партизанского движения.

Испуганные хлесткими оценками издатели расторгли договор. По заявлению Медведева Комитет партийного контроля при ЦК КПСС полтора года разбирался в ситуации, пока не предложил редакциям газет опубликовать опровержения. Однако «творческая оппозиция» писателю-самородку ушла в глухую оборону и не спешила выполнять указания «совести партии».

Близился декабрь 1954 г. и очередной форум советских писателей. В конце сентября Медведева госпитализировали с тяжелым при-

ступом, прихватившим старого солдата прямо на столичной улице. Месяц интенсивной терапии, подмосковный санаторий...

Утром 14 декабря ветеран позвонил в «Литературку» справиться, когда же, наконец, поместят опровержение. Из редакции ответили так, что старый партизан, не раз смотревший смерти в лицо, побледнел. Бывшая разведчица Валентина Довгер, приехавшая к нему погостить, побежала за водой. Когда вернулась, увидела командира уже мертвым. Обширный инфаркт..

Повесть Дмитрия Медведева «На берегах Южного Буга» увидела свет лишь спустя три года в издательстве «Молодая гвардия».

ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА СПЕЦАГЕНТА «ПУХА»

Кто не знает о подвигах Героя Советского Союза, разведчика Николая Кузнецова, хладнокровно ликвидировавшего дюжину гитлеровских военачальников и чиновников, сообщившего информацию о наступлении вермахта на Курском выступе, о готовящемся покушении на лидеров «Большой тройки» в Тегеране... Между тем биография Н. Кузнецова – спецагента органов госбезопасности «Пуха», а также судьба его бранных останков таят немало вопросов и поныне.

Кадровым сотрудником органов госбезопасности или ГРУ Генштаба Н. Кузнецов никогда не был. Его негласное сотрудничество с Главным управлением госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР началось еще до войны. Прекрасно владевшего немецким молодого сибиряка с классической внешностью «арийца» заприметило местное Управление НКВД и в 1939 году направило в столицу на учебу. Готовили его по индивидуальной программе как специального агента (по тогдашней терминологии, различались информаторы и агенты, т.е. категория негласного аппарата, непосредственно участвовавшая в оперативных разработках и активных мероприятиях). Агента «Пуха» планировали использовать по линии контрразведывательной разработки немецкого посольства, да и стрелковым делом он овладел отменно.

Вскоре оперативно одаренный Николай выполнял функции агента-резидента, держа на связи сеть осведомителей среди московских артистов, сам выступал в близком ему амплуа актера, знатока балета, по части которого мы были «впереди планеты всей». Немцы души не чаяли в обаятельном фольксдойче, каковым они считали «Пуха». Перспективным агентом лично руководил заместитель начальника Управления контрразведки ГУГБ Райхман и уполномоченный по работе с интеллигенцией Ильин. Кураторы могли быть довольны: информация от дипломатов Германии и советской богемы шла потоком. Как утверждал один из руководителей советской разведки генерал-лейтенант Павел Судоплатов, знакомый с рабочим делом «Пуха», неутомимый агент состоял любовником большинства московских прим балета, «некоторых из них он в интересах дела делил с немецкими дипломатами».

Далее последовали операции по перехвату дипломатической почты «стратегического партнера» по пакту Молотова-Риббентропа: дип-курьеры останавливались в гостиницах «Метрополь» и «Националь», Кузнецов информировал об их передвижениях, в то время как сотрудники НКВД фотографировали документы.

В годы войны Н. Кузнецов работал с позиций созданного полковником госбезопасности Дмитрием Медведевым партизанского отряда «Победители». Как известно, разведчик-боевик действовал под личной обер-лейтенанта 230-го полка 76-й пехотной дивизии. Числился находящимся в командировке в «столице» Рейхскомиссариата «Украина» Ровно, где квартировало до 250 учреждений оккупантов. Нет необходимости подробно останавливаться на деяниях спецагента. Достаточно сказать, что им были ликвидированы 11 генералов и высокопоставленных чиновников оккупационной администрации. Среди них заместитель рейхскомиссара Эриха Коха свирепый каратель генерал Даргель, генералы Кнут и фон Ильген, имперский советник Гель, председатель верховного суда в Украине Функ, несколько офицеров.

Суровой правдой было и то, что в отместку за убийства немцы разворачивали репрессии – так, за убийство заместителя губернатора Галиции Отто Бауэра казнили 2000 заложников и повесили несколько сотен крестьян, за смерть Геля расстреляли всех узников ровенской тюрьмы.

Были основания занести Кузнецова в «черный список» и у украинских повстанцев. Дело в том, что участники отряда «Победители» уничтожили 18 из 23 приговоренных ими к смерти функционеров подполья ОУН, да и треть отряда составляли поляки – лютые враги по печально известной украинско-польской резне на Волыни в 1943–1944 годах, принесшей десятки тысяч жертв с обеих сторон. Кроме того, спецагент «Пух» сознательно провоцировал удары немцев по украинским националистам – на местах покушений он «терял» бумажки и документы, содержание которых недвусмысленно указывало на причастность ОУН к терактам. Нацисты уничтожили десятки участников ОУН.

В литературе утвердилось мнение, что Кузнецов добыл и первичные сведения о готовящемся в Тегеране покушении на «большую

тройку» – глав государств антигитлеровской коалиции. Однако компетентные суждения профессионалов опровергают саму версию о готовящемся теракте.

Наш земляк, покойный ныне доктор исторических наук, известный исследователь истории спецслужб Виталий Чернявский (литературный псевдоним – В.Чередниченко; в свое время он работал за границей, возглавлял отдел в центральном аппарате советской разведки) считал, что немецкие спецслужбы такой операции не планировали. И уж никак не мог узнать о ней Кузнецов в Ровно от посланца Отто Скорцени – майора фон Ортеля (в литературе называют и другие фамилии майора). Тот якобы во хмелю обещал «привезти персидский ковер» приглянувшемуся ему храброму фронтовику Паулю Зиберту. Станный, конечно, «матерый разведчик», невесть каким ветром занесенный в провинциальное Ровно, чтобы бражничать с первым попавшимся офицериком, выкладывать ему подробности сверхважной операции.

Его мнение разделяют и другие авторитеты. Скажем, Лев Безыменский утверждает, что к тому времени агентуру рейха в Иране

Хата в Боратине, где погиб Н.Кузнецов

полностью разгромили усилиями спецслужб Сталина и Черчилля, а «человек со шрамом», «группенлейтер 4-С» (Скорцени) занимался в это время организацией дерзкой операции по вывозу Бенито Муссолини из альпийского заточения.

К тому же никаких документальных подтверждений готовящегося «Длинного прыжка» вообще не найдено. Существует предположение, что эту историю, позднее талантливо разыгранную известными советскими актерами и самим Аленом Делоном в фильме «Тегеран-43», придумал драматург Михаил Маклярский (по его сценарию сняли хрестоматийный «Подвиг разведчика»). Служа у знаменитого Павла Судоплатова (начальника Четвертого управления НКВД–НКГБ СССР), Маклярский отточил фантазию, занимаясь радиоиграми с немцами...

Создается впечатление, что Н.Кузнецову сознательно старались придать имидж выдающегося разведчика. Возможно, для создания версии, отвлекающей от истинных источников информации, или для «облагораживания» супербоевика (ведь Ленин всегда осуждал индивидуальный террор политических противников), хотя его жертвы вполне заслуживали кары за злодеяния против советских людей, а сам Кузнецов действительно проявлял чудеса смелости и хладнокровия.

После ликвидации «Пухом» вице-губернатора Отто Бауэра и высокого чиновника Генриха Шнайдера за голову супербоевика назначили премию в 25 тыс. марок. Н.Кузнецов, его соратники поляк Ян Каминский и Иван Белов решили по тылам пробираться к наступающим советским войскам.

По рассказам Н.Струтинского, в ночь с 8 на 9 марта 1944 года Николай Кузнецов, бывший в форме немецкого офицера, верный водитель Каминский и Белов зашли в хату жителя села Боратин Бродовского района Львовской области Степана Голубовича отдохнуть и погреться. Внезапно в дом ворвалась группа бойцов УПА, обезоруживших партизан (до того кинжалом «сняли» стоявшего на часах Белова). Однако Кузнецов каким-то образом сумел припрятать ручную гранату. Некоторое время под охраной они ждали прихода командира повстанцев, сотника Черногоры. Он и опознал в «немаке» исполнителя на шумевших терактов против гитлеровских бонз. И тут Кузнецов подорвал гранату в заполненной уповцами комнате...

*Ян Каминский
(фото до 1939 года)*

Каминский успел выпрыгнуть в окно, бросился бежать, но был настигнут пулей и добит штыком.

Тела погрузили на конную «фиру» соседа Голубовича Спиридона Громьяка, вывезли за село и, раскопав снег, положили трупы в старую канаву, засыпав хворостом. Через неделю в село вошли немцы и при рытье окопов наткнулись на торчавшую из-под земли человеческую руку. Немецкий офицер, увидев труп в форме вермахта, рассвирепел и приказал сжечь «бандитское село». Крестьяне, опасавшиеся расправы, указали на дом Григория Росоловского в соседнем селе Черницы, где находились на излечении четыре повстанца, посеченные осколками

гранаты Кузнецова: Черногора, стрелцы Скиба, Сирий и еще один участник задержания «Пуха». Оправившиеся от ран, Черногора и двое других уехали с Росоловским, и в доме оставался лишь Сирий. Его искололи штыками, убив и безвинную девушку-санитарку Стефанию Колодинскую.

Установить имена участников захвата Н.Кузнецова помогли показания бывшего начальника гестапо дистрикта «Галиция» гауптштурмфюрера СС Краузе. 9 мая 1945-го он попал в плен и под вымышленной фамилией Германа Рудаки содержался в лагере для военнопленных. Был разоблачен лишь в 1948 году, доставлен по месту совершения военных преступлений во Львов и, спасая жизнь, дал широкие показания. Командиров УПА Ориха и Черногору захватили чекисты в начале 1950-х годов, сотник Темный, окруженный оперативно-войсковой группой МГБ, перерезал себе горло. Н. Струтинский, ведя поиск, обнаружил

Иван Белов

в архивном уголовном деле упоминание об осуждении за участие в УПА некоего Петра Куманца по прозвищу Скиба. П.Куманца этапировали из сибирской исправительно-трудовой колонии во Львов. Выяснилось, который это именно тот боевик, что был ранен в боратинской хате.

Дело по розыску «Зиберта», изрядно попортившего кровь оккупантам, распорядились не уничтожить при отступлении из «Лемберга». В архивах германской тайной государственной полиции после Победы обнаружили телеграмму-молнию, направленную в воспоминание в «Семнадцати мгновениях весны» группенфюреру СС Генриху Мюллеру начальником полиции безопасности и СД «Галиции» Витиской 2 апреля 1944 года.

Сообщалось, что посредник от ОУН в переговорах с немцами проинформировал: в марте одним из повстанческих подразделений на Волыни задержаны «три советских агента», имевшие при себе фальшивые немецкие документы, карты, газеты с некрологом на смерть докторов Бауэра и Шнайдера, а также... отчет одного из агентов, действовавших под именем Пауля Зиберта! Речь идет, докладывали гестаповцы, о советском разведчике, учинившем дерзкие нападения на генералов и чиновников рейха (перечислялись совершенные Н.Кузнецовым покушения). Говорилось, что все бесспорно указывает на захват повстанцами именно того неуловимого агента-ликвидатора. Сообщалось, что от группы Прюцмана поступила информация — «Пауль Зиберт» и два его сообщника найдены убитыми на Волыни.

Первым провести «независимое расследование» обстоятельств гибели супербоевика взялся бывший офицер-партизан Василий Дроздов. Проводя опросы местных жителей, он, похоже, приблизился к раскрытию картины гибели «Зиберта». Слухи об активности Дроздова быстро дошли до имевших прекрасную систему осведомителей повстанцев. Весной 1945 года в Боратине, в хате активного помощника

Василий Дроздов

повстанцев Ивана Маловского он был убит с потрясающей даже для того страшного времени жестокостью. Ему отрезали уши, выкололи глаза, вырвали кузнечными клещами зубы, переломали руки и доби- ли двухпудовым жерновом.

Труп Василия Петровича на лошадях селянина Михаила Возного вывезли в урочище Хлевище близ Гудорова леса и погребли в старом окопе, недалеко от могилы Н.Кузнецова. Уже в сентябре 1959 года, в рамках расследования уголовного дела по обвинению бывшего повстанца Юлиана Данильчука, старший следователь УКГБ по Львовской области капитан Рубцов постановил эксгумировать останки В.Дроздова на месте, указанном свидетелем М.Возным. Сам же И.Маловский и его сын Петр закончили жизнь трагически – проболтавшись о ликвидации В.Дроздова, они были задушены «цуркой» (как называли в подполье ОУН гаротту), а их трупы сброшены в двадцатиметровый колодец в местности с колоритным названием Лысая гора.

Эстафету В.Дроздова принял один из ближайших соратников Кузнецова Николай Струтинский, ставший офицером госбезопасности. Он, бывшие партизаны и коллеги из КГБ опросили сотни жителей, изучили массу уголовных и розыскных дел по участникам ОУН и УПА, пешком прошли предполагаемый маршрут следования группы Кузнецова к линии фронта. К расследованию подключился ассистент кафедры судебной медицины Львовского медицинского института Владимир Зеленгуров с 13-летним стажем судмедэксперта.

Место, где немцы перезахоронили «коллегу», показали местные жители. 16 сентября 1959 года в урочище Кутыки прибыли для проведения эксгумации сотрудники львовского УКГБ М.Рубцов и И.Дзюба, Н.Струтинский, помощник областного прокурора И.Колесников, судебный эксперт В.Зеленгуров и понятые – боратинцы В. и Н. Громьяки. «Начнем, Николай», – сказал Струтинскому И.Дзюба и протянул заступ. Лопаты вскрыли начиненную осколками землю... К сумеркам 17 октября останки были извлечены. Возникла задача их идентификации на предмет принадлежности Н.Кузнецову.

25 сентября 1959-го во Львовском городском судебно-медицинском морге провели судебно-медицинское исследование эксгумированных костей, составили протокол. Оказалось, что костные останки (103 фрагмента) принадлежат мужчине 33-35 лет, ростом 175, 4 см,

смерть которого наступила около 15 лет назад. Имелись обширные механические повреждения лицевого черепа, ключицы, костей грудины, кисть правой руки отсутствовали вовсе. «Судя по характеру и расположению повреждений, травма могла быть причинена металлическими осколками разорвавшейся гранаты спереди и вблизи тела пострадавшего».

На глаза Струтинскому попался труд «Восстановление лица по черепу» знаменитого ленинградского антрополога, доктора исторических наук, профессора Михаила Герасимова из Института этнографии АН СССР, разработавшего оригинальную методику восстановления прижизненного внешнего облика человека по костям черепа путем сложных расчетов толщины и конфигурации мягких тканей в зависимости от рельефа и других особенностей черепа. Именно М.Герасимову принадлежат пластические реконструкции первобытных людей, облика Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тамерлана и других исторических личностей.

В Ленинграде В.Зеленгуров передал М.Герасимову изувеченную близким взрывом черепную коробку. Реставратор Т.Сурнина тщательно склеила из фрагментов черепную коробку, фотограф Исторического музея М.Успенский изготовил нужные ракурсы фотографии черепа. Негативы фотографий черепа и прижизненного снимка Кузнецова с прочерченными известными антропологу линиями совместили. «Сомнений не оставалось, – сообщил журналистам профессор, – портрет и череп принадлежат одному и тому же человеку. Позже мы узнали, что это был Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов».

Через несколько дней, в октябре 1959-го, львовский эксперт взволнованно сообщил по телефо-

Изучение останков Н.Кузнецова

Эксгумированные останки спецагента «Пуха»

ну: «Герасимов сказал: “Передайте товарищам, что все, что передано на экспертизу, — фотографии, документы и череп — принадлежат одному и тому же человеку”».

Сомнения в принадлежности найденных останков Кузнецову существовали всегда. Как рассказывал автору покойный преподаватель-юрист Львовского университета Владимир Манько, В.Зеленгуров в беседе с ним якобы высказывал скепсис в отношении идентификации останков.

В период «перестройки» история с захоронением Н.Кузнецова получила неожиданное развитие. В КГБ УССР поступили данные, что жители Ровно, бывший корреспондент РАТАУ К.Закалюк и директор Ровенского музея комсомольской славы Б.Шапиевский, «инициативно занялись проверкой обстоятельств гибели и захоронения в 1944 году партизана-разведчика отряда “Победители” Героя Советского Союза Н.И.Кузнецова и его соратников И.В.Белова и Я.С.Каминского».

Оказалось, что старожилы села Мильча Дубновского района Ровенской области сообщили поисковикам — в 1944-м на сельском кладбище похоронили трех неизвестных лиц в немецкой форме. С разрешения властей 3-4 августа 1988 года скелетированные останки двух из них эксгумировали и передали в бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава УССР. 10 декабря кости подвергли исследованию с использованием, в том числе, компьютера. Вывод был категоричен:

останки двух мужчин, 25-30 и 35-42 лет, погибших от огнестрельных ранений головы, не могут принадлежать Н.Кузнецову, И.Белову и Я.Каминскому. Лишним подтверждением стало и то, что Кузнецов имел травму левой кисти от разрыва противотанковой гранаты в 1943 году, чего на останках неизвестных немцев не обнаружили...

Похороны Героя Советского Союза Н.Кузнецова прошли во Львове, на воинском кладбище Холм Славы 27 июля 1960 года. На них, кроме тысяч горожан, присутствовали 120 бывших партизан-медведцев со всего Союза. Личность его была канонизирована, он стал героем многих книг, фильмов и бесчисленных газетных публикаций.

Деятельность Николая Кузнецова и сейчас таит немало загадок. Так, 25 мая 1943-го он прибыл в кабинет Э.Коха вместе с «невестой» Валентиной Довгер (сотрудничавшей с «Победителями») для получения разрешения на брак с фольксдойче. Стояла задача ликвидации палача украинского народа. Однако стрелять бесстрашный и дерзкий «Пух» почему-то не стал. Советская литература объясняет — рейхскомиссар разговорился и дал понять «земляку Зиберту» — не время отсиживаться в тылу, под Курском и Орлом грядут жаркие боевые дела. Кузнецов якобы смекнул, что речь идет о готовящемся наступлении и поспешил к своим с важной новостью. К тому же рядом с Кохом сидела специально обученная овчарка и охрана, повествует классическая литературная версия. Странно другое — опытный германский чиновник-педант запанибрата стал распространяться о планах судьбоносной кампании перед каким-то окопником, вознамерившимся создать крепкую истинно арийскую семью. Впрочем, в жизнеописаниях Кузнецова советских времен настолько переплетены факты с фантазиями в стиле «экшн», что разобраться практически невозможно. Остается только верить.

Шеф разведки СБ Закордонных частей ОУН Степан Мудрык, австрийский писатель Хуго Беер, российский историк Григорий Набойщиков считают, что Кох мог быть завербован советской спецслужбой, и Кузнецов вовсе не собирался его убивать — скорее, выступал связным. Это, разумеется, версия, предположение.

Но вот что непонятно. Палач Украины Эрих Кох в 1958 году, представ перед польским судом, на заседаниях вдруг объявил о симпатиях к Советскому Союзу. Ставил себе в заслугу противодействие планам

Профессор Михаил Герасимов с черепом «Пауля Зиберта»

Похороны останков Н. Кузнецова во Львове

своего шефа, министра по делам Восточных территорий Альфреда Розенберга по созданию Украинского государства (тот и в самом деле предлагал не понравившийся фюреру проект союзной Украины от Карпат до Кавказа).

Получил смертный приговор, но ... жил и здравствовал в местечке Барчево недалеко от польского города Ольштын. Камерой служила просторная комната с телевизором, библиотекой, ему даже поступала свежая западная периодика! Военный преступник спокойно прожил 90 лет и преставился в 12 ноября 1986 года.

Отставной полковник КГБ, кавалер ордена Ленина и участник «борьбы с политическим бандитизмом» Николай Струтинский после распада СССР от греха подальше переехал из столицы «украинского Пьемонта» в тихие Черкассы, где и умер.

Материалы эксгумации и идентификации останков Н. Кузнецова долгое время служили учебно-методическим пособием «Эксгумация трупа» на кафедре судебной медицины Львовского мединститута, а затем оказались в «чекистском кабинете» Высших курсов КГБ СССР в Киеве.

Дело Николая Кузнецова хранится в архивах Федеральной службы безопасности Российской Федерации и будет рассекречено не ранее 2025 года. Почему хранят в секрете, казалось бы, широко растиражированные деяния супербоевика «Пуха»?

*Полковник
Николай Струтинский
(фото 1970-х годов)*

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ В ГЕНЕРАЛА ВАТУТИНА. СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ СПЕЦСЛУЖБ

Реальные обстоятельства тяжелого ранения, повлекшего смерть видного советского военачальника, командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Ватутина, десятилетиями излагались советской историографией и пропагандой, мягко говоря, не точно. А попросту — замалчивались. О том фатальном для полководца дне мы расскажем языком неизвестных широкой общественности документов из архивных фондов советских органов госбезопасности и Компартии (большевиков) Украины.

Двадцать послевоенных лет о смертельном ранении командующего 1-м Украинским фронтом Николая Ватутина не принято было распространяться. Официозная «История Великой Отечественной войны» отделилась общими фразами: машину генерала «обстреляли по-разбойничьи, из-за угла, украинско-немецкие националисты» (этот совершенно бессмысленный термин применялся по отношению к движению ОУН и УПА, выступавшему под лозунгом «борьбы против империализмов Москвы и Берлина»).

Только в 1965 году, когда освободителю Киева посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, появилась утвержденная свыше версия случившегося — статья члена Военного совета 1-го Украинского Крайнюкова, бывшего в тот день под огнем с Ватутиным. Автор, естественно, давал героизированную картину случившегося тогда поистине нелепого боевого столкновения и умолчал о многих невыгодных для казенной истории войны подробностях.

О событиях, предшествовавших ранению Н. Ватутина, дает представление справка, составленная 1 марта 1944 года заместителем начальника Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-майором Беляновым. 29 февраля около 16.30 Военный совет фронта завершил работу в штабе 13-й Армии генерал-лейтенанта Пухова (Ровно) и выехал в штаб 60-й Армии (Славута, Хмельницкая область). Офицер по особым поручениям комфронта полковник Семиков направил офицера оперативного отдела штаба фронта майора Белошицкого разведать возможные пути следования

начальства. Майор предложил три маршрута, наиболее приемлемым из которых был Ровно—Здолбунов—Острог—Славута.

Добросовестный майор доложил Пухову, что, по данным разведки, накануне у села Гоша на Ровенщине произошел ожесточенный бой между партизанами и отрядом УПА, а местные жители сообщают о многочисленных группах повстанцев, действующих вдоль потенциальных маршрутов передвижения штаба фронта.

Однако опытный боевой генерал Пухов почему-то проявил не то беспечность, не то халатность, и не предложил Ватутину полагавшееся в таких случаях по рангу прикрытия бронетехникой и отрядом автоматчиков (и это при том, что Ватутин командовал самым мощным на то время фронтом Второй мировой войны — две танковые, семь общевойсковых и воздушная армии). Меры предосторожности, с позволения сказать, ограничились высылкой «студебекера» со взводом солдат для разведки маршрута.

Около 19:30 29 февраля кортеж из четырех машин, в которых находились Ватутин, Крайнюков, 10 штабных офицеров и лишь несколько бойцов охраны, подъехал к окраине села Милятин на границе Ровенской и Хмельницкой областей. В поселке, говорится в документе, слышалась стрельба (?). Любопытный командир в такой ситуации дает команду «увеличить скорость», дабы быстрее миновать опасный участок и быть готовыми к открытию огня с хода. Однако Ватутин почему-то остановил кортеж и приказал майору-порученцу «пойти разобраться», что происходит в селе.

И вот тут машины попали под обстрел повстанцев, занявших выгодную позицию за хатами, взяв противника в «клещи». Садясь в машину, Ватутин получил пулевое ранение, деликатно говоря, в верхнюю часть правого бедра, была раздроблена кость. Водитель Крайнюкова Моноселидзе испугался и рванул с места боя (впоследствии предан суду). Бойцы охраны, которая «энергично отстреливалась», Кочетков и Царев, усадили истекавшего кровью полководца в «додж», но джип вскоре перевернулся. Далее генерала везли на «виллисе», но и тот застрял в непролазной грязи. В ближайшем селе реквизировали сани, на них доставили высокопоставленного раненого в госпиталь № 506 13-й Армии. Квалифицированную помощь он получил лишь спустя

пять часов, а затем самолетом был отправлен в последнее земное пристанище – киевский военный госпиталь.

Предчувствуя лютый гнев Верховного главнокомандующего, должностные лица, допустившие трагедию, запустили механизм бюрократических отписок. 2 марта нарком внутренних дел СССР Василий Рясной направил заместителю главы НКВД СССР Чернышеву докладную с описанием милятинского ЧП. В документе отмечалось, что кортеж командующего подвергся нападению 30-40 «бандитов», охрана оборонялась, однако нападавшим удалось окружить одну из машин и убить находившихся в ней трех военнослужащих. Так завуалированно говорилось о потере святая святых – документов боевого планирования штаба фронта! В машине находились документы Ватутина и его шинель...

Однако вскоре в бумагах уже фигурировала «банда в 300-350 человек, напавшая на товарища Ватутина». Реабилитируясь, в район столкновения перебросили части войск НКВД, начались зачистки, в ходе которых полегла часть повстанцев, принимавших участие в милятинской перестрелке. Всего же за 20 последующих дней в ходе 65 оперативно-войсковых операций уничтожили 1129 повстанцев (не приходится сомневаться, что на скорую руку ликвидировали и простых крестьян, так как количество «ликвидированных бандитов» значительно превышает отчетное число захваченных «стволов»).

С 1943 года на Волыни действовала компактная оперативная группа Наркомата госбезопасности СССР «Тайга», частично состоявшая из поляков. На то время в оккупированном немцами регионе действовала мощная сила – 27-я дивизия польской Армии Крайовой (АК). Сама Волынь с лета 1943-го стала ареной печально известной «Волынской резни», этнической чистки, унесшей жизни десятков тысяч мирных украинцев и поляков. АК проводила операцию «Буря» по взятию под контроль волыньских земель, а тогдашний командующий УПА Дмитрий Клячковский («Клим Савур») отдал приказ об уничтожении польской общины края.

«Тайге» поставили задачу сбора сведений как об АК, так и УПА, проведения мероприятий по разложению других повстанческих формирований антисоветской направленности. О профессионализме опергруппы свидетельствует то, что ее работы лично курировал на-

чальник 4-го Управления НКВД-НКГБ (зафронтовая разведывательно-диверсионная и террористическая деятельность) генерал-лейтенант Павел Судоплатов. Разведчики «Тайги» с 1 по 12 марта 1944-го усердно занимались розыском нападавших на Ватутина и выяснением обстоятельств происшествия.

Уже 9 марта из Гоши главе НКГБ СССР, комиссару госбезопасности 3-го ранга Сергею Савченко «Тайга» направила спецсообщение с собранными от агентуры «по горячим следам» сведениям. Утверждалось, что в нападении на генерала принимали участие диверсионная группа Службы безопасности (СБ) окружного провода ОУН под командованием «Черкеса», бойцы сотни УПА «Жука» – Алексея Калынюка из села Михалковцы Острожского района Ровенщины, а также участники боевой группы (боевки) СБ ОУН Феодосия Павлюка из села Колесники Гошанского района (всего не более 100 штыков). Подразделения повстанцев «оседлали» дорогу между селами Сеянцы и Милятином, а люди Ф.Павлюка прикрывали основные силы у Милятина (как видим, в селе находилось небольшое подразделение).

Офицер и солдат Внутренних войск НКВД – участники операции по ликвидации Дмитрия Клячковского – «Клима Савура» (12 февраля 1945 года)

Судя по всему, повстанцы и не знали о проезде командующего фронтом и, вероятно, вели произвольный поиск противника в отведенном им районе. Дело в том, что согласно приказу командования УПА от 26 ноября 1943-го и тактической инструкции Главного войскового штаба УПА повстанцы, до того наносившие ощутимые удары по немецким оккупантам, обязывались ограничить столкновения с немцами лишь обороной при их насильственных действиях против населения «акциями мести» и готовиться к войне с основным противником — Красной армией.

Версия советской стороны о перестрелке в селе выглядит сомнительной, ведь так повстанцы могли демаскировать засаду. По данным «Тайги», среди людей «Черкеса» был некий «видный немец». Скорее всего, речь идет о старшем офицере гитлеровского разведоргана, ведь с 1944 года в интересах борьбы с основным противником — сталинским режимом — командование УПА налаживает конъюнктурное сотрудничество с Абвером в разведывательно-диверсионной сфере. В среде повстанцев только в плен советской стороной было захвачено до 300 немецких военнослужащих, в основном сотрудников спецслужб, а отдельные «солдаты фюрера» находились в подполье до 1947 года, когда их целенаправленно ликвидировала СБ ОУН.

Скорее всего, именно «видный немец» и передал своим ценные документы полководца. После взятия советскими войсками Львова (27 августа 1944-го) было захвачено немало документов нацистских спецслужб о взаимоотношениях с украинскими повстанцами. Их обзор С. Савченко направил главе НКВД УССР генерал-лейтенанту В. Рясному 23 февраля 1945 года.

Трофейные бумаги свидетельствовали, что начальник полиции безопасности дистрикта «Галичина» обер-штурмбанфюрер СС Витиска сообщил в РСХА группенфюреру Мюллеру: немцам поступили и захваченные в случайном столкновении 29 февраля 1944 года документы командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Ватутина.

Интересен и другой факт, выявленный «Тайгой». Среди участников боя якобы был лейтенант венгерской армии, запросто попавший в лоб противнику из винтовки с дистанции в полкилометра.

Именно он, если верить оперативным источникам, и произвел роковой выстрел в полководца.

Тема нападения на Ватутина постоянно находилась в поле зрения органов госбезопасности. Свою версию случившегося изложил на допросах командир соединения УПА «Холодный Яр» Евгений Басюк («Черноморец»), захваченный НКВД в 1944 году. По его словам, в Милятине пребывало всего 12 бойцов боевки СБ «Примака» из Славуты и несколько местных ополченцев из «самооборонного отдела». Захваченные врасплох прибытием кортежа, они приняли бой, сосредоточив огонь на первой машине, затем брошенной противником. В ней нашли штабные документы, передав их шефу краевого провода ОУН Волыни Мыколе Козаку-«Смоку» (ранее — руководителю краевой референтуры СБ), а трофейную генеральскую шинель донашивал интендант куреня УПА «Богун».

Боевку «Примака» вскоре ликвидировали в боях. Интересно сложилась судьба самого Е.Басюка. Став сотрудничать с органами госбезопасности, он возглавил одну из спецгрупп, действовавших под видом нелегалов ОУН, для проведения «тонких чекистских мероприятий» по разложению подполья и печально прославившихся «нарушениями социалистической законности». После войны любил выдавать себя за офицера МГБ, сохранилось фото Басюка в форме капита-

Евгений Басюк

на госбезопасности. Однако за мародерство и вымогательство попал под трибунал, получив в 1948 году 25 лет лагерей.

Дополнительные сведения о нападении сообщил на допросах в МГБ УССР в апреле 1946-го бывший командир Группы УПА «Восток» Федор Воробец («Верещака»). Ему поступили отчеты руководителя местного надрайонного провода ОУН «Ворона» и рапорт командира его личной охраны сотника «Деркача» (действовавших в советской униформе для компрометации противника). Эти документы также подтвердили захват штабной машины с документами Н. Ватутина.

Сопоставление изученных нами документов сторон дает возможность сформулировать некоторые оценки обстоятельств ранения полководца. Прежде всего, нет никаких оснований говорить, вопреки утверждениям советской пропаганды, о преднамеренном нападении или засаде украинских повстанцев на военачальника. Имела места случайность, обычное дело на войне, а поскольку стороны находились в состоянии войны, то и события развивались вполне по ее законам.

Бой в Милятине был скоротечным, неорганизованным, спонтанным для обеих сторон, заурядная стычка, но повлекшая тяжких последствий. Получил тяжелое ранение крупный военачальник, внесший немалый вклад в развитие военного искусства, включая проведение операций по окружению значительных группировок противника и организации глубокой обороны.

Наконец, имела места элементарная легкомысленность в организации охраны военачальника, данные разведки просто игнорировали. Вездесущность противника, особенности повстанческой тактики недооценили, а то и просто отмахнулись от угрозы со стороны иррегулярных вооруженных форми-

Федор Воробец – «Верещака»

Николай Козак

рований, действовавших в хорошо знакомой им местности. Ведь по выкладкам военных теоретиков, один партизан приковывает к себе 10 солдат регулярной армии, а Н. Ватутина охраняла горстка солдат да офицеры с табельными ТТ (милятинские повстанцы имели и ручные пулеметы).

Наконец, трудно признать адекватными и действия самого военачальника, принявшего решения за сотни тысяч солдат и офицеров...

Лечение Ватутин проходил в Киеве, будучи на попечении военных медиков, поставивших за войну в строй 72% раненых советских воинов. Несмотря на временное улучшение, состояние внезапно ухудшилось. Пришлось ампутировать ногу, начался сепсис, жар. Никита Хрущев утверждал, что Ватутина можно было спасти, но болезненно подозрительный Сталин запретил применять пенициллин американского производства – своего-то еще не имели.

15 апреля 1944 года Николай Ватутин скончался и похоронен в Мариинском парке в центре Киева, где сейчас стоит величественный памятник от «признательного украинского народа». Справедливости ради следует сказать, что именно И. Сталин осадил излишне ретивых «москowsких товарищей», отвергавших «националистическое» предложение захоронить полководца в столице Украины. Теперь это уже часть нашей общей истории.

«ПОКУШЕНИЕ ВЕКА» ИЛИ МИСТИФИКАЦИЯ СПЕЦСЛУЖБ?

...Захватывающую историю о разоблачении «матерых агентов» РСХА Таврина и Шиловой автор этих строк впервые узнал в школьные годы из журнала для «красногалстучной детворы». В свою очередь, тиражированию сего шпионского триллера в масскульте брежневской эпохи в 1971 положила начало статья Андрея Соловьева «Сентябрь сорок четвертого» в журнале «Смена». Время было как раз подходящее: соперничая с фаворитом генсека, главой МВД Николаем Щелоковым, опекавшим «милицейские музы», Комитет госбезопасности во главе со стихотворцем Юрием Андроповым прилагал усилия для воспевания нелегкого труда чекистов.

Затем А.Соловьев изложил ее под названием «Последняя ставка» в авторском сборнике «Волки гибнут в капканах», там же публикуют фото террориста и его экипировки (М.: Воениздат, 1976). Кочуя по страницам советских изданий, сюжет обрастал художественными подробностями вроде сельского деда, который попросил закурить у храброго майора и «аж заколдобился», увидев увешанную орденами грудь горе-террориста: «Вот это иконостас!».

Историю с вражинами Шиловой-Тавриным канонизировала «История советских органов государственной безопасности», изданная в 1977 году под редакцией В.Чебрикова, да и всякая мало-мальски заметная статья о деяниях контрразведки в годы войны в ведомственных изданиях не обходилась без упоминания операции «Перехват».

«Классическая» версия такова. 5 сентября 1944 года близ поселка Карманово Смоленской области задержали следовавших на мотоцикле «заместителя начальника отдела СМЕРШ 39-й Армии 1-го Прибалтийского фронта, Героя Советского Союза, кавалера 5 орденов Петра Таврина и секретаря того же отдела мл.лейтенанта Лидию Шилову». За линию фронта их якобы доставил специальный самолет «Арадо 332». При обыске у них обнаружили свыше 120 печатей и штампов для изготовления документов, свыше 500 бланков документов на все случаи жизни, крупную сумму денег, несколько пистолетов, магнитную мину, радиопередатчик, шифрблокноты и другое крайне необходимое террористу-диверсанту хозяйство. Но главное – чудо-

оружие «панцеркнакке», компактный гранатомет, способный пробить сорокамиллиметровую броню и носимый в рукаве шинели.

Таврин с боевой подружкой объявились, утверждают приверженцы канонической версии, для осуществления покушения на Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина, разработанного в РСХА и санкционированного лично его главой рейхсфюрером СС Гиммлером. Настоящая фамилия Петра Таврина – Шило, из семьи кулака на Черниговщине, рецидивист-расстратчик, объявленный во всесоюзный розыск. Принял чужую фамилию, в мае 1942 года командир роты Шило-Таврин добровольно сдался с оружием противнику. Предварительно прошел специальную подготовку на курсах «Ораниенбург» в часе езды от Берлина. Лидия Бобрик до войны закончила Винницкий мединститут. Обучалась в радиошколе спецоргана «Цеппелин» в Риге. Земляки, получается.

Писано-переписано, а вопросы остаются. Начнем с багажа. Представьте себе эдакого офицера-«мешочника» с тремя чемоданами компромата (груда поддельных документов, штампы и т.п.), на скоростном мотоцикле непонятной марки, при себе целый арсенал и пол-«лимона» рублей (428 тысяч, дают точную цифру некоторые публикации). И в таком экзотическом виде «Герою Советского Союза» предстояло добратся до Москвы, действовать в условиях особого контрразведывательного режима военного времени, проникнуть в Кремль!

Теперь о якобы имевшихся при нем фотографиях. Петр Шило явно рвался в камикадзе, раз отправился в тыл противника с трогательным набором карточек «на добрую память» с боевой подружкой Лидой Бобрик (в «расстрельных» документах она почему-то именуется Адамчик), с наставником Грайфе (начальником восточного отдела Главного управления имперской безопасности, оберштурмбанфюрером СС).

*Петр Шило-Таврин и
Лидия Бобрик*

Спрашивается, а чем думал сам оберштурмбанфюрер, устраивая перед вылетом своего питомца на задание (как сообщают авторы многочисленных публикаций) фотосессию с «любимцем Отто Скорцени»? Неужели так наплевательски относился к году «доводки» суперагентов усилиями «десятков подразделений» нацистских спецслужб и потраченным 5 млн. марок? Да и быть такого не могло в принципе — ведь Г.Грайфе погиб в автокатастрофе еще в июне 1944 года! Наконец, известный кинооператор Вилен Калюта однозначно оценил эти фото как «плохо сфабрикованную подделку» (см.: *Шлаен А. Волчья охота // Зеркало недели. — 2000. — 23 декабря. — С.18*).

Нет у «шиловедов» и единого мнения о причинах молниеносного разоблачения террористов. То ли упреждающая информация поступила из Риги, где кроили в секретном ателье СС спецпальто с широким рукавом под чудо-оружие рейха «панцеркнакке». То ли оперативно сработала некая «очаровательная фрау Зейферт» с передатчиком в подвале (выходит, после разгрома «Красной капеллы» радиоконтрразведка немцев совсем мышей не ловила) и к утреннему чаю Абакумову поднесли сообщение о злом умысле супостата против Вождя — его непосредственного начальника (фамилию репрессированного генерал-пол-

«Офицер СМЕРШ Таврин» и оберштурмбанфюрер Г.Грайфе

ковника, понятное дело, в статьях не называли). А может, всё решила наблюдательность безвестного патрульного — одежда у четы Тавриных сухая, а там, откуда они якобы следовали, всю ночь хлестал дождь.

Попутно призываем тех читателей, кому доводилось стрелять из гранатомета, представить, что приключилось бы со стреляющим из этого оружия «из рукава». Сомневаемся, чтобы Шило, не давший себе малость укоротить ногу во имя совместной победы над «коммуно-жидовским режимом» (для имитации тяжелого ранения) пожелал бы разлететься на куски.

Хваленый супернадёжный «Арадо-332» не выдержал испытания российской глубинкой и сломался при посадке. По утверждению чекистов, три члена экипажа были задержаны, один убит, а двое разыскивались.

Автор изучил некоторую литературу по истории ВВС нацистской Германии. В специальных публикациях этот самолет спецназначения правильно называется «Арадо-232». Он имел дальность полета 1060 км, полезную нагрузку в 4,5 тонны, 11 пар шасси, позволявших садиться на неподготовленную площадку, экипаж в 2 человека (а не в 6, как утверждает). Всего выпустили 22 таких самолета двух модификаций в статусе экспериментальных, передав большинство из них эскадре спецназначения KG 200.

Я, конечно, не специалист по авиации рейха, а вот знатокам стоило бы отследить судьбу «Арадо-232» — модели, безусловно, существовавшей: закончил ли летательный аппарат свой путь в смоленских лесах.

Заметим еще одну странность: нам нигде не встретилась хотя бы одна фамилия непосредственных участников задержания (чего же тут стесняться?), нет сведений о награждении отличившихся. Правда, Виктор Абакумов получил орден Кутузова 1-й степени, словно провел успешную фронтную операцию. Значит, лавры достались армейской контрразведке, хотя в открытых публикациях фигурируют абстрактные «советские контрразведчики». Вряд ли это случайность, ведь Абакумов пользовался расположением Сталина, являлся его заместителем по Наркомату обороны СССР. Нигде нет упоминаний — докладывалось ли Верховному о готовившемся покушении. Но, судя по награждению, Абакумов, находившийся на карьерном взлете,

*Начальник ГУКР
СМЕРШ Наркомата
обороны СССР генерал-
полковник
Виктор Абакумов*

ситуацию использовал сполна. Нельзя не вспомнить, что в 1930-е происходит ряд явно сфабрикованных НКВД «покушений» на Сталина – интересующимся рекомендуем книгу Ф.Раззакова «Век террора».

Теперь о «выпускнице рижской радиошколы команды “Цеппелин” Лидии Шиловой». Как писали еще в 1960-х годах сотрудники КГБ, исследователи радиоиhr периода Великой Отечественной генерал-майор В.Барышников и полковник Д.Тарасов, игру «Туман» с участием захваченных террористов «Покровских» начали с запозданием. Во-первых, «желавший искупить вину» и сразу «согласивший работать на советскую разведку» бывший старатель Туринской геологоразведочной партии «Уралзолото» Таврин (туда Шило устроился по фальшивому паспорту в

1940-м) на следствии «вел себя неискренне». Лидия вообще оказалась «двоечницей» — имела слабую радиоподготовку, путала коды, медленно работала на ключе. Немцы, подчеркивают авторы, знали об этом, а посему задержка с выходом в эфир не вызывала у них подозрения. И такую барышню подсунули Таврину для выполнения архиважного задания, не пожалев «мощной портативной радиостанции»! Ведь «проваливались» разведывательные сети того времени, прежде всего, за счет перехвата противником их радиосеансов. Хороша же «личный агент Кальтенбруннера», шефа РСХА!

Обратим внимание и на такое обстоятельство. Опубликованные в советское время для служебного пользования документы ограничиваются спецсообщением о задержании агентов. И ни одного документа — о разработке задержанных, ходе радиоиhr с их участием, хотя в тех же изданиях немало материалов об играх типа «Курьеры», «Монастырь», «Березино», «Арийцы», «Подрывники», «Римская цифра II» и других. А ведь игррой с целью удержания немцев от засылки других террористических групп можно было бы профессионально гордиться (иных задач перед «Туманом» не ставилось, и о достиже-

ниях, кроме дезинформационных связей, имевших якобы место до 9 апреля 1945 года, не известно).

В наше время российские издания, «Лубянка-2», к примеру, достаточно подробно осветили ход куда более масштабных и результативных игр «Курьеры», «Монастырь», «Березино», так что соображениями секретности умолчание вокруг «Тумана» и послевоенной судьбы супругов-террористов вряд ли можно объяснить.

Показательно, что в ведомственных публикациях советского времени нигде не упоминается об оперативном использовании задержанных после окончания войны. Не о чем было говорить? Да и трудно представить себе, что спустя годы после капитуляции Германии кто-либо из оставшихся на свободе немецких агентов проявил самоубийственную преданность бывшим хозяевам и прибыл на явку к «коллегам».

О немцах. Понять гитлеровские спецслужбы, конечно, можно. Надо было срочно поднимать рейтинг при весьма скромных достижениях агентурной разведки. Как признал на допросе 28 мая 1945 г. начальник отдела абвер-3 генерал-лейтенант Бентивеньи, «исходя из опыта войны, мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным противником. По данным... абвера, почти каждый заброшенный в тыл Красной армии немецкий агент не избежал контроля советских органов и в основной своей массе немецкая агента была русскими арестована, а если возвращалась, то, как правило, была снабжена дезинформационными материалами».

А тут еще шеф абвера адмирал Канарис оказался «врагом фюрера и рейха», примкнув к заговору, приведшему к покушению на Гитлера 20 июля 1944 года. Вильгельма Канариса после долгих пыток повесили 8 апреля 1945-го, но уже с 18 февраля 1944 года руководство внешней разведкой перешло в компетенцию ведомства Гимmlера. Не исключено, что засылка террористов преследовала цель укрепления авторитета РСХА. В одной из чекистских монографий некий бывший сотрудник РСХА Джон (вероятно, псевдоним, имя-то вроде не немецкое?) так характеризует статус Таврина — «крупный номер», призванный обеспечить «Цеппелину» «почести, отличия и большие полномочия в разведывательной деятельности». Выразим сомнение в подлинной вере разведки РСХА в успех миссии Таврина. Они должны были понимать утопичность шансов одиночки преодолеть мощную

систему охраны советского лидера. Тем не менее, пошли на засылку агентов из шкурных ведомственных соображений.

Интересная деталь. В сообщении НКВД, НКГБ и ГУКР СМЕРШ от 30 сентября 1944 года о задержании «немецких агентов, заброшенных в наш тыл с целью совершения террористических актов против руководителей» (курсив наш. — Авт.) ВКП (б) и советского правительства» на месте фамилии объекта покушения стоит машинописный прочерк. Не сразу «определились» с жертвой злодейских планов агентов РСХА? А ведь Таврин якобы сразу уверенно назвал мишень — Иосиф Сталин.

Еще один момент. 25 сентября 1944-го упомянутые три советские спецслужбы утвердили «План агентурно-оперативных мероприятий по борьбе с агентами-террористами немецкой разведки». Особое внимание предписывалось обратить на столицу и прилегающие к ней территории, на военнослужащих, сорящих деньгами в ресторанах. Вот и первый сногшибательный результат выполнения плана — богатенький «майор Таврин».

«На огонек» к «Покровским» после войны так никто и не зашел. «Качать» из них пять лет представляющую интерес информацию — абсурд, не того пошиба были изменники. По официальной версии, Петр и Лидия Шиловы приговорены к расстрелу 1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного Суда СССР. Его расстреляли 28 марта, Лидию — 2 апреля. Почему медлили столько лет? Отменой в СССР смертной казни 26 марта 1947-го не объяснишь — ее восстановили по делам о терроризме 12 января 1950 года.

Пришло время дать ответы на многочисленные вопросы. Иного выхода, кроме как документально сделать достоянием гласности ход и детали «дела о центральном терроре», мы не видим. Да и сколько таких канонических историй ждут поверки языком первоисточников...

«БОГ ДИВЕРСИЙ»

«Богом диверсий», «профессором русского Спецназа», «отцом минной войны» называли современники полковника Илью Григорьевича Старинова (1900—2001). Он прошел уникальный жизненный путь длиной в столетие и четыре войны: гражданские в России и Испании, Финскую и Великую Отечественную. Трижды представлялся к званию Героя Советского Союза, пять раз — к генеральским погонам, трижды чудом избегал расстрела. Награждался двумя орденами Ленина, 5 Красного Знамени, Октябрьской Революции, иностранными орденами.

Илья Старинов родился в семье путевого обходчика на Брянщине. В октябре 1917-го стал на сторону большевиков, участвовал в Гражданской войне, где едва не потерял ногу, штурмовал Перекоп, воевал на Кубани и в Закавказье. Весной 1921 года сменил пехотный полк на воинскую специальность сапера и осенью 1922-го выпустился из школы военно-железнодорожных техников в 4-й Коростенский Краснознаменный железнодорожный полк.

Тогда же стал задумываться над проблемой создания портативных мин для подрыва вражеских эшелонов, настойчиво работал с технической литературой. С 1924 года принимал участие в масштабной работе по подготовке к подрыву при приближении врага мостов, станционных сооружений и путей. Талантливого минера поддержал лично командующий Украинским военным округом Иона Якир.

Практику саперного дела Илья стремился сочетать с изобретательством и научными поисками — его статьи в журнале «Война и техника» привлекли внимание известного военного инженера Дмитрия Карбышева. Тогда

Илья Старинов (сидит) — военный железнодорожник (1922 год)

же, в 1920-х, судьба надолго связала Старинова с искусством партизанской борьбы.

...В 1925 году по инициативе главы военного ведомства СССР Михаила Фрунзе и главы ОГПУ Феликса Дзержинского началась подготовка к партизанским действиям на случай войны с «буржуазным миром». В стране развернули сеть спецшкол, готовивших командиров партизанских отрядов, радистов, подрывников. Пять школ Украинского округа обучили 80 диверсионно-организаторских групп (600 профессионалов), способных действовать в тылу противника.

В этих учебных заведениях преподавал и Старинов, в мастерской-лаборатории он создал «угольную» мину – закамуфлированную под кусок угля взрывчатку, срабатывавшую в топке паровоза, а также мину-«сюрприз» для обороны мостов от диверсантов. В западных регионах осели на жительство организаторы подпольных групп, овладевшие для прикрытия гражданскими ремеслами. Были созданы образцы минно-взрывной техники, отлично зарекомендовавшие себя во время гражданской войны в Испании. С 1929 года И.Старинов непосредственно готовил кадры диверсантов, в том числе – из польских и китайских интернационалистов в спецшколах Киева, Харькова и Купянска.

В годы «Большого террора» немало «профи»-партизан репрессировали. «Произошло так, что к моменту гитлеровской агрессии против СССР, – писал в 1983 году в закрытом учебнике для спецназа И.Старинов, – новые кадры партийных руководителей... не имели представления об искусстве партизанской войны. Это в равной степени относилось к командному составу Красной Армии... Недооценка искусства партизанской войны, роли партизанских сил советским военным командованием в ходе Великой Отечественной войны негативно отразилось не только на действиях регулярных армий, попавших в окружение, но и на рациональном использовании партизанских сил в интересах военного командования».

В мае 1935-го Старинов с отличием закончил Военно-транспортную академию и получил назначение в Наркомат путей сообщения. Через год подал рапорт наркому обороны с просьбой отправить его в Испанию – обучать республиканцев навыкам войны в тылу армии Франко. Было получено «добро» от начальника Разведывательного

управления (РУ) РККА Я.Берзина и на Пиренеях появился новый военный советник – «товарищ Рудольфо». Старинов сам водил диверсионные группы на рискованные операции, обучал кадры диверсантов.

Но главной его заслугой стало создание уникального зафронтового формирования – 14-го партизанского корпуса, причинившего немало хлопот франкистам: провел свыше 200 диверсий, в результате которых ориентировочно погибло свыше 2000 врагов. За 10 месяцев диверсанты Старинова одних только эшелонов подорвали свыше ста, а лучшие немецкие и итальянские саперы постоянно вынуждены были разгадывать секреты все новых и новых взрывных устройств и мин. Тем временем в СССР уже свирепствовали незаконные репрессии, забравшие лично знавших Старинова военачальников.

На Родине военинженера 3-го ранга тепло встретил нарком обороны маршал Климентий Ворошилов, обещавший награду и назначение с повышением. Однако... последовал вызов в НКВД. Тут ему припомнили знакомство с «врагами народа» Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Берзиным и другими репрессированными военачальниками. Выпытывали: «Для чего вы закладывали тайные партизанские базы вблизи границы?» От верной гибели спас звонок Ворошилова «железному наркому» Николаю Ежову, дескать, Старинов искупил вину в Испании, маленький человек, сами с ним разберемся...

Правда, вскоре «разобрались» с самим Ежовым, а Старинову 17 февраля 1938-го присвоили звание полковника, в марте назначили начальником Центрального научно-испытательного полигона Красной Армии. Тут он развернул массовые испытания взрывных заграждений на железных дорогах и мин замедленного действия, разрабатывал нормативные документы по саперному делу.

Началась печально известная Зимняя война 1939–1940 годов с Финляндией, где на одного убитого защитника Суоми пришлось 10 погибших красноармейцев. Одну из ведущих ролей финны отводили сплошным минным заграждениям, прикрывавшим мощ-

Илья Старинов
(1940 год)

нейшие укрепления «линии Маннергейма». Как начальник Группы разминирования, полковник на Кировском заводе в Ленинграде, совместно со знаменитым конструктором тяжелых танков Ж.Котиним за сутки создали подвесной минный трал. 11 февраля 1940-го, перед штурмом второй полосы укреплений «белофиннов», Старинова ранил вражеский снайпер, два месяца пролежал он в госпитале, хирурги с трудом спасли правую руку.

Новое назначение последовало на должность начальника отдела заграждения и минирования Главного военно-инженерного управления РККА. Тут пришлось вести неравную борьбу с апологетом наступательной войны маршалом И.Куликом и его крохотными нормами снабжения войск минами (к чему они, дескать, в войне «малой кровью, могучим ударом», мин заготовили вдвое меньше от необходимого, а мин-сюрпризов и замедленного действия армия не получила вообще). Страна зачитывалась романами Николая Шпанова, где Германия рассыпалась под ударами танковых армий, а немецкие пролетарии пели «Интернационал» на фоне пылающих налетов советских тяжелых бомбардировщиков заводов Рура...

Стремительное продвижение гитлеровцев заставило вспомнить о зафронтовой работе. Однако отсутствовал единый орган руководства – партизанско-подпольные формирования создавали НКВД и армейская разведка, партийные и комсомольские органы. В первые месяцы войны в западных областях СССР наспех сформировали 4700 партизанских отрядов и подпольных групп (более 100 тысяч человек). Почти все они были ликвидированы к концу 1941 года.

В годы войны Илья Григорьевич возглавлял Оперативно-учебный центр Западного фронта, служил командиром 51-й инженерной бригады спецназначения, помощником начальника Центрального штаба партизанских действий (ЦШПД) по диверсиям, начальником Украинского штаба партизанских действий (с мая 1943-го), заместителем начальника Польского штаба партизанских действий (с мая 1944-го), начальником штаба военной миссии при главкоме Югославской народно-освободительной армии. Маршал Йосиф Броз Тито и полковник-диверсант прониклись друг к другу искренней симпатией. Довелось столкнуться и с повстанцами на Западной Украине: «чет-

вертую войну воюю, – отмечал он в личной переписке в феврале 1944 года, – но нигде не встречал такого враждебного отношения, как в освобожденных районах Тернопольской области».

Подсчитано, что под непосредственным руководством полковника в годы войны подорвано 156 средних и крупных мостов, «адские машинки» его конструкции пустили под откос 12 тыс. эшелонов противника (среди его изобретений – «поездная мина Старинова» и «мина автомобильная Старинова»). Его зафронтовая школа – свыше 2 тыс. специалистов минно-взрывного дела.

Следует отметить, что принципиальные оценки И.Стариновым просчетов в организации партизанской войны и его «диссидентские» суждения, шедшие вразрез с историей «священной коровы» – советского партизанства, – становились жертвой цензурных ограничений даже в трудах с грифом «секретно», а некоторые работы увидели свет лишь после распада СССР. Бестселлером же стала его открытая книга «Мины ждут своего часа» (1964 год).

После войны И.Старинов занялся непривычной для матерого диверсанта созидательной работой на посту заместителя начальника Управления восстановительных работ на железнодорожном транспорте. В 1946-м возглавил спецкафедру тыла Военного института Министерства госбезопасности. Здесь под его руководством начала формироваться научная школа специалистов по истории и теории партизанской борьбы.

В 1956 году уволился с военной службы, сотрудничал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, участвуя в подготовке 6-томной истории Великой Отечественной войны. Бескомпромиссная научная позиция ветерана, возражавшего против явных фальсификаций истории партизанского движения, не всем нравилась, возник конфликт с куратором идеологии, секретарем ЦК П.Поспеловым: «Неужели вы думаете, – вопрошал компартийный академик, – что без партийного руководства партизаны могли бы что-нибудь сде-

*Маршал
Йосиф Броз Тито*

*«Главный диверсант»
Красной Армии
Илья Старинов*

лать?» — «Могли, но не все», — последовал ответ. Вскоре должность старшего научного сотрудника пришлось оставить.

С 1958 года начинается научно-педагогический этап его жизни. Кандидат технических наук, профессор Илья Старинов в 1963 — 1973 годах преподавал в учебных заведениях КГБ. Выступил автором и соавтором свыше 150 монографий, учебных пособий, статей, учебно-методических разработок и других трудов.

Настоящей настольной книгой советского спецназа считалась его книга «Партизанская война» (1983 год), написанная совместно с бывшим партизанским командиром из Украины, Героем Советского Союза Петром Брайко. В

ней излагается история партизанского движения от наполеоновских войн до войны во Вьетнаме, содержатся рекомендации по организации борьбы в тылу противника в различных природно-климатических зонах мира, «полезные советы» по технике диверсионно-подрывного ремесла вплоть до того, как с помощью обычной настольной лампы устроить поджог во вражеском учреждении. Выходят его книги для бойцов тайного фронта «Диверсии и противодиверсионная защита», «Роль партизанской борьбы в современных условиях», «Основы тактики партизанской борьбы», «Оперативное искусство партизан», пособия по подготовке сотрудников спецслужбы к организации партизанского движения на оккупированной территории.

Профессор внимательно и критически анализировал опыт повстанцев Алжира, Вьетнама, Гвинеи-Бисау и Анголы, палестинских фидаяев, заочно полемизировал с лидером «городских партизан» Бразилии Маригеллой. Высоко оценивал практику и труды Мао Дзе-дуна по «длительной народной войне», что в тех условиях было явной идеологической крамолой. Одним из первых старый диверсант указал на необходимость подготовки к городской партизанской войне, так распространившейся в послевоенный период: «Парализовать крупный административный и промышленный центр изнутри намного лег-

че, чем захватить его снаружи... Ведь большой город — это каменные джунгли». Разрабатывал проблемы организации и управления партизанством, его разведывательного и контрразведывательного обеспечения, разведывательно-диверсионных действий и спецпропаганды. В 1975-м стал почетным сотрудником органов госбезопасности.

В 1969 году на режимном объекте в подмосковной Балашихе начали работу Курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) КГБ СССР. Их задачей стала подготовка сотрудников к действиям в составе оперативно-боевых групп на территории противника в «особый период» или в его тылу в военное время — на то время советская спецслужба не имела подразделений, способных вести разведывательно-диверсионные действия на вражеской территории. Одним из инициаторов организации КУОС выступил И. Старинов, здесь же он преподавал до 1986 года. Наряду с учебным процессом на курсах велась солидная научно-исследовательская работа по истории и теории разведывательно-диверсионного дела, по специальной проблематике.

Работы «профессора диверсий» были чрезвычайно востребованы. В узком кругу профессионалов признавалось, что «исполняя ин-

Профессор И.Старинов со слушателями КУОС КГБ СССР

тернациональный долг, страны социалистического содружества будут оказывать в ходе мировой войны всестороннюю помощь прогрессивным силам капиталистических и развивающихся стран в развертывании партизанских действий». И оказывали братскую помощь, не дожидаясь мировой войны: по решению Секретариата ЦК КПСС на базах ГРУ Генштаба и КГБ готовились квалифицированные кадры организаторов подпольно-повстанческой борьбы, их обучали мастерству диверсионных акций. Одних только палестинских боевиков подготовили до 1500. Через Учебный центр близ селения Перевальное в районе Алушты (Крым) прошло до 10 тыс. будущих военспецов для союзных стран третьего мира.

Профессор непосредственно участвовал в подготовке спецгрупп, забрасывавшихся в Чехословакию в 1968-м, в Афганистан с 1979 года.

19 августа 1981 года решением Политбюро ЦК КПСС и правительства СССР на базе КУОС создали знаменитое спецподразделение КГБ «Вымпел» для проведения операций за пределами страны в особый период. Когда в 1984 году в Ливане экстремисты «Хезболла» захватили в заложники четырех советских граждан и отказывались освободить их в ходе переговоров, вдруг один за другим стали гибнуть предводители и родственники террористов... Пленников освободили. «Вымпел» активно применялся в Афганскую войну, потеряв лишь несколько бойцов.

Вьетнамская война дала мощный толчок развитию теории и практики применения специальных сил в контрпартизанской войне. Курс на качественное усиление специальных войск поддержал преемник Д.Кеннеди президент США Л.Джонсон, призвавший вести целенаправленную подготовку к особой «войне в сумерках», что на практике привело к увеличению численности спецвойск в 8 раз. Лишь в США к середине 1960-х обучение азам партизанской и антипартизанской борьбы прошло до 100 тыс. офицеров.

Однако вложивший огромные средства во Вьетнамскую войну СССР и тут оказался в положении сапожника без сапог. Уроки локальных войн, в том числе – в Испании и кровопролитной Финской, не пошли на пользу советской военной теории. Высший комсостав, сделавший карьеру на масштабных «сталинских ударах», рассматривал наследие локальных войн как досадное исключение, недостойное

«серьезного» военного искусства. Разработка специфических методов борьбы против антиправительственных движений стала делом энтузиастов из КГБ и ГРУ Генштаба В.Андрианова, В.Боярского, Г.Бояринова, П.Брайко, А.Лазоренко, П.Нищева, В.Хоренко и других учеников И.Старинова. И это при том, что в послевоенный период 60 тыс. советских военных специалистов побывало в 123 странах, в той или иной форме приняв участие в 94 вооруженных конфликтах в 70 державах.

Нигилистическое отношение к партизанской войне обернулось потерями в Афганской войне 1979–1989 годов – считалось, что армия, наученная войне против регулярных армий США и НАТО, и так без труда справится с бородатыми мужиками в шароварах. Исламская оппозиция же прибегала к обстрелам колонн, аэродромов и гарнизонов, налетам на важные объекты, диверсионно-террористическим актам. За всю десятилетнюю войну Советская Армия так и не создала боевого Устава антипартизанской борьбы!

В свою очередь, добытый кровью опыт войны с моджахедами сразу же забыли после вывода «Ограниченного контингента» и вновь наступали на те же грабли в первой Чеченской войне 1994–1996 годов. Когда «закидать шапками» сепаратистов не получилось и счет павшим в «наведении конституционного порядка» на Северном Кавказе пошел на тысячи (в первой Чеченской погибло до 5,5 тыс. российских военнослужащих, раненые и санитарные потери исчислялись в 51 тыс. человек), к Старинову потянулись за советами «ходоки» из спецслужб. «...Чеченцы тоже не лыком шиты, – втолковывал им ветеран, – после распада Союза им достались тысячи первоклассного оружия, несколько отлично оснащенных военных городков, а на счета полевых командиров кто-то перевел астроно-

*Илья Григорьевич Старинов
(последние годы жизни)*

мические суммы в валюте. Так что говорить о быстром наведении порядка вряд ли приходится. Однако можно было бы закончить войну с наименьшими потерями, если бы против бандитов использовались их же методы, а также тактика диверсионных действий».

До последних лет жизни Илья Григорьевич не оставлял литературного творчества. Его «Записки диверсанта» (1997 год) сразу же стали библиографической редкостью. Охотно давал интервью, поясняя, что секрет его долголетия в активном физически и творческом образе жизни, равнодушии к спиртному и табаку. Как-то на банкете у И. Тито подвыпивший сын британского премьера Рэндольф Черчилль прицепился: «Почему полковник не пьет водку, уклоняется от гражданского долга?» «Свою норму я уже выпил», — недипломатично отрезал Старинов. Посещал ведомственные конференции, встречался с ветеранами, консультировал учеников, ставших кандидатами и докторами наук, профессурой, столпами науки в Академии ФСБ.

2 августа 2000 года, к 100-летию юбилею, Илью Григорьевича наградили российским орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени. В следующем году его не стало...

КАК ПОТОМОК ЗАПОРОЖЦЕВ ИМПЕРАТОРА АРЕСТОВАЛ

В последнее время обострилась проблема «общей истории» украинского народа. Хочется надеяться, что в конечном счете возобладают концептуальные взгляды на прошлое народов Украины, избегающие купюр по принципу политической предвзятости, насаждения мазохизма, причудливым образом смешанного с необоснованным национальным чванством, без конструирования «черных дыр» вокруг целых «неудобных» этапов истории украинских земель.

Хочется надеяться, что мы будем скорбеть над общими историческими трагедиями и гордиться экономическими, научно-культурными, боевыми достижениями всех тех, кто населял территорию нашей современной державы в прошлом, — будь то представители трипольской культуры, очагов античности, Киевской Руси или имперских периодов в истории украинского народа. Стоит ли самим обеднять общую историю, формировать у сограждан комплекс «исторической пришибленности»?

Нелепо не замечать, например, что украинцы занимали заметное место в военной истории Российской империи, дав ей с петровских времен четыре фельдмаршала, три тысячи генералов и адмиралов, около трети офицерского корпуса, не говоря уже о советском периоде. Интересно было узнать, что в начале XX века иные полки российской армии, дислоцированные в Украине и укомплектованные, в основном, нижними чинами-украинцами, исполняли как строевые песни народные украинские песни, о том же Дорошенко и Сагайдачном, променявшем «жінку на тютюн та люльку, необачний».

В годы Великой Отечественной в Действующей армии сражалось до 7 млн. украинцев и выходцев из Украины, половина из них не вернулась с полей сражений. Видимо, читателю будет интересно узнать, что именно этнический украинец поставил свою подпись под актом о прекращении Второй мировой войны.

Прежде чем обратиться к интересному эпизоду боевого пути наших земляков, кратко расскажем о Квантунской армии, последнем противнике СССР во Второй мировой. Самую мощную сухопутную группировку японских вооруженных сил, насчитывавшую к 1945 го-

ду свыше миллиона штыков, развернули в оккупированной японцами Маньчжурии. Служба в ней рассматривалась в качестве почетной и обязательной ступеньки как в воинской карьере, так и в продвижении к высшим сферам истеблишмента. Не случайно правительство Японии в 1941–1944 годах возглавлял бывший начальник штаба Квантунской армии Хидеки Тодзио.

Командующий армией выполнял функции генерал-губернатора и «чрезвычайного посла» при марионеточном правительстве Маньчжоу-Го. Фактически же самураи стали полными хозяевами региона. Позднее император Маньчжоу-Го, отпрыск династии Цинн, правившей Поднебесной с 1644 года, Генри Пу-и, как главный свидетель от СССР выступал на Токийском процессе над японскими военными преступниками. В своих показаниях он заявил: «Страна именовалась Маньчжурским государством, а фактически находилась в руках Квантунской армии... Япония смотрела на Маньчжурию как на собственную колонию... Неограниченная власть принадлежала командующему Квантунской армией...»

Лично к императору приставили генерал-лейтенанта Исиоку, который присматривал за Пу-и и его семьей и «ненавязчиво» подсказывал государственные решения. По сути, воспитанник пекинского «Закрытого города» являлся заложником и вряд ли с ним бы церемонились в случае непокорности (первую жену Пу-и, женщину волевою, японцы просто отравили, а вступать в брак с барышнями из благородных японских семей Генри отказывался).

Квантунская группировка предназначалась для агрессии против СССР. Впервые подобные планы были прописаны в 1927 году в «Меморандуме» премьер-министра Танаки. Позднее составили и планы ведения войны на Севере под названиями «Оцу» и «Кантокуэн». Своих захватнических планов японские милитаристы не скрывали – лозунг «Япония до Урала» считался одним из краеугольных в стратегии сынов Ямато. Однако и здесь все было не так просто, как изображала официальная советская историография.

Почему токийские стратеги вместо похода на север отдали предпочтение развязыванию войны в Тихоокеанском бассейне? За несколько месяцев 1941 года императорская армия и флот разгромили дислоцировавшиеся здесь значительно превосходящие армейские и

военно-морские силы Англии, Голландии, США, захватили огромные пространства Индокитая, Океании, Филиппины, Новую Гвинею, угрожали Индии и Австралии. Учитывая соотношение человеческих и материальных сил противников, это была явная авантюра, но ведомые кодексом Бусидо японские дивизии уверенно шагали по джунглям, брали парализованный страхом Сингапур, высаживались на островах Полинезии.

Генрих Люшков

Однако кроме реализации дальновидных геополитических планов и приобретения сырьевых источников на выбор южного направления повлияло еще одно обстоятельство. В июле 1937 года начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю назначили комиссара госбезопасности 3-го ранга Генриха Люшкова, ранее сделавшего чекистскую карьеру на Украине.

Для Люшкова – представителя «команды» репрессированного в скором времени наркома внутренних дел УССР Всеволода Балицкого – подобное назначение означало ссылку перед неминуемой расправой. Однако новый начальник дальневосточных чекистов был человеком опытным. 13 июня 1938 года, под предлогом встречи с ценной агентурой, он вышел в пограничную полосу и перебежал к японцам.

Понятно, что перебежчик выдал всю важную информацию, которой владел в силу своего служебного положения. В особенности шокировала японских штабистов информация о том, что группировка советских войск на Дальнем Востоке втрое превышала далеко не слабую Квантунскую армию, а насыщенность ее бронетехникой вообще не шла ни в какое сравнение с войсками микадо.

Сокрушительный разгром на реке Халхин-Гол (в августе 1939 года) 75-тысячной японской группировки стал серьезным предостережением для токийских стратегов и одновременно подтвердил достоверность предоставленных Люшковым сведений.

В дальнейшем осведомленность «перебежчика» постарались использовать и для организации теракта против Сталина во время его отдыха в Закавказье. Но советская разведка переиграла японцев, и

группу террористов-белоземigrantsов ждали ребята в зеленых фуражках. Закончил Люшков плохо — в 1945 году его, «за минованием надобности», пристрелили сами же японцы.

Итак, самураи попросту побоялись начинать наступление против советского Дальнего Востока, прекрасно понимая, какую кровавую цену им придется заплатить за эти необъятные просторы. Считается, что знаменитое сообщение Рихарда Зорге «в 1941 году нападения Японии на СССР не будет» позволило перебросить ряд дивизий и танки с Дальнего Востока под Москву и спасти столицу. Впрочем, даже после перегруппировки к началу 1945 года в составе Забайкальского, Дальневосточного фронтов и Приморской группы одних только стрелковых дивизий насчитывалось сорок, не говоря о соединениях ВВС, ПВО, Тихоокеанском флоте и войсках береговой обороны.

Выполняя взятые еще на Тегеранской конференции 1943 года обязательства перед союзниками, СССР сразу же после разгрома Германии приступил к подготовке войны против Японии. В 1945 году Страна восходящего солнца довела общую численность своих вооруженных сил до 7 миллионов и, несмотря на приближение фронта к метрополии, отчаянно сопротивлялась американцам на широком тихоокеанском пространстве, воевала в Китае, Индокитае и Бирме. Не помогли даже предпринятые американцами «ковровые» бомбардировки с «летающих крепостей» (только во время одного из налетов на Токио живьем сгорело 83 тысячи жителей, хотя элитные кварталы не пострадали). Не случайно стратеги из Комитета начальников штабов армии США оценивали свои потенциальные потери при высадке на Японские острова в миллион человек.

Помощь, которую оказали союзникам советские войска, разгромив Квантунскую армию, поистине можно назвать неоценимой: именно молниеносный разгром главной сухопутной группировки Японии окончательно заставил ее руководство капитулировать.

Решающие события начали разворачиваться после того, как 5 апреля 1945 года советское правительство разорвало пакт о нейтралитете с Японией, подписанный еще в 1941 году, незадолго до нападения Гитлера.

Началась беспрецедентная в истории военного искусства перемещение войск и техники на будущий дальневосточный театр во-

енных действий — эшелоны катились на расстояние в 9-12 тыс. километров! 6-я гвардейская танковая армия участвовала в основных операциях по освобождению Правобережной Украины, имела опыт боев в Карпатах и предгорьях Альп и ей отвели роль главного «тарана», призванного пробить японскую оборону на горном хребте Хинган во внешней Монголии.

В освобождении Украины принимала участие и 53-я Армия, прибывшая в Монголию из-под Праги. В распоряжении трех развернутых на Дальнем Востоке фронтов имелось свыше 1,5 млн. штыков, 26 тыс. орудий, 5556 танков и САУ (в том числе новейшие модели), почти 3,5 тыс. самолетов. К боевым действиям привлекались советско-монгольская конно-механизированная группа, Тихоокеанский флот, Амурская флотилия, пограничные войска.

Им противостояло свыше 1,2 млн. японцев и их союзников с 1,1 тыс. танков, 5,3 тыс. орудий и 1900 самолетами, объединенных в 13 дивизий и 14 бригад «армии Маньчжоу-Го» и монгольского князя Да Вана. Впрочем, о надежности «союзников» говорить не приходится, поскольку в апреле в ряде маньчжурских гарнизонов вспыхнуло антияпонское восстание.

Особые надежды командование Квантунской армии возлагало на бактериологическое оружие. В так называемых отрядах «731» и «100» (по сути, опытных лабораториях) это оружие отработывалось на людях. К счастью, японские милитаристы не решились его применить, настолько стремительным было наступление Советской армии.

Кроме того, в «132-й смешанной бригаде» и «203-м отдельном отряде» полковника Ямамото насчитывалось 4 тыс. смертников, призванных вести диверсионно-террористическую деятельность, бросаться под танки с магнитными минами. Другое дело, что «камикадзе» не произвели особого впечатления на видавших виды победителей нацизма, а обученные борьбе с немецкими гранатометчиками пехотинцы успешно расчищали дорогу танкам.

...Шли последние дни существования Квантунской армии — с 19 августа началась массовая сдача в плен (всего в плену оказалось 148 генералов и 600 тыс. солдат и офицеров, несколько лет проводивших в сибирских лагерях; из них умер каждый десятый, хотя условия содержания были лучшими, чем у «своих» жителей ГУЛАГа).

С началом войны командование Квантунской армии потребовало от Пу-и переезда в Корею для последующей отправки его в Японию. Из города Чанчунь императорский двор утром 19 августа прибыл тремя самолетами к расположению штаба 3-го фронта японцев в Мукдене, чтобы оттуда проследовать в Токио. Именно в это время, основываясь на агентурных разведывательных данных, командующий Забайкальским фронтом маршал Советского Союза Родион Малиновский отдал приказ задержать императора.

Части 6-й гвардейской танковой армии находились еще только на подступах к Мукдену и тогда задачу особой важности возложили на десант из 225 опытных фронтовиков под командованием украинца – начальника политотдела Забайкальского фронта генерал-майора Притулы. В состав группы включили уроженца Запорожья Бориса Оуду. В 1942 году он закончил спецшколу, в которой готовили специалистов-разведчиков по Дальнему Востоку, однако «работал не по специальности» – сражался в армейской разведке под Сталинградом, освобождал Украину.

«Транспортники» с десантом в сопровождении истребителей направились к мукденскому аэродрому, по которому предварительно нанесла удар штурмовая авиация. В 13.15 самолеты приземлились. Сбитая с толку охрана сопротивления не оказала: дерзкого нападе-

Задержание Генри Пу И

ния никто не ожидал, господа офицеры попивали пиво. На самолет с повелителем Маньчжоу-Го указал японский офицер – эмигрант из России. При задержании ни сам экс-император, ни его охрана никакого сопротивления не оказали.

Десантники уже успели захватить наиболее важные объекты Мукдена, когда на переговоры прибыл командующий 3-м фронтом генерал Усироку Дзюн – маленький старичок в рубашке апаш. До 19 часов гарнизон и японские фронтовые соединения сложили оружие, а в руки победителей перешел знаменитый мукденский арсенал. Тогда же освободили узников концлагеря для пленных американцев и англичан. Среди них были американцы генерал Паркер, командиры корпусов Джонс и Шарп, несколько командиров дивизий, британский вице-маршал авиации Малтби.

Что касается Генри Пу-и, то почти сразу же после ареста, видимо, надеясь снискать расположение победителей, он подарил СССР два чемодана с уникальными сокровищами – их оценили в 211 млн. тогдашних рублей. В ответ в скором времени поступила личная благодарность Сталина и оригинальный подарок – тома произведений классиков марксизма-ленинизма.

Содержали почетного пленника и его обслугу (11 человек) на бывшей даче репрессированного командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией маршала Блюхера. Усиленную охрану несли офицерские наряды с караульными в форме сержантов. Император играл в теннис и предавался любимому досугу – разводил цветы. Условия плена были шикарными. По просьбе Пу-и к обеду доставляли лучшие сорта французского шампанского. Впоследствии уже в Китайской Народной Республике августейшую особу устроили научным сотрудником Ботанического сада Академии наук и даже избрали депутатом Верховного народного собрания. Умер он в 1967 году, на закате «культурной революции».

Хотелось бы сказать и об украинцах – участниках исторического акта подписания капитуляции Японии на линкоре «Миссури» 2 сентября 1945 года. В делегацию СССР включили выходца с Украины генерала авиации Николая Воронова, украинца контр-адмирала Александра Стеценко и упоминавшегося уже Бориса Оуду (руководителя группы переводчиков). Подписывал акт о капитуляции с

советской стороны уполномоченный Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Кузьма Деревянко — родом из Пятихаток Днепропетровской области.

Личность Бориса Филипповича Одуда, родившегося в 1918 году, вообще можно признать весьма неординарной. Как бы ужасен ни был сталинский тоталитаризм, ему нельзя отказать в умении формировать интеллектуальную элиту из людей «низкого происхождения». По семейным преданиям, пращур Одуда носил бунчук за грозой турок и татар — кошевым атаманом запорожцев Иваном Сирко.

В 1938 году по приказу Генштаба в войсках после тщательной проверки отобрали тысячу юношей для обучения в спецшколе на территории Кремля. Готовили специалистов по дальневосточным странам. Борис Филиппович попал на японское отделение. За три года он и его товарищи должны были пройти полный курс лучшего в Японии Осацкого университета! Кроме языковой подготовки большое внимание уделялось изучению истории, культуры и быта Японии. Занятия длились по 16 часов в сутки...

Слушателей учили вести сбор данных в городе, выявлять наблюдение «наружки» (уже после войны, работая в Японии, Одуд запросто обнаруживал «хвосты» американских спецслужб). Стажировались под видом студентов Владивостокского рыбного института, по ходу практики частенько общались с японскими «ихтиологами» — офицерами разведки Квантунской армии.

За время учебы Одуд совершил 19 прыжков с парашютом. Хотя, наверное, учили не только этому, ведь на фронте потомок запорожцев лично принимал участие в захвате одиннадцати «языков». Даже в голодные военные годы слушателям давали обед из четырех блюд и фрукты.

Наконец в январе 1942 года Одуд закончил спецшколу, однако после понесенных Красной армией катастрофических поражений людей не хватало, и «ценный кадр» отправили на Сталинградский фронт — сотрудником отдела разведки дивизии.

Знания, полученные в Москве, понадобились лишь в 1945-м. Борис Одуд работал с пленными японскими генералами, помогал передавать трофейное оружие армии Мао Дзе-дуна. Затем попал на линкор «Миссури», бросивший якорь в Токийском заливе. Когда генерал Деревянко собирался подписывать акт, то авторучки одна за

другой отказывали. Тогда одну из своих ему одолжил командующий американскими силами на Тихом океане генерал Макартур. Поставив подпись, советский генерал ручку подарил Одуду — дескать, возьми, Борис, это уже история.

22 декабря 1948 года Одуду пришлось присутствовать наблюдателем на церемонии казни семи японских военных преступников в токийской тюрьме Сугано. В роли палача здесь выступал все тот же американский сержант Джон Вуд, который в Нюрнберге сноровисто, за полтора часа, с помощью веревки отправил в ад девятерых нацистских преступников.

В истории с авторучкой впоследствии возник неожиданный поворот. В 1950 году, когда Одуд работал в контрразведке Министерства госбезопасности УССР, его вызвало начальство. Оказалось, что из Москвы прибыл полковник МГБ и чиновник МИД СССР. Они привезли письмо за подписью Берии с просьбой передать ту самую ручку в музей на Лубянке. Конечно же, Лаврентия Павловича «уважили».

В 1945 году все трофейное японское оружие передали Народно-освободительной армии Китая для войны с проамериканским режимом Чан Кай-ши. Со временем к коммунистам присоединились и 300 тыс. бывших воинов Маньчжоу-Го.

В самой Маньчжурии советские оккупационные органы развили весьма бурную деятельность. СМЕРШ начал поиски представителей японской военно-административной верхушки и разработчиков бактериологического оружия (12 из них осудил трибунал Приморского военного округа 12 декабря 1949 года). Главным же объектом «охоты» стали предводители белой эмиграции. Так, были захвачены и позднее казнены известный своим свирепым террором атаман Семенов, колчаковские генералы Шулькевич и Нечаев.

Да и своих надо было контролировать — в одном лишь Даляне (Дальний) на Квантунском полуострове работало 300 публичных домов, причем доходы одного из «королей» вертепов превышали выручку всей Южно-Маньчжурской железной дороги. Лишь в 1958 году проститутки записали в профсоюз трудящихся женщин и официально прикрепили к законным мужьям. Кроме запрета на посещение борделей, советским офицерам запретили ездить на рикшах, поэтому катались ночью, по повышенному тарифу.

А в заключение снова вернемся к одному из героев нашей статьи. Борис Одуд после увольнения из органов КГБ дослужился до директора большого треста, построившего половину Запорожья, воспитал трех сыновей – полковника, инженера и артиста. В 1995 году он еще был жив, хотя и жаловался на сердце — трудностей, которые выпали ему на жизненном пути, действительно хватило бы на десятерых...

ДРАНГ НАХ ТУРКЕСТАН

В 1935–1938 годах в Германии в целом оформились основные положения разведывательно-подрывной стратегии («тотальной войны»), закрепленные в директиве Верховного главнокомандования от 7 марта 1938 года. В ней определялись задачи «невоенных форм борьбы», проводимой и без «решающей победы над вооруженными силами противника». Уже во время Великой Отечественной войны противник решил перенести свои разведывательно-диверсионные действия в восточные районы СССР, Туркестан и Среднюю Азию, намереваясь нанести ущерб промышленно-транспортной базе, подготовить условия для наступления на Ближний и Средний Восток и спровоцировать вооруженные антиправительственные движения народов среднеазиатских республик.

Разведывательно-диверсионные мероприятия в глубоком тылу Красной Армии планировались с размахом. В конце 1942 года появился разработанный специальным органом «Цепелин» план под условным названием «Волжский вал». Он предусматривал подрыв оборонно-транспортного комплекса в восточных регионах СССР – основной базы боевого и сырьевого снабжения Действующей армии. Планировалось забросить в тыл хорошо оснащенные крупные диверсионные отряды (по 100 и более участников) для одновременного вывода из строя железнодорожных мостов через Волгу и другие водные рубежи, осуществления диверсий на предприятиях Урала, Сибири, Средней Азии и Коми АССР.

Только в начале 1943 года советские контрразведчики обезвредили на Урале до сотни гитлеровских диверсантов, на Кировской и Ярославской железных дорогах – около 60, на магистрали Мурманск–Вологда – две диверсионные группы общей численностью до 100 человек.

Разгрому подверглись диверсионные формирования, заброшенные «Цепелином» на территорию Туркмении, нефтеносной Гурьевской области Казахстана, в устье северной реки Печора. Сорваны попытки диверсий на железной дороге Красноводск–Ташкент, Чирчикском горнорудном комбинате. Не удалось противнику вывести из строя Северо-Печорскую железную дорогу, по которой

шли поставки угля и нефти Воркуты и Инты. Всего же в результате розыскных мероприятий и контрразведывательных операций, проведенных органами госбезопасности на транспорте, за годы войны удалось задержать 256 агентов-парашютистов (из 1854), обезвредить 226 шпионско-диверсионных резидентур, созданных германскими спецслужбами.

О глубине подрывных замыслов врага свидетельствует то, что в Казахстане удалось обезвредить шесть переброшенных по воздуху диверсионных групп, в Туркмении — до сотни диверсантов (пытавшихся разрушить мост через Аму-Дарью и взорвать нефтехранилища). Немало выведенных немецкими спецслужбами из Ирана и Афганистана мастеров тайной войны нейтрализовали в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане.

В декабре 1941 года японская контрразведка задержала известного советского разведчика, агента ГРУ Генштаба Красной Армии Рихарда Зорге («Рамзая»). Выяснилось, что основным источником информации для супершпиона служило немецкое посольство во главе с Эйгеном Оттом (в 1932–1938 годах работал там же военным атташе). С его женой Хельмой «Рамзай» состоял в близких отношениях.

Узнав о халатности своего представителя в Японии, взбешенный фюрер приказал направить в Токио группу гестаповцев для расследования и примерного наказания виновных — самого посла и офицера по безопасности посольства. Поскольку рейх не имел самолетов, способных беспосадочно преодолеть семь тысяч километров, решили группу спецслужбистов из района оккупированного Таганрога перебросить в занятую союзной японской армией Маньчжурию с промежуточной посадкой для дозаправки в районе казахстанского озера Балхаш.

25 января 1942 года туда выбросили для подготовки операции передовую группу в составе лейтенанта Бауэра и двух радистов. Однако от советской разведки была получена упреждающая информация о готовящемся «подскоке» на пути в Токио. Для перехвата противника в район Балхаша направили группу из 11 сотрудников госбезопасности во главе с майором Маркиным и проводником — рыбаком-казахом. Предстояло осмотреть район площадью 50 на 50 километров.

К исходу четвертого дня контрразведчики вышли к озеру неподалеку от поселка Уч-Арал. Здесь, в глинобитной хижине, их ждала

жуткая находка — четыре обнаженных трупа и следы военных сапог на земляном полу. Похоже, что немцы-парашютисты решили таким образом раздобыть одежду местных жителей. Началось преследование людей Бауэра, однако на беду разразился буран. Тем временем немцам удалось найти посадочную площадку в районе озера Тузлы.

Группе Маркина повезло — она наткнулась на древний могильник, и вокруг него — следы все тех же сапог. В склепе нашли радиостанцию, продукты, радиомаяк и канистры с маслом для обозначения огнем места посадки. Сомнений не оставалось — парашютисты вернутся за своим имуществом. Замаскировавшись, оперативная группа пропустила к тайнику Бауэра со товарищи и когда те вползли через узкий лаз в могильник, окружили их. «Сопrotивление бесполезно, сдавайтесь или будете уничтожены!» — громко объявил переводчик. Немцы сложили оружие и дали показания о плане последующих действий гестаповцев. По требованию Маркина радист передал координаты площадки — поперек нее выкопали ров, замаскировав тростником, а затем отправили второй радиосигнал — «ждем вас».

Вокруг площадки в замаскированных окопах разместились сотрудники опергруппы. Около трех часов ночи, ориентируясь на радиомаяк, появились самолеты противника, им подали сигнал, зажегши политый маслом хворост. Шедший первым самолет-заправщик угодил шасси в ров, опрокинулся и взорвался. Второй самолет решил уйти в сторону Китая. Не долетев 30 километров до границы, гестаповцы покинули самолет, попытавшись прорваться в Китай, однако были настигнуты пограничниками и уничтожены.

Неудача с «Волжским валом» не заставила «Цеппелин» отказаться от рискованных операций в глубине советской территории. Возник план создать в калмыцких степях базы и перебросить туда по воздуху 36 эскадронов Калмыцкого корпуса доктора Долля для подготовки широкого антисоветского восстания. Там же предусматривалось развернуть посадочные площадки для самолетов, а также радиоцентр для приема сообщений от агентурных радиостанций малой мощности германской разведки, действовавшей в восточных районах СССР (операция «Римская цифра II»).

Дело в том, что с осени 1942 года оккупанты установили сотрудничество с местными антисоветскими силами. В Калмыкии еще в 1919-м

вспыхнуло восстание во главе с националистически настроенными деятелями, свирепо подавлявшееся сначала «белыми» казаками, а затем и советскими отрядами ЧОН. Не располагали к лояльности «рабоче-крестьянской власти» и насильственная коллективизация, преследования ламаистского духовенства, репрессии 1930-х годов.

Уже осенью 1941 года в Калмыцкой АССР начались волнения, диверсии, распространялось дезертирство, возникли первые вооруженные банды. Среди их предводителей выделялся некий Бассанг Огдонов. Ламы-гелюнги пророчили, что в 1942-м победит Гитлер, иначе же гибель ждет весь калмыцкий народ. За контакты с «сынами степей» отвечал Отто Долль (Рудольф Верба), уроженец Судетской области, в прошлом офицер кавалерии Украинской Галицкой Армии. При штабе дислоцированной в Калмыкии 16-й моторизованной дивизии появились владевшие калмыцким языком инструкторы подрывных действий обер-лейтенант Хальтерманн, барон фон Рихтгофен.

Нацисты демагогически обещали создание «свободного калмыцкого государства», правительство которого в Элисте должен возглавить князь Н.Тундутов. Для народа выбросили доходчивый лозунг: «Мы за то, чтобы каждый имел по 20 коров и 100 овец». По мнению историка Патрика фон Мюллера, до трети калмыков сотрудничало с оккупантами (к 1943 году в Красной Армии воевало 22 тыс. калмыков). Немцы создали Калмыцкий добровольческий легион, к моменту отступления немцев насчитывавший 3000 сабель, прикрывавших отступление гитлеровцев с Северного Кавказа.

Калмыцкий кавалерийский корпус печально прославился зверствами в Украине и Польше, да так, что сами немцы подумывали о его расформировании, пока в январе 1945 года корпус не разбили под Радом-Кельце, а его остатки отступили в Баварию. Позднее там возник Калмыцкий комитет по борьбе с большевизмом. Б.Огдонов продолжил сотрудничество с рейхом и погиб в одной из спецопераций в советском тылу. В декабре 1943-го проводится депортация калмыков, их отзывают из армии, хотя часть солдат меняла фамилии и продолжала сражаться.

На таком историческом фоне гитлеровские спецслужбы решили предпринять попытку реанимировать вооруженное сопротивление в Калмыкии. 23 мая 1944 года по заданию немецкого разведоргана в

районе калмыцкого поселка Утта четырехмоторный самолет Ю-290 высадил 24 диверсанта под началом капитана фон Шелера («Кваста»). К месту посадки срочно перебросили оперативно-войсковые группы, вызвали истребительную авиацию. Самолет противника удалось поджечь, в перестрелке погибло 4 диверсанта и 3 члена экипажа. Остальные попали в плен. Трофеями стали мощная радиоаппаратура, карты, фиктивные документы. Основное вооружение и боеприпасы планировалось доставить вторым рейсом 27 мая.

Советская контрразведка решила повести от имени захваченных диверсантов оперативную игру с противником, получившую название «Арийцы». Для работы на радиостанции, после тщательных раздумий, решили привлечь радиста экипажа обер-лейтенанта Ганса Гансена, сына владельца фирмы колониальных товаров в Гамбурге. В то же время использовать для игры радистов-диверсантов Осетрова и Мусина не решились, хотя те и уверяли, что не имеют условленных сигналов провала. Удалось «обработать» и самого капитана фон Шелера.

29 мая игра стартовала. В поселке Яшкуль оборудовали контролируемую оперативно-техническими средствами прослушивания и скрытого наблюдения комнату, «Кваста» и Гансена предупредили, что в случае неискренности они понесут ответственность по законам военного времени. На следующий день немцы получили первую радиограмму. В ней живописалась атака русских истребителей, потеря самолета, гибель или ранение радистов. Сообщалось, что остатки группы пребывают в районе Яшкуля и установили связь с калмыцкими повстанцами. В первую же ночь над легендированным местом посадки появился самолет Ю-252, подававший сигналы. Самолет не трогали.

Противник клюнул на уловку. Вскоре пришла радиограмма с поздравлениями по случаю начала работы в тылу русских, обещаниями развить операцию, «подбросить» радистов, с условиями связи. «Кваст», развивая игру, похвалился налаживанием связей с вооруженными формированиями Огдонова. Сообщалось, что он имеет лишь 85 легковооруженных всадников, посему необходимо прислать оружие, деньги и, главное, «авторитетных руководителей».

12 июня 1944 года в обусловленное место, указанное в составленных «Квастом» радиограммах, прилетел Ю-290, сбросивший на

парашютах пять агентов и 20 тюков груза. Садясь для того, чтобы забрать экипаж первого самолета, Ю-290 угодил шасси в яму-ловушку, началась перестрелка с оперативной группой, в результате которой самолет и груз сгорели. Ранее выброшенных парашютистов и членов экипажа захватили. Фон Шелер сообщил в немецкий разведцентр: «Машина не прибыла. Почему?».

В ответ немцы прислали ряд проверочных радиogramм, ответить на которые мог только «Кваст». Хотя ответы удовлетворили немецкую сторону, с отправкой нового самолета не торопились. Видимо, не верили в успех дальнейших действий. Советские контрразведчики приняли решение о необходимости свернуть игру. «Кваст» радировал – положение крайне тяжелое, калмыки отказывают в помощи, будем пробиваться к повстанцам на Кавказ, оттуда – в Румынию. Противник согласился с предложением.

Игру решили прекратить, имитировав уничтожение отряда. 18 и 19 августа в германский разведорган отправили сообщение: понесли потери в бою с отрядом НКВД, едва спаслись, нет боеприпасов, мучит голод и жажда. «Калмыки изменили, гибель неизбежна, свой долг мы выполнили до конца. “Кваст”». И хотя игра «Арийцы» дальнейшего развития не получила, советской контрразведке удалось сорвать планы инспирации вооруженного подполья в Калмыкии и быть в курсе подрывных планов противника в этом регионе.

Накануне Второй мировой войны Германии удалось создать серьезные позиции в Иране. Определенные круги правящей верхушки Ирана во главе с шахом Резой Пехлеви выступали за немедленное присоединение к гитлеровскому блоку, а во время советско-финской войны даже приступили к разработке плана вторжения в СССР. Мусульманское духовенство распространяло слухи о том, что Гитлер – 12-й имам, несущий избавление иранскому народу. В стране к 1941 году насчитывалось около 4 тысяч немецких «специалистов», готовивших диверсионно-террористические группы для засылки в советский Туркестан и Закавказье, гитлеровские спецслужбы создали прочные агентурные позиции в панисламистских организациях «Туркестанский национальный комитет», «Шарк Юлдуз» и других. Под контролем немцев летом 1941 года действовало 73 банды, совершавшие набеги на приграничные с Ираном советские территории.

Дошло до разрешения властей создавать вооруженные формирования из местных немцев.

В Иране активно работали способные разведчики-востоковеды Эрвин Эттель, Франц Майер, Роман Гамотта, Бертольд Шульц, пользовавшиеся поддержкой иранских спецслужб. Одновременно установились тесные контакты с турецкой разведкой, настраивавшей лидеров туркестанской эмиграции на борьбу за создание «Великого Туркестана», а также иранским филиалом Российского общевойскового союза во главе с полковником М.Грязновым. В 1942 году, несмотря на противодействие спецслужб СССР и Англии, немецким разведчикам Ф.Майеру и Шульцу-Хольтусу удалось объединить среднеазиатские националистические группы Ирана в единую подпольную организацию «Миллионе Иран». При поддержке гитлеровских эмиссаров-парашютистов ей удалось в первой половине 1942 года спровоцировать на религиозной почве восстание племен северного Ирана против советских войск (они вошли в страну 25 августа 1941 года, в южную часть Ирана вступили англичане). Осуществлялись диверсии на дорогах – ведь по ним шли поставки по ленд-лизу в СССР.

...Еще в феврале 1940 года вышел приказ НКВД СССР, предписавший органам внешней разведки, включая 3-й отдел НКВД Туркменской ССР, активизировать работу по противодействию спецслужбам противника на территории Ирана и Афганистана, нейтрализации подрывной деятельности завербованных немцами родоплеменных авторитетов, разложению закордонных антисоветских вооруженных формирований из народов Средней Азии и Туркестана. В пограничных райотделениях НКВД вводились должности заместителей начальников по разведке, разворачивалась работа по возобновлению сотрудничества с «архивной» агентурой, созданию новых оперативных позиций в соответствующих формированиях за рубежом. Только с 22 июня по 1 октября 1941-го в Иране органами госбезопасности Туркмении приобретено 39 негласных помощников, к началу 1942 года там действовало свыше 40 агентов НКВД республики.

От ценных информаторов поступали сведения о политических и военных шагах руководства Ирана и Афганистана, подготовке враждебных акций со стороны туркестанской эмиграции, деятельности спецслужб держав гитлеровского блока. Полученная информация

была реализована в нотах протеста иранскому правительству, а после вступления туда советских войск — для разгрома очагов шпионажа и диверсий, арестов главарей пронемецких формирований. С помощью закордонных агентов в августе 1942-го удалось «изъять» (негласно захватить) и осудить шестерых руководителей «Туркестанского национального комитета», стремившегося организовать массовое восстание в советской Средней Азии.

Ряд негласных помощников НКВД Туркменистана по указанию Москвы перебросили с помощью известной ОМСБОН за линию фронта и внедрили в «Туркестанский легион». В фашистскую разведшколу «Арбайтсгемайншафт Туркестан» попал оперативный источник туркменских чекистов «С», занявший со временем солидное положение в легионе и сумевший заинтересовать спецслужбы рейха подставной «пантюркистской группой» в Ашхабаде. Всего же им выявлено 57 агентов противника, проведено работу по разложению «Остмусульманского полка СС», а около 120 его солдат перешло на сторону Красной Армии. Еще две распропагандированные роты «Туркестанского легиона» в 1943 году оставили врага во время боев под Макеевкой.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало воодушевление у лидеров политической эмиграции из Средней Азии, находившейся в северном Афганистане (последний крупный отряд басмачей разгромили в Каракумах 17 мая 1933 года!). Их приготовления к переносу боевых действий в республики советской Средней Азии пользовались попустительством афганского правительства, уверенного в скором поражении СССР. В августе 1941 года авторитетный предводитель туркменской эмиграции Халифа Кызыл Аяк (с 1937 года сотрудничавший с японской разведкой) направил премьер-министру Афганистана предложение поставить под ружье 40 тыс. туркмен.

Планировалось возродить Бухарский эмират и Хивинское ханство, а афганский принц Дауд-хан разработал проект похода против «безбожных советов» — считалось, что одной дивизии хватит для захвата Хивы и Бухары. В случае ввода в Афганистан советских войск лидеры эмиграции обещали выставить 200 тыс. воинов, а афганская сторона обязывалась их вооружить.

Тем временем, с началом успешного немецкого наступления на Северном Кавказе представитель абвера Витцель получил из Берлина

задание развернуть в республиках Средней Азии агентурную сеть и подпольные националистические организации, наладить сотрудничество с окопавшимися под эгидой Кабула предводителями бывшего басмаческого движения. Еще в 1939-м Наркомат иностранных дел СССР оценивал их мобилизационный потенциал в 5 тыс. подготовленных бойцов, Витцель и английская разведка оценивали силы одной только туркменской эмиграции в 10 тыс. воинов. К 1942 году отряды Халифы Кызыл Аяка действовали в 3–5 километрах от советско-афганской границы — им поставили задачу быть готовыми к вторжению летом 1942 года.

Одновременно абвер обзавелся собственным резидентом в среде узбекской эмиграции — Махмуд-беком, получившим задание развернуть в пограничных с советским Туркестаном районах «партизанскую работу». При финансовой поддержке абвера он создал в северном Афганистане антисоветскую организацию «Унион» с центрами в Кабуле, Кундузе и Баглане.

Следует отметить, что все воинственные приготовления среднеазиатской эмиграции и их кураторов из абвера своевременно становились известны советской и английской разведкам. Тот же Махмуд-бек, получая деньги от Германии и Японии, одновременно сотрудничал с советской разведкой. Активизация басмачей, давление СССР и Англии вынудили афганцев арестовать Махмуд-бека. Однако на смену ему пришла новая антисоветская организация «Фаал» во главе с Умар-ханом — сыном последнего эмира Бухары Сеида Алим-хана, согласившегося сотрудничать с немцами, и Мубашир-ханом Тирази.

Последний выдвинул план, согласно которому весной 1943-го, когда откроются горные проходы на Памире, двинуть на Бухару 20–30 тыс. воинов (план «Аманулла»). Оружие обязывалась доставить самолетами Германия, она же обещала высадить в Средней Азии диверсионные формирования Туркестанского легиона, созданного из местных уроженцев. Одновременно предпринимались усилия по налаживанию связи с командиром киргизских басмачей Камчи-беком, с сентября 1941 года неоднократно совершавшим нападения на пограничные районы СССР. В штабах вермахта уже был разработан и план прямой оккупации Афганистана в случае успехов на Кавказе и прорыва в Азию. В тылу немецкой Группы армий «Юг» двигался так

называемый корпус «Ф» – высокомобильное соединение с собственной авиацией, укомплектованное на две трети выходцами из азиатских стран.

Спецслужбы СССР и Великобритании информировали политическое руководство о масштабных приготовлениях к вооруженному походу в Среднюю Азию. Перед официальным Кабулом стоял свежий пример ввода советских и английских войск в 1941 году с последующим разгромом немецкой агентурной сети и эмиграцией пронемецки настроенного персидского шаха (подобные действия в случае угроз с территории сопредельных стран предусматривались договорами 1921 года между Советской Россией, Ираном и Афганистаном).

В апреле 1943 года афганские власти арестовали Мубашир-хана Тирази и других главарей «Фаала». Англия предложила советским партнерам произвести совместный демарш Кабулу и добиться ликвидации подрывных организаций, выдворения сотрудников гитлеровских спецслужб. Под давлением представленных неопровержимых доказательств афганскую сторону вынудили удовлетворить требования союзников. В мае–июне 1943 года афганская полиция провела массовые аресты среди эмигрантов из Средней Азии, после чего деятельность «Фаала» прекратилась. Опасаясь закрытия посольства в Кабуле, Германия заверила короля Афганистана Захир-шаха, что не будет вести с дипломатических позиций разведывательную деятельность против СССР и Британской Индии. В сентябре того же года из страны выслали Витцеля, нескольких японских «специалистов», уличенных в шпионаже. Немецкая «пятая колонна» в регионе усилиями спецслужб стран антигитлеровской коалиции была нейтрализована. Дранг нах Туркестан провалился.

«ЛЮДИ-ЛЯГУШКИ» III РЕЙХА

О деятельности нацистской разведки на сухопутных театрах военных действий, да и по всему белу свету написано – несть числа. А вот германская военно-морская разведка явно осталась в тени. Попробуем несколько восполнить этот пробел, тем более что морские разведывательно-подрывные силы гитлеровского рейха не уступали в профессионализме своим сухопутным коллегам...

Создание аппарата военно-морской разведки велось в тесной связи и исходя из задач подготовки гитлеровской Германией наступательной войны, тем более что постулат единства сухопутной и морской стратегий был выработан военной элитой Рейхсвера еще до прихода к власти НСДАП.

Уже в 1935 году начинается воплощение программы ускоренного строительства военного флота (Кригсмарине), и со стапелей Киля и Вильгельмсхафена сходят крейсера, эсминцы, подводные «У-боты», торпедные катера. В 1939-м разрываются соглашения с Великобританией (тогда еще «владычицей морей») об ограничении морских вооружений, инициируется новый виток боевого кораблестроения. Устав корабельной службы Кригсмарине нацеливал личный состав «свыкнуться с мыслью о войне», обеспечить «высшее напряжение всех сил во время мирной подготовки, которая должна предусматривать потребности войны». В 1937–1939 годах на Балтике проходят учения с привлечением всех сил Кригсмарине.

Однако сравняться с мощными ВМФ Англии и Франции Германия не могла в принципе. К началу Второй мировой рейх имел 2 линкора, 8 крейсеров и 22 миноносца, тогда как один лишь Альбион – 7 авианосцев, 15 линкоров, 54 крейсера, почти 200 миноносцев. Подавляющий перевес противника Германия во многом компенсировала тотальной подводной войной, массово выпуская прекрасные океанские подлодки. Кроме того, этим же обстоятельством объясняется повышенное внимание немцев к так называемым «легким силам флота» – минным заградителям, тральщикам, специальным катерам, мини-подлодкам и, конечно же, различным морским разведывательно-диверсионным средствам. В меморандуме о стратегии морской войны от 15 октября 1939-го указывалось, что «... в принципе любые

средства морской войны, которые будут способствовать тому, чтобы сломить сопротивление врага, должны быть использованы под любыми предлогами, даже если это потребует создания нового кодекса морской войны».

Хотя по условиям Версальского договора 1919 года Германии запрещалось иметь военно-морскую разведку, она продолжала существовать под названием «служба осведомления ВМФ» и тайне сохранила приобретенные еще в кайзеровское время позиции во многих районах мира. В 1938-м создается Верховное главнокомандование вооруженными силами (ОКВ), куда вошло и управление «Абвер-заграница», объединившее агентурную разведку сухопутных войск, ВВС и ВМФ.

В довоенном абвере военно-морская разведка была представлена группой I-M Первого отдела (агентурная разведка). Группа I-M включала три референтуры: «Военно-морские силы западных государств», «Военно-морские силы восточных государств» («Абвер-I M-Восток») и «Техническое оснащение военно-морских сил иностранных государств». Добытая ими информация поступала в разведывательный отдел Штаба войны на море.

Референтура «Восток» в первую очередь нацеливалась на разведку состава, вооружения, планов использования советского ВМФ. При этом акцент делался на создание агентурных позиций среди военнослужащих Красного флота, налаживание каналов связи с негласными источниками. Так, 22 июня 1941 года 3-й (контрразведывательный) отдел Наркомата ВМФ СССР арестовал сотрудника разведуправления ВМФ старшего лейтенанта Кирюхина (фамилия изменена. — Авт.). Он длительное время находился в оперативной разработке по подозрению в шпионаже. Как выяснилось, еще в 1938-м, находясь в командировке в «вольном городе» Данциге (Гданьске), он совершил автомобильную аварию, попал в поле зрения абвера. Используя компрометирующие материалы, немцы заставили признаться Кирюхина в принадлежности к советской военно-морской разведке, и вскоре агентурный аппарат противника пополнился еще одним источником в ВМФ СССР. Три года, находясь за границей, офицер исправно информировал новых хозяев. В начале 1941-го, перед возвращением на родину, абвер поставил ему задачи по сбору сведений о разведке ВМФ СССР. Суд подтвердил виновность Кирюхина.

К разведывательно-подрывной деятельности на морях подключились и другие подразделения абвера. Так, подотдел III-Ф вел работу по агентурному проникновению в иностранные разведки, включая разведку ВМФ СССР, изучению методов работы потенциальных противников. Подотдел III-X заведовал дезинформацией противника. В состав центрального аппарата абвера входили «следающие пункты» — радиоразведка на морских театрах военных действий.

Для подготовки и осуществления диверсий на морских коммуникациях предназначалась специальная референтура «Марине». Контрразведывательным обеспечением частей ВМФ занималась подгруппа III-M отдела абвер-3 (контрразведка).

Следует сказать, что офицерский состав военно-морской разведки отличался высоким профессионализмом. Большинство сотрудников, работавших против СССР, отлично знали русский язык, зачастую происходили из России и Прибалтики. Нередко руководителями резидентур абвера (в Испании, Норвегии, Бельгии, Болгарии, Швейцарии, Шанхае и других странах) назначали именно выходцев из морской спецслужбы. Немало адмиралов и флотских офицеров заняли высокие должности в государственном аппарате, гестапо, судебной системе.

Важным инструментом военно-морской разведки Германии выступали аппараты военно-морских атташе. Последние входили в состав Группы военно-морских атташе (ВМА) штаба Главнокомандующего флота и были ему во всем подотчетны. Кроме того, собственно разведывательную деятельность «легальных шпионов» курировала группа «Заграница» абвера, где военные атташе обязательно получали соответствующие инструкции перед отъездом в страну пребывания.

Группа ВМА подразделялась на четыре референтуры. Первая вела организационно-аналитическую работу. Вторая осуществляла разведку против США, Англии, стран Бенилюкса, Скандинавии и Дальнего Востока. Третья сосредоточивала усилия на Балканах, Ближнем Востоке и странах Южной Европы (включая Францию). Наконец, основным объектом четвертой группы был СССР, она же ведала шифрованной связью и подрывной пропагандой.

Остановимся на разведработе аппарата ВМА Германии в СССР. Он состоял из трех групп — первая изучала военно-морской потен-

циал и ВМФ страны, вторая – состояние водного транспорта, торгового флота и материалы советской прессы, третья вела обработку добытой информации. Сам военно-морской атташе ежедневно бывал на докладах у посла и имел право давать поручения по сбору информации консульствам рейха. Правда, в 1938 году эти рассадники шпионажа закрыли, но после установления «стратегического партнерства» двух тоталитарных режимов в 1940 году консульства вновь открываются в Ленинграде, Владивостоке и Батуми, чем незамедлительно воспользовались морские разведчики под дипломатическим прикрытием. Спектр методов их работы включал личное наблюдение и общение с носителями информации, скрытое фотографирование, обработку открытых печатных источников, и, конечно же, приобретение агентуры.

Чрезвычайной активностью отличался военно-морской атташе в СССР Баумбах. Он регулярно совершал поездки по Союзу, особенно влекло его в приморские города, базы ВМФ – Ленинград, Мурманск, Одессу, Батуми, Севастополь. В Мурманске Баумбах внимательно осмотрел порт, с немецкой педантичностью изучив подходы к нему с моря и суши (естественно, променады дипломата проходили под бдительным оком «наружки» НКВД). В поездке из Ленинграда в Новгород Баумбах фотографировал крупные железнодорожные мосты, новостройки, казармы воинских частей. Следуя на пароходе, несмотря на запрет, пробирался на верхнюю палубу и снимал Волховский мост и Волховскую ГЭС с плотиной (классический объект для диверсии!). В столице бедовый атташе охотно посещал храмы Божьи, но отнюдь не из набожности – он их фотографировал для последующей привязки к карте ориентиров для бомбардировок.

Не отставали и «озадаченные» им консулы. Во Владивостоке вице-консул Эрлевин проник в военный порт, где устанавливал номера и количество субмарин Тихоокеанского флота, вел наблюдение за воинскими перевозками по железной дороге. Даже окна консульской квартиры выходили прямо на гавань. Консул в Батуми проник в запретную зону и осмотрел ряд военно-морских объектов, частенько посещал он и Баку, куда в 1942-м рвались через Кавказский хребет соединения группы армий «А» вермахта, путешествовал по стратегической Военно-Грузинской дороге.

Очевидным успехом разведустремлений Баумбаха стало официальное разрешение на поездку в Крым. В главной базе Черноморского флота (ЧФ) Севастополе он посетил новейший тральщик, эсминец, подлодку, военно-морское училище. Скрупулезно расспрашивал о ходовых характеристиках, минно-артиллерийском вооружении кораблей ЧФ, особенностях подготовки будущих флотских офицеров. Побывал он и в знаменитом Ленинградском военно-морском училище им. Фрунзе. Накануне войны, в мае 1941-го сумел добиться выдачи ему Главным штабом ВМФ СССР карты фарватеров у военно-морской базы на острове Ханко в Финском заливе!

Особым заданием аппарата ВМА выступала заблаговременная подготовка разведывательно-диверсионной работы на территории СССР. Для этих целей Баумбах получил в марте 1941 года 4 млн. рублей – в два раза больше, чем его сухопутный коллега по посольству.

Увы, озабоченные поиском мнимых «врагов народа», обескровленные «чистками» органы госбезопасности так и не смогли выявить агентуру германского ВМА, для встречи с которой Баумбах раз в месяц выезжал в город на Неве. Командование же флотом рейха констатировало, что ему, «несмотря на все препоны, чинимые русскими, удавалось добывать необходимые сведения о русском флоте». Передав в марте 1941-го обобщающий отчет о ВМФ СССР, Баумбах за три дня до начала войны убыл в «служебную командировку» в Берлин.

Остается отметить, что с началом агрессии против СССР все сотрудники аппарата ВМА в Москве получили назначения на должности руководителей разведподразделений (абверкоманд). Сам же Баумбах в июне 1941-го стал шефом третьего (разведывательного) отдела Штаба руководства войной на море, а его помощник Нойман – начальником одной из абверкоманд на юге Украины.

В условиях войны структура германской военно-морской разведки дифференцировалась и усложнилась. В 1942 году в составе Штаба руководства войной на море создается 3-й (разведывательный) отдел. Ее центральным добывающим органом выступала Группа иностранных военно-морских флотов. На нее возлагалось обеспечение главного морского командования, соединений ВМФ сведениями о флотах зарубежных государств, издание обзоров, справочников, бюллетеней по материалам зарубежной открытой и специальной печати.

Группа делилась на несколько специализированных референтур. Референтура «Ф» изучала советский ВМФ и флоты скандинавских держав, «В» – занималась экономикой зарубежных стран, «П» – обрабатывала иностранную прессу.

Впечатляет размах деятельности 3-го отдела. Им создается широкая агентурная сеть в различных регионах земного шара. Его специалисты создавали тайные базы и организации, питавшие горючим и продовольствием подводные лодки, действовавшие по всей Атлантике, и крейсера-рейдеры, наносившие удары по транспортам противника. Опорные базы для тотальной войны без правил морская разведка рейха создала на Кубе, в Испании, Бразилии, Аргентине, Панаме, в Мексике. Лишь за первые шесть месяцев Второй мировой на содержание агентуры 3-го отдела немцы израсходовали 5,5 млн. долларов.

В состав 3-го отдела вошли также Группа иностранной прессы (сбор, изучение, анализ иностранной литературы и радиоматериалов) и Группа иностранного торгового судоходства. Специальная референтура последней изучала состояние морских коммуникаций враждебных и нейтральных государств, минную обстановку на морях. Референтура «А» ведала изучением торговых флотов стран Северной и Южной Европы, «С» – занималась балтийскими коммуникациями и непосредственно выявлением планов СССР и его союзников по морской войне против Германии. В феврале 1944-го 3-й отдел передал в штаб Главного командования ВМФ.

Важным морским разведорганом являлось Управление связи Штаба Главкома ВМФ. В его общем отделе работали подразделения радиоконтрразведки, постановки радиопомех и дезинформации. В состав отдела радиоразведки входило 10 референтур. Первая и вторая вели радиоразведку против Англии и ее доминионов, третья – против США, четвертая работала по СССР и Франции. В отделе было и четыре исследовательские референтуры.

В Советском Союзе сбор информации о флоте противника возлагался на 1-е (разведывательное) Управление Народного Комиссариата Военно-Морского Флота (НКВМФ). Война с нацистской Германией, развивавшаяся не по сценарию «малой кровью на чужой территории», выявила существенные недостатки в разведывательном обеспечении морских театров военных действий.

В частности, существовавшая разведсеть не удовлетворяла потребности ВМФ, не был сформирован квалифицированный резерв для создания зафронтовых разведывательно-диверсионных групп. Дефицит кадров приходилось восполнять наспех, без соблюдения необходимых требований к бойцам тайного фронта. Известен случай, когда летом 1941-го сотрудник разведотдела ЧФ, не мудрствуя, построил кандидатов на нелегальную работу в шеренгу и скомандовал – «Кто не трус – выходи направо, кто трус – налево!» Человек с 20 шагнуло вправо, но как сложилась их деятельность в тылу врага, догадаться нетрудно.

Справедливости ради следует отметить, что с течением времени военно-морской разведке удалось преодолеть трудности роста и создать эффективно работающие спецгруппы. Одна из них, например, заброшенная разведотделом Северного флота (СФ) в Норвегию, 9 месяцев проработала на побережье, снабжая командование сведениями о передвижении кораблей противника, и благополучно вернулась на «Большую землю». С 1943-го энергично создаются школы подготовки зафронтовых разведчиков по линии ВМФ, подразделения по руководству разведывательно-диверсионной работой в тылу врага. Это позволило перейти к масштабным зафронтовым операциям. Так, разведка Балтийского флота провела успешные операции «Прима», «Бухта», «Залив», «Шторм», «Циклон». Подобные операции осуществили разведки ЧФ и СФ.

В годы войны советские контрразведчики нанесли чувствительные удары по агентурным позициям противника на флоте. Однако поначалу хватало и случаев вопиющей халатности. Приведем лишь один пример. В 1942-м за линию фронта в составе разведывательно-диверсионной группы забросили выпускника Берлинской разведшколы обер-ефрейтора Флогера. Отбившись от группы, он был захвачен и доставлен в разведотдел ЧФ. На допросе Флогер достойно применил полученную подготовку и отвел внимание от своей настоящей миссии некоторыми «чистосердечно сообщенными» второстепенными сведениями о местах дислокации авиации. Более того, шпион так сподобился расположить к себе советских разведчиков, что его ... оставили в разведотделе ЧФ, где он 10 месяцев работал чертежником, рисовал секретные карты, оформлял оперативную документацию (!),

изучал русский язык и запанибрата общался с руководителями и оперработниками. Как знать, чем бы кончилась «дружба» с немецким камрадом, если бы не вмешательство контрразведчиков, доказавших причастность ефрейтора к вражеской спецслужбе.

Немцы активно использовали возможности радиоразведки. Одной лишь абверкоманде на Балтике удалось с марта по июль 1943-го перехватить и расшифровать 43 задания разведке Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) по выявлению кораблей и авиации, вскрытию системы береговой обороны немцев. Этот же немецкий разведорган захватил ряд советских разведчиков-радиостов. Их подвела недооценка значения закрытой связи – выходя в открытый эфир, заброшенные в тыл немцев группы становились легкой добычей противника. С помощью захваченных радиостов противник за полгода провел 15 оперативных игр с разведкой КБФ, сумев выяснить ее устремления.

Для того чтобы «расколоть» пленных, немцы изобретательно применяли пытки. В норвежском городе Тронхейм гитлеровцы оборудовали несколько специальных камер для допросов разведчиков с пристрастием. В одной из них стоял цинковый чан – в него сажали пленного и включали воду. Жертве давали черпак – вычерпывать воду, чтобы не захлебнуться. Когда человек выбивался из сил, особого выбора не оставалось – утонуть или сломаться.

Только на Балтике к февралю 1945 года немцы имели свыше 20 стационарных станций радиоразведки. Радиоразведка в целом принесла гитлеровцам больше сведений, нежели все остальные разведподразделения ВМФ. Одним из результатов активной войны в эфире стала гибель многих советских судов, на которые неприятельские подлодки и авиация наводились по данным радиошпионажа. Лишь за навигацию 1942 года в Карском море погибло несколько малых боевых кораблей, пять транспортов и ледокол «Сибиряков».

Радиоконтрразведка довольно успешно вскрывала коды британского флота, заранее зная о выходе и маршрутах конвоев в Мурманск. Большую помощь немцам в расшифровке радиопереговоров КБФ и советских сухопутных соединений до штаба армии включительно оказала разведка союзной Финляндии.

Не имея морской авиации как самостоятельного рода ВМФ, немцы широко использовали для морской разведки приспособленные самолеты или специальные морские разведчики люфтваффе. Фотографирование объектов или разведка метеобстановки осуществлялась с высот до 13 км. За период войны зарегистрировано свыше 74 тыс. разведполетов противника над советскими военно-морскими базами (из них почти 38 тыс. – на Черном море). Отдельные успехи немецкой авиаразведки дорого обходились советской стороне.

Как пример приведем следующий трагический случай. В октябре 1943-го три новейших корабля ЧФ – лидер эсминцев «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Способный», готовясь к налету на оккупированное южное побережье Крыма и коммуникации противника, двое суток простояли у причалов Туапсе. Были грубо нарушены, как показали выводы Государственной комиссии, требования к обеспечению скрытности и разведобеспечению предстоящей операции. Место базирования противник засек с воздуха, самолеты-разведчики выявили дивизион и в походе. Последовал бомбовый удар, приведший к потере всех трех кораблей и 700 краснофлотцев.

Отдельно следует сказать о территориальном органе военно-морской разведки, действовавшем на украинской земле. В январе 1942-го на Черноморском театре создается мощное подразделение разведки Штаба главнокомандующего морскими силами на Черном море – команда «Нахрихтенбеобахтер» (НБО). Она имела разветвленную структуру: управление (до 90 сотрудников), две разведывательные команды, диверсионная команда, группа по вербовке захваченных моряков, лагерь военнопленных, школа подготовки агентуры. В состав одной из разведкоманд входили группы по радиоразведке и связи с агентурой, захвату и изучению документов затонувших судов, по опросу пленных, вербовке агентуры, по контрразведывательной защите. НБО базировалась в Симферополе, затем в Одессе (при эвакуации оттуда в Кишинев перевели свыше 500 агентов, не считая оставленных со спецзаданиями на освобожденной территории!). Следует признать высокую квалификацию агентуры НБО – в 1943–1945 гг. контрразведка СМЕРШ ЧФ выявила всего 44 агента из сотен заброшенных, из которых 17 явились с повинной.

НБО имела и карательное подразделение – легион «Черное море» из 500 отборных головорезов, предназначенный для противопартизанских и диверсионных действий. Легион в жестокости ничем не уступал коллегам из СС и СД.

Команда, которой чекисты присвоили условное наименование «Акулы», взаимодействовала с разведывательными отделами морских комендатур (во всех приморских городах Украины), комендатуры Кавказа. Постепенно НБО распространила разведывательно-подрывную активность и на Северный Кавказ, собирая сведения о частях Северо-Кавказского фронта. В 1943-м даже создается разведшкола НБО для подготовки 600 агентов из членов «Северокавказского карачаевского комитета». Отдельные спецгруппы НБО обезвреживались в районе Грозного – им ставились разноплановые разведывательные задачи.

На Черноморском театре гитлеровская морская разведка взаимодействовала с морской группой румынской военной разведки ССИ, отделом 1-Б (разведка) венгерской Дунайской флотилии. При этом румынская разведка (в ее составе имелась группа «Т» для координации работы с абвером) сумела добыть значительный объем данных о Красной Армии, ее вооружениях, советском военно-промышленном потенциале. Через разведку прогитлеровской нейтральной Турции немцы также получили немало сведений о Черноморском бассейне и Кавказе.

Немецкая военно-морская разведка стала одной из важнейших составляющих реализации планов достижения господства на море, вынашиваемых лидерами германской военной машины. Наряду с ней большие надежды возлагались на диверсионные силы. Однако они заслуживают отдельного повествования.

Несмотря на строгие ограничительные условия Версальского договора, уже в 1920-х годах в Германии разрабатываются идеи применения боевых пловцов, управляемых катеров-подрывников, человекоуправляемых торпед. В 1940–1941 годах отмечены попытки применения диверсантов против английских морских объектов, а в Любеке начинается производство снаряжения для подводных диверсантов.

Задолго до нападения на СССР в Финляндии органом абвера «Ко-Финляндия» начинается формирование добровольческих ди-

версионных отрядов, создается отдельный 161-й разведывательный батальон. С началом боевых действий диверсионные группы перебрасываются в Прибалтику для подрывных акций и развертывания повстанческого движения.

В состав управления «Абвер-заграница» входил морской реферат отдела Абвер-II (диверсии), ведавший разработкой диверсионных средств. В 1941–1943 годах основными диверсионными подразделениями флота считались отдельная рота морской пехоты и «водная рота» дивизии спецназначения «Бранденбург». Целями диверсантов определялись боевые и транспортные суда противника, важные береговые объекты, портовые сооружения, трубопроводы, средства связи.

Отдельной страницей истории немецких морских диверсантов стало сотрудничество с весьма квалифицированными итальянскими спецназовцами из 10-й флотилии ВМФ. Летом 1942-го на Черное море прибыл отлично оснащенный диверсионный отряд этого подразделения (6 малых подлодок, 5 управляемых катеров, 5 торпедных катеров и 10 охотников за подводными лодками). Итальянцы каждую ночь совершали налеты на советские корабли, береговые объекты, расстреливали спасавшихся вплавь моряков с потопленных судов. Тогда же решили перебросить немецко-итальянский спецотряд, сосредоточившийся в Мариуполе, на Каспий. Однако крах попыток овладеть Кавказом оставил это начинание без результата.

Адмирал Дениц, сменивший в 1943 году адмирала Редера на посту Главкома ВМФ, одной из первоочередных задач выдвинул создание специальных диверсионно-штурмовых соединений «малых средств» как самостоятельного рода сил Кригсмарине. Основной единицей диверсионно-штурмовых сил определяется дивизион в составе флотилии сверхмалых подводных лодок (30 единиц), флотилии подрывных катеров (30 единиц), отряда подводных диверсантов, роты морской пехоты и группы человекоторпед.

Подрыв английскими мини-подлодками «Икс-Крафт» германского линкора «Тирпиц», на несколько месяцев вышедшего из строя, произвел революцию во взглядах руководства Кригсмарине на применение диверсионных средств. В начале 1944 года в местечке Хейлингенхафен на Балтике начинается обучение первых 30 морских диверсантов.

*Аквалангист времен
Второй мировой войны*

Интересна система отбора и подготовки морских спецназовцев. Из лучших военно-служащих флота отбирались кандидаты. Им давалось 24 часа на размышление о переходе в касту морских диверсантов. Предпочтение отдавалось участникам боевых действий на Восточном фронте — считалось, что «они прошли самое трудное, что можно себе представить».

Отобранных подвергали проверке на лояльность и состояние здоровья. Распорядок дня при подготовке был следующим: подъем в 6 утра, утренний туалет, завтрак, занятия по военно-морской, строевой подготовке, техническая и политическая подготовка, спорт, для отдыха — кино и театральные постановки. Спиртное запрещалось, зато в еде и сигаретах ограничений не было. Одним из испытаний являлось суточное пребывание в комнате со столом и стулом. Выдавалась плитка шоколада, термос кофе, бутылка кола-колы и кусочек кекса. Сутки запрещалось вставать, ходить, разговаривать, курить и спать. Далее шла проверка смелости и умственных способностей. Затем по полной программе развертывалось обучение диверсионному ремеслу, как правило — в ночное время. О воспитанниках спецшколы говорили — «Бога они боятся, но больше ничего на свете».

К марту 1944-го появилось первое морское диверсионно-штурмовое соединение, включившее отряды №№ 60, 65 и 71 обер-лейтенантов Принцхорна, Рихарда и Вальтерса. Каждый высококомобильный отряд мог автономно действовать до шести недель. В него входило 23 человека, 3 авторадиостанции, кухня и 12 грузовиков, 2 амфибии. Отряды убыли во Францию и Данию для ударов по морским средствам высадки союзников.

К 1944 году из состава «Бранденбурга» в ведение флота передаются все специальные морские средства. Общая численность соединения диверсионно-штурмовых сил флота (соединение «К») из трех дивизионов достигла 16 тыс. человек. Соединением «К» со временем командовал капитан 3 ранга Бранди, получивший до того, как подводник, высшую боевую награду — Рыцарский крест с мечами, дубовыми листьями и бриллиантами.

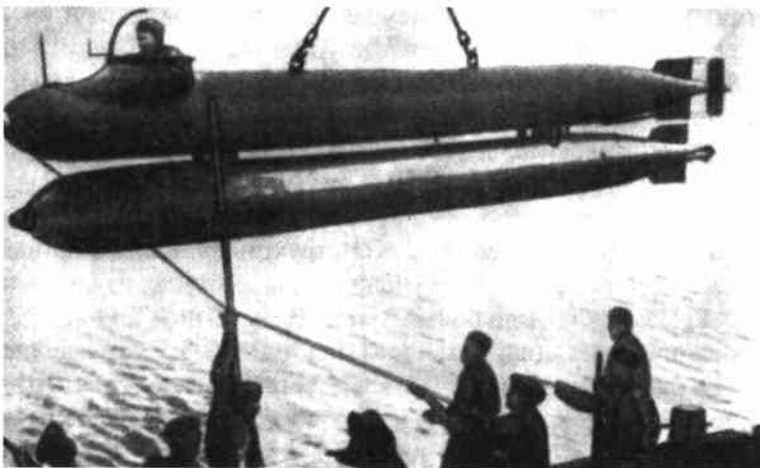
Терпя военный крах, в рейхе все чаще обращались к использованию почти самоубийственного, но дешевого оружия. Как пример можно привести «одноразовый» истребитель «Наттер» («Гадюка»), который нес батарею неуправляемых ракет для расстрела с близкого расстояния тяжелых бомбардировщиков англосаксов (пилот, выпустив боекомплект, прыгал с парашютом).

...Командир подлодки Ганно Криг (как офицер субмарины U-81 он участвовал в потоплении 13 ноября 1941 года английского авианосца «Арк Ройал») наконец-то получил отпуск в марте 1944-го — намечалась свадьба. Но в день бракосочетания пришла телеграмма — Крига вызывал сам главнокомандующий флотом Дениц («Папа» или «Лев», как называли его подводники). Гросс-адмирал показал офицеру чертежи странной «двойной» торпеды. Её испытания проходили в НИИ торпедного вооружения в Эккернферде.

Немцы разработали управляемые человеком торпеды. В 1944 году инженер Рихард Мор спроектировал управляемую торпеду «Неггер» («Негр»). Она представляла собой две электрические торпеды, одна над другой с зазором в 15 сантиметров. В верхней размещался в маленькой кабине водитель, а нижняя торпеда несла боеголовку весом в полтонны. Приблизившись к цели, водитель направлял боевую торпеду в борт противника и быстро удалялся. Водоизмещение достигало 2,8 тонны, длина — 7,6 метров. Конструкция была явно неудачной. Погружаться «Неггер» не мог, купол кабины выступал из-под воды на 45 см, открывать его было опасно, могло захлестнуть водой. Дышали через кислородный аппарат Даггера, водители часто отравлялись углекислым газом. Из-за неустойчивости торпеды вероятность попадания в цель была невысока. Случалось, что боевая часть не отсоединялась и влекла водителя за собой. По немецким же данным, из-за несчастных случаев погибло до половины «Неггеров».

Для управления торпедами набирали добровольцев из солдат и матросов (в отличие от водителей японских человекоторпед «Кайтен», они не были смертниками). Для передачи опыта учебный центр человеко-торпед трижды посещал знаменитый Боргезе – князь, капитан 2 ранга, командир 10-й флотилии специальных средств ВМФ Италии, награжденный боевым «Савойским крестом» за организацию отчаянных атак управляемых боевыми пловцами торпед на английские линкоры на рейде Александрии 18 декабря 1941-го. Тогда подорвали и надолго вывели из строя линкоры «Велиэнт» и «Куин Элизабет», а англичане полностью лишились кораблей этого класса на Средиземном море.

«Неггеры» бросили в бой на 55-ю годовщину со дня рождения фюрера, 20 апреля 1944 года. На западное побережье Италии отправили партию из 40 торпед под командованием лейтенанта Крига. Из-за технических проблем в атаке приняло участие 17 торпед. Добравшись до целей, их водители обнаружили, вопреки ожиданию, не транспорты, а противолодочных «охотников». В бою 4 торпеды были уничтожены (немцы утверждали о потоплении двух кораблей, союзники это отрицали). Шесть водителей, выпустив боевые торпеды, затопили транспортные и пробрались за линию фронта, а семеро добрались до своих прямо на торпедах. Правда, союзникам удалось захватить в плен одного водителя и исправную покинутую торпеду.

Торпеда «Неггер»

Определенных успехов новому оружию рейха удалось добиться в июле 1944 года, атакуя высадку союзников в Нормандии. Человекоторпедами потопили устаревший английский крейсер «Дрэгон» с польским экипажем, эсминец «Айсис» и несколько сторожевиков. В первой атаке 5 июля потеряли 12 торпед из 26. В атаке 7 июля из 21 «Неггера» вернулось 5. В последующих нападениях от поломок погибло большинство торпед.

На смену «Негру» пришла его модификация «Мардер» («Куница»). На ней установили помпу и цистерну для балласта, что позволяло торпед в исключительных случаях погружаться на глубину до 30 метров. Океанскую подлодку U-997 оснастили устройствами для транспортировки 4 торпед. Вынашивались планы атаки «Мардерами» конвоев союзников, идущих в Мурманск.

Реально же применили их 3 августа 1944-го в Ла-Манше. До полусотни торпед пошли в атаку. По ошибке подорвали старый крейсер «Дурбан», затопленный как искусственный мол. Был торпедирован и затонул с экипажем миноносец «Куорн». В ответ британские корабли открыли ураганный огонь из скорострельных автоматов, пытаясь поразить мелькающие среди волн купола кабинок «Мардеров», на них же сбрасывали глубинные бомбы. Погибло до 40 торпед.

Последнюю массированную атаку «Мардерами» предприняли 17 августа 1944 года. С воздуха и артогнем союзники уничтожили 26 торпед. Неудачной оказалась и попытка боевых пловцов с помощью таких торпед уничтожить стратегический мост через Рейн у города Ремагена в марте 1945 года.

Разрабатывались и другие морские специальные средства. Малый диверсионный катер «Линзе» нес заряд в 300 кг взрывчатки и развивал скорость до 30 миль в час. «Линзе» действовали звеньями по три – два катера-мины и катер радионаведения. Выбрав цель, водитель катера выбрасывался в воду, и наведение осуществлялось по радиолучу. Катерами вооружили 211 флотилий соединения «К» капитан-лейтенанта Кольбе. 2 и 7-8 августа 1944-го флотилия атаковала корабли союзников. 16 звеньев катеров у берегов Нормандии уничтожили 12 судов общим водоизмещением 43 тыс. тонн, включая два эминца и танкер. Два экипажа потеряли от огня штурмовиков. Возвращавшихся из набега катерников на берегу встречал инспектор

*Управляемый диверсионный катер
«Линзе»*

подразделения капитан первого ранга Беме, наливавший каждому уцелевшему по чайному стакану водки. На смену «Линзе» должен был прийти катер «Дельфин» с зарядом в 1200 кг.

2 января 1944 года в альпийском местечке Вальдано под руководством итальянских инструкторов 30 лучших пловцов Германии начали «переквалифицироваться» в боевых пловцов.

Отличилась 60-я команда Принцхорна – на ее счету 24 диверсии. Вот некоторые из удачных операций. В конце августа 1944-го союзники захватили батарею «Бак-дю-Од» (три стопятидесятимиллиметровых дальнобойных орудия) и могли обратить ее против прежних владельцев. Семеро диверсантов во главе с Принцхорном ночью скрытно выдвинулись на катерах, незаметно для охраны, ведомые артиллеристом-немцем, пробрались на батарею, заложили заряды в стволы, сооружения и подорвали их с безопасного расстояния.

Крупнейшим центром снабжения союзных войск служил огромный порт Антверпена. В ночь на 16 сентября «черти» Принцхорна на двух «Линзе» сумели подвести тонную мину-торпеду к воротам шлюза на реке Шельда. Прогремевший в 5 утра мощный взрыв вывел шлюз из строя и три месяца Антверпен не мог принимать суда. 29 сентября три группы по 4 диверсанта отправились уничтожать минами-торпедами (их буксировали вручную в ледяной воде, ночью) стратегические мосты через Рейн у Нейменгамена. Удалось подорвать железнодорожный мост, однако 10 диверсантов оказались в плену. Двое вышли к своим, причем один спецназовец, выйдя на берег, уложил врукопашную двух английских солдат, пытавшихся его схватить, отсиделся в дупле и вернулся на базу.

Для действий против советской стороны 26 февраля 1945-го сформировали группу «Боевых пловцов Ост» (16 бойцов). Они разместились на острове Узедом на Балтике. В марте они взорвали пять мостов в Померании буквально на глазах у советских войск.

15 марта 1944-го со стапеля в Любеке для 261-й флотилии соединения «К» сошел первый экземпляр одноместной мини-подлодки «Бибер» («Бобер») длиной 8 метров, вооруженной двумя «угрями» (так в Кригсмарине называли торпеды). Всего до конца войны на воду спустили 325 «Бобров»! В декабре 1944 – феврале 1945-го 110 таких лодок совершили несколько диверсий – результат более чем скромный. Конструкция, особенно двигатели, оказались ненадежными. Так, 5 января 1945-го из северной Норвегии вышли три субмарины, каждая из них несла на корпусе по два «Бибера». Целью они имели Ваенгу (нынешняя главная база Северного флота РФ Североморск), где стоял линкор «Архангельск» (переданный СССР Англией «Ройал Соверен»), авианосец и крейсера английских конвоев, много транспортов. Однако в походе выявились неисправности двигателей 4 «Биберов» и дерзкую операцию отменили. Производство этих лодок свернули.

С «Бибером» связан и план одной далекоидущей операции. Предполагалось погрузить катера на транспортный самолет, десантировать их в Суэцком канале, подорвать крупное судно и заблокировать движение.

На смену упомянутым лодкам пришел двухместный (командир и бортинженер) «Зеэхунд» («Морская собака»), оснащенный двумя торпедами на внешней подвеске. Время на погружение – 4 секунды при 27–30 для обычных подлодок. Аппарат получился надежный – лодка капитана Ливониуса выдержала на глубине 60 м взрывы 76 глубинных бомб и вернулась на базу. До апреля 1945 года 70 «Морских собак» оперировали между устьями Темзы и Шельды, потопив суда противника водоизмещением в 120 тыс. тонн, хотя для огромного союзного флота это был комариный укус.

К концу войны в распоряжение диверсантов рейха поступила сверхмалая под-

Мини-подлодка «Бибер»

лодка типа «23». Она имела электродвигатель для бесшумного хода и проникала сквозь сильную противолодочную оборону Британии. Ни одна из таких лодок не была потеряна в боях. Тип «23» собирались применить в операции «Ганнибал» с целью перерезать снабжение по морю союзных войск в Европе. По одной из версий, советская подлодка С-13 Александра Маринеско, потопив 30 января 1945-го суперлайнер «Вильгельм Густлоф», пустила с ним на дно экипажи полутора сотен субмарин – до 7 тысяч подводников из Данцигской школы. Не зря капитана 3 ранга объявили личным врагом фюрера.

К маю 1945 года только на северном театре боевых действий имелось 230 самовзрывающихся катеров и 240 человекоторпед. Летом 1944-го гитлеровцы применили и другое «чудо-оружие» – электроторпеды «Крапивник», шедшие на шум винтов и не оставлявшие пугающего следа на поверхности.

Создание в Германии первых образцов межконтинентальных баллистических ракет (А9/10 конструктора Вернера фон Брауна с дальностью полета до 5 тыс. км и боевой частью с тонной мощного тротила «Аматол») породило проект использования «оружия возмездия» непосредственно по США (операция «Эльстер» – «Сорока»). Руководитель диверсионных операций рейха Отто Скорцени подобрал двух диверсантов. Их высадили на атлантическом побережье США с подлодки U-1230 30 ноября 1944-го. Однако диверсантов, пытавшихся завербовать в помощники американца, уничтожила береговая охрана. В их багаже нашли мощный радиомаяк – установленный на самом высоком здании тогдашнего мира, «Эмпайр Билдинг» в Нью-Йорке, маяк наводил бы на цель ракету, запущенную со специальной платформы, буксируемой океанской субмариной.

Это, конечно же, весьма настрожило американцев. За всю войну на ее территорию упала только пара зажигательных авиабомб, сброшенных 15 августа 1942-го с японского легкого бомбардировщика «Аягумос» в леса штата Орегон – пилот Фудзита стартовал с подлодки И-25. Поэтому в январе 1945-го командующий 4-м флотом США адмирал Ингрэм заявил о реальной угрозе ракетного обстрела восточного побережья. На перехват лодок-ракетоносцев бросили 4 авианосца, 44 эсминца, все корабли береговой охраны и противолодочную авиацию. Лишь когда в апреле удалось потопить три и захватить пос-

ледную из четырех немецких субмарин, вышедших для атак атлантических коммуникаций (операция немцев «Морской волк»), дали отбой «ракетной тревоге».

...В последние дни агонии рейха Гитлер высказал особое доверие к флоту, назначив Деница своим преемником. «Бесноватый» распорядился направить морских диверсантов на укомплектование личной охраны. 27 апреля 30 добровольцев, увешанных оружием, сели в транспортный Ю-52. Однако в горящем Берлине уже не было пригодных посадочных полос, а прыгать прямо в пекло уличных боев не захотели даже выдавшие виды диверсанты.

История с немецкими морскими диверсантами лишней раз подчеркивает, от какого упорного, фанатичного и технически изобретательного врага пришлось избавлять человечество странам антигитлеровской коалиции.

ВОЗМЕЗДИЕ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Сотрудничество с державами гитлеровского блока до сих пор является одной из наиболее острых и непростых в оценках проблем истории Второй мировой войны. Охватив миллионы людей, коллаборационизм имел различные корни и проявления, наиболее ужасным из которых стало участие в истреблении собственных соотечественников.

Чтобы подчеркнуть всю сложность проблемы коллаборационизма времен Второй мировой, приобретшего поистине всемирный масштаб, приведем такие цифры. Из 3,7 млн. военнопленных, взятых на Восточном фронте, 464147 были представителями народов Западной Европы, то есть стран, оккупированных третьим рейхом! Возникает вопрос: что подвигло их воевать со страной, перемоловшей 507 из 607 дивизий гитлеровской коалиции? Не случайно Гитлер 30 июня 1941 года заявил о «европейском единстве в результате совместной войны с Россией». Упомянутые европейцы, подчеркнем, сражались в добровольческих национальных формированиях, как правило, принадлежавших к элитным войскам (ваффен) СС.

Среди 37 ваффен-гренадерских дивизий СС, принявших участие в боях, было десять европейских добровольческих (еще одна дивизия не воевала). Кстати говоря, иные авторы ошибочно утверждают, что Нюрнбергский процесс, отнеся СС к числу преступных организаций, сделал исключение для полевых войск СС. Это неправда — в приговоре Международного трибунала даже есть подраздел о войсках СС, включенных в число преступных формирований наряду с другими элементами организации СС.

В частности, западноевропейцы образовали дивизии «Шарлемань» (французская), «Нордланд» (скандинавская), «Лангемарк» (бельгийско-фламандская), «Нидерланды», «Данемарк» (датская), а также бельгийскую бригаду «Валлония» (разбитую в Корсунь-Шевченковском котле на Черкащине). Из мусульман Боснии создали дивизию СС «Хандшар» (специальный кинжал для отрезания голов).

Наивно полагать, что французов и бельгийцев вдохновляла борьба с большевизмом как политическим строем и идеологией. Еще 20 июня 1941-го будущий министр восточных территорий Альфред Розенберг

в директивной речи сказал о простаках, верящих в «освобождение бедных русских», тогда как целью войны является «проведение германской мировой политики». Как писал в 1953 году немецкий профессор К.Пфеффер, «большинство добровольцев из стран Западной Европы шли на Восточный фронт только потому, что усматривали в этом общую задачу для всего Запада». Достаточно сказать, что во французском Сопротивлении погибло в борьбе с нацизмом в 2,5 раза меньше людей, чем французов на Восточном фронте (соответственно 20 и 50 тысяч). Кроме того, в Германии трудилось до 10 млн. квалифицированных рабочих из стран Западной Европы.

Маленькая Латвия дала 150 тыс. добровольцев в две латышские дивизии СС (треть из них погибли), «свою» дивизию СС образовали эстонцы, около 14 тыс. галицких украинцев вошло в 14-ю дивизию СС «Галичина». Их отобрали из 82 тыс. добровольцев, хотя все командные должности от батальонного звена включительно занимали немцы. В 1944 году «Галичина» погибла в Бродовском котле на Львовщине — из 11 тыс. ее бойцов прорвалось из окружения три. Попутно отметим, что набор добровольцев в «Галичину» объявила ОУН А.Мельника, и дивизия никакого отношения к Украинской повстанческой армии под политическим руководством ОУН С.Бандеры не имела.

Известны также батальоны «Роланд» и «Нахтигаль» из украинцев, входившие в состав полка спецназначения «Бранденбург-800» (распущены с началом репрессий нацистов против сторонников ОУН-Б после провозглашения ими независимости Украины во Львове 30 июня 1941 года), Буковинский курень. Отметим, что тщательные исследования современных украинских историков (евреев по национальности) опровергают распространенное мнение об участии Буковинского куреня в расстрелах в Бабьем Яру — это формирование прибыло в Киев спустя месяц—полтора после этого преступления оккупантов.

Всего же за годы войны немцы сформировали из выходцев из различных регионов Украины до 80 батальонов вспомогательной полиции (шущманшафта) численностью около 50 тыс. человек (в 1943-м по команде провода ОУН-Б 5 тыс. украинских шущманов перешло с оружием к украинским повстанцам). По данным Украинского музея Великой Отечественной войны, полиция принимала участие в уничтожении примерно 300 украинских сел, они же привлекались к ка-

рательным операциям в Белоруссии, а 200 бойцов 31-го украинского батальона шуцманшафта перебросили для подавления Варшавского восстания в августе 1944 года (этот батальон возник на основе Украинского самооборонного легиона ОУН А.Мельника).

Память о свирепом терроре «расказачивания», инициированного в 1919-м Я.Свердловым и Л.Троцким, раскулачивание и Голодомор 1932–1933-го стали «генетическими» причинами сотрудничества с врагом казаков Дона и Северного Кавказа. К апрелю 1943-го в составе вермахта действовало до 20 конных казачьих полков по 400–1000 сабель в каждом. 21 апреля создается 1-я казачья кавалерийская дивизия в составе 1-й Донской и 2-й Кавказской казачьих кавалерийских бригад 19 тыс. бойцов), преобразованная 25 февраля 1945 года в 15-й казачий кавалерийский корпус СС (две дивизии, 25 тыс. человек, из них до 5 тыс. немцев). Как известно, союзники выдали казаков советской стороне, что вызвало волну самоубийств среди «казаков СС».

Зародившаяся в районе Орла и Брянска на основе антибольшевистского партизанского отряда (действовал со времен коллективизации!) Русская освободительная народная армия (РОНА) стала основой 29-й русской дивизии СС. Дело в том, что в районе поселка Локоть Орловской области украинец Константин Воскобойник (убитый партизанами 8 января 1942-го) и полунемец-полуполяк Бронислав Каминский создали своеобразную республику. Лояльная немцам «Локотская республика» имела свою администрацию, милицию, несколько заводов и оружейные мастерские, банк, 249 мельниц и 345 школ, защищала имущество от советских партизан. Советские законы отменили, издав приказ «О восстановлении справедливости в отношении раскулаченных»!

Стоит ли удивляться, что к весне 1943-го РОНА имела 20 тыс. штыков, а после отступления с немцами воевала в Белоруссии. Русская штурмовая бригада (2 тыс. человек) так лютовала во время подавления Варшавского восстания 1944 года, что ее командир Б.Каминский был осужден военно-полевым судом СС за насилие над мирным населением и расстрелян. Кстати, распространенная версия об участии в подавлении этого восстания дивизии «Галичина» лишена оснований – правда, ее остатки применялись для антипартизанских мероприятий в Югославии и Словакии.

Массовым явлением стали так называемые «хивис» («готовые помочь») – вспомогательный персонал немецких соединений на Восточном фронте из числа советских граждан. К ноябрю 1941-го на советско-германском фронте вышло из строя 740 тыс. солдат вермахта, и весь состав полевых запасных батальонов (320 тыс.) не мог компенсировать потери. Тогда командование узаконило практику набора добровольцев и военнопленных «хивис», число которых доходило до 15% общей численности пехотных дивизий. Нередко, вопреки категорическому запрету А.Гитлера, «хивис» вооружали. Среди полумиллионного личного состава артиллерии мощной ПВО Германии были тысячи «добровольных помощников люфтваффе» из народов СССР, включая русских, прибалтов и украинцев (подносчики снарядов, проектористы, носившие повязки с национальной символикой).

Сотрудничали с немцами и их союзниками представители десятков народов мира, причем как колониально зависимых территорий, так и их европейских владельцев. Национал-патриотические и антиколониальные силы Азии рассматривали такие конъюнктурные

Немецкие офицеры с чинами 116-го батальона украинской вспомогательной полиции

связи как орудие борьбы с метрополиями. Достаточно вспомнить попытку пронемецких арабских националистов совершить антибританский переворот в Багдаде (январь 1941-го); сотрудничество со спецслужбами III рейха национал-патриотических организаций Индии и Афганистана, националистов английской Бирмы и Французского Индокитая с японцами, создание при помощи милитаристской Японии вооруженных формирований в голландской Индонезии.

В работах известных исследователей проблем партизанской борьбы в КГБ СССР приводятся такие социологические выкладки: в случае оккупации до 10% населения способны стать коллаборантами, в том числе 3% – активными, вооруженными пособниками противника; 70% обывателей займут пассивную, выжидательную позицию. Действительно, со спецслужбами агрессивного блока взаимодействовали в области разведывательно-диверсионной работы национальные комитеты азербайджанцев, армян, калмыков, туркмен, этнические россияне и крымские татары, другие народы СССР. В составе разведывательно-диверсионных формирований вермахта действовали спецподразделения «Бергман» («Горец», из народов Кавказа), «Тамара-2» (грузинское), «Межа Кати» («Дикая кошка», из латышей), «Эрна» (эстонское) и другие.

Не можем не вспомнить и о такой деликатной проблеме, как экономическая помощь рейху западных «рыночных демократий». Наиболее слабым звеном экономики Германии были, как известно, нефть и нефтепродукты. В годы Второй мировой войны принадлежавшая Рокфеллеру корпорация «Стандарт Ойл» передала Гитлеру бензина и смазочных материалов на огромную по тем временам сумму в \$20 млн. (от одного только венесуэльского филиала корпорации ежемесячно отправлялось 13 тыс. тонн нефти). Американскую нефть до середины 1944 года перевозил флот нейтральной Испании. Случалось, что немецкие субмарины в открытом море заправлялись горючим прямо из американских танкеров и шли охотиться за американскими же конвоями, перевозившими для СССР оружие (одних лишь танков 3734 и 14203 самолета) и продовольствие (его хватило бы на пропитание 10-миллионной армии в течение 1600 суток). И-за океана поставлялись дефицитные вольфрам, синтетический каучук, 30% произведенных заводами Форда автопокрышек.

Ярким примером противоречивости ситуации вокруг «сотрудничества народов с оккупантами» служит история крымских татар. Хотя большевики, нейтрализовав репрессиями и амнистией к осени 1921-го партизанское движение «зеленых» татар, даровали им национальную автономию, политика тоталитарного режима в Крыму принципиально не отличалась от остальных регионов. Синхронно со свертыванием украинизации началось давление и на коренных жителей полуострова. 9 мая 1928 года по приговору сфабрикованного процесса расстреляли инициатора курса на укрепление середняцкого хозяйства председателя ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимова (реабилитирован лишь в июне 1990).

Известными методами осуществляется сплошная коллективизация. До 1932-го расстреляли или сослали 3,5 тысячи татар, прежде всего представителей интеллигенции и духовенства, депортировали 36 тыс. «кулаков». Запыхали костры из древних манускриптов и книг крымскотатарским алфавитом. Как и во многих районах «раскуркуленной» Украины, оружием подавили восстания. Само собой, процессы против «националистов», «пантюкистов» и прочих «врагов народа» продолжались до 1941 года.

В годы войны 40 тыс. крымских татар влилось в действующую армию, семеро стало Героями Советского Союза, а летчик-ас Ахмет Хан Султан, сбивший три десятка вражеских самолетов – дважды Героем. Но уже в мае 1942 года Государственный комитет обороны (ГКО) планировал выселить этот народ и другие этнические группы Крыма. Удар Эриха Манштейна, двумя пехотными дивизиями без танков прорвавшего Перекоп, оставил план на бумаге. В рядах крымских партизан татары составили около 16%. Сообщения советских подпольных партийных комитетов свидетельствуют, что большая часть крестьян-татар лояльно относилась к партизанам, помогала им, укрывала раненых и окруженцев. Старейшины порицали перешедших на службу к «Гитлер-эффенди». В ряде мест оккупанты расстреливали татар десятками за помощь патриотам.

Вместе с тем последствия политики сталинизма и массивная демагогическая пропаганда гитлеровцев привели к формированию из татар «отрядов самообороны» и «народной милиции» по 200 – 350 бойцов. Они принимали участие в карательных акциях про-

тив партизан, расстрелах мирных жителей, грабежах, боевых действиях против Красной Армии. По современным данным, в них насчитывалось до 20 тыс. добровольцев-татар (Крымско-татарский легион из 8 батальонов), а также коллаборационисты других национальностей.

Тем не менее бюро Крымского обкома ВКП (б) и командование партизан предостерегали от формирования образа врага по национальному признаку, отмечая огульность обвинений в адрес всего татарского народа. Однако после изгнания захватчиков принцип персональной ответственности за содеянное подменили расправой над целыми этническими группами. По немецким данным, к январю 1945 года в вооруженных силах Германии еще служило 10 тыс. крымских татар (из 200 тыс. их общей численности к 1941 году).

13 апреля 1944-го НКВД и НКГБ издали совместный приказ «Об очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». На «зачистку» бросили 23 тыс. солдат спецвойск и 9 тыс. оперативников. Арестовали полсотни членов органов мусульманского самоуправления, до середины мая выявили около 14 тыс. «антисоветски настроенных элементов». 11 мая 1944-го ГКО, который возглавлял И. Сталин, принял постановление о насильственном выселении с полуострова 228543 человек (из них свыше 180 тыс. татар), а также армян, греков, болгар.

Операция по выселению началась в 18 часов 18 мая. Двадцать минут на сборы под прицелом — и менее чем за сутки к «местам назначения» в Узбекистан, Казахстан, Удмуртию, Кузбасс и другие «отдаленные районы СССР» отправилось 63 эшелона. Всего в мае сорвали с обжитых мест 188 тысяч татар — исключения не делали даже партийным и советским функционерам. Их участь разделили и десятки тысяч граждан упомянутых национальностей, итальянцы (жившие тут со средневековья), румыны, немцы и, рапортовали Л.Берия подчиненные, «до тысячи проституток с курортов Крымского побережья». Даже по официальным данным, на спецпоселении за год умерло почти 45 тысяч лишенных родины, а смертность среди них составила около одной пятой!

Только в сентябре 1967 года Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, которые проживали в Крыму» снял с целого этноса клеймо измены Родине. И хотя им разре-

шили селиться в Крыму, ни одного реального шага к возвращению сделано не было, власть, напротив, чинила этому всяческие препятствия.

Справедливости ради следует отметить, что трагедия народов, вызванная суровыми реалиями противоборства с агрессорами, не обошла и «цитадель демократии» — США. 19 февраля 1942 года президент Ф.Рузвельт отдал распоряжение в водворении в концентрационные лагеря со строгим режимом 112 тыс. японцев — то есть всех, проживавших в стране, хотя до Перл-Харбора было 3500 км от западного побережья. К слову, немцев Поволжья выселили при приближении вермахта на 600 км, а на Северном Кавказе депортации не коснулись осетин, кабардинцев, адыгейцев и черкесов, не пожелавших «выразить свое единение с Великой германской империей».

По подсчетам современных историков, с оккупантами сотрудничало 1,2-1,6 млн. советских граждан, из них 215 тыс. непосредственно находилось в боевых формированиях противника. Конечно, и сейчас большое значение имеет проблема мотивов перехода на сторону врага, ибо, по мнению криминологов, именно в особо опасных государственных преступлениях исключительное значение имеют «внутренняя сторона деяния и психологические свойства личности, в особенности побуждения и цели».

Мотивы были самые различные. Одними из основных стали обычный страх и желание выжить. Осужденный 19 марта 1969 года Кировоградским областным судом к смертной казни полицейский Д.Черный честно заявил: «Я боялся за свою голову, своя голова дороже всего». Тогда же в Кировограде понес наказание выданный властями США А.Литовка. Допрошенный

Бабин Яр

о мотивах перехода на сторону немцев он сообщил: «В полицию я поступил добровольно, так как мои родители были кулаками и советской властью были репрессированы, за что я хотел мстить... Не могу сказать, кто кому был врагом, поэтому и немцев не могу назвать врагами».

Анализ свыше 500 уголовных дел, проведенный исследователями КГБ в конце 1970-х годов, позволил выявить наиболее характерные мотивы сотрудничества с врагом (отметим, что эти выкладки предназначались не для партийных докладов или пропаганды, а посему имели объективный характер). Так вот, «враждебное отношение к советскому государственному и общественному строю» составило мотивы перехода к врагу в 44% случаев, «несогласие с политическим режимом в СССР» — 13%, «буржуазно-националистические взгляды» (то есть, если отбросить идеологические штампы, стремление к национально-му освобождению) — 10% (в Западной Украине — четверть случаев). Кстати, трудно понять, какое отношение к «буржуям» имела преимущественно крестьянская по составу УПА).

«Неверие в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками» составило 11% причин. Следует учесть, что переход к врагу в основном пришелся на 1941–1942 годы, период катастрофических поражений Красной Армии, только пленными потерявшей в 1941-м свыше 3 млн. человек, а всего до 1945 года в плен, по тщательным немецким подсчетам, попало 5231057 советских воинов, из которых выжило лишь 1155055. Таким образом, до 78% случаев перехода на сторону агрессора имели, по сути, социально-политические, национально-политические или военно-политические мотивы, и лишь остальные руководствовались «мотивами трусости, бытового характера, малодушием, корыстью».

Что же касается целей сотрудничества с гитлеровцами, то среди них выделялись «месть советской власти за репрессии родственников» (29%), желание «причинить ущерб СССР в силу своей враждебной настроенности к Советскому государству» (13%), уклонение от воинской службы (12%), стремление спасти свою жизнь (20%), корыстные мотивы и желание облегчить страдания в плену (17%). Таким образом, около 55% «изменивших Родине» преследовали вовсе не сугубо личные или бытовые цели. Вряд ли приходится этому удив-

ляться после страшной полосы насилия, начавшейся после октября 1917 года. В 1918–1922 годах население бывшей Российской империи в результате войн, террора, эмиграции, голода и эпидемий сократилось на 13–15 млн. душ. Начало 1930-х годов отмечено миллионными жертвами голодомора в Украине, на Дону и Северном Кавказе, Казахстане. Лишь в 1937–1938 годах к смертной казни приговорили около 682 тыс. советских граждан и лишили свободы 3,8 миллиона. Отдельно следует сказать, что за предвоенные два года население бывших земель Польши, оказавшихся в составе УССР и Белорусской ССР, уменьшилось на 400 тыс. Количество репрессированных в 3–4 раза превышало этот же показатель в созданном немцами на польских землях Генерал-губернаторстве при населении его в 2 раза меньше, чем в Западной Украине. За первых несколько дней войны в западных областях Украины при отступлении уничтожили 15–20 тыс. заключенных.

Советуем прочесть хотя бы книгу «Непокараный злочин» профессионального судмедэксперта О.Левицкого, руководившего эксгумацией предвоенных жертв сталинизма в Ивано-Франковске: выявлено 793 останка, из них 190 женских. Немало — в крестьянской одежде, это к вопросу о «рабоче-крестьянской» направленности политики новой власти... Гекатомбы надолгие годы шокировали население региона. Как писала Президиуму Верховного Совета СССР (10 июля 1971-го) связная командарма УПА Романа Шухевича, политзаключенная с 20-летним стажем Галина Дидык, «такое не забывается никогда, такое отчеканивается в сердце и передается поколениям». «Советизация западных областей УССР, — подчеркивается в промежуточных выводах Рабочей группы историков при Правительственной комиссии Украины по изучению деятельности ОУН и УПА, — которая сопровождалась ужасными репрессиями, превратила обе ОУН в непримиримых врагов советской власти».

Необходимо учитывать и то, что отказ СССР от присоединения к международным конвенциям о защите военнопленных и квалификация последних как изменников, введение репрессивных мер по отношению к их родственникам в немалой степени обеспечили оккупантам приток добровольных помощников.

Власть прекрасно понимала, что такое обращение с собственным народом, и населением присоединенных к СССР в 1939 — 1940 годах

территорий в том числе, обернется большим конфузом на международной арене. Не случайно материалы Международного военного трибунала в Нюрнберге так и не были полностью опубликованы в СССР. И дело не только в том, что представители защиты впервые предъявили секретные протоколы к советско-германским договорам 1939 года, хотя к их подписанию СССР подтолкнула англо-французская политика «умиротворения» агрессора и сознательная канализация его завоевательных устремлений на Восток, тогда как 100 французских дивизий могли просто раздавить рейх с его 5 дивизиями на Западе – остальные сражались в Польше.

По решению Правительственной комиссии под председательством Генерального прокурора СССР К. Горшенина, советская сторона требовала передачи главным обвинителем от США Р. Джексоном всех документальных материалов, касающихся СССР. Когда же стало понятно, что оглашения «политически невыгодных» материалов не удастся избежать, в Нюрнберг направили печально известного «теоретика социалистической законности» Андрея Вышинского для составления с союзниками перечня вопросов, оглашение которых «является недопустимым для обсуждения на суде». «Прокурор должен, где это надо, – наставлял “Андрей Ягуарович” членов Правительственной комиссии, – срезать обвиняемого, не давать ему возможности делать антисоветские выпады».

Среди крамольных проблем оказались:

- отношение СССР к Версальскому миру (читай – активная военно-техническая помощь рейхсверу в создании запрещенных после поражения Германии в Первой мировой войне авиации и бронетанковых войск);
- советско-германский пакт о ненападении 1939 года;
- посещение главой советской дипломатии В. Молотовым Берлина и визиты Риббентропа в Москву;
- проблема Прибалтики (присоединение которой в 1940-м могло трактоваться как преступление против мира);
- проблема советско-польских отношений (попрание нападения на Польшу 17 сентября 1939-го международно-правовых норм и советско-польского договора о ненападении 1932 года,

«пропажа» польских офицеров), западных Украины и Белоруссии (насильственная советизация и репрессии);

- «вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР» (без комментариев).

Однако и у западных демократий рыльце было основательно в пушку, и английская делегация также стремилась избежать некомфортных ситуаций. По мнению британцев, «срезать обвиняемых» полагалось, буде они начнут затрагивать «период до начала войны». Явно имелись в виду «странная война» с Германией, Мюнхенский договор о ненападении 1938 года, «сдавший» Гитлеру Чехословакию с ее мощными укрепрайонами, военной промышленностью и 45 боеготовыми дивизиями. Осмотрев укрепления на границе, фюрер ехидно изрек: «Мощь бетона велика, но она ничто, когда нет силы воли». Не подлежали обсуждению даже «возможные выпады против так называемого британского империализма XIX и в начале XX века» (!) и поведение англичан в войне против буров в Южной Африке в 1899–1902 годах (тогда, как известно, англичане впервые создали концлагеря и опробовали колючую проволоку, что могло натолкнуть на нежелательные аналогии).

Попутно отметим, что и советские карательные органы проявляли изобретательность в методах экзекуций. В 1993 году российские право-

Публичная казнь немецких военных преступников в Киеве (1946 год)

охранительные органы сообщили, что известные «душегубки» на колесах изобрел еще в 1936 году начальник административно-хозяйственного подразделения УНКВД по Ленинградской области Берг – приговоренных помещали в автофургон с надписью «Хлеб» и выведенной в кузов выхлопной трубой (самого Берга расстреляли в 1939-м).

Юридическая база привлечения к ответственности перешедших на сторону врага начала закладываться уже в ходе войны. 19 апреля 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан». По Указу, виновные в убийствах и истязаниях подвергались смертной казни через повешение, а их пособники карались каторжными работами на срок от 15 до 20 лет. 13 марта 1944 года Пленум Верховного Суда СССР принял постановление «О квалификации самовольного перехода линии фронта на сторону противника».

Отметим, что постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 ноября 1943 года освобождало от уголовной ответственности мелких служащих госучреждений, специалистов с высшим образованием (врачей, учителей, агрономов, инженеров), работавших по специальности на оккупированной территории, ибо их действия были направлены на помощь мирному населению. Однако на практике и эти категории лиц привлекались к ответственности. Так, гражданин Колобкова, жителя города Калинина, осудили к 8 годам лишения свободы за 5–6 дней работы бухгалтером склада городской управы (приговор отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР).

Случалось, что лишь спустя десятилетия восстанавливалась справедливость по отношению к людям, стремившимся обернуть сотрудничество с агрессором в пользу советской стороны. Так, 18 октября 1946 года военным трибуналом войск МВД Сумской области осужден за измену Родине в форме перехода на сторону врага Н.А.Щербина, учившийся в разведшколе на территории Германии. Лишь в 1968 году в ходе дополнительного расследования, проведенного по просьбе осужденного, выяснилось, что Щербина никакой «враждебной деятельности» не проводил, а наоборот, выступил инициатором создания в разведшколе патриотической группы из числа курсантов.

Уголовное дело по отношению к нему прекратили за отсутствием в его действиях состава преступления.

Отмененная 26 мая 1947 года смертная казнь 12 января 1950-го восстанавливается Верховным Советом по отношению к «изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

17 сентября 1955 года Указ Президиума Верховного Совета СССР применил амнистию к тем советским гражданам, которые оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами, однако амнистия не касалась «карателей, осужденных за убийства и истязания советских людей». По амнистии 1955 года до 1 января 1956-го освобождено 195353 человека, оставалось же осужденных по этой категории 113735 лиц. Интересную характеристику бывшим полицаям дал сын командующего УПА Юрий Шухевич, «отмотавший» в советских лагерях и тюрьмах 42 года: «Бывшие полицая считались самым ненадежным контингентом, ... в лагере представляли собой самую ненадежную в отношении доносительства публику. Многие из бывших полицаяев до войны служили в советской милиции, а в лагерях, как правило, устраивались в СВП – секции внутреннего порядка, короче, шли по “специальности”».

Ответственность за измену Родине устанавливалась Законом об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 года, статья 1-я которого предусматривала наказание за переход на сторону врага или оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР. Львиная доля работы органов КГБ по розыску и привлечению к ответственности лиц за измену Родине (по тогдашней терминологии) приходилась на тех, кто перешел на сторону врага в период Великой Отечественной войны. Так, в 1968 году указанные деяния составляли 86%, в 1976-м – 73% от общего числа дел «изменнического» характера, рассмотренных судами.

Юрий Шухевич

Наконец, 3 сентября 1965 года Президиум Верховного Совета СССР распространил на карателей применение своего Указа от 4 марта этого же года «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечества и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений».

Мероприятия по розыску военных преступников развернулись сразу же по освобождении оккупированных территорий. По мере изгнания врага из Украины органы госбезопасности приступали к выявлению оставленной на оседание агентуры противника и активных коллаборантов, прежде всего тех, кто запятнал себя кровью соотечественников. В их выявлении немалую роль сыграли оперативные источники, действовавшие на оккупированной территории. Некоторые из них инициативно устраивались в нацистские военно-административные органы, получали доступ к сведениям о лицах, активно сотрудничавших со спецслужбами противника. Розыск совершивших преступления, не имеющих срока давности, велся и десятилетиями после войны, в частности 4-м Управлением МГБ–КГБ, существовавшим до 1960 года.

Так, 26 февраля 1946 года при оказании сопротивления опергруппе Носовского райотдела УНКВД Черниговской области был убит бывший гауптшарфюрер (обер-фельдфебель) СС, командир роты батальона СС Оскара Дерливангера Иван Мельниченко. Упомянутый батальон пользовался особенно дурной славой: сформированный в

Каратель Самуил Прыщ

июне 1940-го из осужденных браконьеров, он пополнился на Востоке за счет военнопленных-добровольцев и уголовников, в 1944-м участвовал в подавлении Варшавского восстания и партизанского движения в Словакии. В 1941-м Мельниченко добровольно сдался в плен, участвовал в операциях против белорусских партизан, а уже после войны промышлял грабежами, убив оперработника НКВД Ронжина и лесника.

Нельзя не отметить профессионализм сотрудников органов госбезопасности Украины, чьи усилия позволили совершить возмездие над десятками кровавых прислужников оккупантов. В 1961 году ими найден «мастер душегубок» обер-вахман Самуил Прыщ, принимавший участие в уничтожении узников концлагеря Трешлинка. В 1965-м киевские чекисты разыскали свирепствовавших в Киево-Святошинском и Васильковском районах Г.Дмитренко и И.Михайлюка, осужденных к высшей мере наказания.

В 1971 году предстал перед судом военный преступник Ростислав Муравьев. В 1941-м он добровольно вступил в карательную команду, где командовал взводом, ротой, 57-м полицейским батальоном. Его подчиненные расстреляли или сожгли заживо сотни людей в Белоруссии и Смоленской области. Успел послужить в 30-й дивизии СС во Франции, а после войны осел под чужими документами в Киеве, где преподавал в строительном техникуме. Каратель и его подручные Федоренко и Гольченко разысканы УКГБ по Киевской области и приговорены к расстрелу военным трибуналом Белорусского военного округа.

В 1974 году УКГБ по Житомирской области разысканы и привлечены к уголовной ответственности Р.Вайс, В.Прищепа и еще трое карателей. При их непосредственном участии в 1942 – 1943 годах расстреляли 270 мирных граждан и группу советских разведчиков. Показательный пример заслуженной кары без срока давности – разоблачение карателя Григория Васюры.

Долгие годы советские люди были уверены, что зверское уничтожение белорусской деревни Хатыни вместе с ее жителями – дело рук непосредственно немцев. Однако дело обстояло несколько иначе. Варварский акт совершил 118-й полицейский батальон СС, укомплектованный выходцами из Украины. В этом подразделении служил

и 27-летний Григорий Васюра. Этот лейтенант РККА служил начальником связи укрепрайона 67-й стрелковой дивизии, имел незаконченное высшее образование и все задатки палача-садиста, быстро сделал карьеру и подвизался начальником штаба батальона. В 1941-м батальон принимал активное участие в уничтожении советских граждан, представителей разных народов СССР, в Бабьем Яру.

В тот страшный день 11 марта 1943 года подростки-партизаны подстрелили из засады шефа роты батальона, любимца фюрера, чемпиона в толкании ядра Берлинской Олимпиады 1936 года, гауптмана Ханса Вельке. В отместку каратели и устроили известную кровавую вакханалию, уничтожив 360 жителей Хатыни.

Васюре присвоили звание лейтенанта, наградили двумя медалями. Кровавый путь его пролегал через село Осовы, где сожгли 78 родственников партизан, контрпартизанскую операцию «Коттбус», расстрелы жителей ряда сел и 50 евреев. Всего же в Белоруссии каратели уничтожили свыше 200 деревень и 120 тыс. мирных обывателей.

Затем Григорий служил в войсках СС во Франции, а в фильтрационном лагере выдал себя за участника французского Сопротивления, благополучно вернулся на родную Черкасчину. Однако в 1952 году трибунал КВО осудил его за сотрудничество с немцами на 25 лет — о его карательных делах никто тогда не узнал. Правда, попал под амнистию 1955 года, поселился в Великой Дымерке Броварского района. Со временем стал членом КПСС, выбился на руководящую работу в агропромышленном комплексе — трудился заместителем директора большого совхоза. Две его дочери учительствовали, сам Васюра, вполне респектабельный гражданин, считался ветераном войны и даже состоял... почетным курсантом одного из киевских военных училищ! Естественно, помалкивал о прошлом. Однако люди заметили, что в День Победы «ветеран» Васюра ведет себя очень странно. Сигнальную информацию реализовали в 1985 году сотрудники Броварского райотдела КГБ, задержавшие карателя, а их белорусские коллеги нашли десятки свидетелей, обличивших изувера.

В 1986-м в Минске прошло закрытое заседание военного трибунала. Васюра и его подручный Мелешко получили высшую меру наказания, остальные каратели — длительные сроки заключения. Некий Катрюк, «косивший» из пулемета людей, вырывавшихся из пылающе-

го амбара, несмотря на неоднократные требования СССР к властям Канады, так и не был выдан правосудию. Минскому процессу «Известия» собирались посвятить целую полосу. Но по распоряжению первых секретарей ЦК Компартии Украины и Белоруссии информация о судебном заседании засекретили — решили, что это омрачит международные отношения в СССР.

Органы госбезопасности Украины не прекращали розыск военных преступников и в дальнейшем. Достаточно сказать, что только в 1987–1988 годах сотрудники органов разыскали 11 активных карателей, привлеченных затем к уголовной ответственности. Практически все они проживали под измененными биографическими данными, неоднократно меняли места проживания, скрывая, естественно, свое прошлое.

Наиболее резонансным стал процесс над командиром полицейского батальона СД А.Посевиним, действовавшим в оккупированном Харькове. Расследование его злодеяний пять месяцев вели следователи КГБ УССР, Управлений КГБ по Запорожской и Харьковской областях. Одним из сотрудников, внесших вклад в разоблачение палача, был старший следователь подполковник Николай Цимох. Он, кстати говоря, стал одним из первых следователей КГБ Украины, отправившихся в первые часы после катастрофы на Чернобыльской АЭС для выяснения обстоятельств трагедии, получил большую дозу радиации и орден, а Указом Президента Украины в 1996 году полковнику юстиции в отставке Н.Цимоху присвоено звание заслуженного юриста Украины.

А.Посевин родился в городе Токмаке Запорожской области. 22 июля 1941 года призван в Красную Армию, а через год сдался немцам в Белгородской области. Для справки: в те дни там, в результате просчетов командования Брянского фронта, имевшего больше сил, чем группа «Вейхс» противника, Красная Армия потерпела поражение, враг прорвал оборону вглубь на 80 километров и окружил часть войск фронта. После этого поражения и еще более масштабной ка-

*Палач Хатыни
Григорий Васюра*

тастрофы советских войск под Харьковом (240 тыс. только пленных) гитлеровцам открылась дорога на Дон и Северный Кавказ.

В Харькове оккупанты как раз формировали полицейский батальон, куда без колебаний вступил Посевин. Его рвение не осталось незамеченным, сразу же получил должность командира взвода, а вскоре — и командира батальона из почти 250 карателей. Подчиненные бывшего красноармейца уничтожили свыше 4000 советских граждан — мирных жителей, подпольщиков, советско-партийных функционеров, причем лично он убил не менее 330 человек. «Когда унтершарфюрер Посевин (унтер-офицер формирований СС. — Авт.) выходил из наполненной трупами ямы, сапоги его были в крови», — вспоминал на суде очевидец.

В августе 1943-го Посевин вместе с отступающим вермахтом бежал из Харькова, а затем тихо-мирно ушел и от новых хозяев. Скрыв кровавые «заслуги», призвался полевым военкоматом в Красную Армию, где и служил санитаром в рентгенкабинете. Увы, как свидетельствуют армейские документы, иные части и соединения набирали в Украине призывников в 2-3 раза больше штатного комплекта, и нередко эти совершенно не обученные и даже не обмундированные рекруты гибли в лобовых атаках недалеко от родных мест. В то же время противник обязательно пропускал новобранцев через дивизионные полевые запасные батальоны для получения первичной военной подготовки.

После войны Посевин поселился в непаспортизованной сельской местности Львовской области и работал бригадиром трактористов. Более того, утаив биографические данные, в 1950-м году стал членом партии большевиков, «авторитетным» человеком — депутатом сельсовета, членом райкома партии! Наконец, в 1970-х годах перебрался в родной Токмак, работал слесарем в «Райсельхозтехнике», а затем вышел на пенсию. Впервые о злодеяниях Посевина стало известно из списков личного состава служащих полиции, захваченных в феврале 1943-го при первом освобождении Харькова.

В апреле 1943-го Управление НКВД Харьковской области завело на него дело оперативного розыска, ведшееся в Харькове, Запорожской и Донецкой областях, однако результатов оперативно-розыскные мероприятия не дали. В ноябре 1952 года дело сдали

в архив, так как сведений об участии Посевина в расстрелах мирного населения не выявили.

Спокойное житие предателя оказалось под угрозой в 1985 году, когда сотрудники УКГБ по Запорожской области получили информацию о преступной деятельности Посевина, «установленного», говоря профессиональным языком, в Токмаке и взятого в оперативную разработку. Оперативные мероприятия проводились по линии опросов свидетелей, бывших полицейских, изучались архивные уголовные дела. Выяснилось, что под началом фигуранта разработки служило 16 уроженцев Запорожской области, трое из них после войны понесли заслуженное наказание. В материалах уголовного дела на подручного Посевина, некоего Шляхового, сохранились свидетельства украинских полицейских: Посевин лично организовывал карательные акции, а в восьми случаях собственноручно расстреливал жертвы на окраине Харькова. Свидетели уверенно опознали бывшего командира на фотокартонках. Наконец, было возбуждено уголовное дело и душегуба арестовали. Дело принял к производству Следственный отдел КГБ Украины с участием сотрудников упомянутых региональных органов КГБ УССР.

Несколько следователей допрашивали отбывших наказание полицейских, одновременно велся розыск тех из них, которые, вероятно, жили под чужой личиной все эти годы. Некоторые «бывшие» упорно отрицали личное участие в карательных акциях, заявляли, что не помнят своего бывшего командира. 20 свидетелей-полицейских (конвоиров или стоявших в оцеплении) дали показания о действиях Посевина на местах казней, указали места проведения экзекуций.

Кстати говоря, до войны в прилегающей к Харьковскому лесопарковой зоне появились захоронения жертв массовых политических незаконных репрессий, а также части из 21857 польских офицеров, чиновников, помещиков и военных поселенцев, уничтоженных в 1940-м году по предложению Л.Берия. Военнопленных расстреливали в обшитых кошмой камерах Харьковского УНКВД по ночам сотрудники комендантского отделения. Документы о гекатомбах поляков, хранившиеся в запечатанном пакете в сейфах генсеков КПСС, обнародовали лишь по распоряжению Президента России Б.Ельцина.

Крайне важно было найти свидетелей участия Посевина в расстрелах, поэтому через средства массовой информации обратились с просьбой передать сведения о погибших во время оккупации родственниках. Так в следственных материалах появились исполненные на клочках бумаги или ткани предсмертные записки узников тюрем СД.

Сам Посевин оказался крепким орешком. Человек исключительно волевой, с большим жизненным опытом и честолюбием, он умело строил линию поведения на допросах — да, не отрицаю, был несколько месяцев рядовым полицейским, участия в расстрелах не принимал, да и вообще ничего толком о них не знает. Чувствовалось, что возможную встречу с правосудием он продумывал годами. В оборудованную средствами слухового и визуального технического контроля (их на тогдашнем профессиональном сленге именовали «Татьяна» и «Ольга») камеру помещали внутрикамерных агентов, однако их «задушевные» разговоры палач игнорировал и деталями прошлого не делился. Поэтому основной задачей «наседок» считалось недопущение самоубийства подследственного. Одновременно изучались документы о структуре и методах деятельности нацистских карательных органов. Наконец Посевин, под давлением собранных материалов, начал давать подробные показания по существу обвинений, указывая места казней и помещения бывших карательных учреждений. Свидетельства протоколировались и снимались на видео.

Следствие всячески психологически стимулировало Посевина к откровенному разговору. Хотя обещаний ему не давали, но постоянно подчеркивали, что сотрудничество со следствием может облегчить его участь. Арестованному никоим образом не демонстрировали негативного к нему отношения, ни в чем не упрекали, убеждали в тщательном соблюдении по отношению к нему уголовно-процессуальных норм. Заметив, что изверг тщательно заботится о своем здоровье, следователь постоянно интересовался, не имеет ли тот жалоб на условия содержания, Посевина обследовали врачи, назначив необходимые лекарства!

Следует отметить, что следствие действительно велось «по полной форме». Самостоятельной проблемой было установление числа расстрелянных граждан. Эксгумация исключалась, так как на местах расстрелов воздвигли мемориальный комплекс, а свидетели и обви-

няемый давали противоречивые показания. Поэтому решили определять примерное число жертв по вместимости автомобилей, на которых несчастных доставляли к местам казней (по 20–50 человек). Для этого из НИИ автомобильного транспорта запросили фото грузовиков отечественного и немецкого производства и данные об их пассажироемкости. Посевин указал на 5 типов машин, использовавшихся для доставки жертв.

...«Военный трибунал считает признательные показания Посевина на предварительном следствии объективными и нашедшими свое подтверждение в судебном заседании», гласил приговор. Уголовное дело рассматривала с 14 июля по 5 августа 1988 года выездная сессия военного трибунала Киевского военного округа. Заседания проходили в зале Харьковского Дворца культуры имени Ленина в присутствии 600 человек. Судебный процесс и его результаты широко освещались местной, республиканской и союзной прессой и телерадиовещанием, по каналам ТАСС передавались за рубеж, легли в основу документального фильма «Без срока давности». А.Посевина приговорили к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение.

Согласно действующему законодательству Украины от уголовной ответственности по истечении срока давности не освобождаются лица, совершившие преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка (ст. 437 — 439, ч. 1. ст. 442 Уголовного кодекса Украины).

РАЗДЕЛ 3. ТРОПАМИ ПОВСТАНЧЕСКИХ ВОЙН

ПРОЦЕСС НАД НЕПРИМИРИМЫМИ

Советские войска, а с ними и новую власть на землях Галичины, Волыни и Северной Буковины большинство населения встречало с надеждой. С ними связывали избавление от насильственной колонизации и румынизации, национально-религиозных притеснений, улучшение положения представителей коренной нации там, где они составляли этническое большинство.

Нетрудно себе представить шок, который испытали жители западного региона Украины, когда воочию увидели «преимущества советского строя». Железной рукой демонтировали плюралистическую партийно-политическую систему (до 1939 года в Галичине насчитывалось 92 политические организации). По-военному жестко действовали оперативные группы органов госбезопасности. Острые репрессий в первую очередь обратилось против «социально враждебных элементов» – буржуазии, зажиточного крестьянства, священников, чиновников, военнослужащих, членов ОУН. Уже к середине февраля 1940 года из региона депортировали свыше 89 тысяч жителей.

Национализировались промышленные предприятия, земля, грубо рушился традиционный уклад хозяйствования. Под запретом оказались и культурные учреждения «Просвіти», кооперативные, страховые организации, чрезвычайно популярные среди молодежи спортивно-массовые объединения «Пласт», «Сокіл», «Січ», «Луг».

В этих условиях зреет сопротивление большевистской власти. Во главе оппозиционного движения стали молодые национал-радикалы, сплотившиеся вокруг фракции Степана Бандеры в Организацию украинских националистов ОУН (Б). К концу 1939 года краковский центр

ОУН (Б) организовал в регионе Краевой и окружные проводы (территориальные организации), а с 10 марта 1940-го – Повстанческий (Военный) штаб для непосредственной подготовки вооруженного антисоветского восстания в крае.

Во главе штаба стал Дмитро Грицай (псевдоним Сирко), военным референтом назначили Романа Шухевича (Шуку), референтом службы безопасности – Мыколу Лебеда (Черта), референтом разведки – Владимира Тымчия (Лопатинского).

Весной 1940 года на Галичину и Волынь перебросили несколько десятков опытных подпольщиков – организаторов восстания. Не все они сумели достичь поставленной цели. Окруженные пограничниками Владимир Тымчий и юная Зиновия (Зеня) Левицкая подорвали себя гранатой, часть людей была задержана и попала за решетку.

Несмотря на ощутимые удары НКВД, сеть подполья разрасталась. Краевая и местные экзекутивы (исполнительные структуры) разворачивают подготовку к восстанию, накапливают оружие. Только в выявленной НКВД пещере-складе у села Олеськи Золочевского района Львовщины обнаружили четыре станковых, шесть ручных пулеметов, 42 винтовки, 34 пистолета. Во Львовском округе ОУН подпольщики располагали полусотней пулеметов и пятью тысячами винтовок.

Создается сеть конспиративных квартир, налаживаются линии связи с Краковом. Директива Степана Бандеры (июль 1940 года) особое внимание обращала на разведку. Разведывательные отделы, состоящие при проводках, глубоко засекретили от других подразделений подполья. Националисты формируют разведсеть в городах и сельской местности, собирают сведения о дислокации, численности, вооружении частей (прежде всего авиационных, танковых) Красной Армии, об аэродромах, средствах ПВО, командном составе, органах госбезопасности, советских и партийных организациях. Составлялись черные списки подлежащих ликвидации представителей «народной власти». Эти же отделы занимались контрразведывательной защитой подполья от проникновения секретных сотрудников (сексотов) НКВД, ведь, по данным на январь 1941 года, агентурно-осведомительная сеть в регионе превысила 22 тысячи участников.

К сентябрю только под контролем Львовской экзекутивы находилось до 5,5 тысячи подпольщиков. Тогда же в низовые звенья спус-

кается «Мобилизационный план восстания». До сих пор нет точных сведений, когда предполагалось его начать — в конце лета 1940-го, осенью того же года или с началом войны между фашистской Германией и СССР. Как бы то ни было, активные действия подпольщики предпринимали. Взять, к примеру, неудачную попытку вооруженного восстания в Збараже в ночь на 19 декабря 1939 года. Только в апреле — мае 1941 года движение сопротивления совершило 110 диверсионных и террористических актов.

Ответные удары наносил и НКВД. В 1940-м за связь с ОУН (реальную и мнимую) арестовали до 35 тысяч жителей Галичины и Волыни. С апреля по октябрь погранвойска НКВД разгромили 38 групп ОУН (486 человек). Львовским УНКВД взяты под стражу руководители Краевой экзекутивы Дмитро Мирон (Орлик) и Левко Зацный (Троян). Дмитро Грицай ареста избежал.

В историю национально-освободительного движения под руководством ОУН вошел так называемый «Процесс 59-ти». Под следствием оказались подпольщики ОУН — от рядовых связных до руководителя разведки Краевой экзекутивы Микола Матвийчука. Их объединяло и то, что подавляющее большинство обвиняемых — молодежь от 17 до 30 лет. Среди фигурантов был известный в будущем органи-

Дмитрий Клячковский (первый ряд, в центре)

затор национально-освободительной борьбы Дмитро Клячківський (Блондин), впоследствии — первый командующий УПА и Группы УПА-Север «Клим Савур». За членство в ОУН его арестовывали польские власти, Он получил известность как один из лидеров спортивного общества «Сокіл» на Збаражчине. Летом 1940-го Дмитро возглавил юношескую референтуру подполья на Станиславщине. Здесь, в городе Долина, его и арестовали 10 сентября.

Хотя на очных ставках Клячківського изобличили сломленные следствием единомышленники, он избрал тактику категорического отрицания своей причастности к ОУН вообще, не говоря уж об активной деятельности среди ее членов. «Перестаньте отпираться! Все ваши заявления ложны!» — выходил из себя следователь младший политрук Пименов. «В ОУН никогда не состоял. Никакой антисоветской деятельностью не занимался. Виновным себя не признаю», — упорно твердил Блондин. Не дала нужного НКВД результата и тщательная разработка обитателя камеры № 87 внутрикамерной «наседкой».

Повышенный интерес к лидеру спортивного движения молодежи не случаен — именно эти организации подготовили в условиях санационного режима Ю.Пилсудского тысячи физически закаленных, национально сознательных молодых украинцев, готовых делом доказать любовь к Родине. Гимнастика и туристические походы, спортивное ориентирование и противопожарная подготовка, вольная борьба и плавание, навыки командования подразделениями и занятия по истории Украины и многое другое осваивали участники зародившегося еще во времена австро-венгерского владычества спортивного движения. «СКОБ!» — приветствовали друг друга галицкие «пластуны», что означало «Сильно! Красно! Обережно! Бистро!»

О поведении фигурантов судебного процесса красноречиво свидетельствуют чекистские документы: «Большинство осужденных как на предварительном следствии, так и в судебном заседании не признавали себя виновными и не раскаивались, а наоборот — заявляли в суде, что они были и остаются непримиримыми врагами Советской власти и в дальнейшем, если представится возможность, при любых условиях будут вести борьбу против Советской власти...»

Первоначальный приговор «пролетарского суда» предусматривал смертную казнь для 41 подсудимого. Однако по решению Коллегии

Верховного Суда СССР от 15 марта 1941 года наказание смягчили. «Всего лишь» 19 человек расстреляли, 24 получили по 10 лет тюрьмы, 15 – от восьми до четырех лет, одну обвиняемую-немку депортировали. Дмитрию Клячківскому смертную казнь заменили 10 годами заключения. В июле 1941-го он бежал из разрушенной бомбежкой тюрьмы в Бердичеве, став в 1943 году создателем и первым командующим Украинской повстанческой армии.

Для многих подсудимых «Процесс-59» означал лишь начало «одиссеи» по архипелагу ГУЛАГ. Взять, к примеру, Наталью Шухевич, проходившую по делу как связная и содержательница конспиративной квартиры. Она же – родная сестра будущего командующего УПА Романа Шухевича (генерала Тараса Чупринки). Первоначально ее приговорили к 10 годам, затем срок сократили по кассации наполовину, после чего вновь арестовали. От предложения сотрудничать с органами НКГБ она отказалась, и в августе 1946 года по решению Особого совещания при МВД СССР ее опять сослали в Джамбульскую область Казахской ССР на новую «пятилетку». В Украину возвратилась вместе с мужем, ссыльным балкарцем М. Геграевым, лишь в 1956 году, и то без права проживания в крупных городах...

Девятнадцать томов уголовного дела на фигурантов «Процесса-59» ныне хранятся в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины.

ВОЙНА ЗЛА – «ПОЛЮБИШЬ» И ТРЕТИЙ РЕЙХ...

Одним из наиболее противоречивых моментов в истории украинского повстанческого движения под политическим руководством ОУН (Б) является сотрудничество со спецслужбами гитлеровского рейха и его союзников. Действительно, «деловые контакты» с аггессорами выступают едва ли не самым острым аргументом тех политических сил, которые категорически отрицают возможность придания воинам ОУН и УПА статуса участников Второй мировой войны. Бессмысленно скрывать упомянутую страницу прошлого «лесной армии», тем более это далеко не самый массовый пример коллаборационизма народов СССР (да и всего мира) в 1941–1945 годах.

Так же некорректно забывать, что в соответствии с п. 16 ст. 6 Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты» воины УПА, принимавшие участие в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков, не совершившие преступлений против мира и человечности, реабилитированные в соответствии с действующим законодательством, признаются участниками боевых действий наряду с советскими фронтовиками.

Конец 1943 – начало 1944 годов ознаменовался переменами в тактике ОУН и УПА по отношению к оккупантам, поскольку основным противником рассматривались приближающаяся Красная Армия и советские партизаны.

Позиция руководства ОУН (Б) относительно сотрудничества со спецслужбами держав-аггессоров была своеобразной и противоречивой. Попробуем в ней разобраться. По словам одного из ведущих политработников УПА Василия Галасы, в конце октября 1943-го в селе Мелна Львовской области состоялось совещание командующего УПА Романа Шухевича (генерала Чупринки) и начальника Главного военного штаба (ГВШ) УПА Дмитрия Грицяца с руководителями и военными референтами областных проводов подполья ОУН на западноукраинских землях (ЗУЗ). Речь шла о подготовке к борьбе в «противобольшевистских условиях». «Чупрынка», в частности, предупредил коллег, что за самочинные контакты с немцами командиры УПА и руководители подполья будут сурово караться.

Действительно, в немецких документах и даже в советской «разоблачительной» литературе нет упоминаний о личном участии Р.Шухевича в переговорах с оккупантами. Вместе с тем, по мнению автора, не стоит допускать и мысли о том, что командующий не был осведомлен о них и лично их не санкционировал. Субординация и дисциплина в повстанческом движении была весьма строгой, на ее страже стояла Служба безопасности (СБ), наводившая страх даже на комсостав высокого уровня. Однако неопровержимыми фактами является участие в переговорах с оккупантами представителей Провода и высокопоставленных командиров УПА. Кроме того, начальники немецких разведорганов в Украине в донесениях руководству прямо говорят об установлении контакта с Р.Шухевичем через посредников. В частности, говорится об отклоненном немцами «из предосторожности» предложении «Чупрынки» вооружить за немецкий счет повстанческие формирования в Галичине и перебросить их через линию фронта.

Уверены, что командующий УПА вел свою стратегическую игру, не желая себя компрометировать перед западными державами, уже явными победителями Второй мировой, одновременно стараясь использовать серьезные военно-технические возможности гитлеровцев в противостоянии Советам. Иными словами, поступал так, как гласит одна из 36 классических китайских стратагем: «украсть нож, чтобы убить врага», то есть постараться использовать третью сторону для борьбы с противником.

Судя по всему, Р.Шухевич, объединявший военное и политическое руководство национально-освободительным движением в Украине, старался держать нити сотрудничества с немцами под личным контролем, управлять процессом. Существует немало документально зафиксированных примеров, когда функционеры ОУН и УПА привлекались к ответственности за самовольные контакты с немцами:

- за нарушение приказа о запрете контактов с немцами от 7 марта 1944 года военно-полевой суд Группы УПА «Север» приговорил к смерти куренного Антоюка («Клещ»), а вскоре по приказу Главной команды (ГК) УПА расстреляли за такую же провинность сотника «Орла» (Львовская область);
- летом–осенью 1944-го уполномоченный ГВШ в Карпатском крае Олекса Гасын вел переговоры с немцами, за что был

отдан под суд Р. Шухевичем, а расследование дела поручили грозному шефу СБ Николаю Арсеничу («Михайлу», его настоящей фамилии чекисты не знали по меньшей мере до конца 1944-го);

- по свидетельству командующего Группой УПА «Запад» Александра Луцкого, Провод ОУН официально выступал против контактов с немцами, десятки полевых командиров СБ ликвидировала за локальные переговоры с оккупантами. В январе 1944 года за переговоры с немцами о ненападении угроза наказания нависла над командующим УПА «Восток» Василием Куком («Лемешем»), и его спасли только большие личные заслуги (притом отметим, что командарм высоко ценил В. Кука и близко к сердцу воспринимал его замечания).

К слову, отношения между этими ведущими лидерами подполья складывались своеобразно. «Лемеш» как организационный референт Провода ОУН и руководитель подполья Волыни и Подолья, сообщила на допросах весной 1948-го близкая подруга «Чупрынки» Екатерина Зарицкая («Монета»), тщательно оберегал своих подчиненных и при решении тактических вопросов избегал советоваться с Шухевичем, фактически отстранил последнего от управления движением на упомянутых территориях. Когда летом 1947-го В.Кук не пустил своих людей на совещание в Рогатинских лесах (Станиславская область), Шухевич запретил своенравному коллеге командовать волынским подпольем, однако «Лемеш» проигнорировал руководящие указания.

Больше того, сам укорял шефа за пренебрежение нормами конспирации. Личную связную командующего УПА Галину Дидык (зима 1945-го) охрана В.Кука вообще не допустила к личной встрече с патроном, и та вернулась не солоно хлебавши, да еще с нравоучительным письмом – соблюдай, друже «Чупрынка», установленный порядок и направляй «грипсы» (записки) только по проверенным линиям связи.

Вероятно, такие строгие санкции применялись, чтобы отвлечь внимание основной массы участников повстанческого движения от тайной линии на конъюнктурное сотрудничество с оккупантами или на недопущение самовольных действий полевых командиров. Одновременно на практике наблюдались многочисленные

факты сотрудничества между командованием УПА и спецслужбами держав-агрессоров.

Необходимо отметить, что сотрудничеством с немцами в области добывания разведывательной информации отмечен «медовый месяц» в их отношениях в начале войны. По словам захваченного чекистами немецкого агента-националиста А. Зайчикова (семь раз переходившего линию фронта), в Гданьской разведывательной школе абвера обучалось 150 украинцев. Член ОУН (Б) В.Шумко в июле–августе 1941-го направил в немецкую разведывательно-диверсионную школу 200 националистов из Буковины. В докладной записке УШПД в ЦК КП (б)У от 5 декабря 1942 года отмечалось, что немцы из числа националистов-полицейских, отличившихся по службе, подбирают кандидатов на обучение у разведшколах – в частности, в Полтавскую, где готовят квалифицированную агентуру для выполнения разведывательно-диверсионных заданий в Баку, на Северном Кавказе та Поволжье.

Стремление ОУН к возрождению национальной государственности привело к репрессиям против украинских националистов в 1941–1942 годах. Иная военно-стратегическая ситуация сложилась для рейха к 1944 году. Поражения на Восточном фронте, в Северной Африке, высадка союзников в Италии заставили искать асимметричные способы противодействия. С приближением фронта к границам Германии возросла роль так называемого «кляйнкрига» («малой войны»), которая предусматривала активизацию разведывательно-подрывной, диверсионно-террористической деятельности. 12 февраля 1944-го в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА) создается 8-е Управление, ведавшее организацией «пятой колонны» в тылу противника.

Задачи подрывной деятельности против Красной Армии обсуждались на совещании под Берлином в апреле того же года между руководителем тайных операций вермахта Отто Скорцени и лидерами ОУН Степаном Бандерой и Ярославом Стецько. В апреле 1944 года закордонная агентура разведки НКГБ сообщила об освобождении немцами С.Бандеры, что было подтверждено в ориентировке 4-го (зафронтная разведывательно-диверсионная работа) Управления НКГБ СССР от 17 июня 1944-го. В немецких лагерях, сообщила в начале

1942-го газета ОУН «Идея и чин», погибли братья Степана – Олекса и Василий (по одной из версий, их ликвидировали узники-поляки).

Военно-организационные и разведывательно-диверсионные возможности УПА представляли для немцев и их союзников значительный интерес. В свою очередь, подготовка к масштабному противоборству со сталинским режимом объективно подталкивала Провод ОУН и командование УПА к партнерству с III рейхом с целью экономии сил, получения оружия и боеприпасов, диверсионной техники, подготовки разведывательно-диверсионных кадров. С немецкой стороны в отношениях с УПА принимали участие военная разведка абвер, служба безопасности СД, полиция безопасности.

После взятия советскими войсками Львова (конец августа 1944 года) захватили немало документов нацистских спецслужб о взаимоотношениях. Их обзор содержится в спецсообщении наркома госбезопасности УССР генерал-лейтенанта Сергея Савченко главе НКВД УРСР генерал-лейтенанту Василию Рясному от 23 февраля 1945 года.

Трофейные бумаги свидетельствовали, что 15 апреля 1944 года начальник полиции безопасности дистрикта «Галичина» обер-штурмбанфюрер СС Витиска сообщил в РСХА группенфюреру Мюллеру, что с конца января 1944-го отряды УПА искали прямые контакты с частями вермахта. Представитель отдела 1-с (разведка) «боевой группы Прюцманна» штурмбанфюрер СС Шмитц наладил связь с командирами повстанцев в районах Постойно (33 км на запад от Ровно), Кременец, Верба, Котин, Березно, Подкамень и Деражно. Получал от них разведывательные данные о Красной Армии и партизанах, отрядах польской Армии Крайовой (АК), а также привлекал УПА к диверсионным мероприятиям.

Отношения строились на основе соглашения о ненападении, устанавливались условные знаки и пароли для контактов УПА и немецких частей. Немцам поступили и захваченные в случайном столкновении 29 февраля 1944 года документы командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Ватутина (военачальник, как известно, получил тогда тяжелое ранение, приведшее к смерти в киевском госпитале 15 апреля).

22 апреля Витиска рапортовал в Берлин и Краков, что начальники абверкоманд (территориальные органы разведки) заинтересова-

ны в УПА, а повстанцы пользуются их «частичным неофициальным признанием».

5 марта того же года состоялись переговоры в Тернополе между представителем Провода ОУН (Б) Иваном Гриньохом («Герасимовским») с Витиской и криминал-комиссаром Паппе (представителем СД в Галичине). В обмен на прекращение огня и военно-техническую помощь украинская сторона обязывалась предоставлять немцам агентурные материалы о советских и польских формированиях.

На очередной встрече во Львове 23 марта «Герасимовский» подтвердил готовность УПА передавать все имеющиеся сведения о советских и польских силах, принимать участие в диверсионно-террористических акциях, разлагать тыл Красной Армии. При этом он настаивал на конспиративности в передаче немцами оружия для УПА, дабы это не становилось известно рядовым повстанцам. Однако главными условиями ОУН и УПА на переговорах стало освобождение политических заключенных и отказ от преследований украинцев за политическую деятельность.

2 апреля 1944-го командующий Группой УПА «Север» Д. Клячкивский через абверкоманду Группы армий «Северная Украина» передал предложение о координации борьбы с советскими войсками, предоставлении повстанцами разведывательной информации в обмен на 20 полевых и 10 зенитных орудий, 500 автоматов, 250 тыс. патронов, 10 тыс. гранат.

Отметим, что сотрудничество между УПА и абвером в разведывательной сфере развивалось настолько интенсивно, что получило одобрение на совещании начальников абверкоманд 101, 202 и 305 Группы армий «Юг» во Львове (19 апреля 1944 года). Материал, полученный от УПА, заявил начальник абверкоманды-101 подполковник Линдгарт, «исключительно обширный и преимущественно пригодный для использования армией в военном отношении», без помощи повстанцев агентурная деятельность немецких разведорганов «была бы в целом невозможной». По словам начальника абверкоманды-202 подполковника Зелингера, подрывная работа за линией фронта «может осуществляться только с помощью УПА».

Осуществлялись и практические шаги по сотрудничеству в подрывной сфере. Так, абвергруппой-220 (Львов, Жешув (Польша), на-

чальник – капитан Ю. Лазарек) при участии представителей штаба УПА Кошука («Синего») и «Шевчука» создаются курсы радистов-разведчиков во Львове, курсы радистов для заброски в советский тыл (30 человек, июнь 1944-го, Львов). В июле–августе 1944-го организуются и две диверсионные школы УПА, где из курсантов готовили младших командиров повстанческих подразделений (обучалось свыше 100 человек, которые потом по воздуху забрасывались в тыл советских войск). Абверкоманда-204 на территории Черновицкой области, опираясь на отряд УПА В. Шумко («Лугового»), рекрутировала агентуру для подрывной работы (советская контрразведка обезвредила более 100 ее агентов).

7 августа 1944-го в Винницкой области десантировались в советской форме 28 выпускников диверсионных школ из числа националистов под командованием некоего М. Муравского, с задачей подрыва складов боеприпасов, железных дорог, проведения терактов против командного состава в тылу войск 3-го Украинского фронта. Как указывалось в ориентировке отдела контрразведки СМЕРШ 53-й Армии 2-го Украинского фронта (3 марта 1944 года), на освобожденных территориях, используя призыв в Красную Армию, агентура УПА активно стремится внедриться в войска для последующей разведработы в пользу Германии.

Энергичная разведка велась повстанцами именно в интересах нацистской военной машины, о чем убедительно говорят донесения спецслужбы УПА. Так, отчет разведчика «Линка» (Ровенская область) от 15 апреля 1944 года содержал сведения о советских железнодорожных военных перевозках на участке Ровно – Сарны, передислокации боевой техники, что не было необходимо самим повстанцам.

Немецкая сторона направила в ряды УПА немало инструкторов-организаторов повстанческого движения. Органы НКГБ УССР опросом бойцов разбитого близ с. Карпиловка Рокитновского района Ровенщины отряда УПА «Пашенко» установили, что немцы перебрасывают через линию фронта специальных организаторов повстанческих формирований. В боях с повстанцами только в плен попало 300 немецких военнослужащих (преимущественно офицеров абвера и гестапо), направленных на усиление УПА; на полях боев отдельных антиповстанческих операций обнаруживали десятки немецких тру-

пов. Кстати, малоизвестный факт – в подполье ОУН и отрядах УПА немецкие офицеры находились до февраля 1947 года, после чего СБ получила указание их ликвидировать – к тому времени активно развивалось сотрудничество между Закордонным центром ОУН и спецслужбами Англии и США, и немцы своим присутствием компрометировали отношения с западными демократиями.

Спецслужбы III рейха старались эксплуатировать разведывательно-боевые возможности повстанческого движения до последних месяцев и недель войны. Радиоигры, проводившиеся советской контрразведкой с конца 1944-го при помощи фиктивных «подпольных» радиостанций «Трезуб» (Житомир) и «Антенна» (Львов), показали, что немцы не оставляют попыток наладить связь с нелегальными формированиями УПА та АК для дальнейшей совместной работы.

Осенью 1944-го немецкая разведка ассигновала лидерам ОУН (Б) на разведывательно-подрывную деятельность 50 млн. советских рублей. На Станиславщину забрасывается специальная группа под командованием эмиссара Провода ОУН (Б) Юрия Лопатинского и капитана немецкой разведки Кирна; с ней же десантировали партию оружия, взрывчатки и радиостанции. В начале 1945-го разведчики вернулись с полученными от УПА сведениями, о ценности которых красноречиво говорит награждение Кирна Рыцарским крестом с бриллиантами.

В последние недели войны руководители ОУН (Б) Я.Стецько, В. Стахив и И.Гриньох стремились использовать создание гитлеровцами диверсионно-террористической организации «Вервольф» («Оборотень») для обустройства материальной базы повстанческой борьбы в лесных массивах Баварии та Богемии. Советские спецслужбы перехватили письмо Я.Стецько от 6 апреля 1946 года, направленное возглавлявшему подполье на ЗУЗ Р.Шухевичу. Пан Ярослав писал, что 24 апреля 1945-го колонна машин с кадрами, оружием, снаряжением и диверсионной техникой для закладки баз, попала под удар советских штурмовиков на западе Чехии. Стецько, хладнокровно пытавшийся предотвратить панику, получил 8 ранений (перебиты кости рук и ног, мочевого пузыря), а от фатальной пули спас револьвер в левом кармане. Перенеся десяток операций, он едва выжил, а СБ ОУН выкрала его из чешской больницы: одним из организаторов

акции была его будущая супруга Анна Музыка, более известная нам как депутат Верховного Совета Украины Ярослава Стецько.

Сотрудничество с вермахтом принесло УПА значительную военно-техническую выгоду. Действительно, на первых порах вооруженность являлась слабым местом повстанцев. Как доносили красные партизаны, «у них беда – нет оружия и боеприпасов», уповцы готовы десятки километров преследовать группу партизан, чтобы разжиться парой автоматов. Часть повстанцев вообще имела деревянные макеты винтовок, а трещотки имитировали звук пулеметного огня.

Сотрудничество с вермахтом во многом сняло эту проблему. По словам Лазарека, до конца августа 1944-го еженедельно повстанцам направлялось 3–4 грузовика оружия и боеприпасов. При отступлении только в лесах Галичины немцы заложили 40 баз-тайников с оружием, и отдельные из них обнаруживали по крайней мере до 1949 года. Всего же, не считая разоружения повстанцами отдельных подразделений вермахта и трофеев, УПА получила 10 тыс. пулеметов, 50 тыс. автоматов и винтовок, сотни минометов, другое тяжелое вооружение, а также до 100 радиостанций. Для сопоставления: общие трофеи советской стороны в противоборстве с ОУН и УПА за 1944 – 1955 годы насчитывали 2 БТР, 61 орудие, 595 минометов, 77 огнеметов, 358 противотанковых ружей, 844 станковых и 8327 ручных пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 100 тыс. гранат и 12 млн. патронов.

К сотрудничеству в разведывательно-подрывной сфере с УПА примкнули и союзники Германии – Венгрия и Румыния. Венгерские войска, охранявшие тыл и коммуникации от партизан, были заинтересованы в нейтралитете украинских повстанцев. Уже в начале 1943-го венгерский офицер Я. Мартон организовал встречу начальника Генштаба генерала Ф.Сомбатхеи с тремя высокопоставленными старшинами УПА (их имена неизвестны), достигнув договоренности о ненападении. Кроме того, «мирного сосуществования» с УПА требовало сооружение в Карпатах оборонной «Линии Арпада». По свидетельству бывшего начальника отдела 1-Б (разведка) штаба 1-й венгерской армии К. Мольнара, деловые контакты с УПА (согласованные с немцами) установились в октябре 1943-го, а при штабе армии состоял представитель УПА А. Данилич.

Налаживал отношения с мадьярами и шеф разведки штаба УПА «Юг» сотник А. Дольницкий. 25 декабря 1943 г. в с. Дермань Мизочского района Ровенской области (где временно располагались органы управления УПА) в доме учителя И. Шевчука состоялись консультации начальника штаба венгерского корпуса подполковника Падани и майора Вещкенди с членом Провода ОУН А. Логушем. Решили, что венгерское командование не станет проводить враждебные по отношению к УПА акции, а повстанцы не будут трогать их гарнизоны. Стороны обязывались обмениваться разведывательной информацией, предоставлять взаимную материальную помощь.

Переговоры продолжились во Львове, а в январе 1944-го представители Провода ОУН в Будапеште встретились с одним из руководителей Генштаба полковником Мотани, сообщившим, что регент Венгрии адмирал Хорти позитивно относится к двусторонним контактам. Была достигнута договоренность о совместных боевых действиях против СССР.

Упомянутый К. Мольнар получил от начальника разведки немецко-венгерской Группы армий «Южная Украина» полковника фон Блюмрюдера указание о предоставлении УПА сведений о Красной Армии и партизанах. Об этом же шла речь на совещании венгров с представителями ГВШ УПА 11 июля 1944-го в местечке Богороджаны.

Венгерские офицеры на переговорах с командованием УПА

В районе карпатского Татарского перевала командующий VI корпуса генерал-лейтенант Фаркаш подписал от имени венгерской стороны соглашение о мирных отношениях с УПА. Венгры просили, в частности, о снабжении их разведанными о советских войсках и партизанах, польских вооруженных формированиях, а повстанцы прикомандировали к ним своих разведчиков. При этом УПА настаивала, что обязательным условием сотрудничества станут отказ от территориальных претензий на украинские земли, военно-техническая помощь и невмешательство в их боевое планирование.

По договоренности, каждые десять дней связные от УПА должны были предоставлять разведывательные сводки (первое поступило в августе 1944-го). Венгерская сторона УПА высказала пожелание, чтобы повстанцы насадили агентов-радиостов в Станиславе, Стрые, Самборе, Долине, Калуше, и в августе 1944-го А. Данилич направил 8 таких разведчиков в Надворную и Долину. Перед ними поставили задачи выявления мест дислокации штабов советских войск, а также установочных данных на командный состав РККА.

Из документов известно и о переговорах в начале января 1944-го р, в с. Комарово Колковского района Волынской области Д. Клячківського с командованием венгерских частей об охране тыла. Ему же принадлежит приказ о том, что «борьбы с мадьярами, словаками... и другими союзными войсками Гитлера не ведем».

Поддерживались УПА и контакты с центральным аппаратом и периферийными органами румынской Службы специальной информации (ССИ, военная разведка). В октябре 1943 года в Одессе представитель Провода ОУН и руководитель ее сети на оккупированной румынами территории юго-западной Украины (так называемой Транснистрии, «пожалованной» Гитлером диктатору Антонеску) Лука Павлышин, его заместитель Семчишин связались с руководителями центра № 3 ССИ полковником Пержу и капитаном Аргиром, сообщившими о принципиальном согласии Бухареста на переговоры с националистами. Тогда же достигли договоренности о прекращении боевых действий.

В апреле 1944-го в Галаце эмиссары ОУН встретились с новым начальником разведцентра полковником Ионеску. Тот информировал о декрете румынского правительства о политической амнистии для украинских националистов и готовности предоставить им воен-

но-техническую помощь; в распоряжение румынской спецслужбы отрядили 14 членов ОУН. Вскоре курсанты-украинцы под руководством опытного подпольщика Л.Павлышина уже обучались в разведшколе под Бухарестом, откуда их забрасывали в советский тыл, а в Галаце готовили радистов для УПА.

Отметим, что конъюнктурное сотрудничество ОУН и УПА с немцами не было чем-то исключительным в период Второй мировой войны. Сотрудничали с немцами и их союзниками представители десятков народов мира, причем как колониально зависимых территорий, так и их европейских владельцев.

Установились отношения спецслужб Германии, Италии и Японии с националистическими силами Афганистана, Индии, народов Центральной и Средней Азии, Туркестана. В частности, спецслужбы Германии породили план «Аманулла», предусматривавший поход немецких войск в Афганистан и Индию с опорой на мощное антибританское восстание племен (план оккупации Афганистана уже лежал в сейфах германского Верховного командования, да вот 30 лишних дивизий изыскать было сложно – вермахт смертельно увяз на Восточном фронте). С декабря 1941-го немецкая разведка развернула подготовку диверсионных отрядов из пуштунских племен на кордонах с Британской Индией.

В июне 1942 года итальянская миссия в Кабуле достигла договоренности с лидером пуштунских повстанцев «Факиром из Иппи» (опиравшегося на почти 40-тысячное воинство) о совместных действиях против Англии. В самой Германии копила силы националистическая организация «Свободная Индия» во главе с Чандрой Боссом, в Индии существовал ее филиал – «Организация Маоттты». Из военнопленных-индусов сформировали «Индийский легион» (3 тыс. бойцов), в спецшколе во Франкфурте-на-Майне обучили диверсионному ремеслу сотню индусов. Разведки держав-агрессоров наладили сотрудничество с лидерами узбекских, таджикских, туркменских националистических центров для организации похода 40-тысячной армии воинов ислама прямо на советскую Бухару.

Из советской литературы в некоторые современные издания и пропагандистские документы перекочевало утверждение об «осуждении ОУН-УПА Нюренбергским трибуналом».

Обратимся к первоисточнику – «Приговору Международного военного трибунала» по отношению к преступным организациям и структурам нацистской Германии и главным военным преступникам (Нюренбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. – М.: Госюриздат, 1961. – Т.VII. – С.307–515). В этом итоговом документе нет и упоминания об украинском националистическом движении и его вооруженных формированиях! Ничего не говорится о них и в выступлении обвинителя от СССР Л.Смирнова, в «особом мнении» члена Международного трибунала от СССР генерал-майора юстиции И.Никитченко (там же, с.516–541).

Действительно, в приобщенных к материалам процесса протоколах допросов руководителей абвера Эрвина Штольце, Эрвина Лахузена неоднократно говорится о сотрудничестве с лидерами ОУН А.Мельником и С.Бандерой в интересах разведывательно-подрывной деятельности против СССР, как, впрочем, и с представителями грузин, прибалтийских народов. Кстати, не подтверждают материалы процесса и участия украинских националистов в кровавой расправе над 70 видными учеными и деятелями культуры польской и еврейской национальности во Львове летом 1941 года. В использованном Л.Смирновым сообщении чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» свидетельские показания чудом уцелевших очевидцев четко говорят – интеллектуалов арестовывали и уничтожали «отряд гестаповцев» или «эсэсовцы» (там же, т.III, с.243–245).

Немалые боевые и разведывательные возможности УПА стремились поставить себе на службу и тогдашние союзники СССР по антигитлеровской коалиции.

В январе 1945-го бойцы 9-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии захватили в Словении посланца Н.Лебеда Романа Марковича, пробиравшегося из Львова с письмами от Провода ОУН к правительствам Британии, Италии и Ватикана. Эмиссара «после первого допроса в силу сложившихся обстоятельств расстреляли», а о характере его задания сообщили союзным советским спецслужбам.

Летом 1944 года создается Украинский главный освободительный совет (украинская аббревиатура – УГВР), созданный как надпартийный предпарламент, «верховный орган украинского народа в его ре-

волюционно-освободительной борьбе за Украинскую самостийную соборную державу». На специальном заседании УГВР отрядил за границу 20 из 25 членов своего Президиума и Генерального секретариата для организации там сети националистических организаций и пропаганды прав украинского народа на собственную государственность.

В феврале 1945 года в Вене состоялась конференция руководящих функционеров ОУН (Б) с участием С.Бандеры, Н. Лебеда, Я. Стецько, Льва и Дарьи Ребетов, Николая Прокопа, Степана Ленкавского, Василия Охрымовича. Несмотря на протесты С.Бандеры, претендовавшего на единоличное лидерство, избирается Закордонный центр ОУН. Принимается решение о создании ячеек центра в Европе, мероприятиях по сохранению кадров, создании «сектора противодействия агентуре» спецслужб противников. К концу года во всех западных зонах оккупации Германии и Австрии уже действовала организационная сеть ОУН. Полным ходом развивается сотрудничество с разведками Англии и США.

На упомянутом венском совещании вырабатывается тактическая линия – не прерывая окончательно контактов с Германией, искать взаимопонимания с англосаксами. Весной 1945-го А.Мельник, в свою очередь, направил приветственную телеграмму главе западных правительств и главнокомандующему американскими войсками Д. Эйзенхауэру. Летом Н.Лебедь установил контакт с представителями американской разведки, а в Швейцарии аналогичную миссию выполнял сотрудник ОУН (Б) Евгений Врецьона. В Мюнхене с американской спецслужбой Си-Ай-Си познакомился Владимир Стахив. Шеф военной разведки при Закордонном представительстве УГВР (ЗП УГВР) О. Татура представлял эмигрантов из ОУН при отделении Си-Ай-Си во Франкфурте-на-Майне.

Июль 1945 года знаменовался встречей уполномоченных УГВР И.Гриньоха и Р.Ильницкого с Д.Эйзенхауэром, причем обсуждению подлежали и проблемы сотрудничества в разведывательной сфере. К осени США склонились к мысли о предоставлении помощи ЗП УГВР в обмен на получение развединформации из Украины. Открывалась новая страница в истории спецподразделений движения украинских националистов.

НАЦИОНАЛИСТЫ ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА

В 1944 – 1947 годах западные земли Галичины – Лемковщина и Подлясье (Закерзонье) стали ареной ожесточенного противоборства силовых структур Польши с вооруженными формированиями УПА. Главной ударной силой антиповстанческих акций выступала 2-я армия Войска Польского (ВП), которой командовал талантливый военачальник, вице-министр обороны, генерал-полковник Кароль Сверчевский.

9 сентября 1944 года Совнарком Украинской ССР (ему сталинский режим лицемерно «доверил» инициативу антинародной акции) и польский Комитет национального освобождения подписали соглашение о взаимном переселении: польского населения с территории УССР – в Польшу, украинского – из Закерзонья в Украину.

Дабы ускорить непопулярные акции, с 1945-го Варшава действовала репрессивными методами. За «линией Керзона» прокатилась волна арестов украинских священников, национально сознательных активистов, всех тех, кто не желал оставлять родные хаты. В регион перебросили три дивизии ВП, крупные силы элитного Корпуса внутренней безопасности, танки и авиацию. Запылали села «строптивых лемков», гибли сотни ни в чем не повинных людей. К концу 1946 года из Польши переселили не менее полумиллиона украинцев.

Солдаты Войска Польского

К этнической чистке подключились и враждебные официальной Варшаве польские националистические Армия Крайова (АК), впоследствии переименованная в «Волю и Независимость» (ВиН), крайне правые Национальные вооруженные силы и Национальная войсковая организация. Отряд последней под командованием «Волыняка», по данным сейма Польши, вырезал около трехсот жителей села Малые Куровичи. Символом слепой жестокости стала трагедия села Павлокомы, где 1–3 марта 1945 года АК уничтожила 133 украинские семьи – 365 мирных жителей.

В 1944-м в этом регионе действовали только немногочисленные, слабо вооруженные «самооборонные кустовые отделы» (подразделения) украинцев. Противостоять регулярным войскам и органам государственной безопасности они, разумеется, не могли. Им на помощь прибывали из Восточной Галичины отряды УПА. К началу 1947 года в Закерзонье разместились курени (батальоны) «Прирвы», «Зализняка», «Ризуна», «Рена», «Байды» – всего 15 сотен, свыше 3300 бойцов, а также отдельные боёвки Службы безопасности УПА (около 130 боевиков).

По данным НКГБ УССР, сотрудники которого в декабре 1945-го завели на Закерзонский провод ОУН оперативное дело «Гнездо», высокой боеспособностью отличался курень «Рена» – Василия Мизерного. Под его руководством действовали сотни «Хрина» (Степана Стебельского) в составе 120 боевиков и «Вира» – 60 штыков. У них на вооружении состояли 82-мм минометы, крупнокалиберные пулеметы, противотанковые средства. В сентябре 1944-го эти отчаянные хлопцы разоружили два полка (!) венгров. Воевали с советами в Прикарпатье, с боем взяли Сколе – районный центр тогдашней Дрогобычской области. В марте 1946-го курень выбил польский гарнизон со станции Лункив Санокского уезда, захватив при этом склады оружия.

С 1945 года силы ОУН и УПА в Закерзонье возглавил опытный участник национально-освободительного движения Ярослав Старух («Стяг»). К весне следующего года его вооруженные формирования уже контролировали сельскую местность Лемковщины. Отладили системы разведки и снабжения: на них работали заводишки пошива одежды и обуви, ремонта вооружения, производства потребительских

товаров. Повстанцев поддерживало население: польской госбезопасности так и не удалось создать против УПА широкой агентурной сети. Только в горах Бескида в январе–марте 1946 года произошло 66 боевых столкновений УПА с польскими войсками.

Отмечены и случаи сотрудничества украинских повстанцев с польским националистическим подпольем против польской коммунистической власти. Существовали «демаркационные линии» между подконтрольными им районами. В городе Грубешув 26 июня 1946 года УПА и ВиН совместными усилиями атаковали гарнизон, однако созданию единого фронта все же препятствовала взаимная ксенофобия националистов.

Прибыв в Польшу (декабрь 1944-го) со своим подразделением, «Хрин» издал приказ: «Расстреливаем столько польских боевиков, сколько погибло наших селян, и сжигаем столько хат, сколько сгорело наших. Всюду ясно говорим — это наша месть за наших замученных селян, наши сожженные хаты, наше разграбленное имущество. Приказываю сообщить боевикам, что отныне за каждое убийство будем отвечать убийством...»

Увы, и здесь взаимное ожесточение наотмашь било по мирному населению. По данным историка Збигнева Ковальского, в 1944 – 1947 годах УПА уничтожила не менее 600 поляков – гражданских лиц.

Вернемся к генералу Сверчевскому. Будущий национальный герой Польши родился 22 февраля 1897 года в Варшаве. Горнило Первой мировой сделало его, как и многих других, сторонником идей большевизма. Двадцатилетний Кароль бился с юнкерами в Москве, участвовал в первой украинско-советской войне, завершившейся изгнанием из Киева Центральной Рады в феврале 1918 года. Тогда же он вступил в ленинскую партию.

Как профессиональный боец мировой революции окончил в 1927-м Военную академию имени М. В. Фрунзе, где затем преподавал вплоть до франкистского мятежа в Испании.

Ярослав Старух

На земле Сервантеса пришла к нему мировая известность: под псевдонимом «генерал Вальтер» он отличился, командуя интернациональной дивизией.

С началом Великой Отечественной Сверчевский добровольцем ушел на фронт. Успешно руководил стрелковой дивизией в боях под Смоленском, гибельных для целых советских армий сражениях под Вязьмой, битве за Москву. Летом 1943-го наступил окончательный перелом в войне с нацистами, и «вождь народов» вновь вспомнил о геополитических интересах. С Волги немцев погнали на Рейн. Вставал вопрос: кто станет послевоенным хозяином Европы? В то время под крылом Красной армии создавались подконтрольные Кремлю вооруженные формирования – польские, чехословацкие, румынские.

Генерал Сверчевский вначале замещал командира 1-го польского корпуса, затем – 1-й армии ВП, с августа 1944-го командовал 2-й польской армией. Она участвовала в освобождении Варшавы и Праги, форсировании Вислы, Нейсе, Одера, а также в Берлинской операции.

Стал кавалером полководческого ордена Суворова I степени, отмечен высокими боевыми наградами Польши, Англии, США, Франции. Его избрали членом ЦК Польской рабочей партии, депутатом Сейма. С февраля 1946-го – заместитель министра национальной обороны Польши маршала Роли-Жимерского. Возглавлял операции 1, 5, 8 и 9-й дивизий 2-й армии ВП против украинских повстанцев в Закерзонье.

Поляки нанесли УПА несколько ощутимых ударов. Только в 1946-м проведено более тысячи антиповстанческих акций, в которых участвовали танки и авиация. Варшаве помогли Москва и Прага – две дивизии внутренних войск МВД-МГБ СССР и чехословацкая горная бригада. УПА была вынуждена перегруппировать силы и глубже законспирироваться. Ее бойцы страдали в лесах от лютых морозов и нехватки продовольствия. И все же война не утихала: так, 18 марта 1947-го сотни «Хрина» и «Стаха» целый день вели ожесточенный бой с двумя полками ВП в уезде Лисько.

Генерал не отсиживался в штабах, лично руководил операциями на местах, инспектировал войска. Однако обстоятельства его гибели до сих пор детально не выяснены. Попытаемся восстановить некоторые из них.

Степан Стебельский

Западногерманская газета «Ди Вельтвохе» 12 ноября 1948 года опубликовала очерк историка ОУН-УПА Романа Рахманного об «атентате» на Сверчевского. Эту историю поведали ему «Прикуй» (командир полевых жандармов куреня «Рена») и булавный «Соколенко» (вероятно, Иван Михник – командир боёвки СБ). Попутно отметим, что с боями в американскую зону оккупации пробивались более 500 воинов УПА, среди них и женщины.

Нами обнаружен интересный исторический документ, повествующий о действиях украинских повстанцев в Польше. Руководителем политической референтуры Закерзонского краевого провода, напрямую подчинявшегося Центральному проводу ОУН Степана Бандеры, был Василий Галаса («Орлан») – будущий лидер националистического подполья Волыни. При нем состоял адъютантом Ярослав Сорока («Птах»). Он и описал события в Закерзонье, в том числе нападение на Сверчевского, в письме руководителю Дрогобычского окружного провода ОУН «Нечаю».

На основании документа весьма осведомленного «Птаха» и свидетельств очевидцев – «Прикуя» и «Соколенко» – представим ход событий последнего для вице-министра обороны дня 28 марта 1947 года.

...Разведка донесла повстанцам, что по шоссе Балигруд-Сянок проследует кортеж крупного военачальника. Действительно, генерал Сверчевский после инспекции войск в Балигруде направлялся для ознакомления со службой пограничников на кордоне с Чехословакией. Маршрут движения эскорта неплохо знали бойцы УПА, за год до этого уничтожившие из засады примерно в том же районе около 70 польских военнослужащих.

Василий Галаса и Мария Савчин

В засаду на «крупную птицу» отрядили стрелцов сотен «Хрина» и «Бира» (Романа Казеринского) общей численностью до трех взводов. Свежая зелень прикрывала нападавших, а условия местности позволили выдвинуть пулеметную точку «Прикуя» к самой обочине шоссе.

Дорогу контролировали скрытые наблюдатели УПА. Они и сообщили о приближении кортежа. В качестве головной походной заставы двигались четыре танка (у «Птаха» — танкетки) и столько же грузовиков с солдатами (по данным «Птаха» до 60 штыков, «Прикуя» — около 35).

Засада приготовилась к бою. В приблизившейся легковой машине ехали три высших офицера. По ней почти в упор и ударил «скорострел» «Прикуя». Из авто выскочил рослый генерал и, не кланяясь пулям, отдал команды бойцам конвоя. Через несколько мгновений он, сраженный, рухнул наземь. «Прикуй» услышал его слова, обращенные к спутнику: «Генерал, меня ранили...» (если боец УПА не приврал, то до автомобиля, в самом деле, было рукой подать). Спутник Сверчевского генерал Герхардт тоже получил смертельные ранения.

Рядом с пулеметчиком залег чотовой (взводный) «Грань» — лейтенант Красной армии, дезертир, участник Финской войны, отличный снайпер. Он и добил Сверчевского...

Стычка длилась не более четверти часа. Поле боя осталось за повстанцами, подобранными плащ и фуражку генерала. Машина его полностью сгорела. Две танкетки были подбиты. Информатор УПА сообщил, что в Сянок привезли шестерых раненых и пять трупов, среди них — тело Кароля Сверчевского.

Нападение на генерала описывает и сам «Хрин» в воспоминаниях «Сквозь смех железа». По его словам, два пулемета под командованием роевого «Зализного» уничтожили лимузин, а пять других пулеметов — грузовик охраны. Одну из танкеток подорвал связкой гранат сам сотник, а другую — неизвестный парашютист (видимо, речь идет о воспитаннике немецкой спецшколы, готовившей диверсантов из бойцов УПА для заброски за линию фронта). Отличились в бою стрельцы «Хома», «Запорожец», «Сова», «Синий», «Муха». Детали в целом совпадают с приведенными выше.

Относительно небольшие потери польской стороны (с учетом внезапности нападения, наличия противотанковых средств, хорошей маскировки, большой, по меркам УПА того времени, концентрации

сил) свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что столкновение носило характер мощного, но скоротечного огневого налета при сосредоточении огня по важной и, на беду, самой незащищенной цели.

Скорее всего, основные силы эскорта были ошеломлены атакой и покинули поле боя. Не было ни организованного преследования повстанцев, ни прочесывания местности. Более того, спустя несколько дней, как пишет «Птах», прибыли войска с кинокамерой для съемки места происшествия. И они в том же самом месте попали в повторную засаду, потеряв до 30 человек убитыми и ранеными.

Гибель национального героя шокировала поляков и послужила толчком к тотальной акции искоренения подполья ОУН и УПА. 24 апреля 1947 года началась печально известная операция «Висла». Ее планы, сообщало в Москву со ссылкой на оперативные источники 1-е Управление (разведка) МГБ УССР, разрабатывались ранее в Генштабе польской армии, а убийство Сверчевского, что называется, только спустило курок.

Около 17 тысяч военнослужащих ВП и госбезопасности за четыре месяца депортировали до 150 тысяч украинцев на северные и западные земли Польши. УПА фактически лишилась базы поддержки.

Подразделение УПА в засаде

Резко усилились и удары по формированиям повстанцев: только в первом полугодии 1947-го проведено 520 боевых операций.

В конце августа командование УПА Закарпатского края отдало приказ передислоцироваться в Прикарпатье. Сотня «Хрина», разбившись на мелкие группы, ушла на территорию Дрогобычской области. Там вскоре погиб «Бир», застрелилась возлюбленная «Хрина» — машинистка куреня «Татьяна», оставившая воспоминания о своем командире Степане Стебельском — кавалере Золотого креста боевой заслуги I класса.

За несколько месяцев пребывания на советской территории из 130 бойцов «Хрина» уцелела только дюжина. Сам он, опытный командир, выполнял поручения главнокомандующего УПА Романа Шухевича («Тараса Чупринки»), настойчиво пытавшийся наладить связь с находившимся в Мюнхене Степаном Бандерой. Курьерская группа во главе с «Хрином», переодевшись в форму офицеров МГБ, отправилась с почтой от «генерала Чупринки» в Германию, но 9 ноября 1949-го погибла в бою с чехословацкими силами безопасности в 65 километрах на восток от Брно.

18 сентября 1947 года в лесу западнее села Монастырь Томашувского уезда Польши польские солдаты окружили бункер подпольщиков. Сдаться они не пожелаали и подорвались на mine. Среди изуродованных трупов опознали «Стяга», его боевиков «Игоря», «Донского», «Черноморца», «Змиенко». После гибели в феврале 1949 года Николая Козака («Смока») Василий Галаса возглавил подполье на Волыни. Там же 20 марта погиб и его верный адъютант «Птах». Самого «Орлана» с женой Марией Савчин захватили с помощью агентурно-боевой группы МВД УССР в Каменец-Подольской области лишь 11 июля 1953 года.

В последние годы в Польше получила хождение версия о том, что Сверчевского могли подставить под удар повстанцев

Мария Савчин во внутренней тюрьме МВД УССР

свои же коллеги — слишком активную роль «руки Москвы» играл военачальник-интернационалист. Видимо, эта версия имеет право на существование. В январе 2008 года «Зеркало недели» опубликовало интервью с бывшим участником движения ОУН и УПА на Закарпатье, политзаключенным Федором Палинским. Еще 16-летним юношей пан Палинский работал по линии обеспечения повстанцев продовольствием, а затем стал станичным информатором Службы безопасности ОУН, налаживал сеть агентурной разведки, лично знал командира «Хрина».

По словам разведчика, «СБ имела всю информацию о передвижениях генерала Сверчевского. Информация была точной... Мы знали даже, в какой машине он ехал. Об этом нам рассказали люди из польской разведки». Маловероятно, чтобы кадровый офицер польской разведки сотрудничал с СБ ОУН — тогда получается, что неназванные «люди» рассказали сознательно и помогли устроить гибельную для вице-министра засаду?

Таким образом, в гибели Кароля Сверчевского роковую роль сыграли сразу несколько обстоятельств. Здесь и умелые действия повстанцев, и беспечность их противника, и безрассудная отвага самого генерала. Увы, именно эта смерть вывела украинско-польские отношения на очередной драматический виток.

Жестокие акции украинско-польского противостояния — «Волынская резня» 1943–1944 годов, война в Закарпатье, насильственная депортация народов — решительно осуждены в совместной Декларации, скрепленной подписями Президентов Украины и Республики Польша. Трагические страницы истории, подчеркивают главы государств, не должны омрачать добрососедских отношений, влиять на экономическую и духовную основу международных контактов двух славянских держав.

«ПРИГОВОР ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ НЕМЕДЛЕННО ...»

19 марта 1946 года у городка Сколе Дрогобычской области части Внутренних войск МВД организовали засаду на отряд украинских повстанцев. В скоротечной схватке восемь бойцов УПА погибли, их же командир по кличке «Змиюка» пытался застрелиться. Но его-таки вернули к жизни. Первые же допросы «Змиюки» показали, что в руки чекистам попала птица высокого полета – поручик УПА Дмитрий Витовский, сын погибшего в 1919 году в авиакатастрофе легендарного военного министра Западно-Украинской Народной Республики полковника Дмитрия Витовского.

Будущий командир УПА родился 7 июля 1919 года, но знаменитый отец своего сына так и не увидел – самолет, на котором возвращался Витовский-старший из дипломатической миссии на Версальской конференции, взорвался над Германией 4 августа того же года. Через некоторое время мать Дмитрия вышла замуж за польского офицера Ю. Дзекана. Отношения отчима и пасынка сразу же не сложились, и в 15 лет гимназист Витовский вынужден был сам зарабатывать на жизнь и учебу. Вскоре сын инициатора антипольского восстания 1 ноября 1918 года при покровительстве самого митрополита А. Шептицкого стал студентом Львовского университета, а в 1939-м вступил в ОУН. Так Витовский встал на путь борьбы своего отца.

С приходом в Западную Украину советских войск Дмитрия мобилизовали в Красную Армию, и в марте 1941 года он окончил авиационное училище в городе Энгельсе. Войну младший лейтенант Витовский встретил в отпуске на родине. В часть молодой офицер не вернулся, и дезертирство из РККА впоследствии станет одним из основных пунктов предъявленного ему обвинения.

Два года Д.Витовский работал в лесничестве митрополита Шептицкого. С началом преследований немцами членов ОУН перешел на нелегальное положение, а затем ушел в лес – в УПА. Ему уже не суждено было увидеть мать, жену Галину и дочь Мартусю. У бандеровцев Дмитрий Витовский, которому дали кличку «Змиюка», пользовался большим авторитетом. Сыграло здесь роль и военное образо-

вание, и, конечно же, громкая фамилия. Сначала Витовский служил в офицерской школе «Олени», а в ноябре 1943 года возглавил полевую жандармерию 4-го военного округа УПА.

Нижестоящие подразделения направляли в распоряжение «Змиюки» арестованных дезертиров из УПА, после чего проводилось следствие и признанные виновными тут же расстреливались. Только с ноября 1944 по май 1945 года по приказам «команданта» было расстреляно 263 бывших бойца УПА. 14 старшин «вывел в расход» лично Витовский.

В мае 1945-го поручик «Змиюка» назначается командиром соединения УПА «Макивка», имевшего в своем составе около 1200 бойцов. В боях с советскими частями бойцы группы Дмитрия Витовского уничтожили более 50 военнослужащих и 23 автомашины. Но наибольшую известность он получил как руководитель первого пропагандистского рейда УПА на территорию Словакии с 17 июля по 24 октября 1945 года. Там, а также в Польше отряд «Змиюки» вел тяжелые бои с польскими войсками, усиленными танками, и понес серьезные потери. Впрочем, сложно судить о полководческом таланте Витовского. Один из сослуживцев Дмитрия Дмитриевича вспоминал: «Он умел красиво говорить, хорошо выполнял канцелярские дела, а в боях передавал инициативу своим подчиненным старшинам УПА».

...Следствие подходило к концу. На допросах Витовский обстоятельно изложил не только свою биографию, но и массу подробных сведений о дислокации, составе и вооружении подразделений бандеровцев, высшем руководящем составе ОУН и УПА. Но в данном случае мы, конечно же, не имеем морального права судить о человеке, над которым висела «расстрельная статья».

Против Витовского выдвинули обвинение в измене Родине, участии в ОУН, вооруженной борьбе против советской власти и исполнении расстрелов. На судебном заседании военного трибунала Киевского гарнизона 5 февраля 1947 года Витовский в последнем слове просил сохранить ему жизнь. Но трибунал вынес высшую меру наказания. Приговор подтвердили все инстанции, но с его исполнением почему-то медлили. В конце концов дело дошло до зловещего председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР генера-

ла В. Ульриха. Его указание было кратким и лаконичным: «Сегодня мною дано указание... о немедленном исполнении вышеуказанного приговора». Органам госбезопасности предписывалось «установить местонахождение членов семьи изменника Родины и их репрессировать». И Витовский-младший был расстрелян. Судьба его семьи, нам, к сожалению, неизвестна.

ПУЛИ ДЛЯ БЛАГОЧИННОГО

23 сентября 1948 года во Львове в последний путь провожали настоятеля Преображенской церкви, заведующего кафедрой философии Львовской богословской академии, доктора философии, богословия и права Гавриила Костельника. Медленно тянулась похоронная процессия из 50 тысяч человек. Во главе – 40 церковных иерархов, представители Комитета по делам религии правительства УССР, областное начальство. За трехчасовым скорбным шествием наблюдали тысячи милиционеров, солдат, курсантов школы МВД, сотрудников органов госбезопасности.

Будущий ученый и протопресвитер родился в 1886 году в Югославии, где проживало немало выходцев из Украины. Отец его был греко-католическим (униатским) священником. Сама же эта церковь пользовалась большим авторитетом у жителей Западной Украины. По сути, это была духовная отдушина во времена имперского владычества Австро-Венгрии и правления шовинистического режима Пилсудского.

Помимо службы Божьей, одаренный богослов выступал с трудами по философии, логике, геометрии. Находил время для активной общественной деятельности: в течение 10 лет редактировал национал-патриотическую газету «Нива», издававшуюся до 1939 года.

Интересные воспоминания о Костельнике оставил историк с мировым именем, львовский профессор Ярослав Дашкевич (сын героини Сечевых Стрельцов Олены Степанив и военачальника Армии УНР Романа Дашкевича, прошедший через сталинские лагеря «за происхождение»).

Гавриил Костельник преподавал ему в гимназии, и учительский стол превращался в амвон, откуда священник громовым голосом и с «ораторским искусством сыпал на нас моральные науки». Легко впал в гнев, отличался неуравновешенностью. Ученики слышали о нем разное – лечился в психиатрической клинике, увлекался «делами о духах», пописывал рассказы на одном из местных диалектов – «бачванском». «Улыбка, радость или доброта никогда не отражались на его суровом лице». Единственной возможностью избежать нудного морализаторства пана отца, поняли гимназисты, было перевести раз-

говор на милых учителю «духов» и «стигматиков» (людей, у которых непонятным образом появлялись на теле раны-отметины, как у распятых).

По мнению Я. Дашкевича, выступая инициатором создания «инициативной группы», Г. Костельник вряд ли пошел на это под давлением НКГБ, будучи лично человеком отважным, «идея мученичества за веру не была ему чуждой». В православие он переходил целиком сознательно, «не считая это изменой, а возвращением в лоно Восточной Церкви». С юности он впитывал в сознание «наивное простонародное москвофильство, несмотря на безусловно искренний украинский патриотизм». Выступал однозначным сторонником восточного традиционализма в межконфессиональных конфликтах.

У отца Гавриила «вера в миссию, которую ему нужно совершить, объединяя Церковь с Востоком, не была средством шантажа, однако той навязчивой и маниакальной (учитывая амбициозность и психопатологичность этой личности) идеей, которую ему дали возможность реализовать...» Присутствовал и гуманистический мотив спасения греко-католического духовенства от преследований власти. «В национальном отношении, вне сомнения, он был добровольным коллаборантом оккупантов».

С приходом советской власти на земли Западной Украины церковь и ее служители переживали не лучшие времена. Девятнадцатилетний сын Г. Костельника Богдан в 1940-м получил высшую меру наказания как подпольщик-разведчик ОУН. В годы нацистской оккупации священник активно публиковал материалы, суть которых выражают слова — «большевизм противен Богу и природе». Поддерживал личные отношения с командующим УПА Романом Шухевичем.

В послевоенное время деятельность святого отца приобрела иную направленность. С конца 1944-го, как известно, развернулась

Отец Гавриил Костельник

мощная кампания по ликвидации греко-католической (униатской) церкви, в которой большевики усматривали идейного конкурента насаждаемой официальной идеологии, «агентуру Ватикана», да и активная помощь униатов движению сопротивления ОУН и УПА не была для сталинского режима секретом. Видимо, репрессивная политика властей и сыграла ключевую роль в «переориентации» Г. Костельника.

28 мая 1945 года во Львове образовалась инициативная группа по воссоединению УГКЦ с православной церковью. В нее вошли сам отец Гавриил, декан Пельвецкий и генеральный викарий Мельник. Группа обратилась с декларацией в правительство УССР, заявив о выходе из-под юрисдикции Папской курии и желании воссоединиться с православными. «Объединительный процесс», проходивший под неусыпным контролем органов госбезопасности, завершился 8 марта 1946 года.

В тот день во Львовском кафедральном соборе св. Юра огласили, что идею поддержали 986 священников, отказался — 281. В основном докладе Г. Костельник изложил историю унии, насчитывающей 350 лет, и обосновал необходимость объединения церквей. Постановление собора о ликвидации унии «утвердили» экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Иоанн и предстоятель Русской православной церкви.

Расформирование УГКЦ шло стахановскими темпами. Закрыли все 230 храмов, настоятели которых не поддержали решения Львовского собора, 344 священника арестовали и осудили. В течение 1946—1949 гг. распустили 2290 униатских приходов.

Многочисленные высказывания Костельника «не для протокола», зафиксированные информаторами органов МГБ, убеждают, что своих истинных взглядов

Львовский церковный собор

он не изменил. Не был он и агентом органов госбезопасности, хотя за ним присматривал «куратор» в звании подполковника. Стремление же к денонсации унии сам священник объяснял желанием уберечь ее пастырей от неминуемых репрессий. На наш взгляд, именно в христианском желании спасти ближнего своего, в понимании, что плетью обуха не перешибешь, — корни «конформизма» отца Гавриила.

Костельник становится благочинным Львова. Однако, сообщила агентура из близкого окружения священника, вынашивает концепцию создания в Галичине «модернистской церкви», работает над рукописями трактатов «Современность и христианство», «Современный священник и культура», в которых намеревался «громить коммунизм».

Следует отметить, что отношения между религиозными деятелями и движением ОУН и УПА не были безоблачными. С одной стороны, среди полевых командиров духовные особы не были редкостью: взять, к примеру, благочинного группы УПА-Север Алексея Гуменюка (Орлыка), командовавшего одним из боевых подразделений. Отправление религиозных обрядов являлось неотъемлемым атрибутом ритуалов повстанцев.

С другой стороны, сурово преследовались священники, заподозренные в сотрудничестве с властями. Так, 11 сентября 1943 года трибунал УПА приговорил к смерти через повешение епископа Ковельского

и Владимирского Мануила (Тарнавского), а Служба безопасности (СБ) УПА привела приговор в исполнение, всего же ликвидировали до 50 лояльных к советской власти священников. Нетрудно представить, какое впечатление производили на набожное население Западной Украины грубые антирелигиозные мероприятия властей.

Разумеется, и Костельник был для подполья своего рода «красной тряпкой»: его имя в распространявшихся бандеровцами листовках использовалось как нарицательное — символ духовного предательства. Увы, одной только пропагандой дело не обошлось. В 1945-м НКГБ сумел

*Гавриил Костельник
выступает на
Львовском соборе*

предотвратить направленный против священника террористический акт. Его готовили руководитель Тернопольского областного провода ОУН Владимир Ордынец (Вуйко) и референт СБ Львовского провода Иосиф Панькив (Гонта). Оба были схвачены и приговорены к высшей мере наказания.

Священник получал письма-предупреждения от подполья, но шел своим курсом. Органы госбезопасности приняли меры к усилению охраны священника: специально выделенный милиционер присматривал за домом, в который подселили группу военнослужащих, а соседей, неприязненно относившихся к Костельнику, выселили. И все-таки протопресвитера не уберегли.

После богослужения в Преображенской церкви 20 сентября 1948 года приблизительно в 10 часов 20 минут Гавриил Костельник возвращался домой. На улице Краковской, метрах в десяти от подъезда дома № 17, к нему приблизился молодой человек лет 20—23 и дважды выстрелил из ТТ. Костельник скончался на месте от ранений в голову. Террорист бросился бежать, а когда погоня практически настигла его, сунул ствол себе под подбородок... У самоубийцы нашли пистолет с запасной обоймой. Похоже, показал осмотр трупа, он заранее готовился к роли смертника: под заношенный ватник поддел новое чистое белье, на шею повесил образок на кожаном шнурочке. Во всяком случае, есть сведения о подборе той же СБ ОУН террористов-смертников из проштрафившихся подпольщиков, добровольцев или венерических больных.

Самое загадочное началось позже. Сразу трое (!) содержащихся под стражей участников ОУН опознали террориста по фотографии как... сына Костельника Ирenea, 1916 года рождения. Он, кстати, должен был находиться в то время в Австрии. Жена убитого священника рассказывала знакомым, что в органах госбезопасности на нее оказывали давление, дабы она «опознала» в убийце своего сына, служившего в дивизии СС «Галичина». А два арестованных руководителя Львовского областного провода опознали в самоубийце боевика, имевшего псевдоним Яворенко. Наконец, подпольщица Сабина Романюк заявила, что узнала на снимке 23-летнего члена Николаевского районного провода Олексу Любинского («Бориса»), уроженца села Березное Николаевского района Львовщины.

Пошли слухи, что ООН предпримет попытки диверсии во время похорон. Команды саперов тщательно обследовали участок Лычаковского кладбища-мемориала и церковь, где состоялось отпевание. Под усиленную охрану взяли скорбную процессию. Власти облегченно вздохнули, когда мероприятие завершилось без чрезвычайных происшествий. Убийца же протопресвитера, судя по всему, унес тайну своей личности в могилу.

Эта загадочная история лишний раз напомнила, сколь тяжкими последствиями чревато нарушение древнего, как мир, принципа: «Богу – Богово, кесарю – кесарево»...

Похороны Гавриила Костельника

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Заместитель министра госбезопасности УССР генерал-майор Михаил Поперека вытолкнул из кабинета в приемную тщедушного студента Илларию Лукашевича. «Признался! Участвовал в убийстве. Забирайте!» – бросил он оперработникам, ожидавшим окончания «задушевного» разговора. Так описал автору эту сцену очевидец, тогдашний начальник 7-го отдела (наружное наблюдение и задержания) Управления МГБ УССР по Львовской области, покойный полковник Владимир Кошевский. Речь шла об одном из самых резонансных политических преступлений в истории советской Украины – убийстве писателя Ярослава Галана.

За последние полвека о Галане и его творчестве написано немало. В то же время за рамками исследований оставались обстоятельства гибели и полнота причин, приведших убийц в его львовскую квартиру. В лучшем случае говорилось о «злодеяниях украинских буржуазных националистов» вкупе с «реакционными клерикалами». Как ни печально, смерть писателя и сегодня становится предметом спекуляций. В одном из интервью бывший лидер подполья ООН в Западной Украине 1950 – 1954 годов Василий Кук заявил: «Существуют неопровержимые факты того, что на их совести (спецслужб СССР. – Авт.) убийство Я. Галана, хотя его приписывают ООН».

Жаль, покойный «провидник Лемиш» (Кук) не привел этих самых «фактов». Обвинил «советы» и профессор Ратгерского университета (США) Тарас Гунчак. Правда, было бы удивительно, разразись пан Тарас проклятиями по адресу «бандоуновцев», ведь к одной из закордонных фракций ООН относился и сам профессор. Опять же, доказательств ученый муж не привел.

Если же внимательно изучить жизненный путь и проанализировать архивные материалы спецслужб о расследовании убийства писателя, кровавая проза документов не оставит камня на камне от «сенсационных» версий. Сразу же подчеркнем – исследуя архивные документы Управления 2-Н (борьба с национализмом) МГБ УССР, автор нигде не встретил ни намека на причастность спецслужбы к гибели писателя, ни упоминаний о каких-либо «оперативных комбинациях» по устраниению орденоносца Галана руками «легендированного

подполья» в интересах пропагандистской борьбы с националистами – она и так шла полным ходом.

Ярослав Александрович Галан родился 27 июля 1902 года в местечке Дынив под Перемышлем (теперь территория Польши). Достаток отца-служащего дал возможность сыну окончить гимназию. От родителей он унаследовал демократические убеждения, много читал русских классиков, любил Достоевского. В первые месяцы империалистической войны в Галичину вступили российские войска. Начались репрессии против национально сознательного населения и униатской церкви. В ссылку отправили митрополита Андрея Шептицкого и профессора Михаила Грушевского. Только через киевские тюрьмы прошло около 12 тысяч «мазепинцев», как именовали в Российской империи сторонников украинской национальной идеи.

В 1915-м воинство Николая II отступило под натиском австро-германских войск, и австрийские власти отправили под военные трибуналы около 60 тысяч галичан. Почти 100 тыс. «не-лояльных» попали в концлагеря Талергофа, Граца, Кечкемеша, общее число погибших галичан в результате репрессий режима Габсбургов исчисляется диаспорным историком И.Нагаевским в 36 тысяч человек. Мать Галана с тремя детьми бежала в Россию и поселилась в Ростове-на-Дону, отец же на три года попал за «колючку» Талергофа. Ярослав учился в русской гимназии, общался с революционно настроенной молодежью. В Ростове застал его октябрь 1917-го.

Я.Галан формировался как революционер-демократ, впитывал марксистские идеи. В то же время в царицынском лагере офицеры легиона Сечевых стрельцов, сплотившиеся вокруг будущего основателя ОУН Евгения Коновальца, мечтали о вольной Украине. Вернувшись в «украинский Пьемонт», Галан с 1923 года учился на факультете славянской филологии Венского университета, где вступил в Компартию

Ярослав Галан

Австрии. На хлеб насущный зарабатывал чернорабочим, батрачил, через год перевелся на философский факультет Ягеллонского университета в Кракове.

Вступил в Компартию Западной Украины (КПЗУ) и тогда же прикнуд к писательскому объединению «Гроно». «Стоим на основе пролетарской идеологии», – гласила декларация гроновцев. Галан сочинял памфлеты, статьи, пьесы. Весной 1931-го с группой партийцев нелегально посетил Москву и Ленинград. В Польше Ярославу жилось несладко: безработица, полицейские преследования, тюрьмы. Он выступил одним из организаторов Международного антивоенного конгресса во Львове (1932 год) и Антифашистского конгресса деятелей культуры.

В 1930-е годы КПЗУ и ОУН стали непримиримыми противниками. Дело не только в том, что первые исходили из примата классового начала в жизни общества, а оппоненты ставили превыше всего нацию и державность. За галицкими «товарищами» стояли Коминтерн и Москва (в 1938-м сама же разогнавшая компартию Польши и ее составную часть КПЗУ), а ОУН считала СССР врагом. Знал ли Галан о сворачивании политики украинизации, голодоморе 1932–1933 годов, массовых репрессиях и ГУЛАГе? Понимал ли, что революционная романтика и апологетика «первого в мире государства рабочих и крестьян» – опасный флер на человеконенавистническом лице сталинщины? В те годы, увы, «вождем народов» восторгались и корифеи западноевропейской литературы, и даже великий гуманист Рабиндранат Тагор.

С приходом советской власти в Западную Украину Галан активно включился в «социалистическое строительство». Сотрудничал в журналах и газетах, заведовал литчастью Львовского драмтеатра им. Леси Украинки. В годы войны напряженно трудился как комментатор и автор более 200 передач на радиостанции им. Тараса Шевченко в Саратове. В 1943 году увидел свет его сборник «Фронт в эфире». Как спецкор «Радянської України» Галан освещал Нюрнбергский процесс. Не забывал и о пропагандистской порке «буржуазных националистов» – тех, кто, шокированный сталинским террором, сражался в УПА и подполье ОУН.

Как показал захваченный МГБ УССР 30 июня 1946 года один из руководителей Службы безопасности Закордонных частей ОУН Теодор

Мороз (заброшенный со специальным заданием в Дрогобычскую область), СБ ОУН планировала выкрасть Галана в Нюрнберге; в случае успеха одной только воспитательной беседой там бы не обошлось. Но акция не состоялась. Возможно, ОУН, наладившая контакты с западными демократиями, решила не портить имидж похищением представителя их союзника.

После Славянского конгресса в Праге (декабрь 1946-го) Галан сосредоточился на бичевании ОУН, католической церкви и униатов. В его острой прозе было немало правды – откровенного показа изнанки жестокой гражданской резни. Однако и «четкая классовая позиция» оборачивалась искажением реалий (по принципу «наши всегда правы») и не объясняла, почему соотечественники уничтожили друг друга.

В 1945–1949 годах в «сокровищницу коммунистической публицистики» вошли произведения Галана «С крестом и ножом», «На службе сатаны», «Плюю на папу», «Что такое уния». В них история католической церкви представлена как череда предательств и отвратительных деяний отцов церкви. Немало поведано о кровавых делах, лишь прикрывавшихся догматами веры. Всякое было в истории унии, но дело еще и в том, как воспринимали земляки плоды творчества писателя.

Со времен польского и австро-венгерского владычества галичане видели в греко-католическом (униатском) священнике не только душпастьера. Для темного, задавленного поборами люда (к 1939-му лишь пять процентов селян края считались зажиточными) святой отец был и просветителем, и заступником, и носителем национальных чувств. Не случайно среди лидеров ОУН много выходцев из семей духовенства. Терпеть духовных конкурентов большевики не могли и организовали процесс «самоликвидации» Украинской греко-католической церкви (УГКЦ), завершившийся «объединительным» Львовским собором 8 марта 1946 года.

Население края воспринимало нападки Галана на церковь как святотатство. Нетрудно понять чувства набожных людей к публицисту – своеобразному галицкому Салману Рушди. Еще один довод в пользу санкционированности лидерами ОУН устранения Галана. МГБ вело розыскное дело «Бегемот» на руководителя Краевого провода ОУН

в Галичине Романа Кравчука («Петра», погиб 21 декабря 1951 года на Станиславщине). В камеру к арестованному отцу «бандглаваря» поместили «наседку». Арестованный доверительно рассказал внутрикамерному агенту, что его сын Роман обещал – за святотатские писания Галана ждет неминуемая расплата. Отметим, что в наше атеистическое время мы просто не можем представить глубину искреннего возмущения галичан публикациями Галана вроде «Плюю на папу».

Непосредственной организацией теракта занялся руководитель Жовковского надрайонного провода ОУН Роман Щепанский («Буй-Тур»), сын священника, уроженец села Звертов на Львовщине, нелегал ОУН с 1943 года. За несколько лет его боевики ликвидировали около 250 сотрудников силовых структур и совпартактивистов. Буй-Тур и нашел исполнителей «казни» Ярослава Галана.

Илларию Денисович Лукашевич родился в 1931 году в селе Петранка Перечинского района Станиславщины. В его роду служители церкви известны с 1623 года. Парень рос мнительным, слабовольным, набожным. Поступил во Львовский лесотехнический институт, примкнул к оуновцам. По их правилам, юнака (кандидата в подпольщики) следовало проверить на выполнении заданий. Илларию Буй-Тур поручил следить за Галаном и войти к нему в доверие.

Непримиримый к идейным противникам пламенный трибун Ярослав Галан, по отзывам близких, был тонким эстетом, человеком

Михаил Стахур

мягким, внимательным. На этом и сыграл Лукашевич. Наведываясь в дом писателя, студент жаловался на «притеснения» институтского начальства, и депутат областного совета Галан хлопотал о «сельском хлопце».

Полной противоположностью Илларию был Михаил Васильевич Стахур. Родился в 1932 году в селе Ременув Новоярычевского района на Львовщине. С трудом окончил пять классов. Вырос в семье баптистов, но, судя по всему, был явно патологической личностью. В подполье по поручению боевиков «Нечая» и «Тигра» убил директора сельской школы, его жену, трех участковых милиционеров.

Следует отметить личную жестокость Стахура (псевдоним — Стефко). В декабре 1948-го он гостил у знакомых по случаю праздника св. Андрея. На свою беду теплую компанию посетили два заготовителя скота из райпотребсоюза — попросили погреться. В это время собравшиеся подвыпили и, как сказано в уголовном деле, «пели песни националистического содержания». Стахуру показалось, что гости могут «настучать» на них. Несчастных по очереди выманили на двор, и Стахур зарубил их топором-колуном. На фото места убийства четко видно, как кисть руки, которой пытались защититься одна из жертв, отлетела на несколько метров от обезображенной головы... Приходится ли удивляться хладнокровию Стахура в квартире писателя?

*Топор и плащ убийц
Я.Галана*

С сентября 1949-го Стахур укрывался во Львове. Вскоре Буй-Тур вызвал его в село Сулимов Куликовского района — познакомиться с «Ярко» (Лукашевичем). Стефко откровенно поведал о своих «заслугах» перед подпольем. Приказ Щепанского о ликвидации Галана его не удивил. Илларию набросал план квартиры писателя. Убивать домработницу Буй-Тур запретил.

Вооружившись пистолетами и гранатами, Стахур и Лукашевич переночевали в селе Сороки-Львовские. Верный привычке Стефко

прихватил кухонный топорик с короткой рукояткой, прикрыв его наброшенным на руку плащом. К 11 часам 24 октября злоумышленники явились к месту жительства писателя на улицу Гвардейскую, 18.

Галан работал за письменным столом. 23-летняя домработница Екатерина Довгун, знавшая Лукашевича в лицо, впустила гостей в квартиру. Хозяин радушно их принял. Илларию завел разговор об «обиходах» по месту учебы, а тем временем Стахур из-за спины писателя, улучив момент, обрушил на голову жертвы топор...

Медэкспертиза насчитала потом 11 рубленых ран головы, десять из них признаны смертельными, не менее пяти ударов убийца нанес, когда потерпевший уже лежал на полу.. Онемевшую от страха Екатерину «гости» связали куском оборванного телефонного провода и приказали сидеть тихо. Минут через 15–20 ей удалось подняться на ноги соседей, а те вызвали милицию, задержавшую Довгун... как возможную «бандпособницу». Из ящика стола убийцы прихватили два ордена «Знак Почета» и медали (25 октября они передали награды Буй-Туру). Стахур залег в подполье, а Лукашевич некоторое время жил в селе Гряда Брюховичского района на Львовщине у родственников.

Похороны Ярослава Галана

Стоит ли говорить, каким ЧП стало это убийство для органов госбезопасности! О нем срочно сообщили Никите Хрущеву и министру госбезопасности СССР Виктору Абакумову. Хрущев тут же лично отписал И.Сталину, приврав для «колорита», что писателя зарубили гуцульским топориком (эта надуманная деталь перекочевала затем во многочисленные публикации). Специальной охраны у Галана не было. Этой «привилегией» пользовались лишь галицкие депутаты Верховных Советов УССР и СССР – и то после убийства двух их коллег. Дело в том, что в апреле 1943 года на Ровенщине повстанцы зарубили депутата Верховного Совета УССР Калину Хомич, ее мать и 7-месячную дочь, а также 27 односельчан, уклонявшихся от призыва в повстанческую армию. В 1948-м боевка ОУН ликвидировала депутата Верховного Совета УССР Марию Мацько. Охрану с депутатов сняли лишь в 1954 году.

Руководить расследованием прибыл лично генерал М.Поперека. Место преступления тщательно осмотрели. Домработница сказала, что один из нападавших – студент. Оперативники изучили сотни личных дел! На одной из фотокарточек уцелевшая свидетельница опознала Илларию. Его взяли под наблюдение и вскоре зафиксировали: подопечный вел себя подозрительно. Лукашевича решили «брать» 28 октября в студенческой поликлинике, где работала его тетка, для алиби справившая родственнику справку о госпитализации в день преступления. Сотрудники 7-го отдела УМГБ под видом милицейской проверки вывели подозреваемого, усадили в «Победу» и повезли в управление. Лукашевич держался спокойно, даже пытался шутить: везут, дескать, «как большого пана». Оперработники уже подумывали, что вышла ошибка. Но на допросе у Попереки нервы подозреваемого сдали, и он во всем сознался.

На заседании 3–4 января 1951 года военный трибунал Прикарпатского военного округа приговорил Лукашевича к расстрелу. Приговор привели в исполнение во Львове 15 марта того же года. Длительные сроки заключения получили два его брата и некоторые другие родственники, которым было известно о причастности Илларию к убийству. Если бы органам госбезопасности нужна была показательная расправа с резонансом от раскрытого «подстроенного» убийства, вряд ли процесс длился бы долго. Учитывая жестокие методы давле-

ния на подсудимых в сталинском СССР, вполне могли бы найти и козла отпущения, дабы быстрее доложить о поимке убийцы.

Однако поиск упорно продолжали, и М.Стахур фигурировал именно как убийца писателя. К тому времени он уже руководил кустовым (группа сел) подпольем, место его укрытия установили. Агент МГБ передал подпольщикам продукты, в компот подсыпали снотворно-паралитический спецпрепарат «Нептун-47», и 8 июля 1951 года боевиков удалось захватить.

Открытое заседание военного трибунала началось 15 октября того же года во Львове. Отметим, что в зале присутствовало свыше тысячи человек. Убийца вину признал. Приговор – смертная казнь через повешение. В 23 часа 16 октября Стахур взошел на эшафот... После этого продолжалась разработка «Звери» по розыску Р.Щепанского – организатора убийства. Захватили его лишь летом 1953 года при помощи агентурно-боевой группы – бывших подпольщиков ОУН, сотрудничавших с органами госбезопасности – и приговорили к высшей мере наказания.

Действительно, органы МГБ знали о крепнущем у Я.Галана критическом отношении к советской власти. Но могло ли это стать основанием для расправы с ним? Тем более, что политически писатель был выгоден режиму как культовая фигура – «свой в доску» коренной

На месте убийства Я.Галана

галичанин, непримиримый враг «украинско-немецких националистов», особо ценный на фоне незначительной доли местного населения в органах Компартии и управления, в сфере высшего образования и культуры. Да и не один он был мятушейся натурой на украинском советском Парнасе.

Интересно, что подполье ОУН предпринимало попытки усювестить «живого классика» Максима Рыльского. Весной 1948 года в Киев прибыли из Львова члены ОУН «Меч», «Ветровой» и «Куш». На встречах с «поднадзорными» М.Рыльским, известными писателями Петром Панчем и Владимиром Сосюрой посланцы пытались уговорить их отказаться от сотрудничества с властью, и писать в подпольную прессу. Мастера пера, в прошлом участники Украинской национально-демократической революции 1917–1920 годов, тяготились своей ролью.

В.Сосюра, докладывало МГБ в ЦК КП (б)У, «на протяжении длительного времени вел разгульный образ жизни, систематически пьянствовал, на почве чего страдал психическим расстройством и несколько раз находился на излечении в психиатрической больнице». На фразу М.Рыльского «мы приехали во Львов укреплять советскую власть» заявил: «Мы тут пьянствуем и безобразничаем, а не помогаем советской власти». М.Рыльский, информировали «инстанции» вездесущие чекисты, «не дал отпора националистическим проискам» и заявил: «В моем лице два Рыльских – свободный и угнетенный», подписал националистам книгу стихов «Верность», найденную у тех при обыске. Правда, душевные терзания не помешали поэту стать лауреатом Ленинской и Государственных премий, академиком АН СССР и депутатом Верховного Совета Украины. Объект «дела-формуляра» МГБ, выдающийся кинорежиссер Александр Довженко в крепком подпитии выдавал такую «антисоветчину», что рядовому гражданину гарантировала длительный срок.

Оуновцы не раз пытались покарать «писателей-отступников». Как показала на допросах в НКГБ член ОУН, студентка Инна Д., 14 января 1945 года находившихся во Львове юмориста Остапа Вышню и В.Сосюру пытались отравить. Сама Инна, кстати, получила задание от настоятельницы монастыря студиток Елены Витер принять участие

в подготовке покушения на «предателя украинской нации» Я.Галана, давно находившегося, таким образом, под прицелом подполья.

Писатели охотно согласились отужинать в «галицкой хате», куда их пригласили сотрудничавшие с ОУН врач Мария Я. и искусствовед Вера С. После застолья литераторам стало плохо, В.Сосюра с трудом перенес сердечный приступ.

В начале января 1953-го чекисты узнали, что готовится покушение на писателя Петра Карманского – автора статьи во «Львовской правде» «Ватикан – вдохновитель мракобесия и мировой реакции». Отравить жертву поручили сыну священника, врачу Любомиру Бобыляку. Но убийство Галана послужило чекистам уроком: Карманскому сменили квартиру, установили пост милиции, в палату, где он лечился, под видом больного поместили старшего разведчика 7 отдела УМГБ, и даже медсестра, делавшая уколы, сотрудничала с «органами».

Правовая оценка описанным событиям дана и в независимой Украине. Прокуратура Львовской области, руководствуясь Законом о реабилитации жертв политических репрессий, признала в декабре 1994 года М. Стахура и в марте 1996-го – И. Лукашевича осужденными обоснованно.

ОХОТНИК НА ХРУЩЕВА

На хуторе Посека Турковского района бывшей Дрогобычской (ныне Львовской) области оперативно-войсковая группа МГБ УССР 25 августа 1949 года ликвидировала руководителя местного провода подполья ОУН Миколу Товарницкого («Дмитра»). Изучая документы «бандглаваря», чекисты обнаружили адресованную шефу Турковского надрайонного провода «Максиму» «штафетку» (записку) от руководителя кустовой боевки «Рубана». Последние строки послания заставили оперативников содрогнуться: «Рубан» извещал, что «собирается в далекий путь, ближе к Хрущеву».

Важную информацию о намерении представителя националистического подполья прибыть в Киев для покушения на главу республиканской партийной организации Никиту Хрущева немедленно доложили в МГБ УССР. В глазах сотрудников органов госбезопасности эти опасения отнюдь не выглядели надуманными.

Еще в январе 1944-го НКГБ разгромил Киевский областной провод ОУН (Б), референт СБ которого «Тымиш» вынашивал планы убийства Никиты Сергеевича – изучал систему охраны партийного босса, маршруты передвижения, стремился приобрести информаторов среди его obsлуги.

Кроме того, захваченный в июне 1949 года сотрудник референтуры СБ Центрального провода ОУН Герман С. также сообщил о вынашивавшемся в марте того же года покушении на Хрущева во время визита последнего во Львов. Националисты, как оказалось, подготовили семь групп боевиков, вооруженных пистолетами и гранатами, для нападения на кортеж секретаря ЦК КП(б)У. Однако в последний момент был дан «отбой».

МГБ давно уже располагало оперативными данными о наборе эсбистами смертников из наиболее фанатичных националистов, венерических больных или скомпрометировавших себя подпольщиков. Жертвы «камикадзе» определялись, в первую очередь, среди крупных руководителей партийно-советского аппарата, а также лиц, активно сотрудничавших с большевистской властью. Без промедления подняли имевшуюся на «Рубана» оперативную информацию, допросили арестованных оуновцев, знавших его лично.

Двадцатисемилетний «Рубан» – Василий Хащивский, уроженец Турковского района, с 1942 года служил в немецкой полиции на территории Польши. С 1944-го, после перехода большинства украинских «щуцманов» в ряды Украинской повстанческой армии, стал командиром чоты (взвода) в сотне УПА «Хрина», действовавшей на Закарпатье. Именно этим подразделением повстанцев, как мы уже писали, убит из засады в 1947-м национальный герой Польши, заместитель министра обороны ПНР генерал-полковник Кароль Сверчевский.

Вернувшись на Галичину, Василий служил чотовым в сотне УПА, которой командовал «Ромко», а после расформирования «лесной армии» в конце 1949 года руководил кустовой организацией подполья, охватывавшей несколько «станций» (сел). К тому времени его отца и сестру Марию осудили как родственников «бандита ОУН» и выслали в восточные районы СССР.

Понятно, что расправа над близкими не прибавила «Рубану» любви к большевикам. Он избрал путь мстителя-одиночки: в форме лейтенанта пограничных войск совершал дерзкие вылазки «в стан противника». Так, 26 апреля 1949 года он убил, подкараулив на развилке проселочных дорог, заместителя председателя местного райисполкома, председателя колхоза и активиста. Знавшие «Рубана» соратники отмечали его изворотливость, находчивость, бесстрашие (в боях он неоднократно получал ранения).

Но не только личность автора записки и перехваченная информация о предполагаемом замысле покушения настораживала «компетентные органы». В упомянутом послании Василий просил «Максима» распорядиться его личным оружием и вещами, передав их соратникам, словно завещал перед возможной смертью.

Кроме того, на подконтрольной «Рубану» территории 21 мая того же года убили начальника 5-го (оперативного) отдела Дрогобычского УМГБ подполковника Емельяна Колодяжного – возвращавшиеся с охоты чекисты попали в засаду повстан-

Василий Хащивский

Емельян Колодяжный

цев. Пропали его форма и удостоверение, действительное до конца года. Оказалось, что Хашивский и погибший чекист внешне достаточно похожи! Не требовалось великой дедукции Шерлока Холмса, чтобы сделать соответствующие предположения.

Не ускользнула от оперработников и еще одна существенная деталь. Выяснилось, что Хашивский находился под подозрением контрразведки подполья в сотрудничестве с чекистами.

В то время основной силой подполья в Галичине выступал Краевой провод «Запад-Карпаты», действовавший в труднодоступной, горно-лесистой местности Станиславской и Дрогобычской областей. За безопасность Провода отвечал опытейший нелегал Владимир Ливый («Иордан»). В довоенной Польше его приговаривали к 15 годам тюрьмы за участие в террористической деятельности ОУН, в 1939-м окончил немецкую разведывательно-диверсионную школу в Бранденбурге и был заброшен на Коломыйщину во главе подрывной группы, состоявшей из членов ОУН. С весны 1945 года возглавлял референтуру СБ провода «Запад-Карпаты», приковывавшего к себе внимание сотен оперативников и 13,5 тысячи бойцов Внутренних войск МГБ, пользовался славой жестокого человека, не щадившего и своих, подпавших под подозрение в сотрудничестве со «сталинскими салоедами».

В одном из домов села Топильское Перегинского района Станиславской области 6 декабря 1948 года под картофельной ямой оперативно-войсковая группа обнаружила бункер «Иордана». Он и его жена Дарья Цимбалист («Оля», член ОУН с 1938 года), чтобы не оказаться в плену, застрелились. В рабочей тетради эсбиста нашлось место и для «Рубана». Он и его стрельцы именовались подозрительными лицами – уж слишком удачно уходили невредимыми от облав противника. Таким образом, органы МГБ стали рассматривать «Рубана» как террориста, стремящегося реабилитироваться перед своими путем совершения безрассудного, казалось бы, поступка.

Разумеется, приняли экстренные меры по розыску «Рубана» и предотвращению возможного террористического акта. Бригады наружного наблюдения 5-го Управления МГБ УССР взяли под контроль в Киеве Дом колхозника на бульваре Тараса Шевченко, гостиницы «Интурист», «Украина», «Киев», «Днепр», «Театральная», «Красная звезда». Три десятка «топтунов» круглые сутки сновали в толпе пассажиров на центральном железнодорожном вокзале: следили, не появится ли высокий сутуловатый брюнет, слегка прихрамывающий на одну ногу (последствия ранений «Рубана»). Столько же разведчиков-наблюдателей осматривали поезда западного направления.

Оперативные заслоны выставили на станциях Фастов, Коростень, Гребенка. Обследовались острова и затоны на Днестре, села в радиусе 10-15 километров от столицы. Сотрудники МГБ наблюдали за публикой на Софийской площади, Владимирской горке, Аскольдовой могиле, вблизи Золотых ворот, в Мариинском парке, Киево-Печерской лавре, музее Тараса Шевченко. Соответствующие задачи поставили перед агентурой органов госбезопасности, ориентировали на розыск 350 оперативных работников милиции.

Сейчас уже невозможно установить, приезжал ли Хашивский в Киев, пытался ли воплотить замысел, который в случае удачи, несом-

Раскопки бункера окружного проводника ОУН «Жара» (1948 год)

ненно, мог бы определенным образом повлиять на ход отечественной истории. Органы МГБ пребывали в напряжении вплоть до 19 февраля 1950 года (в тот день погиб руководитель «Рубана» – «Максим»). В его рабочих записях сотрудники спецслужбы нашли упоминание о том, что «Рубана» расстреляли эсбисты по подозрению в связях с МГБ (сотрудничества с чекистами на самом-то деле не было).

Судьба хранила Василя Хацивского от пуль и тюремных нар. Дважды он счастливо выбирался из смертельно опасных переделок, потеряв во время облав всех своих людей. Именно эта благосклонность госпожи удачи сыграла с опытным подпольщиком злую шутку: везение обернулось против него. Насаждавшаяся СБ ОУН атмосфера шпиономании умножила число напрасных жертв...

ДЕЛО О ПРОПАВШИХ ГЕОЛОГАХ

Приход советской власти на земли Западной Украины и жесткая политика нового режима имели в этом регионе крайне противоречивые последствия. С одной стороны, насильственная коллективизация, преследования униатской церкви, принудительная мобилизация на «великие стройки социализма», но самое страшное – массовый политический террор. Как видно из докладной записки, представленной Лаврентием Берия в Президиум ЦК КПСС 26 мая 1953 года, за восемь предшествующих лет погибли около 153 тысяч человек, арестованы 134 тысячи, высланы за пределы республики 203 тысячи жителей Западной Украины. Погибло несколько тысяч военнослужащих, около 30 тысяч представителей власти, актива, специалистов, участников колхозного строительства. Примечательно, что половина погибших в результате силовых акций подполья пришлось на крестьянство, оказавшееся между жерновами политики коллективизации и сопротивления ей антисоветского резистанса.

Наряду с трагическими последствиями бескомпромиссного противостояния постепенно менялось лицо края. Во «Второй Речи Посполитой» Галичина составляла четверть населения тогдашней Польши, однако давала лишь 1/10 ее промышленной продукции. Почти 79% занятых работало в сельском и лесном хозяйстве, и лишь 10% – в производительных и на транспорте. Глубокое исследование продуктивных сил региона в межвоенный период дал известный историк народного хозяйства Украины Григорий Ковальчак, научный сотрудник Института общественных наук АН УССР во Львове. Данные исследователя тем более заслуживают доверия, что этот «типичный советский интеллигент, партийный активист» (слова профессора Я. Дашкевича), работая в архивах обкомов партии, втайне собирал и выносил в голенища сапог записи со статистическими данными о гибели и репрессировании населения западных областей в 1940 – 1950-х годах.

Предприятия насчитывали по 15 – 20 работников, и лишь два-три имели по 250 – 300 человек персонала. Заработная плата была в 1,5-2 раза ниже, чем в центральной Польше, а производственный травматизм в 2 раза выше. В упадок пришла даже спичечная промышленность, не выдержавшая конкуренции с американо-шведским концерном

Крейгера. Добыча нефти и газа в Прикарпатье времен польского владычества на 80% оказалась под контролем компаний Франции и США, которые тормозили рост добычи, консервировали разведанные месторождения – 20% скважин не давали нефти, 40% эксплуатировались время от времени, почти прекратилась добыча ценного химического сырья – озокерита. «Экономика, – писал Г.Ковальчак, – не сделала, практически, ни одного шага вперед, во многих отношениях даже деградировала».

В сельском хозяйстве господствовали мелкие хозяйства, в 1938 году поголовье основных видов скота составляло 77% от уровня 1927 года, а свиней – меньше уровня 1910 года. Как следствие, в 1920–1927 годах эмигрировало 227 тысяч человек, в 1930–1938 годах три воеводства Галичины дали 127 тысяч трудовых эмигрантов, с Волыни уехало за рубеж 103 тысяч человек (по переписи 1931 года на Западной Украине проживало 8,9 млн. человек).

Советы же возводили предприятия машиностроения, химической и легкой промышленности, формировалась социальная инфраструктура, осваивались рекреационные ресурсы. К 1958 году добыча нефти выросла в 4 раза, газа в 11 раз, производство электроэнергии – в 10 раз. Общий объем промышленной продукции в 10–12 раз превзошел уровень 1939 года, реальные доходы рабочих удвоились. Показательно, что к 1964 году продукция предприятий Западной Украины шла на экспорт в 64 страны мира. Две трети кадров промышленности составили местные уроженцы, 70% рабочих были этническими украинцами.

К 1950 году открылось 24 вуз (до 1939-го их было четыре). Ликвидировали массовое распространение туберкулеза, сифилиса, других инфекционных болезней. Показательным примером роста лояльности к новой власти стало начало целенаправленного набора с 1952 года местных молодых людей на службу в органы государственной безопасности.

Много внимания уделялось освоению природных ресурсов Прикарпатья, в первую очередь энергоносителей. После войны осваиваются новые месторождения углеводородного сырья, уже в 1946-м вступил в строй первый в Советском Союзе магистральный газопровод Дашава – Киев, затем продолженный до Москвы. В Ивано-

Франковске открыли институт нефти и газа. Стронникам версии о «колониальном» характере советской власти, нелишне задаться вопросом – неужели галичане–выпускники института, работая в Западной Сибири или на Сахалине, осуществляли «колониальную эксплуатацию» России?

В конце 1940-х годов поиск в горах подземных богатств украинским геологам помогала вести Московская геологоразведочная экспедиция под руководством профессора Богданова. Поисковики трудились в разгар боевых действий советских силовых структур против вооруженного подполья ОУН. Производились диверсии на промыслах, нередко боевики ОУН задерживали выезжавших «в поле» работников экспедиции, избивали их, отбирали инструменты и личные вещи. В августе 1948-го ЦК КП (б)У даже издал соответствующее постановление «Об обеспечении условий безопасности работы геолого-поисковых партий в западных областях УССР». Его выполнение взял под личный контроль заместитель секретаря ЦК по нефтяной промышленности Т.Гонта. Однако сами геологи зачастую отказывались от охраны, не желая «дразнить гусей» и настраивать против себя местное население.

5 августа 1948 года на поиски образцов породы в Рожнятовском районе Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области отправились члены экспедиции Наталья Балашова и Дмитрий Рыбкин. У 27-летней Натальи, инженера Московского геологоразведочного института, в столице остались муж и маленький ребенок. Молодая женщина выглядела настоящей русской красавицей: статная фигура, голубые глаза, коса до пояса. В полевой работе ей помогал студент того же института Рыбкин, активист и физкультурник.

Геологи мирно собирали минералы, не подозревая, какая участь им уготована. Информаторы подполья из местного села Суходол сообщили о появлении чужаков кустовому руководителю подполья ОУН «Грому». Тот с боевиками «Дубом», «Байдой»,

Геолог
Наталья Рыбкина

«Зализняком», «Кулеметом» и «Славком» задержал Балашову и Рыбкина. Связав им руки, «ценных» пленников отвели к референту Службы безопасности (СБ) Рожнятовского районного провода ОУН «Зоряну». Задержанных решили сначала накормить, затем допросить.

Представитель ОУН в селе «Выдра» принес им молока и хлеба. Наталья тихо спросила:

– Что с нами сделают – убьют или отпустят?

– Может, и отпустят, – последовал уклончивый ответ.

Эсбист «Зорян» понимал, что у него появился шанс отличиться перед шефом – референтом СБ Краевого провода Владимиром Ливым («Иорданом»). Дело ведь можно было подать и так, что безобидные геологи предстанут крупными врагами нации. А посему в полуразрушенном срубе на лесистом склоне горы Лухи начались допросы с пристрастием.

Геологов хватились только через пять дней. Профессор Богданов лично обратился за помощью в Центральный комитет КП(б)У. Для розыска пропавших создали оперативно-войсковую группу во главе с сотрудником Управления 2-Н МГБ УССР майором Тищенко. В сентябре в розыске геологов уже задействовали 11 поисковых групп из оперативных работников и 120 солдат внутренних войск. Вскоре от агентуры поступили достоверные сведения, что членов московской экспедиции захватили боевики ОУН. В Прикарпатье приехал отец пропавшего студента Георгий Рыбкин, директор Гостехиздата СССР. Он лично ходил по селам, показывал фотокарточку сына местным жителям, искал тех, кто мог его видеть или что-либо сообщить о его судьбе.

Студент Дмитрий Рыбкин

Увы, ни усилия родных, ни оперативно-розыскные мероприятия чекистов результатов не дали. Дело взял на контроль секретарь ЦК ВКП (б) Кузнецов. О судьбе Балашовой беспокоился ее род-

ственник – известный авиаконструктор Андрей Туполев, постоянно звонивший в ЦК.

Спустя некоторое время оперативникам удалось-таки выйти на след пропавших. Среди захваченных бумаг застрелившегося при попытке захвата референта СБ Карпатского краевого провода В.Ливого («Иордана») оказались и материалы, пролившие свет на судьбу несчастных геологов, – протоколы допросов геологов и отчет «Зорян».

«Зорян», который лично допрашивал «московских оккупантов», окрестил Дмитрия Рыбкина ни много ни мало «одним из опаснейших представителей большевистского империализма, агентом органов большевистской безопасности». О Наталье Балашовой скромно говорилось: «На вопросы отвечать отказалась, умерла на третий день допросов...» Что довелось пережить этой женщине, мы уже никогда не узнаем.

Рыбкин дал следователю СБ воистину «стратегическую» информацию – об организации работы пионерских и комсомольских ячеек, а также вспомнил фамилии нескольких преподавателей военной кафедры своего института. Студента повесили...

Оставалось найти тела безвинных жертв. Органам госбезопасности удалось установить и разыскать «Выдру». Он-то и указал место, где вершил свои черные дела «Зорян». Первого августа 1949 года в трех километрах от села Лицивка Рожнятовского района оперативная группа обнаружила тот самый сруб, а в полусотне метров от него – две разрытые лесным зверьем ямы. В них и поблизости на земле подобрали два черепа, кости, две женские косы и перламутровую пуговицу от рубашки Рыбкина.

Отец Дмитрия долго не верил в обрушившееся на него горе. Он добился, чтобы в январе 1951 года череп сына передали в Институт этнографии АН СССР, где работал знаменитый профессор Михаил Герасимов – основатель школы пластической реконструкции внешнего облика человека на основе скелетных останков. Ученый, как известно, создал скульптурные портреты многих исторических личностей – Ярослава Мудрого, Ивана Грозного, Андрея Боголюбского, Мухаммеда Улугбека. Безутешному отцу пошли навстречу.

Год поисков пропавших геологов дорого обошелся и подполью. В ходе розыскных мероприятий ликвидированы «Зорян» и его боеви-

ки, упомянутый «Иордан» и руководитель провода «Карпаты—Запад» Василий Сидор («Шелест») с супругой. Убиты 269 и арестованы 233 человека, по введенной властью бесчеловечной системе круговой поруки выселены десятки семей «бандпособников».

К сожалению, кровавый маховик бескомпромиссного гражданского конфликта на Западной Украине в конце 1940-х не сбавил оборотов и остановился нескоро. История, случившаяся в живописном уголке Карпатского края более полувека назад, и сегодня напоминает современникам о подлинном лице гражданского конфликта — бессмысленного и беспощадного.

Опегруппа на розыске нелегалов ОУН

ИХ НАЗЫВАЛИ «ЛЕСНЫМИ БРАТЬЯМИ»

Партизанская война против сталинского режима в Литве в 1944 — начале 1950-х годов стала одним из наиболее ярких примеров «малой войны» в истории XX столетия.

Общее политическое руководство анти-советским движением сопротивления осуществлял до 1953 года Президиум союза борьбы за освобождение Литвы под председательством Жемайтиса («Витаутаса»). Командиром вооруженных формирований — Литовской освободительной армии (ЛЛА) Союза литовских партизан (создан в 1945 году) выступал А.Раманаускас («Ванагас»). Руководящим органом вооруженной борьбы стал Верховный штаб (ВШ) ЛЛА. К началу 1945-го «под ружьем» у штаба пребывало до 30 тыс. повстанцев.

Йонас Жемайтис

Территорию Литвы руководство подполья разделило на военно-административные зоны: 3 области — 7 округов — 20 бригад (на практике последние могли насчитывать не более нескольких десятков боевиков). Территориальные формирования имели собственные криптонимы и эмблемы, разведывательный аппарат, опиравшийся на информаторов среди местного населения. В 1947 году создается командирская школа ЛЛА. Всего же, по оценкам американских исследователей Р. Мисиунаса и Р. Таагепера, через повстанческие формирования Литвы в 1944 — 1952 годах прошло до 100 тыс. участников. По их же мнению, активной формой борьбы одновременно охватывалось до 1% населения.

Борьбу с «лесными братьями» начали в 1944-м части 3-го Украинского фронта. С ноября 1944 по февраль 1945-го они ликвидировали 4045 повстанцев, потеряв 151 военнослужащего. «Эстафету» приняли две дивизии внутренних войск (ВВ) НКВД. Даже в 1945-м происходили крупные по меркам антиповстанческих операций боевые столкновения — известен случай боя с 800 повстанцами (потерь 150 бойцов, они выскользнули из кольца спецвойск, выведя из строя

до 800 военнослужащих). О размахе сопротивления можно судить по советской статистике — в 1945—1947 годах ликвидировано два состава ВШ ЛЛА, 10 окружных и 26 уездных штабов, захвачено 2,4 тыс. пулеметов, 14 тыс. автоматов, 20 тыс. винтовок, 15 тыс. пистолетов, 3 млн. патронов.

Сила и активность литовского сопротивления во многом объясняется тем, что немалая часть его участников имела опыт специальной деятельности и солидную военную подготовку, полученные до 1940 года. Литва стала далеко не единственной из стран нестабильной межвоенной Европы, где в результате государственного переворота был установлен авторитарный режим (в Литве — режим А.Сметоны). Последний опирался на правящую право-консервативную партию «Таутининкай», имевшую собственную контрразведку «Гележинасвилкас» («Железный волк»), созданную вскоре после государственного переворота 1927 года, а также «Особый отдел».

Нетрудно понять и широкую милитаризацию населения небольшого государства, постоянно пребывавшего под угрозой новой агрессии со стороны Второй Речи Посполитой. «Таутининкай» создала массовую военизированную организацию «Шаулю саюнга» («Союз стрелков»), насчитывавшую до 40 тыс. активных участников. Союз имел четкую структуру, собственную униформу, вел военную подготовку населения и выступал общим резервом вооруженных сил. Не случайно литовские повстанцы любили носить форму старой армии и «стрелков», считая себя представителями силовых структур литовского государства. Кстати говоря, на основе армий прибалтийских республик после их аннексии СССР создали регулярные соединения РККА, однако с началом войны они проявили себя пассивно, личный состав

(офицерский корпус почти поголовно) переходил на сторону вермахта. Впрочем, рассчитывать на иное их отношение к защите «социалистического Отечества» было бы наивно...

Под воздействием массированных ударов правительственных войск повстанцы меняют тактику, переходя к действиям малыми группами, делают упор на срыв административных и социально-экономических мероприятий советской власти — прежде всего, насильственной коллективизации, противоречившей традиционному хуторскому способу ведения хозяйства. Широко применялись законспирированные убежища — бункера в лесисто-болотистой местности и в хозяйствах сочувствующих жителей, без всесторонней помощи которых невозможно было бы годами оказывать сопротивление сталинизму. При этом проявлялась немалая изобретательность — так, один из бункеров оборудовали прямо под лесной грунтовой дорогой, а «бандпособники» для маскировки ездили над ним телегами и санями.

«Лесные братья» уничтожали представителей администрации и сотрудничавших с ней литовцев, колхозных активистов, приезжих специалистов, стремясь террором не допустить советизации Литвы. Не случайно из 25 тыс. жертв советской стороны в 1944—1956 годах 23 тыс. составляли гражданские лица.

В тех условиях оба участника вооруженного конфликта не брезговали brutальными методами противоборства. Еще 4 ноября 1944 года ВШ ЛЛА издал приказ: «Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации и шпионов вести ее без жалости и щепетильности... Операции проводить только ночью. Для этой цели лучше всего играть роль милиции и НКВД. По возможности надевать русские одежды и говорить по-русски. Отдельных энквэdistов и небольшие группы ликвидировать без всяких следов, чтобы создавалось впечатление, что пропали без вести. Для обеспечения оружием и патронами

Адольфас Раманаускас

*Нарукавные знаки
территориальных
формирований
ЛЛА*

забирать все оружие у ликвидированных, покупать у красноармейцев за самогон...».

В свою очередь, советская сторона использовала и такой широко известный сейчас метод борьбы, как создание легендированных подполье спецгрупп из числа бывших «лесных братьев». Повстанцы редко сдавались живыми, стреляясь, подрывая себя гранатами, сгорая в окруженных домах. Но и их противники старались не попадать в руки «лесных братьев».

Широко применялись принудительные депортации, выселение по обвинению в «пособничестве бандитам». В целом литовцы составили одну из наибольших «диаспор» ГУЛАГа, принимали активное участие, наряду с «бандеровцами», в организации знаменитых лагерных восстаний начала 50-х годов, создавали в неволе подпольные организации для сопротивления администрации. Известна, к примеру, основанная К.Клементаускасом воркутинская «Северная месть», истреблявшая агентуру лагерных оперативных частей МГБ.

Подразделение Литовской освободительной армии

Оперативно-войсковые операции и депортации подрывали силы ЛЛА. В 1952-м «Ванагас» приказал прекратить организованное вооруженное сопротивление, хотя отдельные террористические акции со стороны подполья продолжались и далее. Даже в 1956-м в Литве конфисковали в тайниках подполья три десятка пулеметов, 1945 автоматов, полтысячи винтовок, 780 пистолетов, свыше тысячи мин и 28 кг взрывчатки.

Амнистия 1955 года практически добила подполье. А 12 октября 1956 года в Каунасе арестовали А.Раманаускаса и его жену (спустя год лидера повстанцев расстреляли).

Командиры литовских повстанцев

ИРАКСКИЙ КАПКАН

Мусаб аль-Заркави

Мировая общественность уже стала по-немногу забывать о «террористе №1» Усаме Бен Ладене, когда иорданский журналист Фуад Хуссейн сумел взять интервью у лидеров Аль-Каиды. Среди собеседников оказался и египтянин Сейф аль-Адль (побратим по тюрьме одного из столпов Каиды – Мусаба аль-Заркави), чью буйную голову ФБР оценило в 5 млн. долларов. Профессиональные террористы обстоятельно поведали о перспективном плане создания всемирной исламской державы – Халифата.

Итак, первый этап, или «Фаза пробуждения», начался с террористических атак 11 сентября 2001 года и завершился взятием Багдада «неверными» в апреле 2003-го. Багдада не жалко, главное – были донесены до человечества концептуальные идеи «борцов за веру». Второй этап по замыслу станет «Раскрытием глаз»: Аль-Каида превратится в массовое движение, объединив под зелеными знаменами рать неисчислимую по всему арабскому белу свету. Предпосылки для этого налицо. Так, по данным Центра исследования терроризма и политического насилия шотландского университета св. Андрея, эта организация к 11 сентября 2001-го насчитывала 3–4 тыс. членов и присутствовала в 98 странах, а в 47 из них вербовала участников. До 2010 года должен осуществиться «Подъем на обе ноги»: будут нанесены удары по Турции и Израилю, после чего Аль-Каиду признают во всем мире как массовое движение.

С 2010 по 2013-й падут «ненавистные арабские правительства», в одночасье запыхают нефтепромыслы, приток волонтеров в Аль-Каиду усилится. По американской экономике ударят кибертерроризмом. В последнее охотно верится. Еще в ноябре 1989 года хакер Zod, 17-летний школьник, проник в банки данных Военно-воздушных сил США (куда организационно входят

Усама Бен Ладен

и 1053 межконтинентальные баллистические ракеты) и разрушил их, чем поставил под угрозу всю систему управления стратегическим ядерным оружием. До того его чикагский сверстник Герберт Ник («Сумеречный ястреб») прорвался к файлам управления ядерных ракет и получил за баловство 9 месяцев тюрьмы.

В 2013–2016 годах будет создано единое исламское государство. Влияние Запада на мировые дела резко упадет, Израиль ослабнет настолько, что не сможет эффективно реагировать на удары исламистов. Увы, «на Усаму» работают объективные демографические факторы. По оценке известного гарвардского политолога П.Бьюкенена, к 2050 году ускоренное развитие мусульмано-африканско-арабской субкультуры (3–4 млрд. душ) может привести к фактическому исчезновению европейской цивилизации, которая сократится на 150–200 млн. человек. П.Бьюкенен пророчит рост числа палестинцев с 4 до 15 млн., что в 2 раза превысит еврейское население Израиля (всего же 20 млн. евреев будет противостоять миллиард арабов). Политика США в зоне Персидского залива окажется несостоятельной, ибо через 25 лет в Ираке будет 42 млн. жителей, а в Иране – 94 млн.

С 2016 года грядет «Битва между правоверными и неверными», своего рода мусульмано-христианский Армагедон. И, наконец, на седьмом этапе «Окончательной победы» война со «свиньедами» успешно завершится к 2020 году.

Мы подробнее остановились на апокалипсисе от Аль-Каиды потому, что по замыслу террористического Интернационала именно в Ираке будет создана «Армия воинов Халифата». Война в Ираке стала и нашей войной, и на Рождество сотни украинцев в «пустынном» камуфляже из контингента, деликатно названного «тактической группой», поднимут пластиковые «чарки» с безалкогольными «наркомовскими» где-то под далекой от народных интересов Эль-Сувейрой...

Корни современной «партизанщины» в Ираке невозможно понять без оценки системы спецслужб и карательного аппарата довоенного Ирака, где с 1968 года правил президент Саддам Хусейн.

Диктатура Саддама Хусейна десятилетиями держалась на мощной системе контроля, запугивания и кровопускания. При численности населения примерно в 22 млн. человек (на 1998 год) тайная полиция АМАМ имела 40 тыс. кадровых сотрудников и опиралась

на тотальную систему информаторов, куда втянули 4 млн. иракцев. По своему положению каждый из 1,5 млн. членов правящей Партии арабского социалистического возрождения (БААС) обязан был верой и правдой докладывать о крамоле. Широко практиковались пытки, устанавливалась такса за наветы на «врагов Президента», жертвами массовых политических репрессий становились многие тысячи «не-лояльных», прежде всего мусульмане-шииты, а также коммунисты, евреи. Для подавления восстания курдов в 1988-м (операция «Анфаль» под руководством дяди Саддама Аль-Маджида) использовали боевые отравляющие газы. Считается, что за время правления Хусейна пропали без вести 300 тыс. иракцев.

Время от времени, для «поддержания лояльности», по обвинению в заговоре ликвидировали отдельных представителей генералитета и правящей верхушки. Лишь в 1980–1990-х по приказу диктатора уничтожили свыше 20 армейских генералов, в 1989-м тайная полиция устроила взрыв вертолета министра обороны Хайруллы. «Заговор» 1999 года верхушки армейской разведки стоил жизни десяткам старших офицеров и ее шефу, родственнику президента Аль-Тикрити. Саддам сам рыл себе могилу, но об этом – позже.

Саддам Хусейн с сыновьями Кусаем и Удаем

За решетку исправно бросали и исламских фундаменталистов, да и доказательств связи диктатора с Бен Ладеном так никто и не представил. К слову говоря, накануне вторжения в Ирак в 2003 году Комитет по разведке Сената США представил 500-страничный доклад: все сообщения американского разведывательного сообщества о наличии в Ираке оружия массового поражения не основывались на четких и проверенных данных. Недавно американские некоммерческие журналистские организации (Центр общественной открытости и Фонд за независимость в журналистике) подсчитали, что за два года после 11 сентября 2001 года президент и высокопоставленные чиновники США сделали как минимум 935 неправдивых заявлений по иракской проблеме.

Однако пропаганда свое дело сделала: 90% опрошенных американцев свято верили, что Саддам поддерживает терроризм, а 53% считали его лично причастным к атаке «Боингов» на башни-близнецы в Нью-Йорке.

В Ираке при Садаме создали мощную систему спецслужб и спецподразделений. В нее вошли:

- Служба народной безопасности («Аль-Мухабарат») с центральным офисом на бульваре халифа Мансура в Багдаде. В духе добрых региональных традиций ее возглавляли сначала родной брат диктатора Ибрагим, затем сын Удай, сексуальный маньяк и заплечных дел мастер, запросто способный пристрелить не глянувшегo генерала (в престолонаследники решили готовить младшего Кусая, слывшего послушным сыном). Для «мокрых» дел, включая закордонные спецоперации, Мухабарат имел «ликвидационную команду» «Сайека» («Молния»). При ней состоял штат восточных красавиц, заманивавших в западню жертвы из числа эмигрантов-оппозиционеров (похоже, сказался поучительный опыт МОССАДА);
- Служба безопасности президента во главе с «примерным» сыном Кусаем Хуссейном;
- Главный разведывательный директорат;
- Иракская разведывательная служба при Совете революционного командования;

- Главное управление общей безопасности МВД;
- Служба военной разведки со спецназом «Копье Аллаха»;
- Служба безопасности Генштаба Министерства обороны;
- Спецслужба правящей партии БААС.

Кроме мощной и современной (по меркам непоколебимо преданных опыту Второй мировой советских маршалов) армии, Саддам опирался и на специальные войска:

- *Республиканская гвардия (РГ)*, командующий – Кусай Хусейн, начальник штаба – генерал И. Ат-Тикрити, кузен диктатора. Насчитывала семь элитных дивизий, упорно сопротивлявшихся во время «Бури в пустыне» 1991 года, в то время когда разумные люди толпами валили в плен. Тогда всего 200 человек из 8-го батальона 4-й группы психологических операций армии США заготовили по полсотни листовок на каждого саддамовского воина, и 70% сдавшихся сделали это под влиянием «подметных писем» спецпропаганды. Кроме 300 танков и семи дивизионов тяжелой самоходной артиллерии, каждая дивизия РГ имела разведывательный батальон и три батальона спецназа;
- *Республиканская гвардия особого назначения (РГОН)*, подчиненная напрямую С.Хусейну. Тут бойцы подбирались исключительно по принципу личной преданности президенту. Включала 13 батальонов (26 тыс. штыков) с собственной артиллерией и авиацией;
- Самым крутым подразделением под командованием Удая Хусейна считались созданные в 1995-м «*Федаины Саддама*» («жертвующих собой во имя Саддама», ФС). Основным заданием структуры являлась борьба с подрывной деятельностью против режима. 40 тыс. федаинов делились на отдельные батальоны и роты. В 1997-м ФС организует подразделение смертников (до 150 человек). На военных парадах смертники пугали обывателей белыми мундирами, похожими на саваны, которые олепетывали готовность к «виджибат интихари» – миссии смертника.

С 1999 года смертники под командованием доверенного лица Удая бригадного генерала Д.Аль-Рабиа проходили спецподготовку по программе спецназа (воздушно-десантную, водолазную, диверсионную), учились пилотировать вертолеты. Именно федаины целенаправленно готовились к развертыванию партизанской войны в случае победы МНС (Многонациональных сил) и оккупации Ирака.

В марте 2003-го весь мир напряженно ожидал развязки военных приготовлений в Заливе. Высказывались прогнозы, немало наблюдателей предвкушали серьезные потери МНС. Отставной министр обороны СССР и «путчист» маршал Дмитрий Язов ежедневно живописал «Комсомолке», – как «врежут» американцам, для убедительности показывая что-то на карте.

По сути, план будущей войны увидел свет еще в декабре 1996-го, в книге аналитиков Х.Ульмана и Д.Вайда «Шок и трепет. Быстрое достижение преимущества». Америке, считали авторы, вовсе не обязательно иметь количественный перевес над противником, наносить большой урон его живой силе и технике. Главное – за счет высоких технологий парализовать волю к сопротивлению, нарушить управление и бери врага голыми руками. Так во многом и произошло.

Операция «Шок и трепет» началась 20 марта 2003 года. Союзники сполна продемонстрировали мощь военной машины: на Ирак обрушилось 955 крылатых ракет «Томагавк», 12 тыс. «умных» высокоточных бомб, электронные бомбы и «пушки» авиации выводили из строя системы управления и связи, ни один истребитель ВВС Ирака так и осмелился помешать этому «воздушному параду». Над страной скользили беспилотные разведчики «Тень» и «Хищник», высматривая цели для ракетно-бомбовых ударов. «Стелсы» нанесли ракетные удары по местам возможного укрытия Саддама. Никогда еще в истории войн так не милитаризовался космос – разведку и наведение оружия союзников обеспечивало 239 спутников, спутники-разведчики «Лакросс» и «Замочная скважина» могли и в темноте, и через тучи рассматривать поверхность земли с точностью до 50 сантиметров!

Еще до начала боевых действий в населенные пункты Ирака десантировалось 30 групп войск спецназначения. Они корректировали огневые удары, выявляли маршруты передвижения войск и командного состава, вели разведку. Силы спецопераций были представлены

отрядом антитеррора «Дельта», 5 батальонами «зеленых беретов», батальоном 75-го полка «рейнджеров» (США) и двумя ротами знаменитой британской Специальной авиадесантной службы (SAS).

Однако на юге страны сценарий молниеносной войны дал сбой. Несмотря на непрерывные удары с воздуха, американцы и англичане втянулись в 3-недельные уличные бои в городах Басра, Эн-Неджеф, Эн-Насирия. Сотни федаинов бились с морской пехотой, активно действовали снайперы и группы гранатометчиков. Полной неожиданностью для МНС явилось участие в боях нерегулярных (по сути – партизанских формирований). 29 марта в Неджефе произошел первый случай применения смертников – иракский «таксист» подорвал собой 4 американских пехотинцев.

Но исход кампании решился вовсе не на полях сражений. Еще в марте 2001 года известный американский «мозговой центр» – корпорация РЕНД разработала проект «Операции против лидеров противника». На основе анализа послевоенного опыта переворотов выдвигались рецепты по свержению неугодных Вашингтону режимов путем внутренних заговоров, привлечения на свою сторону верхушки противника или внешнего вмешательства. Ирак стал удобным полигоном для испытания «нового оружия».

По авторитетному свидетельству бывшего командующего Объединенными силами НАТО в Европе генерала Уэсли Кларка, в период подготовки войны с Ираком широко использовалась «дезинформация, обман, психологические операции, в которых были задействованы журналисты, иракские генералы, а также прямой контакт с иракским руководством».

«Груженный золотом осел», как говаривали древние, и на этот раз «открыл ворота крепости». Ряду высших руководителей силовых структур предложили крупные взятки, виды на жительство в США, «отпущение грехов» и места в послевоенной администрации страны. В Ирак направились группы сотрудников ЦРУ, вступившие в контакт с местной оппозицией и генералитетом.

Даже министр обороны США признал связи с командующим Республиканской гвардией. Вездесущие арабские журналисты докопались до тайного соглашения с БААС о сдаче столицы, переходе на сторону МНС командиров РГ, РГОН и федаинов Саддама, включая

кузена диктатора Аль-Тикрити. Да и подозрительно быстро морпехи США отыскивали тайники с оружием и взрывчаткой, предназначенные для «палестинизации» Ирака под оккупацией. Среди участников антивоенного движения, приехавших в Багдад в феврале, затесались кадровые разведчики, наводившие американскую авиацию.

В результате верхушечного сговора «начальство» не стало дожидаться очередной волны «профилактических» репрессий и сдало с потрохами вверенное им воинство. За неделю капитулировало четыре армейских корпуса. Один из них вообще сложил оружие перед американским батальоном. В Багдаде, где планировка кварталов позволяла организовать длительную оборону, не были: взорваны 12 мостов через Тигр, заминированы подземные тоннели, установлены минные поля, построено достаточно баррикад. Через 7 дней боев средней интенсивности столица перешла в руки МНС. «Шок и трепет» обошелся союзникам в 211 убитых.

15 апреля 2003-го представитель Комитета начальников штабов ВС США генерал С.Мак-Кристал объявил о завершении «широкомасштабной военной операции», хотя и признал сопротивление со стороны «вооруженных ополченцев, бойцов гвардии и террористов».

Уже тогда многое настораживало. Ожидаемого массового восстания народа не произошло. Тысячи вооруженных мужчин «растворились» среди населения. Роспуск армии породил огромную когорту безработных, БААС загнали в подполье, не дав мест ее членам в гражданской администрации.

Можно сказать, что американцы сами «плюнули в колодезь»: «Варвары у стен Багдада», называлась передовица британской газеты «Гардиан». Американские морские пехотинцы не только подстрекали толпу к погромам и грабежам, но и перевозили мародеров от здания к зданию. «Освободившийся народ» разнес 158 государственных зданий, включая музеи, Национальную библиотеку и архивы. Погибло или было разграблено 170 тыс. бесценных экспонатов древней культуры Двуречья, а ведь многим из них было по 5 тысяч лет!

К августу, пишет У.Кларк, «американская миссия висела на волоске», не оправдав надежд иракцев на стабильность и минимальные экономические стандарты. Уже тогда 73% жителей Багдада считали, что МНС не обеспечивают необходимой безопасности, а в июне сто-

лицу сотрясли манифестации. 18 июня 2003 года заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц признал – в Ираке идет партизанская война, нападения на силы коалиции совершаются ежедневно. Глава оборонного ведомства Доналд Рамсфелд призвал общественность «с пониманием» относиться к потерям.

Самой большой загадкой и донныне остается то, кто же действительно партизанит в Ираке, какова политическая направленность ежедневного террора. 22 июня 2003-го заявили о себе два военно-политических формирования, отрицавшие связь с Саддамом и готовые сражаться до полного вывода иностранных войск. Сейчас известно о таких участниках сопротивления, как «Национальный фронт федаинов», «Эскадроны иракского сопротивления», группа «Черное знамя», «Исламская армия Ирака», «Исламская партия», «Зеленые бригады», «Бригады Аль-Бадр», «Исламское движение святого воинства», подпольная сеть «Возрождение» из бывших офицеров гвардии, федаинов Саддама и функционеров БААС. В «Армии Мухаммеда» состоят бывшие спецназовцы. Всего – свыше 20 военизированных группировок.

В партизанской войне приняли участие как сунниты, так и шииты, причем произошло неслыханное для довоенного Ирака – представители этих конфессий объединялись для боевых акций. Есть отряды, состоящие полностью из иракцев, есть с участием иностранцев (даже христиан). По данным американской разведки, до начала 2004 года в стране воевало 1-3 тыс. иностранных боевиков, 300 из них попало в плен. Считается, что финансируются они суннитскими кругами. По словам главы оккупационной администрации Пола Бремера, в Ирак прибыли экстремисты из Сирии, Саудовской Аравии, Ирана, Сомали, Иордании, Марокко, Ливана, Йемена, Алжира, палестинцы. Известно и об «арабской колонне» – ветеранах чеченских войн, прикнущивших к группе «Черное знамя». Даже из благополучной Дании воевать с «неверными» отправились десятки арабов. Ясно, что среди партизан высока доля квалифицированных бойцов, специалистов по диверсионно-террористической деятельности.

Но самое главное – партизаны пользуются поддержкой или сочувствием населения. Социологические исследования свидетельствовали: против американцев настроено 98,8% шиитов (составляют 58% населения), 98,2% суннитов (30%), и даже 23% курдов. Как вы-

сказался летом 2004-го футболист из олимпийской сборной Ирака, «я встречал американцев с конфетами. Какой же я был наивный! Теперь я хочу умереть, как мой двоюродный брат и три друга, которые сражались с американцами».

Нужно учитывать, что Ирак некогда превратился в мощную базу укрытия, подготовки и снабжения террористических организаций – палестинских, египетских, иранских и даже эритрейских. Под опеку диктатора перешли радикальные «раскольники» палестинского движения во главе с Хавари, Абу-Муссою, Абу-Нидалем, Абу-Аббасом. Боевики проходили обучение на созданной секретной базе Салман-Пак под Багдадом, проходя школу террора у иракских спецназовцев.

По мнению экспертов, нет оснований говорить о засилье среди партизан исламских фанатиков-джихадистов (хотя и такие «слетаются на огонек»). Движение сопротивления носит скорее патриотический характер, с элементами уязвленного национального и религиозного чувства, и в основе его – требование ухода МНС из страны.

Кто же ходит в лидерах иракской партизанщины? 22 июля 2003-го информатор-араб сообщил, что на вилле около Мосула скрываются высокопоставленные чиновники. Когда группа спецназа ворвалась в дом, их встретили автоматные очереди, 4 штурмовиков получили ранения. Тогда с броневиков «Хаммер» ударили 10 противотанковых ракет, дом превратился в руины. Но и повторный приступ напоролся на огонь – еще полчаса отстреливался 14-летний сын Кусая Хуссейна – Мустафа. В доме обнаружили трупы Удая и Кусая, Мустафы и телохранителя. Всего МНС захватили или уничтожили 40 из 55 объявленных в розыск близких соратников диктатора.

Имя 30-летнего радикального духовного лидера шиитов имама Моктады Садра прогремело на весь мир во время подавления восстания в Эль-Фалудже. Там убили 4 американских контрактников и таскали по городу их обезображенные тела. 5 апреля 2004 года силами 1200 морских пехотинцев и 2 батальонов иракских сил безопасности началась операция «Бдительная свобода». Вокруг харизматичного имама группируется беднота в черных рубахах и с автоматами, разделяющая лозунг лидера «Я враг Америки и Америка мой враг до последнего дня». Отец Моктады был видным исламским авторитетом, убитым по приказу Саддама.

Сидел в тюрьме при «старом режиме» и шейх Фахри аль-Кувейси. Другой лидер сопротивления, Абу Рашид, в 30 лет стал руководителем Совета моджахедов Эль-Фалуджи. В свое время отслужил в гвардии, в 2001-м подался к талибам в Афганистан, затем стал одним из руководителей старого исламистского движения «Таухид валь-джихад», взял на себя ответственность за убийства ряда иностранцев. Симпатии населения снискал свирепой борьбой с лжепартизанами, грабящими простой люд.

Имама аль-Джаноби называют «иракским шейхом Ясином» (убитый израильской ракетой лидер палестинской террористической организации ХАМАС). Пожалуй, наиболее колоритным вожаком сопротивления был Абу Мусаба аз-Заркави, представитель Аль-Каиды. Родился в 1967-м в лагере палестинских беженцев. В Палестине, по словам бывшего резидента разведки КГБ в Египте Льва Баусина, «не одно поколение людей лишено нормального образа жизни: они вставали утром с автоматом и ложились спать с ним». Прошел обучение в лагерях моджахедов в Пакистане и Афганистане, став специалистом по диверсиям. За три года, с 1999-го, развернул подрывную деятельность от Испании до Курдистана: воевал в Афганистане, помогал чеченским сепаратистам, его считают одним из организаторов терактов в Мадриде 11 марта 2004 года, готовил иные диверсии, убил американского дипломата Лоуренса Фоли в Аммане. Только 10 ноября 2005 года смертники Заркави уничтожили взрывами в столице Иордании около 60 человек и более 30 — в самом Ираке.

Львиная доля акций партизан приходится на теракты и диверсии против небольших подразделений и патрулей, механизированных и автомобильных колонн МНС, органов власти, полицейских участков. Но главная мишень — скопления людей (улицы, базары), очереди на биржи труда, новобранцы на полицейскую службу. В 2004-м в день в среднем фиксировалось 25 нападений на военнослужащих коалиции. Как правило, это подрывы заминированных машин или атаки камикадзе, внезапные обстрелы из гранатометов и минометов по принципу «удар — стремительный отход».

С марта 2003 до июля 2005 года погибло 1700, получили ранения 10 тыс. американских солдат, убито 86 английских, 20 итальянских, 18 украинских и 50 военнослужащих других стран — участниц МНС.

Среднесуточные потери американцев превысили этот показатель у советских войск в Афганистане.

В 2006–2008 годах обстановка в Ираке характеризовалась продолжением масштабной, интенсивной партизанской войны, усилением активности сил иракского сопротивления, усовершенствованием форм и методов вооруженных нападений и террористических актов. Количество нападений боевиков на коалиционные силы возросло с 200 случаев в неделю в 2004 году до 650 в 2005-м. Если в первые годы нападения были эпизодическими, то сейчас атаки на оккупационные войска отличаются организованностью, четким планированием, изобретательностью в методах.

Возникла достаточно разветвленная инфраструктура партизанской войны, в частности широкая сеть лагерей по подготовке боевиков, где теоретическая подготовка закрепляется на реальных боевых действиях. Профессиональные инструкторы обучают корректировке тактики проведения терактов в зависимости от обстановки, отрабатывают новые методы нападений, захвата заложников и похищения высокопоставленных лиц и иностранцев.

Основной формой ударов боевиков выступают подрывы самодельных взрывных устройств (СВУ), жертвами которых стали до 70% пострадавших коалициантов. Идет непрерывное совершенствование тактики диверсионно-террористических акций, конструкции СВУ. ВС США в Ираке ежемесячно теряют на подрывах СВУ свыше 50 единиц боевой техники. С марта 2003 до осени 2006 года СВУ унесли жизни 1034 солдат США и ранили 11,2 тысячи. На защиту от СВУ потратили \$ 6 млрд. (усиление бронезащиты, производство устройств по подавлению радиоуправляемых фугасов и т.п.).

Боевики продемонстрировали способность быстро реагировать на использование МНС новых технических приемов и за 1–2 недели вырабатывают способы противодействия. В частности, высокую эффективность показали СВУ с инфракрасными датчиками и зарядами направленного действия. Это вынуждает Управление перспективных исследований (DARPA) МО США проводить дорогостоящие научно-конструкторские разработки в области новейших технологий ведения контрснайперской борьбы, инженерной разведки, выявления и обезвреживания СВУ.

В последние годы активизировалась боевая работа повстанческих снайперов. Только в октябре 2006 года зафиксировано 36 их нападений. В захваченных МНС наставлениях и видеокассетах для снайперов (а также подобных материалах на арабских Интернет-сайтах) рекомендовалось в первую очередь уничтожать капелланов, санитаров и саперов, чтобы деморализовать противника.

Однако ведущая цель террора — запугать население, заставить его отказаться от сотрудничества с подконтрольной оккупантам властью, предотвратить службу в полиции, создаваемых американцами антипартизанских формированиях. Стратегическая задача — вызвать такую обстановку недовольства присутствием чужаков, чтобы оно переросло во всеобщее восстание. Это подтверждает и структура жертв. Так, в июле 2005-го погибло 59 бойцов МНС, 304 иракских военных и полисменов, 518 мирных граждан.

По подсчетам международных экспертов, с 20 марта 2003 г. до 2005 года в Ираке погибло 28865 мирных жителей. 37% из них стали жертвами МНС, 45% — террора антиамериканского партизанства. Из них 20% — женщины и дети. Атмосфера террористической кампании породила массовый психоз. В сентябре 2005-го слух о возможном взрыве привел к панике, в давке погибло 1800 иракцев!

Опасность угрожает и учреждениям Украины (в Ираке их охраняют сотрудники спецподразделения «А» СБ Украины, «Альфы»). Во исполнение поручения Президента Украины от 10 февраля 2004 года бойцам Управления «А» Департамента защиты национальной государственности и борьбы с терроризмом СБ Украины довелось обеспечивать безопасность сограждан и дипломатического представительства Украины в сложных условиях массивной террористической кампании в Ираке. 21 февраля первая группа добровольцев «Альфы» под командованием первого заместителя ее начальника генерал-майора С. Волкова прибыла в Ирак и приступила к выполнению специальных задач по физической охране персонала и здания посольства Украины.

По данным СБ Украины, за первую половину 2005 года предотвращено 32 теракта и диверсии в зоне ответственности украинских военнослужащих (формально они не имели статуса миротворцев, так как ООН не санкционировала боевые действия в Ираке). Не стоит

сбрасывать со счетов заявление Аль-Каиды в июле 2005 года о намерении перенести террор на территорию держав, пославших свои контингенты в Ирак. Отметим, что из примерно 450 террористических организаций у 40 программные цели затрагивают интересы Украины, а представители примерно 20 из них постоянно «гостят» у нас. Только за первое полугодие 2005 года в Украину запретили въезд 250 иностранцам, подозреваемым в причастности к международным террористическим организациям.

Террористические акции моджахедов достигли важного для экстремистов политического результата. Начало процессу вывода участников МНС положила Никарагуа, отозвав в феврале 2004-го 230 миротворцев. Через два месяца, выполняя предвыборные обещания премьера Х. Сапатеро, ушли 1300 испанских военнослужащих. За ними последовали Доминиканская Республика и Гондурас (по 300 штыков). В июле 2004-го, спасая захваченных боевиками заложников, своих солдат вывели Филиппины. С августа по декабрь страну оставили солдаты Таиланда, Новой Зеландии, Тонга (534 человека), затем — 300 венгерских военнослужащих. Коалиция сократилась с 38 до 27 участников, до конца 2005-го вывод запланировали Италия, Польша (по состоянию на начало 2008 года ее солдаты оставались в стране), Болгария. К октябрю 2005 года в МНС насчитывалось 174 тыс. человек, из них 150 тыс. американцев.

В мае 2005 года в Украину вернулась последняя группа 7-й механизированной бригады. За свою вахту в Ираке они провели 800 конвоев и 4500 патрулирований, изъяли сотни стволов оружия, осуществили сотню гуманитарных акций, оказали медицинскую помощь 5 тыс. иракцев.

Высоко оценил опыт Ирака начальник службы специального назначения Главного управления разведки МО Украины полковник Юрий Серветник (сентябрь 2006 года). Участие в операции «Свобода Ираку», по его словам, показало, в каком направлении следует совершенствовать систему подготовки сил спецопераций с учетом характера современных конфликтов. «Солдаты-контрактники, которые прошли Ирак и продолжили службу в Украине, — наш костяк и надежда на будущее. С этими людьми можно работать, их не нужно заставлять заниматься, поднимать уровень профессионализма, они прекрасно

понимают, насколько это важно для спецназовца... Они научились не просто любым способом выполнять поставленные задачи, но и ценить при этом человеческую жизнь».

Силы спецопераций, подчеркнул «главный спецназовец» ГУР МО, необходимы для участия в миротворческих операциях, демонстрации присутствия, защите граждан за рубежом, иных акциях, отнесенных законодательством Украины к компетенции Вооруженных Сил. И спецназ должен быть надлежащим образом реформирован и подготовлен: «Мы, наконец, должны усвоить истину: армия, которая не воюет, начинает пожирать сама себя, она начинает изгаляться, красить бордюры и листья на деревьях».

Непросто пришлось и 13 советникам из 81-й тактической группы ВС Украины, готовившим кадры для армии, полиции и пограничной полиции Ирака (по сравнению с контингентами других стран, их число было значительно меньшим в расчете на численность обучаемых). Украинцы готовили офицеров нынешней 3-й пехотной бригады 8-й дивизии армии Ирака, заменившей украинскую бригаду в провинции Васит. Наши специалисты руководствовались известным принципом «учить войска тому, что необходимо на войне»: проводить стабилизационные операции, организовывать блок-посты, проводить «зачистки», нейтрализовывать группы повстанцев. Американцы же, вспоминает полковник Петр Скиба, давали подопечным лишь базовые знания на уровне владения стрелковым оружием, «не особо обучая организации работы командных структур, боеспособная и самостоятельная иракская армия американцам не нужна».

Ученики подобрались со слабой подготовкой, представляли в пехотной бригаде все рода войск, включая авиацию, к тому же приходилось обучать их уже по новым для самих украинцев стандартам НАТО. Багдад буквально пачками штамповал старших офицеров, на капитанских должностях оказалась масса мечтающих о генеральских погонах полковников и подполковников, свысока смотревших на украинских инструкторов-майоров. Однако вскоре они поняли, что их профессионализм ниже даже младших офицеров с Украины. В конце-концов подготовленная украинскими советниками бригада под командованием бригадного генерала Мухаммеда Хуайди достойно показала себя

в операции «Рыбачья сеть» в августе 2005 года, сумев взять под контроль захваченный повстанцами аль-Садра город Эль-Кут.

В Ираке сказывается высокий уровень коррупции. Бесследно «исчезло» немало оружия, переданного иракским силам безопасности. Летом 2007 года власти Италии пресекли деятельность группировки, планировавшей совместно с иракскими чиновниками нелегально переправлять в Ирак болгарское оружие – 100 тыс. автоматов АКМ и АКМ-С, 5 тыс. пулеметов ПКМ на сумму \$ 40 млн.

Одним из последствий напряженной партизанской войны стало заметное ухудшение морально-психологического состояния солдат оккупационных войск. Только в 2003 году покончило с собой 23 американца (в 1991-м – 2). Основной причиной суицида называется депрессия. До 400 человек довелось тогда эвакуировать из-за психических расстройств, 2,5 тыс. пройдут специальный курс лечения. Были случаи «самострелов», чтобы вернуться на родину, а свыше 100 женщин-военнослужащих обратились с жалобами на сексуальные домогательства со стороны сослуживцев.

Ухудшается морально-психологическое состояние, падает уровень дисциплины солдат МНС, что вызвано потерями, боевым стрессом (до 100 тыс. случаев в контингенте США), атмосферой постоянного риска, депрессиями, тяжелыми климатическими условиями. В 2003 – 2005 годах среди военнослужащих США зафиксировано свыше 100 случаев отказа выполнять приказы командования. Сократилась численность добровольцев на воинскую службу, в сухопутных войсках США до 30% офицерских должностей оперативно-тактического и тактического звена вакантны. В 2004 – 2005 годах в американской армии отмечено до 5 тыс. случаев дезертирства и обращений к иностранным правительствам держав с просьбой получить статус беженцев, дабы избежать уголовной ответственности в США (до 7 лет лишения свободы и большие штрафы).

По оценкам американских экспертов, финансовые затраты на ведение боевых операций ВС США в Ираке до конца 2006 года достигли \$ 700 млрд (вся Вьетнамская война обошлась в \$ 600 млрд).

Последствия «необъявленной войны» в Ираке (по сути дела, наиболее интенсивной в истории человечества террор-войны) ужасают. К концу 2007 года до 655 тыс. местных жителей погибло, из страны

бежало до 3 млн. граждан, в самом Ираке до 2 млн. людей поменяло места жительства на более безопасные. Только в подконтрольных США тюрьмах находятся до 14 тыс. заключенных, еще около 15 тыс. — в иракских тюрьмах и изоляторах. Около 40% жителей 27-миллионной страны находится за чертой бедности, 50% живет в нищете, почти половина взрослого населения — без работы, инфляция достигла 60%. По данным специального генерального инспектора США по вопросам реконструкции в Ираке, «растворилось» около \$8,8 млрд, выделенных для восстановления государственным ведомствам страны. Примерно седьмая часть добываемой нефти пропадает неучтенной, а диверсии на нефтепромыслах приносят ежегодный ущерб в \$ 6-7 млрд. Правда, США интересуется не столько текущая добыча «черного золота», сколько разведанные его запасы на перспективу (третье место в мире).

По состоянию на 23 августа 2007 года, погибло 3722 и получило ранения 27,5 тыс. военнослужащих армии США, заметные потери понесли на тот момент контингенты Британии (134 убитых), Италии (33), Польши (19), Украины (18), Болгарии (13), Испании (11), пало 30 солдат из других стран. Погибло или было похищено экстремистами около 200 зарубежных журналистов. 8 апреля 2003 года танк «Абрамс» лейтенанта Декамп из 4-й пехотной дивизии армии США расстрелял отель «Палестина», где погиб репортер-украинец Тарас Процюк. По-прежнему основными жертвами остаются гражданские лица. Так, в июне 2007 года погибло 108 военнослужащих МНС (из них 101 американский), 197 иракских полицейских и солдат, 1345 мирных жителей.

Дезинтеграция страны становится очевидной. К началу ноября 2006 года коалиция утратила контроль над западной провинцией Анбар. Дислоцированные здесь американские подразделения фактически заблокированы повстанцами в своих укрепленных лагерях, органы власти парализованы. Суннитское большинство населения провинции, имеющее свои вооруженные формирования, провозгласило в крупнейшем городе провинции Рамади Исламскую Республику. Шииты, компактно сосредоточенные на юге Ирака, тяготеют к созданию самостоятельной проиранской державы. Более чем автономен Курдистан.

Иракская проблема вносит разногласия в отношения между членами НАТО. В марте 2005 года комитет по разведке и безопасности британского парламента признал лживым правительственный доклад «Оружие массового поражения Ирака» от сентября 2002 года. Премьер Тони Блэр признал его заказной и сфабрикованный характер.

Геополитические устремления США по расширению военного присутствия в исламском мире серьезно угрожают единству евроатлантического пространства. Односторонние действия Америки вызвали в 2003 году резко негативную реакцию ряда европейских государств, — особенно в ФРГ и Франции. Их лидеры подчеркивали намерение твердо стоять на позициях примата международного права, приоритетной роли ООН в борьбе с терроризмом. Франция рассматривает англосаксонское лидерство в послевоенном Ираке как прямую угрозу своим интересам и попытку передела сфер экономического влияния. Париж выступает за урегулирование конфликта в рамках международного права на основе резолюции Совета Безопасности ООН и при активном участии Европейского союза. Германия и Франция на Стамбульском саммите НАТО выступили против досрочной передачи власти иракцам и их обращения о помощи к альянсу, не желая втягиваться во внутрииракские раздоры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая библиография истории специальных служб в Украине

1. Безопасность Родины храня. Очерки. – Львов: Каменяр, 1988. – 246 с.
2. Борис Шульженко. Особистість і час. Документи, спогади, матеріали. – К., 2006. – 440 с.
3. *Василик А.* Українська розвідка // Поріг. – 1993. – № 1. – С. 29 – 32; № 2. – С. 31 – 33.
4. Ваш ход, генерал. – К.: Украина, 1991. – 278 с.
5. *Веденєєв Д.* З історії розвідки та військової дипломатії України // Розбудова держави. – 1993. – № 9. – С. 17 – 22.
6. *Веденєєв Д.* З секретною місією // Старожитності. – 1995. – № 3–4. – С.24–27.
7. *Веденєєв Д.В., Букін В.П.* Спеціальні служби в історії Української держави. Навчально-методичний посібник. – К.: Видавництво Національної академії СБ України, 2003. – 60 с.
8. *Веденєєв Д.В., Шевченко С.В.* Українські Соловки. – К.: Екс-Об, 2001. – 208 с.
9. *Веденєєв Д., Кокін С., Лисюк Ю. (упорядники).* З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВС-КДБ [Спецвипуск документів КДБ УРСР до 15-ї річниці аварії на ЧАЕС]. – 2001. – № 1. – 398 с.
10. *Веденєєв Д., Козенюк В., Сердюк С. (упорядники)* // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2000. – № 1. Спецвипуск. [Документи щодо участі органів держбезпеки України у Великій Вітчизняній війні.]
11. *Веденєєв Д.* Звитягу попередників – пам'ятаємо (Історичний нарис про внесок органів державної безпеки України у Перемогу над нацизмом) // Дорогами війни. – К.: Д.О.Н.-97, 2004. – С. 5–16.

12. *Веденєєв Д.В., Биструхін Г.С.* Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА (1920–1945). Монографія. – К.: Генеза. 2006. – 408 с.
13. *Веденєєв Д.В., Биструхін Г.С.* «Повстанська розвідка діє точно і відважно...». Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення ОУН та УПА. 1940–1950-ті роки. – К.: К.І.С., 2006. – 568 с.
14. *Веденєєв Д.В., Биструхін Г.С.* Двобій безкомпромисів. Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945–1980-ті роки: Монографія. – К.: К.І.С., 2007. – 568 с.
15. *Веденєєв Д.В., Будков Д.В.* Юність української дипломатії. Становлення зовнішньополітичної служби України в 1917–1923 роках. Монографія. – К.: К.І.С., 2006. – 312 с.
16. *Веденєєв Д.В.* Одиссея Василя Кука. Военно-политический портрет последнего командующего УПА. – К.: К.И.С., 2007. – 208 с.
17. *Веденєєв Д.В.* Бібліографічний покажчик праць. – К., 2007. – 20 с.
18. В мире спецслужб. «Журнал для профессионалов и интересующихся историей». – К., 2003–2006. – №№ 1–17.
19. Герои незримого фронта. Сборник. – Ужгород: Карпаты, 1978. – 228 с.
20. *Голіченко В.* Вартові революції. Короткий нарис з історії чекістських органів України від часу їх утворення до 1922 р. – К.: Політвидав України, 1966. – 163 с.
21. *Горбатюк В.* Позиція. Публікації, документи, спогади. – К.: ТОВ «УВПУ Екс об», 2005. – 208 с.
22. З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВС-КДБ. Фахове історико-документальне періодичне видання (виходить з 1994 р.)
23. З історії розвідки та контррозвідки України. 1918–1919. Збірник документів і матеріалів. *За редакцією В.С.Сідака. Упорядники Д.В.Веденєєв, О.А. Стаднік.* – К.: Академія СБ України, 1996. – 182 с.
24. З історії спеціальних служб України (1918–1920 рр.). Збірник документів і матеріалів. *За редакцією В.С.Сідака, О.М.Пшеннікова. Упорядники Д.В.Веденєєв, О.А. Стаднік.* – К., 1999. – 74 с.

25. «Закордот» в системі спецслужб України. Збірник документів. – К.: Вид НА СБ України, 2000. – 189 с.
26. Из когорты отважных. Сборник. – Ужгород: Карпаты, 1987. – 253 с.
27. *Куманев Г.А., Чайковский А.С.* Чекисты стояли насмерть. – К.: Политиздат Украины, 1986. – 237 с.
28. *Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В.* Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918 – 1922). – К.: Политиздат Украины, 1971. – 392 с.
29. *Мищенко Г.П., Мигрин Г.П.* Задача особой важности (Партизанская разведка. 1941 – 1945 гг.). – К.: Вища школа, 1985. – 206 с.
30. *Мечник С.* У боротьбі проти московської агентури. – Мюнхен: Українське видавництво, 1980. – 176 с.
31. *Мечник С.* Від оприччини до КДБ. – Мюнхен: Українське видавництво, 1982. – 242 с.
32. *Мудрик-Мечник С.* Служба безпеки революційної ОУН у боротьбі з НКВС-НКДБ-МДБ-КДБ. – Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ обласного управління преси, 1994. – 132 с.
33. *Мудрик-Мечник С.* Вивчаємо ворога: Доповіді, лекції, роздумування і спомини. – Мюнхен: Українське видавництво, 1989. – 317 с.
34. На защите революции. Из истории Всеукраинской ЧК. 1917–1922. Сборник документов. – К.: Политиздат Украины, 1971. – 392 с.
35. На сторожі незалежності держави: 10 років СБ України. – К., 2002.
36. *Нездоля А.И.* Две эпохи генерала госбезопасности. – Донецк: Каштан, 2006. – 400 с.
37. *Окіпнюк В.Т.* Державне політичне управління УСРР (1922 – 1934). – К., 2002. – 290 с.
38. *Пилипчук В.Г.* Військова контррозвідка: організаційно-правове забезпечення її становлення в УРСР (1917-1922 рр.). – К.: НА СБ України, 2002. – 170 с.
39. Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ – ХХ ст. Історичні нариси. – К.: Наукова думка, 2002. – 890 с.
40. *Пристайко В. І., Шаповал Ю.І.* Михайло Грушевський. «Справа УНЦ» і останні роки (1931–1934). – К.: Критика, 1999. – 351 с.
41. Розвідка і контррозвідка України. 1917–1921 рр. Збірник документів і матеріалів. За редакцією *В.С.Сідака*. Упорядники *Д.В.Веденєєв, О.А.Стаднік*. – К.: Ін-т підготовки кадрів СБ України, 1995. – 167 с.
42. *Сідак В.С., Степанков В.С.* З історії розвідки та контррозвідки України (Нариси). – К.: Академія СБ України, 1995. – 216 с.
43. *Санников Г.З.* Большая охота. Разгром националистического подполья в Западной Украине. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2002. – 512 с.
44. *Сідак В.С.* Спецслужби України часів національної революції 1917–1920 рр. Навчальний посібник. – К.: Ін-т підготовки кадрів СБ України, 1994. – 185 с.
45. *Сідак В.С.* Контррозвідка останнього гетьмана: Нарис. – К.: Ін-т підготовки кадрів СБ України, 1995. – 50 с.
46. *Сідак В.С.* Повстансько-Партизанський Штаб Державного Центру УНР в еміграції (1921 р.). – К.: Академія СБ України, 1995. – 66 с.
47. *Сідак В.С.* Національні спецслужби в період Української революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). – К.: Альтернативи, 1998. – 320 с.
48. *Сідак В.С., Вронська Т.В.* Спецслужба держави без території: люди, події, факти. Військова розвідка та контррозвідка ДЦ УНР в екзилі 1926 –1936 рр. – К.: Темпора; Видавництво Національної академії СБ України, 2003. – 240 с.
49. *Сідак В.С., Вронська Т.В.* Визвольні змагання очима контррозвідника (документальна спадщина М. Чеботаріва). – К.: Темпора, 2003. – 288 с.
50. *Сідак В.С., Козенюк В.О.* Революцію назначить... Експорт революції в операціях советских спецслужб. – К.: Генеза, 2004. – 248 с.
51. Служба безпеки України: становлення, досвід, пріоритети діяльності. Науково-популярне видання. – К., 2007. – 192 с.
52. Со шитом и мечом. Очерки и статьи. – Львов: Каменяр, 1988. – 205 с.
53. *Табачник Д., Веденєєв Д.* Репрезентанти Війська Українського // Військо України. – 1993. – № 2–3. – С. 94–100.
54. *Тимошук О.В.* Охоронний апарат Української Держави (квітень – грудень 1918 р.). – Харків, 2000. – 462 с.
55. *Фомин Ф.* Записки старого чекиста. – М., 1962. – 205 с.

56. *Чайковський А.С., Щербак М.Г.* За законом і над законом. З історії адміністративних органів і поліцейсько-жандармської системи в Україні (ІХ – початок ХХ століття). – К.: Україна, 1996. – 269 с.
57. *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК-ГПУ-НКВС в Україні: особи, факти, документи. – К.: Абрис, 1997. – 608 с.
58. *Шаповал Ю.І., Золотарьов В.А.* Всеволод Балицький. Особа, час, оточення. – К.: Стилос, 2002. – 468 с.
59. *Шевченко О.І.* Органи державної безпеки Київщини. 1917 – 2006. – К.: Адіа принт, 2006. – 479 с.
60. Шляхами чекістської долі. Збірник. – К.: Політвидав України, 1988. – 271 с.
61. *Ярмиш А.Н.* Наблюдают неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце ХІХ – начале ХХ веков. – К.: Юринформ, 1992. – 186 с.

Д.В. Веденєєв. Одиссея Василя Кука.
Воєнно-політичний портрет останнього командувача УПА. Рос. мова. 208 стор.

Ціна 27.00 грн

У науково-популярній праці на основі широкого кола невідомих читачській аудиторії документів уперше подається повний нарис драматичного життя й військово-політичної діяльності знаного діяча українського національно-визвольного руху, останнього командувача Української повстанської армії і лідера збройного підпілля ОУН в Західній Україні В.Кука. Біографія генерал-хорунжого УПА Василя Степановича Кука – це водночас і історія тридцятирічної боротьби за свободу України, і захопливий пригодницький сюжет, гідний пера романиста та кінорежисера. Вільна від ідеологічних акцентів книжка буде цікава всім, хто захоплюється воєнною історією нашої Вітчизни, біографіями борців за волю України.

Д.В. Веденєєв, Г.С. Биструхін
«Повстанська розвідка діє точно й відважно...»
Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення Організації українських націоналістів та Української повстанської армії. 1940–1950-ті роки. 568 стор.

Ціна 50.00 грн

У монографії проаналізовано джерельну базу дослідження історії розвідувальної та контррозвідувальної діяльності руху українських націоналістів та УПА. Вперше оприлюднено низку документів Державного архіву СБ України, які характеризують творення спеціальних підрозділів в ОУН та УПА, їх розвідувальну, контррозвідувальну, оперативно-бойову діяльність, особливості кадрового складу. Автори визначили основні історичні типи спецпідрозділів українського націоналістичного руху, висвітлили стан публікації документів згаданих структур, дали оцінку фондам центральних державних архівів України, Державного архіву СБ України як важливих джерел з вивчення «таємного фронту» такого складного феномену вітчизняної історії, яким були збройні змагання під політичним проводом Організації українських націоналістів. Окремий розділ праці містить біографії чільників руху ОУН та УПА в Україні в світлі документів органів держбезпеки.

Червоний терор. Історія сталінізму
Йорг Баберовскі. Переклад з нім. 280 стор.

Ціна 25.00 грн

Сталінізм як явище історії, позначене страхіттями репресій, депортацій та масовим знищенням людей, вивчений ще недостатньо. Лише після відкриття архівів бачення радянської історії почало поступово змінюватися. Тридцятилітній період комуністичної деспотії, який збігається з роками правління Сталіна, мав ознаки модерної автократії, яка насильство над власним населенням розгорнула до апокаліптичних масштабів. Книжка берлінського історика розповідає про сталінізм як систему організованого державного терору проти населення, систему, що постала в насильстві і репресіях, систему, в якій масовий терор завершився разом з її кінцем – смертю Сталіна. Йорг Баберовскі розглядає анатомію сталінського насильства та пропонує нові інтерпретації сталінізму. Книжка є цікавим і переконливо аргументованим поглядом на найпохмуріший період історії Радянського Союзу.

Мала історія України
Андреас Каппелер. Переклад з нім. 264 стор.

Ціна 35.00 грн

Цю книжку видатний історик, іноземний член Національної академії наук України Андреас Каппелер написав на замовлення мюнхенського видавництва “Бек” з метою ознайомити західних європейців з народом новопосталої держави, її історією та сучасністю. Для українського читача це не просто посібник з історії – “погляд ззовні” дозволив по-новому розставити деякі акценти та висвітлити окремі проблеми. Багаторічний досвід досліджень етнічних меншин і національних рухів обумовив особливості книжки. Автор інтегрував в українську історію поляків, росіян, євреїв, німців. Відмова від зосередження на історії етнічних українців повинна посилити поняття політичної або громадянської державної нації, закріплене в Конституції України. Повернення до багатоетнічної політичної нації, на думку автора, повинно стати засобом для подолання численних сучасних конфліктів і зміцнення молоді української демократії.

Історична освіта і сучасність
Як викладати історію школярам і студентам. 428 стор.

Ціна 19.00 грн

Збірник статей польських істориків і педагогів «Історична освіта та сучасність», присвячений одному з корифеїв історичної дидактики Адаму Сухонському, є змістовним і повчальним як приклад роздумів над суттю й характером історичної освіти. В книжці йдеться про доволі прості, але далеко не однозначні питання: чому має вчити досвід минулого? як саме вчити? на яких прикладах? Автори статей-«відповідей» – не лише визнані науковці, а й педагоги-практики, стурбовані проблемами практичного впровадження у навчальний процес останніх здобутків історичної науки.

Хронологія мовних подій в Україні
Кубайчук Віктор 176 стор.

Ціна 10.00 грн

У книжці стисло відбито культурні, освітні, політичні, мистецькі події, що так чи так вплинули на розвиток та побутування української мови й становлять кістяк її зовнішньої історії, найголовніші ключові події, згадано найвизначніші постаті, найважливіші освітні заклади, наукові інституції, видавництва, культурні осередки, періодичні видання. Інформацію супроводжують посилання на джерела, що дає змогу користуватися книжкою як бібліографічним довідником. У додатках подано перелік словників, виданих в Україні протягом 1917 – 1948 років, та документи, що свідчать про специфічну діяльність офіційних мовознавчих та освітніх інституцій.

Хто є хто в Україні
1136 стор.

Ціна 98.00 грн

Вміщено майже 9 000 біографічних довідок відомих державних та громадських діячів – народних депутатів України останніх скликань, керівників центральних і регіональних органів виконавчої влади та місцевого самоврядування, суддів, дипломатів, керівників і активістів партій та громадських організацій, релігійних діячів, відомих журналістів, науковців і освітян, керівників великих підприємств.

Дмитро Веденєєв

Український фронт у війнах спецслужб

Історичні нариси

(російською мовою)

Підписано до друку 8.05.2008. Формат 60x84 1/16.

Папір офсетний. Друк офсетний.

Умов. друк. арк. 25,11.

Видавництво «К.І.С.»

04080 Київ-80, а/с 1, тел. (044) 462 52 69,

www.books.dovidka.com.ua

Свідоцтво про внесення до державного реєстру

суб'єктів видавничої справи

ДК, №677 від 19.11.2001 р.

Надруковано ЗАТ "Віпол"

ДК №752

м.Київ, вул. Волинська, 60

Зам. №8-803К

Веденев Дмитрий Валерьевич родился в 1967 году. Закончил с отличием исторический факультет и аспирантуру Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник.

Начальник кафедры оперативного искусства и истории специальных служб Национальной академии Службы безопасности Украины. Член Научно-методической комиссии СБ Украины, специализированного ученого совета по военной истории Национальной академии обороны Украины. Автор и соавтор 25 монографий, научно-документальных изданий, учебных пособий, 300 статей по истории дипломатии, разведки и контрразведки, повстанческих движений XX столетия.

Награжден орденом «За заслуги» III степени, медалями, знаком отличия Национальной академии СБ Украины.

«Известный историк Веденев в соавторстве с полковником КГБ, «афганцем» и каратистом Быструхиным написал труд о контрах ОУН-УПА с КГБ в послевоенный период. Авторы благоразумно воздержались от идеологических пассажей – приведенные факты уникальны и без политконтекста»

Андрей Курков
Журнал «Фокус», 15/06/2007

«Кожна з книг, що виходила з-під пера Дмитра Веденеєва, відразу ставала непересічною подією не лише в історичних колах, а й у суспільстві.

Дмитро Веденеєв зробив справді вагомий внесок у висвітлення важливої сторінки нашої минувшини – складної, неоднозначної, героїчної і водночас трагічної, але без об'єктивного вивчення якої подальший цивілізаційний поступ українського суспільства демократичним шляхом є дуже проблематичним»

Роман Росляк
Газета «Народна армія», 27/08/2007

«Дмитро Веденеєв є автором не однієї сотні статей та кількох книг з історії спецслужб та визвольних змагань у XX столітті. Впевнений, що попереду в нього ще чимало здобутків в такій важливій науковій царині.

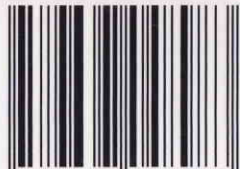
Книги є неоціненним внеском в поширення історичної правди про боротьбу українського народу під егідою ОУН, УПА та УГВР»

Олександр Панченко
Газета «Свобода» (США), 17/08/2007

«Одне слово, Д.Веденеєв своїми останніми науковими працями ще раз засвідчив, що коли історик неупереджено підходить до висвітлення історичної події, тоді вона розглядається у багатомірному просторі»

Микола Чіпко
Газета «Українське слово», 28/11/2007

ISBN 978-966-7048-98-3

9 789667 048983 >